Г 43
240

ГОДЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

1917
—
1918

E 43 240

ГОДЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

(1917—1918 г.г.)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

А. Н. Бахъ, М. В. Вишнякъ, Ф. А. Даниловъ, А. А. Мининъ, О. С. Миноръ, А. А. Николаевъ, Г. К. Покровскій, Д. С. Розенблюмъ, В. В. Рудневъ, Г. А. Сандомирскій, В. Ф. Сахаровъ, Н. В. Святицкій, П. Н. Фабричный, Б. Н. Черненковъ, В. М. Черновъ.

5150

Московское издательство „ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“.

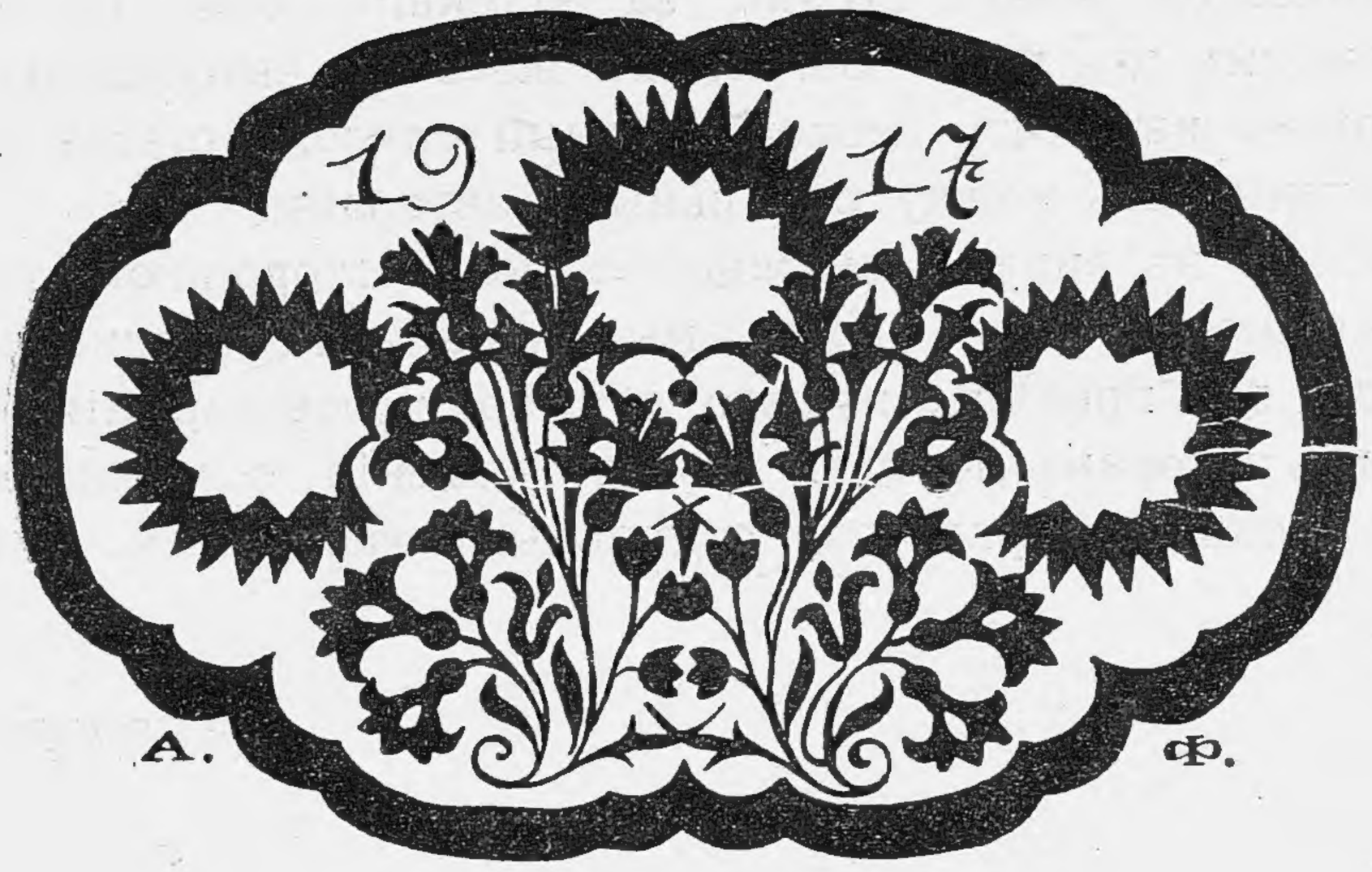
МОСКВА.—1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№_____ г.

№ 9552
31-V-1931

БИБЛИОТЕКА

ТИПОГРАФІЯ М.И.
СМИРНОВА.
ПОДЪ ФИРМОЙ „МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"
МОСКВА. ВАГАНЬКОВСКІЙ 5



Какъ бы ни окончилась для Россіи внѣшняя война и внутренняя анархія, удастся ли ей вернуть утраченное положеніе и сохранить завоеванія революціи, или же ей предстоитъ вынести новые удары,—1917-й годъ въ ея историческихъ судьбахъ будетъ всегда почитаться роковымъ. За этотъ годъ народами Россіи пережитъ такой сдвигъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ отношеній, который наложитъ свою печать на многіе вѣка ея будущей исторіи. Политики, историки, соціологи много трудовъ положатъ на то, чтобы выяснить причинную зависимость разыгравшихся въ годъ революціи катастрофическихъ событій. Но и намъ, современникамъ, продолжающимъ борьбу за наши идеалы, необходимо оглянуться назадъ и дать себѣ отчетъ въ происходящемъ для того, чтобы опредѣлить направленіе нашей дѣятельности въ измѣнившейся обстановкѣ.

Это соображеніе руководило нами при изданіи настоящаго сборника. Выпуская его, редакція не претендуетъ на

сколько нибудь исчерпывающую обработку темы. Мы пытались дать обзоры по главнѣйшимъ вопросамъ соціальной и политической жизни страны за истекшій годъ. Но по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ мы вынуждены были нѣсколько измѣнить первоначальный списокъ статей и распредѣленіе ихъ между отдѣльными авторами.

Имѣя въ виду возможно болѣе всестороннюю оцѣнку переживаемой нами эпохи, мы считали необходимымъ, не выходя за предѣлы нашего общаго міровоззрѣнія, предоставить авторамъ полную свободу сужденія, оставляя на ихъ отвѣтственности трактовку отдѣльныхъ частностей.

Редакція.

Революція и соціализмъ.

I.

Мы, россійскіе соціалисты, долго ждали пришествія Революціи, мы въ мѣру нашихъ силъ—объективно говоря, весьма скромныхъ—готовили ее и готовились къ ней. А когда она пришла, мы были застигнуты врасплохъ и послѣ кратковременной свѣтлой радости, объединившей почти все населеніе страны въ праздноваиіи всероссійскихъ именинъ сердца, мы оказались передъ неизвѣстной величиной, огромной и страшной. Произошло это оттого, что грядущую революцію мы главнымъ образомъ мыслили, какъ отрицаніе, какъ свержеиіе всѣмъ опостылѣвшаго, исторически изжитаго самодержавія. И даже такой вопросъ міровой важности, какъ вопросъ о теперешней войнѣ, мы разсматривали опять-таки, главнымъ образомъ, въ плоскости его отношенія къ самодержавію. Шли безконечные, часто весьма острые споры между оборонцами и противуоборонцами. Послѣдніе упрекали первыхъ въ томъ, что, пріемля войну, идя рука объ руку съ царскимъ правительствомъ, они укрѣпляютъ самодержавіе и отдаляютъ наступленіе революціи. А оборонцы утверждали, что организація общественныхъ силъ страны для активной обороны неминуемо приведетъ къ столкновенію, роковому для быстро разлагающагося самодержавія. Не стану разбирать, кто оказался правъ, кто неправъ,—дѣло прошлое. Настолько прошлое, что волею судебъ ряды смѣшались. Но едва ли кто станетъ отрицать, что необходимость свергнуть самодержавіе въ значительной степени заслоняла отъ нашего взора дальнѣйшія задачи революціи и мѣшала намъ составить себѣ о нихъ ясное, опредѣленное, дѣйственное представленіе.

Самодержавіе пало. А дальше? Дальше по росписанію выходилъ намъ буржуазно-демократическій строй. Соціалъ-демократы выводили это изъ марксистской схемы эволюціи капиталистическаго общества, каковой эволюціи полагается, какъ извѣстно, протекать съ «неумолимостью естественно-историческаго закона». Въ Западной Европѣ развитіе капиталистическаго хозяйства привело къ установленію буржуазно-демократическаго строя. Россія стала на путь капиталистическаго производства. Слѣдовательно, Россіи предстоитъ пройти черезъ буржуазно-демократическій строй. Россійская буржуазія въ лицѣ ея культурныхъ слоевъ весьма охотно принимала марксистскій силлогизмъ и считала себя законной наслѣдницей самодержавія. Что же касается соціалистовъ-революціонеровъ, то они частью пребывали въ сомнѣніи, частью молчаливо соглашались на буржуазно-демократическій строй. А были и такіе, которые довольно даже громогласно требовали водворенія этого строя.

И вдругъ вышелъ Ѳедотъ, да не тотъ. Революція всколыхнула самыя глубокія толщи народныхъ массъ и сразу же выдвинула такіе лозунги, которые выходили далеко за предѣлы буржуазно-демократическаго строя обычнаго типа. Именно потому, что лозунги эти были выраженіемъ жизненныхъ интересовъ огромнѣйшаго большинства трудовыхъ массъ, сила ихъ оказалась неотразимой и смела съ политической арены претензіи буржуазныхъ слоевъ на господство. Правда, умудренные идеологи и практики буржуазіи не скрываютъ своей увѣренности въ томъ, что ихъ часъ придетъ, что политическое господство дастся имъ само собою, когда народныя массы, возбуждаемыя соціалистами («шайкой авантюристовъ» то же) въ достаточной степени перебѣсятся. Такъ было, такъ будетъ! Но мнѣ кажется, что упомянутые идеологи и практики, съ одной стороны, весьма заблуждаются насчетъ общественнаго удѣльнаго вѣса россійской буржуазіи, съ другой стороны, не дооцѣниваютъ того могучаго сдвига въ сторону новыхъ формъ общественной и хозяйственной жизни, отъ котораго трещатъ всѣ основы стараго строя. Ихъ расчеты и выкладки очень рискуютъ оказаться несоотвѣтствующими дѣйствительности.

Въ то время какъ буржуазія, ссылаясь на опытъ Западной Европы, учитывала въ свою пользу совершившійся переворотъ, соціалистическія партіи оказались въ большомъ затрудненіи, такъ какъ создавшееся въ Россіи положеніе нельзя было подвести ни подъ какую схему, построенную на опытѣ народовъ. Если-бы революція произошла на верхахъ при болѣе или менѣе безучастномъ отношеніи широкихъ трудовыхъ массъ, соціалистическія партіи усмотрѣли-бы въ этомъ подтвержденіе принятыхъ схемъ, подчинились-бы «неумолимому закону» и стали-бы тянуть канитель своихъ программъ-минимумъ. Въ дѣйствительности же трудовыя массы очень энергично отозвались на революцію, которая не только открыла широкія соціальныя возможности, но и властно, настойчиво потребовала отъ соціалистовъ использованія ихъ, потребовала отъ соціалистовъ творческой соціальной работы. Какъ реагировали соціалистическія партіи на эти требованія?

Правые марксисты, соціалъ-демократы меньшевики, искони были нрава тихаго, и правовѣрный марксизмъ былъ для нихъ «подушкой лѣни», на которой покоились ихъ головы въ ожиданіи естественно-историческаго пришествія соціалистическаго строя. По марксистскому догмату, идеологи соціализма не могутъ измѣнить ходъ совершающагося историческаго процесса и воздѣйствіе ихъ сводится въ луч-

шемъ случаѣ къ облегченію муки родовъ новаго строя. Обладая готовыми и исчерпывающими отвѣтами на всѣ случаи жизни, меньшевики, естественно, склонны принимать неизвѣстное за извѣстное, вслѣдствіе чего все то новое, неожиданное, что носитъ въ себѣ русская революція, прошло мимо нихъ. Въ политическомъ отношеніи они вынуждены плестись въ хвостѣ другихъ партій, и ихъ значеніе, какъ руководящей идейной силы, теперь равняется приблизительно нулю. Если ихъ партійной звѣздѣ и суждено подняться вновь надъ горизонтомъ, то не иначе, какъ въ сопряженіи со звѣздой буржуазіи. Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что соціалъ-демократы меньшевики—скрытно буржуазная партія. Я указываю только на то, что марксистскій меньшевизмъ мыслимъ лишь на фонѣ буржуазнаго строя, какъ его антиподъ.

Совсѣмъ иначе повели себя соціалъ-демократы большевики. Въ противоположность своимъ братьямъ-врагамъ, меньшевикамъ, они всегда отличались буйнымъ нравомъ, и изъ ортодоксальнаго марксизма они незыблемо усвоили себѣ лишь то общее положеніе, что всякая идеологія есть *надстройка*, т.-е., нѣчто съ самимъ зданіемъ органически не связанное, ни къ чему особенному не обязывающее. Въ силу какой игры природы большевики, несомнѣнно обладающіе активно-революціоннымъ темпераментомъ, упорно считали себя истинно и единственно ортодоксальными марксистами, т.-е. наименѣе революціонными изъ соціалистовъ, для меня всегда было загадкой. Со времени своего появленія на свѣтъ партія соціалъ-демократовъ большевиковъ носитъ въ своихъ нѣдрахъ это «внутреннее противорѣчіе», катастрофическое вскрытіе котораго повергло въ изумленіе и смятеніе весь цивилизованный міръ.

Революція застала большевиковъ въ разгаръ ихъ бѣшеной кампаніи за немедленный миръ, за миръ во что бы то ни стало. Если вначалѣ у нихъ и были сомнѣнія насчетъ характера совершающейся революціи, то здоровое революціонное чувство не замедлило подсказать имъ, что на прокрустово ложе марксистской догмы ее не уложишь. Всякая ли идеологія является надстройкой, я рѣшать не берусь. Но что у большевиковъ правовѣрно-марксистская идеологія была такой надстройкой, которую они безъ малѣйшаго колебанія ломали и перестраивали, это не подлежитъ сомнѣнію. И это я не только не ставлю имъ въ укоръ, а, наоборотъ считаю съ ихъ стороны въ высшей степени похвальнымъ. Уносимые своимъ революціоннымъ темпераментомъ, они не только присвоили себѣ с.-ровскую программу соціализаціи земли, **но** и пошли гораздо дальше, пошли до конца! Кто-же не знаетъ, что мы имѣемъ до сихъ поръ невиданное и неслыханное счастье жить въ соціалистической республикѣ? Правда, говорятъ еще о «рабоче-крестьянской республикѣ» и о «рабоче-крестьянскомъ правительствѣ». Но это уже анахронизмъ. Крестьяне существуютъ только по названію, а въ дѣйствительности есть пролетаріатъ, взявшій въ свои руки диктатуру и передовѣрившій ее Ленину. Ибо за 8 мѣсяцевъ революціи 80 милліоновъ крестьянъ успѣли продѣлать всю буржуазно-капиталистическую эволюцію, т.-е. символически выварились въ фабричномъ котлѣ, уготованномъ для нихъ марксистской догмой, и передѣлали свои черепа изъ анти-коллективистскихъ въ закономѣрно-соціалистическіе... Много лѣтъ тому назадъ Г. В. Плехановъ, который въ числѣ другихъ качествъ, обладаетъ прозорливостью мудреца, предсказалъ главарю теперешняго большевизма, Ленину, что онъ въ концѣ-концовъ приметъ программу соціалистовъ-революціонеровъ.

Но что въ лѣто отъ Р. Х. 1918-ое Ленинъ будетъ вводить въ Россіи «полнымъ паромъ» интегральный соціализмъ, этого самъ Плехановъ не предвидѣлъ, да и никто другой предвидѣть не могъ.

Если с.-д. меньшевики укрылись отъ революціи въ свою надстройку, а с.-д. большевики въ честь революціи разнесли въ дребезги свою, то соціалистамъ-революціонерамъ выпала въ смыслѣ соотвѣтствія ихъ идеологіи съ фактами счастливая доля. Имъ ни отъ чего не нужно было укрываться, ничего не нужно было ломать. Ихъ исконные лозунги стали лозунгами русской революціи. Они никогда не дѣлали себѣ фетиша изъ марксистской схемы эволюціи капиталистическаго общества и отказывались признавать за неумолимый естественно-историческій законъ то, что съ точки зрѣнія научной методологіи едва могло претендовать на званіе гипотезы. Должно ли общество пройти черезъ всѣ фазы капитализма раньше, чѣмъ прійти къ соціализму? Проблема слишкомъ сложна, слишкомъ много въ ней неизвѣстныхъ, чтобы рѣшеніе ея носило характеръ научной обязательности. Въ противовѣсъ марксистской догмѣ автоматическаго водворенія соціализма путемъ разрѣшенія внутреннихъ противорѣчій капитализма русская соціалистическая мысль, носителями которой являются теперь соціалисты-революціонеры, выдвинула принципъ творческой роли личности. Исторія дѣлается не гдѣ-то за спиною людей, а самими людьми. Поскольку дѣйствіе ихъ разума и воли находится въ соотвѣтствіи съ объективными данными мѣста и времени, они являются факторами историческаго процесса и воздѣйствуютъ на объективныя условія въ неменьшей степени, чѣмъ сами подвергаются ихъ воздѣйствію. Соціалисты-революціонеры, конечно, не отрицаютъ того, что капитализмъ организуетъ и развиваетъ производительныя силы общества и автоматически ведетъ къ обобществленію труда, хотя и чрезвычайно дорогой для трудовыхъ массъ цѣною. Но этой организаціи новыхъ формъ хозяйственной и общественной жизни *сверху* они противуставляютъ планомѣрную организацію ихъ *снизу* тамъ, гдѣ объективныя условія представляютъ къ этому возможность. Такую возможность соціалисты-революціонеры усматриваютъ въ области русскихъ земельныхъ отношеній. Ихъ проектъ соціализаціи земли вовсе не есть попытка ввести соціализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Его задача—оріентировать объективныя условія такъ, чтобы крающаяся въ нихъ возможность общественнаго производства на основѣ еще существующаго общиннаго владѣнія землею могла получить свое осуществленіе путемъ организаціи. Чтобы создать прочную основу для общественнаго производства, проектъ расширяетъ понятіе общиннаго владѣнія землею и возвышаетъ его до соціалистическаго принципа полной отмѣны частной собственности на землю, какъ средства производства. Но отмѣна частной собственности на землю, націонализація земли, еще не предрѣшаетъ вопроса о формахъ пользованія землею. Націонализація земли вполнѣ совмѣстима съ капиталистической эксплуатаціей ея. Поэтому проектъ считаетъ необходимымъ закрѣпить трудовое начало въ земельныхъ отношеніяхъ, установивъ, какъ незыблемый законъ, передачу земли только трудящимся на ней и только на правахъ уравнительнаго пользованія ею въ качествѣ переходной ступени къ болѣе высокимъ формамъ общественнаго пользованія землею и общественнаго производства.

Въ эпоху ея возникновенія аграрная программа соціалистовъ-революціонеровъ вызвала не только критику, что было вполнѣ законнымъ, но и злостные нападки со стороны соціалъ-демократовъ. Осо-

бенно злобствовали Ленинъ и иже съ нимъ. Но жизнь подтвердила правильность идеологическихъ построеній соціалистовъ-революціонеровъ, и теперь Ленинъ, объявивъ послѣднихъ врагами народа и защитниками помѣщиковъ противъ крестьянъ, цѣликомъ присвоилъ себѣ ихъ программу. Очевидно, пролетарская святость Ленина совершила чудо, претворивъ мелко-буржуазную программу въ соціалистическую.

II.

Тутъ возникаетъ такой вопросъ: почему партія соціалистовъ-революціонеровъ, вѣрно предугадавшая соціальное содержаніе революціи, партія, являющаяся идейной выразительницей интересовъ огромнаго большинства трудовой массы, не удержалась на той высотѣ, куда она была вознесена революціонной волной? Причинъ на это много, но я отмѣчу только главнѣйшія изъ нихъ.

Прежде всего приходится указать на то, что за все время своего существованія партія с.-р. подвергалась жесточайшимъ преслѣдованіямъ со стороны царскаго правительства. Казни, каторга и ссылка непрерывно опустошали ряды партійныхъ организацій и свели нанѣтъ цѣлыя поколѣнія партійной интеллигенціи. Въ то время какъ организаціонные кадры соціалъ-демократическихъ партій несли сравнительно небольшія потери и, укрѣпившись на мѣстахъ, не теряли контакта съ партійными массами, наши организаціонные кадры сводились въ послѣднее десятилѣтіе къ немногочисленнымъ группамъ, прозябавшимъ въ подполья. Когда разразилась революція и сразу же пошла подъ знакомъ партіи с.-р., передъ этими малочисленными, организаціонными кадрами стала титаническая задача: идейно и организаціонно воздѣйствовать на необъятное, чисто стихійное движеніе массъ въ направленіи с.-р. идей и въ то же время взять на себя политическое руководство страной въ соотвѣтствіи съ тѣмъ значеніемъ, которое партія пріобрѣла въ силу революціоннаго сдвига народныхъ массъ. Что при всемъ своемъ стараніи партійная организація не могла справиться со стоявшей передъ ней задачей, это было неизбѣжно.

Но, несмотря на свою малочисленность, наша партійная организація, имѣвшая за собой широкія массы, могла бы сыграть рѣшающую роль въ революціи, если бы она была спаяна единствомъ идеи, безъ котораго невозможно единство дѣйствія. Но идейнаго единства у насъ не было. И чрезвычайно отягчающимъ обстоятельствомъ было тутъ то, что наши идейныя разногласія перестали носить академическій характеръ, что отъ рѣшенія спора въ ту или иную сторону зависѣла вся политика партіи, а, можетъ-быть, и участь страны. Это отсутствіе идейнаго и дѣйственнаго единства въ партійной организаціи по всѣмъ наиболѣе злободневнымъ вопросамъ было причиной слабости и нерѣшительности партійной политики. А слабость и нерѣшительность залогомъ успѣха, особенно въ революціонныя эпохи, никогда не бываютъ. Роковыя послѣдствія имѣло отсутствіе послѣдовательной политики партіи въ кардинальномъ пунктѣ революціи, въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ.

Въ вопросѣ о пріятіи или непріятіи войны руководящая партійная организація по внѣшности заняла среднюю позицію, но въ дѣйствительности, благодаря вліятельности въ ней противуоборонческихъ элементовъ, господствующая окраска ея была «интернаціо-

налистской» въ спеціально-русскомъ пониманіи этого слова. Въ силу этого руководящая организація подъ предлогомъ сохраненія единства партіи долго не рѣшалась отмежеваться отъ, такъ-называемаго, «лѣваго теченія», которое все болѣе и болѣе уклонялось въ сторону большевиковъ. При такихъ обстоятельствахъ правительственная политика партіи въ вопросѣ о войнѣ не могла отличаться ясностью. Если бы она опредѣленно держала курсъ на оборончество, ей несомнѣнно удалось бы ограничить, или по крайней мѣрѣ отсрочить развалъ арміи. Но отсутствіе твердаго руководящаго принципа не только внесло разложеніе въ ряды партіи, но и лишило ее возможности оказать направляющее вліяніе на ходъ событій.

По отношенію къ союзникамъ Временнымъ Правительствомъ вопросъ никогда не былъ поставленъ въ опредѣленной категорической формѣ: или согласитесь въ принципѣ на демократическій миръ, или мы будемъ вынуждены распустить армію, такъ какъ продолжать войну при неясности цѣлей ея мы не можемъ да и не желаемъ. Наша партійная организація, которая при случаѣ умѣла ставить ультиматумы Временному Правительству, въ вопросѣ о мирѣ никакой иниціативы не проявила.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ причины, въ силу которыхъ партія с.-р. не въ состояніи была использовать свое господствующее вліяніе въ странѣ. Правильно или неправильно я оцѣниваю эти причины, но фактъ совершился: большевики силою оружія захватили власть и, захвативши, объявили диктатуру пролетаріата и стали ускореннымъ темпомъ насаждать въ Россіи соціалистическій строй. Русская революція несомнѣнно вступила въ новый фазисъ. Но знаменуетъ ли этотъ фазисъ вступленіе русскаго общества на путь дѣйствительнаго, а не призрачнаго соціализма? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ нужно подвергнуть дѣятельность «рабоче-крестьянскаго правительства» оцѣнкѣ съ точки зрѣнія тѣхъ основныхъ положеній, которыя характеризуютъ соціализмъ, какъ соціалогическое ученіе, и которыя являются обязательными для всякаго соціалиста.

Прежде всего установимъ теперешнюю идеологію большевизма, поскольку она отразилась въ рѣчахъ его великаго жреца и пророка Ленина.

Въ своемъ обращеніи къ «населенію» предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Ульяновъ (Ленинъ) преподалъ слѣдующее вполнѣ опредѣленное наставленіе: «Товарищи рабочіе, солдаты, крестьяне и всѣ трудящіеся, берите на мѣстахъ всю власть въ руки своихъ совѣтовъ. Берите, храните, какъ зеницу ока, землю, хлѣбъ, фабрики, орудія, продукты, транспортъ—все это отнынѣ будетъ всецѣло вашимъ общественнымъ достояніемъ».

Уже изъ этого обращенія явствуетъ, что по мысли Ленина отъ капиталистическаго строя въ Россіи не должно отнынѣ остаться камня на камнѣ. Но если крушеніе капитализма имѣетъ совершиться сегодня, то необходимо предположить, что русское капиталистическое общество уже продѣлало всю ту эволюцію, въ результатѣ которой должно получиться это самое крушеніе. А между тѣмъ всякій малограмотный человѣкъ знаетъ, что никакой такой эволюціи у насъ не было, что вмѣсто высокоразвитыхъ производительныхъ силъ у насъ имѣется почти пустое мѣсто, что вмѣсто организованнаго, высокосознательнаго пролетаріата мы имѣемъ красногвардейцевъ, матросовъ и латышскихъ стрѣлковъ, вмѣсто диктатуры пролетаріата—самодержавіе Ленина. Какъ выйти изъ этого затруд-

ненія? Ленинъ прибѣгъ къ излюбленному средству нѣмецкихъ мыслителей, «вспомогательной гипотезѣ». Въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи крестьянскаго Съѣзда отъ 14-го ноября, онъ развилъ ту мысль, что русская революція пережила три періода: буржуазно-республиканскій, соглашательскій и соціалистическій, въ который она теперь вступила. Какъ сіе понимать надо? Такъ какъ революція отражаетъ лишь реальное соотношеніе общественныхъ силъ, то, очевидно, за 8 мѣсяцевъ революціи само общество пережило періодъ республиканско-буржуазный, затѣмъ переходный—соглашательскій и, наконецъ, стало на путь соціализма послѣ октябрьскаго переворота. Подогнавъ такимъ образомъ теорію къ требованіямъ момента, Ленинъ, а за нимъ и всѣ его подголоски стали съ яснымъ челомъ твердить о наступленіи у насъ эры соціализма. И дѣло идетъ о наступленіи не въ историческомъ смыслѣ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а о немедленномъ и при томъ чрезвычайно стремительномъ осуществленіи соціалистическаго строя. По случаю обсужденія въ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ С. Р., К. и С. Д. резолюціи о печати, т.-е. резолюціи о сокрушеніи печати, Ленинъ произнесъ знаменитую отнынѣ фразу, съ которой онъ, подобно Герострату, войдетъ въ исторію: «Кто говоритъ о свободѣ печати, тотъ останавливаетъ поѣздъ, который мчится полнымъ паромъ къ соціализму». Непредубѣжденному человѣку, пожалуй, покажется, что эта риторическая фигура могла созрѣть только въ головѣ выходца изъ Бедлама. Но при ближайшемъ изслѣдованіи нетрудно открыть и въ ленинскомъ мышленіи своего рода систему. Признавъ за благо ввести Россію въ эру соціализма, Ленинъ по естественной склонности устраняетъ все то, что стоитъ на пути его навязчивой идеѣ. Теорія, надстройка мѣшаетъ? Невелика важность, ее можно перестроить. Вчерашнее «мелко-буржуазное» крестьянство объявляется борящимся за «соціалистическую революцію». Періоды капиталистической эволюціи нашей страной продѣлываются въ меньшее число мѣсяцевъ, чѣмъ потребовалось десятилѣтій культурнымъ странамъ Европы. Свобода печати мѣшаетъ? Она объявляется несовмѣстимой съ соціалистическимъ строемъ.

Не менѣе рѣшительно Ленинъ раздѣлывается и еще съ однимъ изъ положеній правовѣрнаго марксизма, съ положеніемъ о массовомъ характерѣ соціалистической эволюціи. Предполагается, что самый процессъ капиталистическаго производства по необходимости пріучаетъ пролетаріатъ къ согласованнымъ, массовымъ дѣйствіямъ, развиваетъ его классовое самосознаніе, и что только прочно организованный, высокоразвитый пролетаріатъ способенъ сдѣлать соціалистическую революцію. Предполагается, что соціалистическія партіи сыграютъ роль въ соціалистической революціи лишь какъ авангардъ могучей, спаянной развитымъ классовымъ самосознаніемъ пролетарской арміи. Такъ думаютъ правовѣрные марксисты, но Ленинъ теперь держится другого мнѣнія и проповѣдуетъ нѣчто вродѣ теоріи «иниціативныхъ группъ». Въ упомянутой выше рѣчи на Крестьянскомъ Съѣздѣ онъ доказываетъ, что соціалистическая партія должна вести за собою массу, не считаясь съ тѣмъ, что настроеніе среднихъ слоевъ ея не таково, какое нужно для соціалистической революціи. «Отражать настроеніе средней массы можетъ всякій ночной колпакъ (?) и филистеръ. Роль партіи сводится не къ этому. Мы должны вести за собою массы, пользуясь совѣтами, какъ органами революціоннаго почина». Въ какомъ отношеніи этотъ революціонный

починъ долженъ стоять къ настроенію массъ, это видно изъ слѣдующей хлесткой фразы, брошенной Ленинымъ подъ апплодисменты большевиковъ: «На настроеніе надѣйся, а винтовки не забывай!»

Такова идеологія большевизма, который рокъ наслалъ на нашу несчастную страну въ наказаніе за наши общіе грѣхи. Мы никогда не были правовѣрными марксистами, и отпаденіе Ленина отъ истинной вѣры такъ же мало огорчаетъ насъ, какъ мало радуетъ насъ его карикатурный уклонъ въ сторону нашихъ идей. И, если бы Ленинъ предавался своей идеологической фантастикѣ въ тиши укромнаго пріюта гдѣ-нибудь въ Германіи, онъ былъ бы для насъ предметомъ участливаго любопытства. Но онъ теперь больше самодержецъ всероссійскій, чѣмъ былъ имъ Николай II. Его бредовыя идеи претворяются въ дѣянія или, правильнѣе сказать, освящаютъ дѣянія, которыя въ корень разрушаютъ тѣ основы общежитія, которыя являются предпосылками соціализма. А такъ какъ есть наивныя души, которыя въ политикѣ «крестьянскаго и рабочаго» правительства усматриваютъ, если не самый соціализмъ, то подходъ къ соціализму, мнѣ кажется необходимымъ подвергнуть ее оцѣнкѣ съ точки зрѣнія тѣхъ критеріевъ, которые обязательны для всякаго соціалиста, къ какому бы толку онъ ни принадлежалъ.

Можетъ-быть, для пользы наивныхъ душъ нелишне повторить азбуку и напомнить, что надо разумѣть подъ соціалистическимъ строемъ. Соціалистическій строй есть прежде всего строй, основанный на планомѣрномъ *общественномъ* производствѣ предметовъ потребленія съ цѣлью правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія ихъ между членами общества. Общественное производство возможно лишь при наличности обобществленныхъ средствъ производства, обобществленныхъ *сверху ли* путемъ концентраціи капитала, *снизу ли* путемъ планомѣрной организаціи индивидуальныхъ средствъ производства, изъятыхъ изъ частной собственности. Соціалистическій строй немыслимъ безъ общественнаго производства, но не всякое общественное производство есть соціалистическое. Чтобы стать таковымъ, оно должно сопровождаться правильнымъ распредѣленіемъ. А это въ свою очередь возможно лишь тогда, когда трудовыя массы достаточно сознательны и достаточно организованы, чтобы взять въ свои руки и производство и распредѣленіе. Слѣдовательно, для осуществленія соціалистическаго строя необходимо, чтобы существовали обобществленныя средства производства въ распоряженіи сознательныхъ и организованныхъ трудовыхъ массъ. Если разсматривать, якобы, соціалистическія мѣропріятія совѣтской власти въ свѣтѣ даже этихъ элементарныхъ критеріевъ, то соціалистическаго въ нихъ окажется весьма мало.

Когда Ленинъ приглашалъ товарищей рабочихъ «брать» фабрики и заводы, онъ не могъ не знать, что и количественно, и качественно наша обрабатывающая промышленность находится еще на очень низкомъ уровнѣ развитія. Количественно потому, что на всей территоріи Россійской Республики едва ли $^1/_{10}$ населенія занята въ промышленныхъ предпріятіяхъ—въ Германіи промышленность захватила $^3/_4$ населенія,—качественно потому, что производительность труда на нашихъ фабрикахъ и заводахъ чрезвычайно низка. Это показываетъ, что до обобществленія средствъ производства и труда, обобществленія, являющагося необходимымъ условіемъ соціалистическаго строя, намъ, какъ до звѣзды небесной, далеко. При такихъ обстоятельствахъ декреты рабочаго и крестьянскаго прави-

тельства о передачѣ фабрикъ и заводовъ рабочимъ, къ тому же въ большинствѣ случаевъ санкціонирующіе уже фактически совершившійся захватъ, не только не ведутъ къ организаціи общественнаго производства, а, наоборотъ, надолго разрушаютъ уже имѣющіеся у насъ слабые зачатки его. Издавая свои декреты, это правительство заботится не о насажденіи у насъ соціалистическаго строя, а лишь о сохраненіи своей власти. Ибо оно отлично знаетъ, что какъ только оно воспротивится первобытнымъ инстинктамъ всплывшихъ на поверхность жизни противообщественныхъ элементовъ, оно будетъ сметено съ лица земли.

Такой же, совершенно демагогическій характеръ носитъ и другое, не менѣе важное, мѣропріятіе совѣтскаго правительства,—введеніе рабочаго контроля надъ производствомъ. Въ «Положеніи о рабочемъ контролѣ», подписанномъ Ленинымъ и принятомъ Ц. И. К. 14 ноября, говорится о контролѣ рабочихъ во всѣхъ промышленныхъ, торговыхъ, банковыхъ, сельско-хозяйственныхъ... и прочихъ предпріятіяхъ, имѣющихъ наемныхъ рабочихъ, при чемъ контроль производится надъ производствомъ, куплей, продажей продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ, храненіемъ ихъ, а также надъ финансовой стороной дѣла. Когда соціалисты говорятъ о контролѣ производства, они подъ этимъ разумѣютъ общественное регулированіе производства съ цѣлью устраненія той анархіи, которая присуща современному капиталистическому строю вслѣдствіе предоставленія частной иниціативѣ капиталистовъ безпрепятственной возможности руководствоваться исключительно эгоистическимъ стремленіемъ къ наживѣ, а не общественнымъ интересомъ. Общественное регулированіе производства возможно лишь при одновременномъ регулированіи распредѣленія. А это требуетъ весьма сложнаго аппарата, который можетъ быть осуществленъ только въ общегосударственномъ масштабѣ. Вполнѣ очевидно, что общественному регулированію можетъ подлежать только въ достаточной мѣрѣ обобществленное производство такъ же точно, какъ общественное регулированіе распредѣленія можетъ осуществиться лишь дѣйствіемъ сильно сплоченнаго, развитаго трудового класса. А этихъ условій у насъ не имѣется налицо. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Ленинскій рабочій контроль надъ производствомъ ничего общаго не имѣетъ съ соціалистическимъ регулированіемъ производства. Онъ не отмѣняетъ частной иниціативы въ производствѣ, а только переноситъ ее съ капиталиста на рабочихъ, занятыхъ въ данномъ предпріятіи. Этимъ свойственная капитализму анархія производства не только не уничтожается, но и еще сильно усуглубляется полной неподготовленностью рабочихъ къ самостоятельному веденію сложныхъ производствъ. Въ современномъ развалѣ нашей промышленности «рабочій контроль надъ производствомъ» сыгралъ немалс-важную роль.

Справедливость требуетъ указать на то, что ленинское «Положеніе о рабочемъ контролѣ» встрѣтило противодѣйствіе какъ со стороны Совѣта, такъ и со стороны другихъ рабочихъ организацій. «Проектъ инструкцій по рабочему контролю», принятый единогласно представителями Ц. И. К., всер. совѣта профес. союзовъ, всер. центр. ф.-з. комитетовъ и эк. отд. Моск. С. Р. и С. Д., стремится подчинить заводской контроль рабочихъ «учрежденіямъ государственнаго регулированія» промышленности. Этимъ до извѣстной степени ослабляется одіозно-анархическій характеръ «контроля», освящаемаго ленинскимъ «Положеніемъ». Но коренной вопросъ, вопросъ о томъ,

насколько вообще возможно государственное регулированіе промышленности въ культурно и экономически отсталой странѣ, этимъ нисколько не разрѣшается. У насъ же теперь положеніе таково, что раньше, чѣмъ заняться государственнымъ регулированіемъ промышленности, намъ придется заново создавать ее.

Такъ же мало соціалистическаго, какъ въ конфискаціи фабрикъ и рабочемъ контролѣ надъ производствомъ, заключается и въ третьемъ трескучемъ мѣропріятіи совѣтскаго правительства, въ націонализаціи банковъ. Въ экономически развитыхъ странахъ финансовый капиталъ играетъ огромную роль въ промышленности и въ значительной мѣрѣ является ея направляющей силой. Поэтому власть, захватившая въ свои руки контроль надъ банками, тѣмъ самымъ въ соотвѣтственной степени получаетъ контроль надъ промышленностью. Переходъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому будетъ ознаменованъ переходомъ обобществленнаго финансоваго и промышленнаго капиталовъ отъ частныхъ владѣльцевъ къ безклассовому государству, основанному на всеобщемъ трудѣ. Но основной предпосылкой этого перехода является высокая концентрація финансоваго и промышленнаго капиталовъ и ихъ взаимное проникновеніе. А у насъ этого какъ-разъ нѣтъ. Въ соотвѣтствіи съ низкимъ уровнемъ промышленнаго капитала нашъ финансовый капиталъ никакой руководящей роли въ промышленности не играетъ. Онъ большей частью носитъ первобытный, денежно-ссудный, а часто и ростовщическій характеръ. При такихъ обстоятельствахъ захватъ банковъ государственной властью можетъ внести жестокую смуту въ хозяйственную жизнь страны, но онъ ни на волосъ не подвигаетъ насъ въ сторону созданія общественнаго производства,— скорѣе наоборотъ.

Въ связи съ націонализаціей банковъ стоитъ и возвѣщенное совѣтскимъ правительствомъ аннулированіе всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ. По отношенію къ внутреннимъ займамъ это мѣропріятіе, въ принципѣ допустимое, въ настоящій періодъ такъ же несвоевременно и безцѣльно и по тѣмъ же причинамъ, какъ и націонализація банковъ. Но по отношенію къ внѣшнимъ займамъ оно не только несвоевременно, но и въ принципѣ недопустимо. Когда мы аннулируемъ внутренній заемъ, мы возвращаемъ въ наше общее достояніе нѣкоторую часть его, которая была создана общимъ трудомъ, но которой владѣли на правахъ собственности частныя лица. Когда же мы аннулируемъ внѣшній заемъ, мы обращаемъ въ наше общее достояніе часть достоянія чужого народа, созданную не нашимъ, а его трудомъ. Подъ видомъ войны съ международной буржуазіей мы совершаемъ актъ грабежа по отношенію къ трудовымъ массамъ тѣхъ странъ, въ которыхъ наши правительства заключали займы, мы самовольно захватываемъ цѣнности, которыя принадлежатъ имъ, а не нашимъ трудовымъ массамъ. Такого рода самовольный захватъ является прямымъ нарушеніемъ международной солидарности трудящихся и съ точки зрѣнія послѣдовательнаго соціализма подлежитъ осужденію.

Таковы главнѣйшія изъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя даютъ поводъ большевистскимъ заправиламъ возвѣщать міру, что наша страна вступила въ эру осуществленія соціализма. Вступила не потому, что имѣются въ наличности объективныя условія—экономическія и психологическія — необходимыя для этого, а потому, что ее повела за собою соціалистическая партія, возглавляемая Ленинымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ этотъ великій мыслитель и государст-

венный мужъ. Въ упомянутой выше рѣчи онъ такъ и сказалъ, что соціалистическая партія должна вести за собою массу, не заботясь о томъ, что настроеніе средней массы не таково, какимъ оно должно быть. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ, Ленинъ, отражаетъ настроеніе не средней массы, а какой-то другой. Какой? Факты даютъ на это вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. На поверхность жизни всплыли теперь исконные противообществеиные элементы, отбросы соціальнаго строительства, вольница, которые въ нормальное время удерживаются въ низахъ давленіемъ соціальной дисциплины. Въ революціонныя эпохи ихъ царствіе наступаетъ, когда «средняя масса» послѣ длительнаго революціоннаго напряженія временно впадаетъ въ апатію. Вотъ этито противообщественные, зоологическіе элементы Ленинъ ведетъ за собою. Ленинскій лозунгъ: бѣги, бери!—бѣги, когда бьютъ, бери, когда даютъ и когда не даютъ—въ точности выражалъ ихъ первобытные инстинкты и вожделѣнія, и потому Ленинъ сталъ ихъ признаннымъ вождемъ: онъ «герой» этой черной «толпы». Ленинскій соціализмъ, это охло-соціализмъ, соціализмъ черни, а не сознательнаго, организованнаго трудового класса.

III.

Если наша революція не буржуазно-демократическая и не соціалистическая, то какая-же она? Замѣчу прежде всего, что наши опредѣленія бываютъ тѣмъ болѣе точными, тѣмъ болѣе исчерпывающими, чѣмъ проще явленіе и чѣмъ ближе намъ извѣстны элементы, изъ которыхъ онъ слагается. А революція—явленіе чрезвычайно сложное и состоитъ изъ массы элементовъ, учесть полностью которые нѣтъ никакой возможности при современномъ состояніи нашихъ знаній. Дальше, если-бы даже мы знали въ точности, что такое буржуазно-демократическая революція, то и тогда намъ было-бы немногимъ легче. Для уподобленія неизвѣстнаго извѣстному необходимо, чтобы элементы того и другого были соизмѣримы. Французскія революціи привели къ установленію во Франціи буржуазно-демократическаго строя. Чтобы заключить изъ этого, что и русскія революціи приведутъ къ установленію у насъ такого же строя, необходимо допустить сходство въ соотношеніи общественныхъ силъ Франціи и Россіи въ эпоху революцій. При всей ограниченности нашихъ знаній мы однако не можемъ не видѣть, что сходство это весьма отдаленное. Французская буржуазія вынесла на своихъ плечахъ всю борьбу за демократическій строй, въ который она вкладывала свое классовое содержаніе. У насъ же борьба съ самодержавіемъ велась почти исключительно подъ знаменемъ трудового класса идеологами и представителями послѣдняго. Наша буржуазія, которая всегда питалась изъ рукъ самодержавія и никогда активно въ борьбу съ нимъ не вступала, въ революціи заняла позицію кукушки, положившей свое яичко въ чужое гнѣздо. Поэтому обернуть революцію въ свою пользу ей было не по плечу. Несмотря на всю свою распыленность, некультурность и малую сознательность, трудовая масса чувствовала, что побѣда надъ самодержавіемъ—ея побѣда, и уже съ первыхъ шаговъ революціи выявила ея соціальное содержаніе, давшее представителямъ рабочихъ и крестьянъ рѣшающій голосъ въ дѣлахъ страны. Буржуазія съ ея претензіями на господство была оттиснута. Окончательно? Конечно, нѣтъ. Ни въ техническомъ, ни въ культурномъ отношеніи наша трудовая масса не подготовлена къ тому, чтобы создать и вести собственными силами обще-

ственное производство и распредѣленіе. Безъ частнаго почина въ сложныхъ производственныхъ предпріятіяхъ намъ въ ближайшій періодъ не обойтись. А разъ будутъ частныя капиталистическія предпріятія, буржуазія неминуемо должна будетъ играть въ соціальной жизни роль, соотвѣтствующую ея хозяйственному значенію. Само собою разумѣется, наша буржуазія не прочь занять въ странѣ такое же господствующее положеніе, какое имѣетъ европейская буржуазія. Но ей мѣшаетъ ея собственное, исторически создавшееся малосиліе и революціонный сдвигъ трудовыхъ массъ. Однако, какъ ни могучъ этотъ революціонный сдвигъ, его одного недостаточно для того, чтобы создать соціалистическій строй. Поэтому строй, къ которому мы идемъ, не будетъ ни буржуазнымъ, ни соціалистическимъ. Принимая во вниманіе соотношеніе общественныхъ силъ, можно предполагать, что равнодѣйствующая пройдетъ больше по линіи интересовъ трудового класса, чѣмъ по линіи интересовъ капиталистическаго. Строй у насъ будетъ больше демократически-трудовой, чѣмъ демократически-буржуазный.

А. Бахъ.

Противорѣчія русской революціи.

Съ первыхъ же дней русской революціи обнаружился чрезвычайно важный для ея пониманія фактъ: въ центрѣ движенія, *руководящимъ органомъ* революціи были организаціи *трудовыхъ* классовъ, Совѣты рабочихъ и солдатскихъ, а затѣмъ и крестьянскихъ депутатовъ. Совѣты возникли, существовали и боролись не какъ составная часть революціи, не какъ одна изъ организацій общественныхъ классовъ, движеніе которыхъ и образуетъ революцію. Нѣтъ, въ теченіе всего истекшаго революціоннаго періода это была *сама* революція. Въ совѣтахъ сосредоточивался весь революціонный процессъ, здѣсь разрѣшались его противорѣчія и кризисы, здѣсь бился пульсъ жизни революціи.

Когда революціонная буря смела однимъ порывомъ всю организацію самодержавнаго государства, всѣ его сгнившіе до основанія и ставшіе ненавистными органы принужденія и власти, Совѣты сразу сдѣлались тѣмъ центромъ, къ которому потянула вся распыленная самодержавіемъ русская общественность, куда неудержимо влекъ всѣхъ новыхъ гражданъ инстинктъ самосохраненія государства. Безъ средствъ организованнаго принужденія, одною силою своего авторитета совѣты водворяли порядокъ въ столицѣ, провинціи и деревнѣ, налаживали разстроившіяся административныя и хозяйственныя связи, служили связующимъ цементомъ для потерявшихъ точку опоры народныхъ массъ.

И не только для трудовой демократіи, для широкаго мѣщанства города и деревни Совѣты были спасительнымъ маякомъ среди бушующаго революціоннаго моря. Даже имущіе классы обращались

къ нимъ за разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній, возникавшихъ въ связи съ новыми политическими отношеніями. И постановленія Совѣтовъ о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ, о праздничномъ отдыхѣ принимались капиталомъ къ безусловному и неоспоримому руководству. Ихъ авторитетъ былъ такъ великъ среди населенія, что противъ своего желанія они вынуждены были стать и примирительной камерой для разрѣшенія споровъ между рабочими и предпринимателями, и рѣшенію члена Совѣта, какъ третейскаго судьи, добровольно и охотно подчинялись обѣ стороны. И соотвѣтственно своему фактическому значенію Совѣты играли руководящую роль и въ «комитетахъ общественныхъ организацій», бывшихъ формально органами новой, революціонной мѣстной власти.

Этому политическому вѣсу Совѣтовъ на мѣстахъ соотвѣтствовала и роль Петроградскаго Совѣта въ центральномъ управленіи, во Временномъ Правительствѣ. Уже офиціальный актъ объ образованіи перваго Временнаго Правительства гласилъ, что оно возникло на опредѣленныхъ условіяхъ «по соглашенію между Исполнительнымъ Комитетомъ Государственной Думы и Петроградскимъ Совѣтомъ Раб. и Солд. Деп». И съ тѣхъ поръ все направленіе внутренней и внѣшней политики революціи, всякое измѣненіе въ составѣ Временнаго Правительства, всякій сколько-нибудь серьезный его шагъ происходили при непосредственномъ участіи вначалѣ Петроградскаго Совѣта, а затѣмъ, послѣ перваго съѣзда Совѣтовъ, Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ.

Такъ, силою событій въ рукахъ Совѣтовъ, этихъ классовыхъ организацій рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, *фактически* сосредоточилась революціонная, т.-е. государственная власть въ центрѣ и на мѣстахъ. И Временное Правительство, ставшее на мѣсто стараго центра государственнаго механизма, могло осуществлять свои велѣнія лишь черезъ петроградскій совѣтъ. Такъ сложилось *первое и основное противорѣчіе* русской революціи: *государственная власть классоваго государства, основаннаго на подчиненіи трудящихся имущимъ, фактически оказалась въ рукахъ организацій трудящихся и эксплуатируемыхъ.*

Два обстоятельства были тому причиною. Одно было происхожденія временнаго и объяснялось войною, другое коренилось въ самомъ характерѣ русскаго освободительнаго движенія.

Февральская революція вовлекла въ свое грандіозное движеніе многомилліонную армію, созданную міровою войною. И армія—это послушное орудіе классоваго господства—стала на сторону революціи, какъ армія въ огромномъ большинствѣ своемъ народная, крестьянско-рабочая. Этотъ фактъ захвата революціонной буреі самихъ солдатскихъ массъ во всей ихъ громадной толщѣ имѣлъ рѣшающее значеніе для судебъ русской революціи и опредѣлилъ ея дальнѣйшіе этапы. Ибо это не былъ минутный порывъ колебанія солдатъ, отказавшихся стрѣлять въ возставшій народъ. Нѣтъ, революція была ихъ собственнымъ движеніемъ, и это наглядно проявилось въ томъ, что солдаты вошли въ революціонныя организаціи трудовой демократіи, въ Совѣты, какъ ихъ неразрывная часть. Этотъ солдатскій потокъ бурной февральской рѣки былъ направленъ, несомнѣнно, противъ *войны*. Здѣсь вскрывалось *второе* противорѣчіе русской революціи, къ которому мы вернемся ниже, и которое можно формулировать тезисомъ, что революція была возстаніемъ народа не только противъ царизма, но и противъ бѣдствій и ужасовъ нескончаемой войны. Во всякомъ

случаѣ, это своеобразное сочетаніе войны и революціи привело къ тому, что русская армія перестала служить орудіемъ классоваго господства и угнетенія, и соціальная борьба трудящихся массъ могла получить необычайный розмахъ.

Вторая причина фактическаго сосредоточенія въ рукахъ Совѣтовъ революціонной власти въ центрѣ и на мѣстахъ—свойства историческаго.

Съ 1861 года революціонная борьба съ царскимъ самодержавіемъ шла почти исключительно подъ *соціалистическимъ* знаменемъ. Буржуазное общество не выдвинуло въ Россіи ни одной революціонной партіи, которая боролась бы за *его* освобожденіе подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Заключивъ союзъ съ царскою властью, поддерживавшійся и западно-европейскимъ капиталомъ, замѣнивъ лихорадочный процессъ развитія производительныхъ силъ капиталистическаго общества, требующій огромнаго напряженія общественной энергіи, хищнической эксплоатаціей распыленной рабочей массы, наша торгово-промышленная буржуазія оказалась къ моменту революціи экономически бѣдной, технически отсталой и политически незрѣлой. Что удивительнаго, если и послѣ революціи на аренѣ политической жизни оказалась лишь одна организованная сила въ странѣ—революціонная демократія, окрашенная въ соціалистическій цвѣтъ? Что удивительнаго, если Временное революціонное Правительство, которое, какъ и всякое другое правительство, является, въ концѣ-концовъ, отраженіемъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ, должно было опираться именно на организаціи трудящихся массъ, на Совѣты?

Трудовой характеръ февральской революціи, подготовленный всей исторіей русскихъ общественныхъ отношеній и усиленный прочнымъ переходомъ на сторону революціи арміи, бывшей по самому своему составу вооруженнымъ народомъ, только что оторваннымъ отъ сохи и станка, естественно, долженъ былъ вызвать небывалую *соціальную борьбу* классовъ. Русская революція оказалась насыщенной соціальнымъ содержаніемъ.

Царскій режимъ десятилѣтіями сдерживалъ съ помощью нагайки и пули стихійное стремленіе трудящихся массъ къ *повышенію своего соціальнаго уровня жизни*. Поэтому *съ первыхъ же дней свободы* это стремленіе должно было проявиться и въ дѣйствительности проявилось съ необычайною, почти вулканическою силою, опрокинувшею на своемъ пути то незначительное сопротивленіе имущихъ классовъ, какое они могли еще оказать, не имѣя за собою ни арміи ни полиціи.

Еще не успѣлъ умолкнуть торжественный благовѣстъ національнаго единенія, звучавшій въ чисто политической платформѣ перваго Временнаго Правительства, какъ петроградскій пролетаріатъ выдвинулъ экономическое требованіе восьмичасового рабочаго дня, какъ условіе прекращенія той политической забастовки, которою сопровождалась февральская революція. И это требованіе перекинулось въ теченіе марта во всѣ города и фабричные центры. Почти повсюду оно было удовлетворено безъ сколько-нибудь серьезнаго спора со стороны капитала. Но съ апрѣля мѣсяца началась затянувшаяся на весь май упорная борьба за минимумъ заработной платы, достаточный для существованія, борьба, сопровождавшаяся длительными забастовками, угрозами пріостановки работъ въ такихъ общественно-необходимыхъ предпріятіяхъ, какъ желѣзныя дороги и угольныя копи. Въ мартѣ зашевелилось и крестьянство, и уже 21 апрѣля Временное

Правительство увидѣло себя вынужденнымъ издать Положеніе о земельныхъ комитетахъ «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложныхъ временныхъ мѣръ впредь до разрѣшенія земельнаго вопроса Учредительнымъ Собраніемъ». Поистинѣ русская революція была не удачнымъ политическимъ заговоромъ рабочихъ и солдатскихъ кружковъ, а огромнымъ движеніемъ трудовыхъ классовъ, втянутыхъ всею своею массою, всею своею громадою въ великую стихію борьбы *соціальныхъ* интересовъ.

При той политической обстановкѣ, при которой вспыхнула и развивалась эта соціальная борьба, трудовая демократія должна была бы, казалось, придти къ побѣдѣ. Но именно война, такъ, повидимому, въ корнѣ уничтожившая полицейскія функціи современной государственной власти, направленныя къ охранѣ неприкосновенности существующаго строя, именно она поставила борьбѣ пролетаріата и трудового крестьянства почти непреодолимыя преграды. *Война и революція оказались въ конечномъ счетѣ между собою въ противорѣчіи.*

Міровая война—разъ она продолжалась—требовала величайшаго напряженія хозяйственныхъ силъ страны, ибо она являлась войною народовъ, а не арміи,—состязаніемъ капиталистическихъ государствъ, бросившихъ въ битву всѣ свои технические и экономическіе рессурсы, поставившихъ на карту благосостояніе и жизнь всѣхъ слоевъ и классовъ населенія. Въ современной войнѣ нѣтъ тыла и фронта, живущихъ каждый своею отдѣльною жизнью; есть единый военный фронтъ, и самое отдаленное отъ него крестьянское хозяйство приковано къ войнѣ такою же неразрывною цѣпью, какъ и солдатъ къ своему окопу. Въ этомъ характерѣ войны — разгадка военнаго соціализма, здѣсь первопричина «гражданскаго мира», отказа западноевропейскаго пролетаріата отъ классовой борьбы. Война внѣшняя и война внутренняя оказались несовмѣстимыми, ибо государство, хозяйственныя силы котораго ослабляются борьбою составныхъ элементовъ производственнаго процесса, капитала и труда, неизбѣжно будетъ разгромлено во время этой борьбы государствомъ, въ которомъ эти элементы подчинены единой военной организаціи.

Но русская революція, выросшая изъ возстанія рабочихъ и крестьянъ, переодѣтыхъ въ солдатскія шинели, должна была связать свои судьбы съ судьбами классовой борьбы трудящихся массъ, ибо она была, какъ мы видѣли, революціей именно этой трудовой демократіи, державшейся десятилѣтіями въ цѣпяхъ рабства и безпрекословнаго повиновенія капиталу и землевладѣнію. И тутъ трагическое противорѣчіе между требованіями современной войны и неизбѣжною борьбою пролетаріата и крестьянства за преобразованіе устарѣлаго хозяйственнаго строя сказалось съ особенною силою. Ибо эта борьба разразилась въ отсталомъ капиталистическомъ государствѣ, народное хозяйство котораго систематически подрывалось самодержавною бюрократіей и пришло въ окончательное разстройство отъ трехлѣтней войны.

Уже обозначившееся ко времени революціи паденіе производительности труда приняло въ первые мѣсяцы революціи, благодаря разгорѣвшейся массовой стачечной борьбѣ, почти катастрофическіе размѣры, поставившіе въ критическое положеніе добычу угля, желѣзнодорожный транспортъ, а съ ними и продовольствіе страны и арміи. Къ этому присоединился распадъ налаженной технической организаціи фабрично-заводскаго предпріятія, основаннаго до революціи на самодержавіи предпринимателя и требовавшаго при новыхъ

политическихъ условіяхъ преобразованія на началахъ, во всякомъ случаѣ, «фабрики конституціонной».

Разстройство—съ точки зрѣнія требованій войны—тыла не могло не отразиться и на положеніи фронта. Помимо естественнаго ухудшенія въ снабженіи арміи, въ связи съ все разраставшимся хозяйственнымъ разваломъ, революція не могла не разрушить старой военной организаціи, основанной на палочной дисциплинѣ и жестокомъ подавленіи всякой самодѣятельности солдатской массы. Порожденныя самодержавіемъ ненависть и недовѣріе къ командному составу проявились съ страшною силою и разбили сложный и тонкій механизмъ, который представляетъ собою современная многомилліонная дѣйствующая армія. Перестройка же арміи на демократическихъ началахъ требовала больше матеріала, чѣмъ могла дать измученная трехлѣтнею войною солдатская масса, потерявшая вѣру въ возможность побѣдынадъ врагомъ послѣпережитыхъ ею громадныхъ пораженій и потерь.

Такъ уже въ маѣ мѣсяцѣ стало ясно, что *если революція не покончитъ съ войною, то война покончитъ съ революціей*. Побѣдоносный имперіалистическій врагъ, сильный своимъ «гражданскимъ миромъ», разгромитъ революціонную Россію, низвергшую жандарма Европы и въ гражданской войнѣ, творящую новыя формы соціально-экономической жизни.

Съ самыхъ первыхъ дней своего лучезарнаго пришествія на русскую землю революція сознала трагизмъ своего положенія. И она обратилась съ воззваніемъ къ народамъ всего міра. Это было не только мужественное слово, сказавшее, наконецъ, правду о войнѣ измученному человѣчеству. Это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращенный къ Интернаціоналу призывъ русской революціи о помощи, о поддержкѣ. Но Интернаціоналъ былъ разрушенъ 19 іюля 1914 года, и всѣ попытки сознательной революціонной демократіи созвать міровую конференцію трудящихся массъ человѣчества для прекращенія войны, а значитъ, и для спасенія русской революціи разбивались о сопротивленіе имперіалистической буржуазіи, молчаливо поддерживаемой большинствомъ западно-европейскихъ соціалистическихъ партій. И великая русская республика, наполненная громомъ классовыхъ битвъ, разрѣшавшихъ великія соціальныя проблемы нашего времени, стояла, все слабѣя въ военномъ отношеніи, передъ тѣсно сплоченными и могуче организованными военными государствами, вооружившимися противъ нея по послѣднему слову капиталистической техники.

Но не найдя изъ войны выхода *въ международномъ маситабѣ*, русская революція не нашла изъ нея *никакого* выхода. Ибо ни одна изъ втянутыхъ въ міровой капитализмъ странъ не можетъ *сепаратно* выскочить изъ него, какъ ни одно изъ современныхъ государствъ не могло въ свое время уйти изъ тенетъ мірового капиталистическаго хозяйства. Русская демократія пыталась одновременно съ борьбою за всеобщій миръ и другимъ путемъ найти выходъ изъ рокового столкновенія двухъ великихъ стихій войны и революціи. Она поставила себѣ задачей на время, пока продолжалась міровая война, *примирить войну и революцію*, т.-е. построить такую *національную* демократическую программу соціальныхъ реформъ, которая могла бы примирить классы, борющіеся на революціонной аренѣ, установить «гражданскій миръ» въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Подъ вліяніемъ этого настроенія родилась и осуществилась идея коалиціоннаго Временнаго Правительства, были начертаны смѣлыя программы 6-го мая и 8-го іюля, была составлена декларація объединенныхъ

демократическихъ организацій на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи.

Но коалиція при всемъ преобладаніи въ ней соціалистическаго элемента какъ въ составѣ правительства, такъ и въ его программахъ, не помогла русской революціи. Ея національная платформа не объединила *всѣхъ* слоевъ населенія, не образовала того «священнаго союза», который на Западѣ является главнѣйшею соціальною основою войны. Символическое рукопожатіе, которымъ обмѣнялись Бубликовъ и Церетелли на Московскомъ Совѣщаніи, не претворилось въ дѣйствительности въ «union sacree» («Священный Союзъ»).

Почему же русская республика не могла достичь того компромисса между имущими и неимущими классами, который и по настоящее время господствуетъ во всѣхъ передовыхъ западно-европейскихъ демократіяхъ? Не потому, что программы коалиціонныхъ правительствъ послѣ апрѣльскаго кризиса не были достаточно радикальны. Наоборотъ, эти программы осуществляли почти всю минимальную программу русскихъ соціалистическихъ партій, онѣ разрѣшали всѣ основныя соціальныя и политическія задачи, которыя выдвинула русская революція, и разрѣшали ихъ такъ широко и радикально, что дѣлали Россію самою передовою демократіею въ Европѣ. Крахъ коалиціи былъ вызванъ тѣмъ, что при созданномъ революціей политическомъ соотношеніи общественныхъ силъ не было возможно проведеніе въ жизнь *какого бы то ни было* плана государственнаго строительства.

Мы уже указывали на одно изъ противорѣчій русской революціи: государственная власть классоваго государства, основаннаго на подчиненіи трудящихся имущимъ, фактически оказалась въ рукахъ организацій трудящихся и эксплуатируемыхъ. Когда исчезли органы принужденія и власти, когда армія и полиція перестали служить орудіемъ классоваго господства, фактическимъ хозяиномъ положенія на фабрикѣ и заводѣ, въ деревнѣ и помѣщичьей экономіи стали рабочіе и крестьяне. И стали послѣ того, какъ находились въ полномъ экономическомъ рабствѣ у капиталистовъ и помѣщиковъ.

Руководители Совѣтовъ первыхъ шести мѣсяцевъ революціи прекрасно понимали, что эта реальная возможность для рабочихъ и крестьянъ уничтожить свою экономическую зависимость на каждой *отдѣльной* фабрикѣ, отъ каждаго *отдѣльнаго* помѣщика еще не означаетъ возможности для *всего* рабочаго класса достичь конечнаго освобожденія, ибо для такого освобожденія этотъ классъ не располагалъ ни необходимою организаціею, ни достаточными техническими силами, ни необходимыми международными предпосылками: рабочій классъ капиталистическаго государства можетъ свергнуть иго капитала лишь вмѣстѣ съ міровымъ пролетаріатомъ. И потому демократическая національная программа была построена на принципѣ оставленія за буржуазіей руководства экономическою жизнью, но подъ контролемъ демократической государственной власти съ соблюденіемъ интересовъ трудящихся. Для своего фактическаго осуществленія эта программа предполагала большую организованность, высокую сознательность общественныхъ классовъ, ибо она требовала отъ нихъ готовности къ самоограниченію, пониманія серьезности политическаго момента и грозности международнаго положенія государства.

Но огромная стихія соціальной войны велась классами, до мозга костей пропитанными плохою наслѣдственностью царизма,

не научившимися подчинять свои личные интересы не только интересамъ государства, но и интересамъ *своего собственнаго класса*. Въ обстановкѣ все растущаго хозяйственнаго распада каждая отдѣльная группа рабочихъ или крестьянъ старалась использовать до конца свое фактическое господство въ предѣлахъ отдѣльнаго предпріятія или помѣщичьяго хозяйства. Подъ угрозою забастовки въ общественно-необходимыхъ отрасляхъ хозяйства, захвата фабрики, завода, земли, предъявлялись безумно высокія требованія, которыя не могло выдержать ни предпріятіе, ни государство. И не было никакихъ средствъ убѣдить рабочихъ и крестьянъ въ гибельности этихъ требованій, кромѣ одного средства: предоставить имъ продѣлать на опытѣ практику соціализма въ предѣлахъ отдѣльнаго капиталистическаго хозяйства. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о проведеніи въ жизнь не только единаго плана государственнаго регулированія всего общественнаго хозяйства, но и какой бы то ни было мѣры серьезнаго предупрежденія надвигавшейся экономической и военной катастрофы.—

Революція уперлась въ тупикъ. Она не могла покончить съ войною, она обнаружила неспособность примирить ее съ собою.

Первую попытку выйти изъ создавшагося положенія сдѣлала буржуазія Корниловскимъ выступленіемъ въ августѣ. Коалиціонное правительство, все-таки пытавшееся проводить политику примиренія войны и революціи, несмотря на вспыхивавшія по всей странѣ грозныя зарницы надвигавшейся бури безудержной классовой войны, должно было быть смѣнено военной диктатурой, желѣзной дисциплиной буржуазнаго владычества. Попытка эта потерпѣла неудачу и ухудшила положеніе страны! Она углубила пропасть между солдатской массой и командным составомъ, еще болѣе разложила дѣйствующую армію и отбросила массы, и безъ того анархически настроенныя, отъ какого бы то ни было компромисса съ буржуазіей. Къ половинѣ сентября въ большинствѣ Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ уже господствовала партія большевиковъ, ведшая демагогическую агитацію противъ всякой коалиціи и давно уже приглашавшая рабочихъ и солдатъ оформить свое фактическое господство въ политической и экономической жизни путемъ ниспроверженія Временнаго Правительства и утвержденія своей собственной власти. Агитація эта при низкомъ уровнѣ классоваго самосознанія рабочихъ и солдатъ, и созданномъ революціей реальномъ соотношеніи политическихъ силъ, должна была имѣть успѣхъ и имѣла его. Ясно было, что скоро политикѣ примиренія войны и революціи будетъ нанесенъ второй ударъ, на этотъ разъ слѣва, ударъ роковой, ибо, развязывая и поощряя гражданскую войну, онъ въ обстановкѣ міровой войны готовилъ революціи пораженіе.

Однако, причины октябрьской побѣды большевизма по всей линіи русскаго революціоннаго фронта заключаются не только въ демагогическомъ потворствѣ той идеологіи опытнаго солдата, которую публично одобрилъ самъ большевистскій богъ, Ленинъ, и которая сводилась къ лозунгу: «грабь награбленное». Онѣ коренились, какъ и многія соціальныя явленія современности, въ величайшемъ событіи нашего времени: войнѣ.

Мы уже указывали, что февральская революція была возстаніемъ народа не только противъ самодержавія, но и противъ войны. Но революція не принесла мира. Усталость отъ войны и неутолимая жажда «замиренія» должны были усилиться въ солдатской массѣ

съ все обострявшимися въ теченіе революціи экономическими и продовольственными затрудненіями, въ свою очередь усиливавшими сознаніе безнадежности военнаго положенія Россіи. А нашедшая, наконецъ, себѣ выходъ ненависть къ командному составу и все разраставшаяся въ тылу соціальная борьба окрасили для солдатской массы всю войну, какъ чужое, барское дѣло. И коалиціонное правительство, пытавшееся примирить войну и революцію, скоро сдѣлалось предметомъ ненависти въ дѣйствующей арміи, какъ правительство продолженія войны. Большевистская пропаганда ниспроверженія Временнаго Правительства во имя мира, немедленнаго мира, какою бы то ни было цѣною дѣлала и въ дѣйствующей арміи огромные успѣхи.

Вотъ почему ошибочно смотрѣть на событія 24—25 октября, какъ на политическую авантюру, увѣнчавшійся успѣхомъ заговоръ. Если въ Петроградѣ возстаніе большевиковъ и имѣло въ дѣйствительности характеръ военнаго заговора, заранѣе подготовленнаго военно-революціоннымъ комитетомъ Петроградскаго Совѣта и разыграннаго имъ по предварительно-разработанному плану, то широкій откликъ, который петроградское возстаніе нашло во всѣхъ тыловыхъ гарнизонахъ Россіи и во всей дѣйствующей арміи, съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основаніи большевистскаго возстанія лежалъ *народный протестъ противъ затянувшейся войны*, что оно было конвульсіей народно-хозяйственнаго организма, не могущаго далѣе выдержать высасываніе изъ него войною всѣхъ его живыхъ соковъ.

Коалиціонное правительство было низложено во имя власти рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. Исчезло послѣднее, хотя и слабое и потому досадное, препятствіе, мѣшавшее отдѣльнымъ группамъ рабочаго класса использовать свое фактическое господство въ частныхъ сферахъ политической и экономической жизни. Противорѣчіе между капиталистическимъ характеромъ русскаго государства и исчезновеніемъ орудій классоваго господства разрѣшилось въ сторону стихійнаго, анархическаго рѣшенія всѣхъ острыхъ вопросовъ русской революціи. Но такое рѣшеніе означало *крушеніе завоеваній революціи*, ибо они могли быть обезпечены лишь государственнымъ путемъ, лишь посредствомъ подчиненія общественныхъ классовъ единой демократической политикѣ.

Большевистскій переворотъ долженъ былъ повлечь за собою и въ дѣйствительности вызвалъ полный распадъ всѣхъ экономическихъ, военныхъ и административныхъ связей, соединявшихъ отдѣльные города и села, отдѣльныя хозяйственныя предпріятія въ единый народно-хозяйственный организмъ, въ единое государство.

Подъ видомъ рабочаго контроля совершался захватъ фабрикъ и заводовъ работавшими на нихъ рабочими, обращеніе въ заработную плату не только всего оборотнаго капитала предпріятія, всѣхъ его сырыхъ матеріаловъ и издѣлій, но зачастую и постояннаго капитала, частей машинъ и оборудованія. Въ итогѣ получилась гибель промышленности.

Подъ предлогомъ демократизаціи арміи и проведенія въ ней выборнаго начала былъ изгнанъ весь командный составъ, разбитъ весь техническій аппаратъ, и началась безпрепятственная стихійная демобилизація многомилліонной арміи, бросавшей на произволъ

судьбы артиллерію, громадные запасы боевого снаряженія, многомилліардное военное имущество. Въ итогѣ—исчезновеніе фронта.

Громкимъ лозунгомъ соціализаціи земли былъ освященъ въ сущности разгромъ помѣщичьяго хозяйства, раздѣлъ инвентаря и скота, уничтоженіе культурныхъ хозяйствъ и захватъ ближайшей частно-владѣльческой земли отдѣльными деревнями, а въ нихъ—зажиточнымъ, крѣпкимъ крестьянствомъ. Въ результатѣ—паденіе сельско-хозяйственной культуры и образованіе мелкой крестьянской собственности.

Подъ видомъ осуществленія диктатуры пролетаріата и передачи власти Совѣтамъ раб., солд. и крестьянскихъ депут. былъ разбитъ центральный и мѣстный государственный аппаратъ, уничтожены министерства и разогнаны демократическія думы, губернскія, уѣздныя и волостныя земства. Государство распалось. Не оказалось ни единообразнаго закона, ни суда для его проведенія въ жизнь, ни общаго налоговаго обложенія, ни бюджета, ни мѣстныхъ финансовъ. Источникъ государственныхъ и мѣстныхъ средствъ свелся къ одному печатному станку и контрибуціямъ съ буржуазіи. Городская жизнь, городская культура, фабричные центры, очаги цивилизаціи въ деревнѣ—школы, больницы,—все находилось въ процессѣ умиранія и исчезновенія. Странѣ грозилъ возвратъ къ какому-то мрачному средневѣковью, въ которомъ нѣтъ мѣста ни демократическому государству, ни соціальному прогрессу.

«Рабоче-крестьянское правительство» уже въ силу внутреннихъ законовъ своего развитія должно было бы смѣниться буржуазной или монархической реакціей. Разложивъ единый фронтъ революціонной демократіи, превративъ Совѣты изъ передового авангарда всѣхъ демократическихъ слоевъ населенія города и деревни, какими они были въ первый дооктябрьскій періодъ революціи, въ орудіе политической диктатуры партіи большевиковъ, становящейся все болѣе ненавистной этимъ обширнымъ демократическимъ слоямъ, замѣнивъ политику хозяйственнаго творчества въ государственномъ масштабѣ дѣлежемъ наличнаго, весьма убогаго, богатства страны, и подготовивъ тѣмъ наступленіе небывалой экономической и продовольственной катастрофы, Совѣтъ народныхъ комиссаровъ все болѣе сужалъ свой соціальный фундаментъ и свелъ его уже черезъ три мѣсяца своего владычества къ кучкѣ красногвардейцевъ и рабочихъ гибнущей крупной промышленности, содержимыхъ на государственный счетъ. Неизбѣжность паденія большевистской власти уже ясно обрисовалась къ годовщинѣ февральской русской революціи.

Но тотъ факторъ, который ближайшимъ образомъ привелъ большевиковъ къ захвату власти, таилъ въ самомъ себѣ свои самостоятельныя причины ихъ гибели и гибели всей революціи. Демагогически и авантюристски использовавъ неутолимую жажду народнаго хозяйства и душевныхъ силъ малокультурной арміи, деморализованной небывалыми пораженіями и потерями, большевики должны были демобилизовать дѣйствующую армію и развязать стихію внутренней соціальной войны предъ лицомъ могучаго, высококультурнаго германскаго имперіализма, сковавшаго всю нѣмецкую націю въ единый великолѣпно организованный военный механизмъ. Отвергнувъ политику примиренія войны и революціи, мнимо-соціалистическая диктатура не разрѣшила противорѣчія между имперіалистской міровой войной и русской революціей. И въ настоящее время

эта война угрожаетъ жизненнымъ центрамъ революціонной Россіи и ея главнѣйшимъ политическимъ и соціальнымъ завоеваніямъ. Зловѣщее предзнаменованіе, звучавшее въ началѣ революціи условно, нынѣ все болѣе и болѣе принимаетъ форму положительнаго утвержденія: «такъ какъ революція не могла покончить съ войной, то война грозитъ покончить съ революціей».

Д. Розенблюмъ.

Духъ разрушенія въ русской революціи.

(Соціально-психологическій этюдъ).

I.

На протяженіи всей долгой, кровью написанной исторіи русскаго революціоннаго движенія, усилія его героическихъ дѣятелей, какъ о каменную стѣну, разбивались въ столкновеніи съ двумя основными явленіями русской политической дѣйствительности.

Это прежде всего—колоссальная устойчивость вѣками налаживавшагося и глубоко пустившаго свои развѣтвленные корни полицейско-бюрократическаго аппарата. Это затѣмъ—огромная инерція многомилліонной, на необъятной территоріи разбросанной крестьянской массы. Она давала старому порядку силы и средства, съ помощью которыхъ онъ въ желѣзной уздѣ держалъ оазисы культуры и оппозиціи—городскіе центры, стремясь въ тоже время перерѣзать пути ихъ воздѣйствія на деревню.

Въ этомъ порочномъ кругу инерціи массы, питающей инерцію самодержавнаго режима и обратно, десятилѣтіями безнадежно билось наше революціонное движеніе.

Правда, старый порядокъ дѣлалъ рѣшительно все возможное, чтобы развить въ самыхъ широкихъ слояхъ россійскаго населенія психологію глухого, затаеннаго недовольства. Но еще больше тратилъ онъ силъ на то, чтобы это недовольство сдѣлать пассивнымъ, безплоднымъ, а русскаго человѣка—безнадежнымъ фаталистомъ.

Въ то же время самодержавіе идеально использовало мощный аппаратъ государственной власти для разрушенія и уничтоженія

всѣхъ едва пробивавшихся ростковъ новой революціонной культуры и слабыхъ зачатковъ организаціи массъ—словомъ, всего, что могло бы въ глухое недовольство массъ влить опредѣленное содержаніе, оформить его, дать ему осмысленныя задания и сдѣлать активнымъ.

Въ этихъ тяжкихъ условіяхъ не могло создаться сколько-нибудь достаточныхъ творческихъ и созидательныхъ силъ внутри народныхъ массъ. Глухое же недовольство, отличаясь крайней бѣдностью и убожествомъ содержанія, должно было отливаться для широкихъ массъ часто въ совершенно неожиданныя и дикія формы самыхъ разнообразныхъ погромовъ—черносотенныхъ, національныхъ, аграрныхъ, фабричныхъ и т. д. и т. д.

Крайняя слабость творческихъ элементовъ, напряженность безпредметнаго духа разрушенія при инертности основныхъ трудовыхъ массъ населенія—вотъ характерныя черты дореволюціонной Россіи.

Инертныя силы не могли самопроизвольно и самостоятельно ,въ рамкахъ обычныхъ условій жизни разбить созданнаго исторіей порочнаго круга: въ 1917, какъ и въ 1905 году, нарушающимъ инерцію толчкомъ явилась война. Выбивъ изъ нормальной колеи и приведя въ броженіе всѣ слои населенія, міровая война въ то же время бросила въ города массы крестьянъ и вооружила ихъ, не вываривъ, однако, въ котлѣ безпощадной казарменной дисциплины. Такимъ образомъ, у пришедшихъ въ броженіе революціонныхъ классовъ оказалась реальная разрушительная сила.

Это-то временное стеченіе обстоятельствъ создало возможность революціи и въ значительной степени предопредѣлило ея дальнѣйшій характеръ и исходъ.

Огромность сосредоточенныхъ въ политическихъ центрахъ вооруженныхъ силъ обезпечила революціи быструю и легкую побѣду. Но организованныя и руководящія силы революціи представляли незначительную каплю въ огромномъ морѣ распыленной человѣческой массы. Ихъ пугала своей колоссальностью поставленная фактомъ революціи задача—связать, сорганизовать эту массу, привить ей элементы политической культуры, развить въ ней духъ и возможность творчества раньше, чѣмъ успѣлъ поднять голову духъ стихійнаго разрушенія.

И обстоятельства, повидимому, складывались благопріятно для осуществленія этихъ заданій. Первый періодъ революціи, охватывающій приблизительно три мѣсяца—мартъ, апрѣль, май,—прошелъ при удивительномъ для революціонной эпохи спокойствіи и сдержанности широкихъ трудовыхъ массъ.

Вопреки предсказаніямъ пессимистовъ, крестьянство, за рѣдкими исключеніями, не бросилось жечь, громить и грабить помѣщичьи усадьбы. Долгое время оно не рѣшалось широко практиковать «самочинный» захватъ земель, несмотря на острое малоземелье въ рядѣ губерній.

Нѣсколько впереди шелъ самый инициативный и подвижной изъ революціонныхъ классовъ—пролетаріатъ. Но даже и онъ, отчасти подъ давленіемъ общей атмосферы сдержанности, долженъ былъ умѣрять свои требованія. Политическая стачка была закончена, не перейдя въ экономическую; введеніе 8-часового рабочаго дня было обставлено рядомъ оговорокъ государственнаго и даже «оборонческаго» характера.

Вся эта сдержанность, и это спокойствіе, и благородная безкровность начальнаго періода русской революціи были отнесены руково-

дящими и организованными революціонными слоями за счетъ подготовленности народныхъ массъ къ новымъ формамъ соціально-политическаго бытія; какъ зрѣлый плодъ падаетъ съ дерева, такъ, говорили, и революція пришла къ намъ созрѣвшей въ народномъ сознаніи.

Эта иллюзія, покоившаяся на совершенно неправильномъ пониманіи психологическихъ источниковъ поведенія массъ въ начальный періодъ революціи, неизбѣжно повлекла за собою рядъ невѣрныхъ шаговъ и отразилась на всемъ дальнѣйшемъ теченіи революціи.

Но, вѣдь, революція была совершена простымъ «молніеноснымъ» переходомъ на ея сторону крестьянской арміи,—переходомъ, не оставившимъ мѣста упорной и продолжительной кровавой борьбѣ, въ которой могли бы разгорѣться страсти, проснуться дикіе инстинкты кровожаднаго звѣря и въ которую могло бы послѣдовательно втянуться все населеніе. Не говоря уже о крестьянской массѣ, даже подавляющее большинство трудового городского населенія—въ томъ числѣ и рабочаго—стало лицомъ къ лицу съ фактомъ уже совершившейся революціи, не принявъ въ ней никакого непосредственнаго участія, а какъ бы пассивно получивъ подарокъ капризной фортуны исторіи.

Вотъ одна изъ причинъ «благородства» нашей революціи. Изъ этой же обстановки вытекаетъ и другое, въ высшей степени важное по результатамъ, но на первый взглядъ странное послѣдствіе: революція уже совершилась, а широкіе слои трудового населенія еще не имѣли революціонной психологіи, быстро и ярко развивающейся лишь въ процессѣ революціонной борьбы.

Что же касается крестьянства, то наученное горькимъ историческимъ опытомъ оно долго не вѣрило, что «начальство ушло» безъ остатка; довольно медленно, часто подъ вліяніемъ посторонніхъ, городскихъ силъ шли смѣщенія и аресты старыхъ властей; не сразу крестьянство начало открыто собираться и свободно говорить; боялось выбирать на новыя должности и съѣзды: «какъ бы какого подвоха не вышло».

Не надо, наконецъ, упускать изъ виду и того, что двѣ основныхъ силы стараго порядка—репрессія и религія—болѣе или менѣе прочно вложили въ народную психологію рядъ разнообразныхъ навыковъ. Въ этомъ наслѣдіи павшаго режима были, между прочимъ, неясныя и неосознанныя чувства общегосударственной связи всѣхъ гражданъ и народовъ Россіи, элементарный патріотизмъ, навыки внѣшней дисциплины и повиновенія, склонность къ подчиненію авторитету и силѣ.

Немыслимо, конечно, чтобы всѣ эти навыки съ паденіемъ самодержавія сразу же растаяли въ огнѣ революціи, «яко таетъ воскъ отъ лица огня»,—особенно въ условіяхъ нашей революціи безъ революціонной психологіи въ массахъ «гражданскаго» населенія. Вѣдь, даже опытъ каждаго отдѣльнаго человѣка непререкаемо свидѣтельствуетъ, что съ уничтоженіемъ круга условій, вызвавшихъ опредѣленныя привычки и психологическія особенности, эти привычки и особенности уничтожаются съ большимъ трудомъ и крайне медленно. Вотъ этотъ то законъ психологической инерціи и служитъ ключомъ къ пониманію массы явленій переживаемой нами эпохи революціи.

Старыя цѣпи и привычныя рамки соціально-политическаго уклада разбиты. Идеи и формы новаго быта крайне медленно и туго прививаются огромной людской массѣ, разбросанной по необъятному лицу земли русской. Оглушенная исключительной необычностью происходящаго, не ясно усваивая его смыслъ и значеніе, лишенная вѣры въ прочность завоеваній революціи, не зная, что можно, что

должно, чего нельзя дѣлать,—масса, теряя оріентировку въ дѣйствительности, теряетъ самое себя. Въ результатѣ—выжидательное состояніе, слабая и неувѣренная въ самой себѣ активность, страстная жажда авторитетныхъ указаній и разъясненій, которыя дали бы почву для оріентировки и самонахожденія.

Вполнѣ понятенъ въ этихъ условіяхъ огромный, непререкаемый авторитетъ революціонеровъ и революціонныхъ организацій перваго періода революціи. Въ представленіи широкихъ народныхъ массъ революція «сдѣлана» революціонерами—слѣдовательно, они оказались сильнѣе самодержавія. Въ то же время они—друзья народа. Отсюда двойной авторитетъ революціонера—авторитетъ реальной силы и моральный авторитетъ. Революціонеръ—это добрый самодержецъ. Его слово, его совѣтъ, его «резолюція», проходя сквозь призму народнаго сознанія, въ начальный періодъ революціи почти замѣняютъ павшій законъ.

Вотъ главнѣйшія соціально-психологическія данныя, характеризующія начальный періодъ революціи и являющіяся источникомъ его основныхъ особенностей. Въ частности ими объясняются и факты относительнаго «благородства», спокойствія, слабаго проявленія духа стихійнаго разрушенія. Какъ бы это парадоксально ни звучало, но надо признать, что психологическій источникъ всѣхъ этихъ явленій—не въ иллюзорной зрѣлости и подготовленности революціоннаго сознанія массъ, а въ совершенно противоположномъ—въ неподготовленности народа къ революціи, въ ея неожиданности, въ недоразвитости революціонной психологіи, въ инерціи навыковъ стараго режима.

Ясно, что въ этотъ періодъ революціи не было налицо благопріятныхъ условій для замѣтныхъ успѣховъ крайнихъ революціонныхъ партій. Ихъ лозунги настолько противорѣчатъ всему предшествующему опыту, настроенію и мышленію массъ, настолько для нихъ необычны и «дерзки», что не «перевариваются» сознаніемъ и пугаютъ его. Руководящая роль выпадаетъ поэтому на долю сравнительно умѣренныхъ революціонныхъ партій—соціалистовъ-революціонеровъ и с.-д. меньшевиковъ.

По отношенію къ массѣ трудового населенія работа этихъ партій ведется преимущественно въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, въ направленіи ея *соціально-политическаго* самоопредѣленія: разъясняется смыслъ и значеніе переворота, пропагандируются программы партій, указываются опредѣленныя задачи революціи и способы ихъ достиженія и т. д. и т. д. Во-вторыхъ, въ направленіи организаціи и спайки этой совершенно распыленной при самодержавіи массы: создаются совѣты и комитеты, союзы и партіи.

Неразрывно связанный съ революціей разрушительный процессъ концентрируется за это время преимущественно въ области политическихъ учрежденій. Разрушеніе старыхъ соціальныхъ отношеній едва намѣчается.

Естественно, что во всѣхъ почти слояхъ россійскаго населенія поддерживается празднично-радостное настроеніе, авторитетъ революціи весьма значителенъ, а трещина соціально-политической дифференціаціи очень неглубока. Не даютъ знать себя пока и центробѣжныя силы національныхъ антагонизмовъ: слишкомъ еще велика инерція насильственной спайки ихъ самодержавіемъ, и слишкомъ еще не освоились народы съ необычнымъ для нихъ состояніемъ свободы.

Принимая во вниманіе крайнюю чахлость политической культуры, оставленной самодержавіемъ въ наслѣдство революціи, и чрезвычайную мизерность культурно-организаторскихъ силъ въ сравненіи съ колоссальностью спроса на нихъ, слѣдуетъ заранѣе признать, что самоопредѣленіе и организація массъ должны были по необходимости носить поверхностно-эпизодическій характеръ, затрагивая лишь наиболѣе подвижную ихъ верхушку и наиболѣе поддающіеся быстрой трансформаціи элементы сознанія. Основная толща массъ, какъ и болѣе глубокіе элементы массовой психики, особенно мощная и рѣшающая область подсознательнаго, неизбѣжно должны были остаться внѣ сферы революціоннаго воздѣйствія и новаго самоопредѣленія.

Изъ массы нахлынувшаго положительнаго и отрицательнаго идейнаго матеріала революціи, согласно закону естественнаго подбора идей, воспринималось быстро лишь то, что гармонировало съ примитивнымъ сознаніемъ и элементарными интересами массъ.

Какъ бы то ни было, но въ результатѣ всей этой работы народная психика, такъ сказать, «раскачалась». И прежде всего это сказалось разрушеніемъ, *вывѣтриваніемъ инерціи* и власти старыхъ психологическихъ навыковъ, авторитетовъ и нормъ. Это было хорошо, поскольку разрушенное было продуктомъ насилія и темноты массъ и поскольку на смѣну ему могли вскорѣ притти новые навыки, авторитеты и нормы, основанные на сознаніи и признаніи.

Но какъ разъ этой-то необходимой замѣны и не могло произойти въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ. Въ то же время разлагались больше всего именно тѣ навыки, которые, *при всемъ своемъ отрицательномъ историческомъ происхожденіи*, имѣли огромное положительное общественное значеніе: взаимная связанность гражданъ и народовъ Россіи, любовь къ родинѣ, понятія объ общественной повинности и дисциплинѣ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, къ концу перваго періода революціи «раскачавшаяся» народная психика получила всѣ необходимыя данныя для развитія въ ней напряженнаго духа разрушенія и слишкомъ мало почвы и данныхъ для роста духа созиданія.

Въ этомъ—трагедія русской революціи, начинающая развертываться во второй ея періодъ.

II.

Второй періодъ революціи, охватывающій промежутокъ времени приблизительно въ три мѣсяца (іюнь-іюль-августъ), характеризуется выявленіемъ въ революціонномъ дѣйствіи результатовъ процесса революціонизированія, самоопредѣленія и самоутвержденія массъ въ рамкахъ перваго періода.

Отмѣтимъ прежде всего самыя общія и основныя черты соціальной психологіи, развивавшіяся за это время.

Къ началу второго фазиса революціи россійскій обыватель,—будь то крестьянинъ, солдатъ или рабочій,—начинаетъ «своимъ умомъ» разбираться въ хитрой механикѣ революціи, проникать въ ея «тайны» и свыкаться съ ея «обычаями». И оказалось въ концѣ концовъ, что ни хитраго, ни тайнаго въ ней ничего нѣтъ. Николай Романовъ крѣпко сидитъ подъ арестомъ, его полиція отправлена на фронтъ, а, слѣдовательно, надъ обывателемъ не виситъ вѣчная угроза удара кулакомъ или нагайкой. Отсюда ясно, что «прошли тѣ времена», что «теперь свобода».

Въ то же время оказалось, что и въ «революціонерѣ» нѣтъ ничего таинственнаго: это самый простой, самый обыкновенный человѣкъ со всѣми свойственными человѣку слабостями; онъ является по первому зову, и въ его рѣчахъ, видѣ и манерахъ нѣтъ ни твердости, ни грозы; наоборотъ, онъ заискиваетъ и явно желаетъ привлечь на свою сторону. Словомъ, революціонеръ сталъ понятнымъ и доступнымъ толпѣ, то-есть потерялъ въ ея мнѣніи. Больше того, вызванная партійной борьбой демагогія и заискиваніе предъ темной массой вызываетъ въ ней подозрѣніе въ чистотѣ стремленій революціонера. И ужъ совсѣмъ падаетъ его авторитетъ благодаря всѣмъ этимъ митингамъ съ преніями, гдѣ представители разныхъ партій изощряются предъ глазами малокультурной аудиторіи въ нанесеніи другъ другу возможно болѣе звонкихъ моральныхъ пощечинъ.

Выяснилось для обывателя и другое важное обстоятельство: революцію «сдѣлалъ» не революціонеръ, а самъ же обыватель—солдатъ, рабочій, крестьянинъ; самостоятельной силы у революціонера нѣтъ, сила—все въ той же массѣ. Авторитетъ революціонеровъ, такимъ образомъ, всесторонне убываетъ.

Новорожденному гражданину обстоятельно и совершенно вѣрно разсказали, что онъ—«хозяинъ земли русской», истинный ея самодержецъ». Сначала обыватель слушалъ это и недовѣрчиво-конфузливо ухмылялся; затѣмъ повѣрилъ и сталъ понемногу на опытѣ въ этой вѣрѣ утверждаться, а утвердившись, окончательно осозналъ себя, какъ «истиннаго самодержца».

И вотъ этотъ-то «самодержецъ» испытываетъ длинный рядъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ нуждъ и потребностей, острота которыхъ за десятки лѣтъ ихъ искусственнаго подавленія достигла чрезвычайно высокой степени (вопросы о землѣ, заработной платѣ, рабочемъ днѣ и т. д.). «Обстоятельства военнаго времени», усиливъ до крайности многія изъ старыхъ потребностей, создали новыя еще болѣе острыя (жажда мира, хлѣба и т. д.). Въ то же время гражданинъ, осознавшій себя единственнымъ источникомъ государственной воли, силы и власти, видитъ, что все ему нужное находится, можно сказать, въ предѣлахъ полной досягаемости, не забронированное никакими посторонними силами. Протянуть только руку—и можно невозбранно взять и землю, и хлѣбъ, и высокій заработокъ, и краткій рабочій день, и миръ,—словомъ все, что такъ долго было недоступнымъ, запретнымъ, но страстно желаннымъ.

Уровень же классоваго и культурно-государственнаго сознанія массъ не позволяютъ имъ постигнуть всю повелительную необходимость созданія хотя-бы элементарныхъ предпосылокъ для удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей и неизбѣжную медленность этого *созданія* въ чрезвычайно трудныхъ и сложныхъ условіяхъ русской революціи. Постепенно возникаетъ психологія страстнаго нетерпѣнія взять поскорѣе все, что «по праву принадлежитъ истинному хозяину земли русской—трудовому народу». И если въ первый періодъ революціи на путь проявленія этого смутно растущаго нетерпѣнія стояла по инерціи сохранявшаяся власть старыхъ навыковъ и нормъ вмѣстѣ съ авторитетомъ революціонеровъ и революціонныхъ организацій, то во второй періодъ дѣйствіе обоихъ этихъ сдерживающихъ факторовъ прогрессивно убываетъ. Инерція стараго почти безъ остатка вывѣтривается, а авторитетъ революціонеровъ, поколебленный уже простымъ фактомъ выявленія ихъ ранѣе таинственнаго лица и проникновеніемъ массъ въ «механику» революціи, падаетъ еще ниже благо-

даря открытой ими—пусть слабой, нерѣшительной и половинчатой—кампаніи противъ грозно растущей стихіи нетерпѣнія.

Первоначально въ душу массъ проникаетъ червь сомнѣнія: «намъ говорятъ объ установленіи полнаго народоправства; сами мы видимъ, что все нужное намъ можно «взять», но революціонныя организаціи и правительство не «даютъ» и «отговариваютъ». Противорѣчіе ясное и болѣе, чѣмъ убѣдительное. Сомнѣніе послѣдовательно переходитъ въ разочарованіе, а затѣмъ развивается въ подозрительность, что въ этомъ дѣлѣ «не все ладно», что пахнетъ «измѣной народу», «защитой интересовъ буржуазіи и помѣщиковъ». Эта подозрительность въ связи съ крайнимъ маловѣріемъ массъ въ свои собственныя силы и прочность революціи даетъ еще большую пищу для роста психологіи нетерпѣнія: «при Николаѣ мы ждали и страдали, и теперь при «свободѣ» опять то-же;—нѣтъ, довольно попили нашей кровушки!»

Въ результатѣ—неудержимое стремленіе массъ къ «самочинному» захвату всего, въ чемъ онѣ испытываютъ дѣйствительную или мнимую потребность. А такъ какъ этотъ захватъ творится неорганизованными и некультурными толпами и сопровождается попытками, всего организованнаго и культурнаго остановить мчащуюся стихію, то съ совершенно неумолимой неизбѣжностью разрушается и обезцѣнивается какъ то, что перешло намъ въ наслѣдіе отъ прошлаго, такъ и все, созданное революціей. Матеріальныя цѣнности и моральные авторитеты хозяйства и зданія, пути сообщенія и средства обмѣна, совѣты и партіи, фронтъ и тылъ, центральное и мѣстное управленіе, единство Россіи и ея связанность—все это матеріально и морально разрушается и обезцѣнивается. Стихія распада и разрушенія начинаетъ торжествовать всюду, принимая характеръ массовой заразы, перекидываясь отъ однихъ слоевъ населенія къ другимъ, изъ однѣхъ мѣстностей въ другія. Общность условій и однородность состоянія и настроеній массъ отливаютъ проявленія этого психоза повсюду въ удивительно однообразныя формы.

Иниціатива и распространеніе интересующаго насъ массоваго психоза безспорно принадлежитъ бродильному и бродячему грибку русской революціи—солдату.

Быстрѣе, чѣмъ у всякой другой группы населенія, у солдата вывѣтрилась инерція старыхъ навыковъ и дисциплины и замѣнилась непоколебимымъ сознаніемъ своихъ заслугъ и революціоннаго достоинства. Каждый порядочный солдатъ прекрасно понималъ и не считалъ нужнымъ скрывать, что онъ «три года кровь проливалъ и «страждалъ за отечество», что именно онъ «сдѣлалъ» революцію и, вновь «проливая кровь», вплелъ въ свою славу новые неувядаемые лавры. Солдатъ очень скоро догадался, что принципъ народоправства относится прежде всего и больше всего именно къ нему, къ его заслугамъ, страданіямъ и борьбѣ.

Къ началу второго періода революціи солдатъ—особенно тыловой—счелъ себя въ полномъ правѣ почить отъ военныхъ дѣлъ и занятій. Располагая полной свободой въ распоряженіи своимъ временемъ и своей личностью, онъ превращается въ профессіональнаго политика, пользующагося въ своей дѣятельности не однимъ лишь словомъ и убѣжденіемъ, но и ultima ratio virorum—оружіемъ. Такъ какъ солдатская масса включаетъ большую гамму соціально-политическихъ и бытовыхъ типовъ, то ея «реальная» сила примѣняется по самымъ разнообразнымъ поводамъ и въ самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ, направленіяхъ. Борьба партій и теченій въ вопросахъ вы-

сокой международной, общегосударственной и мѣстной политики, «борьба съ спекуляціей», борьба съ «окопавшимися въ тылу буржуями», работа продовольственныхъ и земельныхъ органовъ, обыски и реквизиціи, погромы разныхъ управъ, магазиновъ, складовъ, винныхъ погребовъ и просто цѣлыхъ городовъ—вотъ широкое поле для примѣненія энергіи самыхъ разнообразныхъ солдатскихъ типовъ.

Основнымъ вопросомъ, на которомъ «самоопредѣлилась» солдатская масса и солидаризировались почти всѣ ея типы, явился для фронтовиковъ вопросъ о наступленіи, а для тыловиковъ—объ отправкѣ на фронтъ. Здѣсь былъ данъ генеральный бой остаткамъ прежнихъ психологическихъ навыковъ, авторитету революціонеровъ и даже «власти совѣтовъ». Изъ этого сраженія солдатъ вскорѣ вышелъ побѣдителемъ. Ни приказы стараго и новаго начальства, ни «убѣждармы» отъ революціи, соціализма и всѣхъ совѣтовъ не могли противостоять мощному натиску элементарнаго животнаго страха, усталости и жажды возвращенія въ обычныя условія жизни. Съ оружіемъ въ рукахъ солдаты «обрѣли свое право» оставаться въ тылу и дезертировать.

Нельзя не отмѣтить, что даже самыя крайнія революціонныя партіи не рѣшились открыто поставить разрѣшительный штемпель на этой борьбѣ, и руководство ею выпадаетъ на долю амнистированныхъ уголовныхъ, бывшихъ городовыхъ, жандармовъ, охранниковъ и черносотенцевъ. Плѣняя воображеніе бывшаго деревенскаго жителя «широтой натуры» и «удалью», изворотливостью и нахальствомъ; пылая пламенной ненавистью къ войнѣ и «буржуямъ»; стоя въ то-же время близко къ массѣ по своему культурному уровню, методамъ дѣйствія, психологіи и ораторскимъ пріемамъ,—эти элементы пріобрѣтаютъ на фронтѣ и въ тылу выдающійся авторитетъ. Именно они играютъ роль той силы, которая выбиваетъ солдатскую массу изъ желѣзнаго ранѣе круга военной дисциплины и, побуждая къ отказамъ отъ выступленія и наступленія, толкаютъ ее далѣе къ убійствамъ командnаго состава, къ погромамъ городовъ и винныхъ складовъ, къ дикимъ насиліямъ и грабежамъ.

Первые порывы грознаго духа разрушенія тяжко отразились въ сознаніи революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ и направленій. Хотя и съ большимъ опозданіемъ, но совѣты были вынуждены бросить свой авторитетъ на чашку вѣсовъ творческихъ, созидательныхъ силъ въ ихъ борьбѣ съ стихіей разрушенія. Но онъ оказался слишкомъ легкимъ въ сравненіи съ тяжестью зоологическихъ инстинктовъ. Когда солдаты отказывались итти на фронтъ или въ наступленіе, когда назрѣвали и творились погромы, предъ взбушевавшимся людскимъ моремъ появлялся депутатъ и читалъ совѣтскія «резолюціи». Въ лучшемъ случаѣ онѣ выслушивались и принимались къ свѣдѣнію, но не къ исполненію, въ худшемъ—встрѣчались дикимъ, оглушительнымъ воемъ, а часто избіеніемъ оглашавшихъ и защищавшихъ ихъ депутатовъ.

Получивъ этотъ «революціонный» опытъ и вызвавъ въ своей памяти опытъ дореволюціоннаго быта, солдатъ вполнѣ укрѣпился въ пониманіи «политики, какъ результата соотношенія реальныхъ силъ». Хотя долгая оторванность отъ производительной хозяйственной дѣятельности и положеніе лишь потребителя хозяйственныхъ благъ внесли въ психику солдата элементы деклассированности, но все же связь съ тѣмъ классомъ, изъ котораго онъ вышелъ, не вполнѣ порывается. Завоевавъ себѣ право пребыванія въ тылу и «право» дезертирства и пользуясь въ то-же время неограниченной свободой

передвиженія, солдатская масса по всему лицу земли русской, вплоть до самыхъ отдаленныхъ медвѣжьихъ угловъ, разноситъ свое пониманіе «политики», со всѣмъ арсеналомъ свойственныхъ ей пріемовъ.

Деревня, сильно запоздавшая съ разрушеніемъ старыхъ навыковъ и новыхъ революціонныхъ авторитетовъ, при благосклонномъ участіи солдатъ быстро «модернизируется» и «революціонизируется». И здѣсь постепенно погромъ и захватъ, какъ методы соціально-политическаго дѣйствія, пріобрѣтаютъ не меньшія, чѣмъ въ городѣ, права гражданства. И здѣсь неуклонно начинаетъ падать авторитетъ умѣренныхъ соціалистическихъ партій и организованныхъ ими совѣтовъ.

Даже наиболѣе подготовленный къ революціи и склонный къ организаціи и дисциплинѣ рабочій классъ все болѣе и болѣе поддается стихіи захвата, духу разрушенія и власти своекорыстнаго узкаго интереса даннаго момента, переставая считаться съ интересами и государства, и даже своего класса въ цѣломъ и въ развитіи. Директивы совѣтовъ начинаютъ казаться ему рамками, стѣсняющими его возможныя достиженія, и перестаютъ выполняться.

Разъ начавши проявляться и не встрѣчая на своемъ пути никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ препятствій, духъ разрушенія пріобрѣтаетъ колосальную силу инерціи. Эта инерція тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше была до революціи инерція покоя и пассивность массъ, чѣмъ крѣпче стягивалъ массы внѣшнимъ принужденіемъ желѣзный обручъ самодержавія. Масса беретъ реваншъ за старыя обиды, угнетеніе, безправіе, за свою темноту и забитость.

Первый періодъ русской революціи былъ заполненъ «духовнымъ» самоопредѣленіемъ и организаціей массъ. Второй ея періодъ проходитъ подъ знакомъ выявленія въ дѣйствіи результатовъ этого процесса. Причемъ съ непререкаемой ясностью опредѣлилось, что «самоутвержденіе» массъ въ нашихъ россійскихъ условіяхъ ведетъ къ торжеству стихійнаго духа разрушенія, а организація массъ—къ ея «самоотрицанію». За бортъ стремительно мчащагося по волѣ волнъ корабля русской революціи стихія безпощадно выбрасываетъ все связывающее и организующее, культурное и авторитетное. Мало того, охваченныя стихіей массы начинаютъ относиться ко всему этому съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ и часто и съ ненавистью.

Говоря отвлеченно, остановить или задержать стихію разрушенія въ этотъ критическій періодъ русской революціи могла лишь сильная государственная власть, неуклонно и послѣдовательно приводящая въ дѣйствіе аппаратъ государственнаго принужденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ правонарушенія.

«Контръ-революціонное» правительство Керенскаго пыталось встать на путь принужденія. И въ тѣхъ случаяхъ, когда удавалось своевременно найти достаточно компактную, хотя и небольшую, воинскую часть, эффектъ получался поразительный. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, погромъ прекращался, солдаты «раскаивались» и выполняли приказанія военной власти. То, чего не могли сдѣлать каскады разумныхъ словъ, неопровержимо убѣдительныхъ рѣчей и резолюціи всѣхъ партій и совѣтовъ, въ нѣсколько часовъ достигалось одной угрозой военной силы: старые психологическіе навыки оживали съ чрезвычайной яркостью въ душѣ массы при первомъ же проявленіи элементарной физической силы. И эти же навыки заставляли ее быть глухой къ убѣжденіямъ революціонеровъ и ихъ организацій, не пускавшихъ въ ходъ кулаковъ и нагаекъ.

Но попытка Керенскаго слишкомъ запоздала. Бацилла стихіи разрушенія и распада проникла такъ глубоко и распространилась столь широко, что съ нею ничего уже нельзя было сдѣлать. Больше того, запоздалые, нерѣшительные и не приведенные въ систему акты принужденія, вызывая вспышки протеста и давая «моральную» почву для агитаціи, подливали масла въ разгорающееся пламя разрушенія и ускоряли процессъ разложенія авторитета власти.

Руководящія въ первый періодъ революціи и пытавшіяся поспѣть за массами во второй ея періодъ партіи с.-р. и меньшевиковъ по своей идеологіи и психологіи оказались не въ состояніи ввести въ систему принужденіе по отношенію къ этимъ массамъ. По тѣмъ же самымъ причинамъ эти партіи не могли ни санкціонировать, ни утилизировать стихію разрушенія. И въ концѣ концовъ на ихъ долю выпала траги-комическая роль «убѣждармовъ», со словомъ разума обращающихся къ ирраціональной стихіи бушующаго моря революціи.

Революція поставила предъ лицомъ всякой партіи, желающей оставаться дѣйственнымъ факторомъ современности, лишь одну альтернативу: или безцеремонное насильственное преодолѣніе инерціи стихійно-разрушительнаго движенія, или столь же безцеремонная его санкція и утилизація въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ. «Да, да! Нѣтъ, нѣтъ! А прочее отъ лукаваго».

III.

Третій періодъ русской революціи, начинающійся съ сентября мѣсяца, проходитъ подъ знакомъ полнаго торжества не встрѣчающей на своемъ пути препятствій стихіи разрушенія, интенсивной дифференціаціи общественныхъ силъ по признаку того или иного разрѣшенія поставленной исторіей альтернативы и окончательнаго вычеркиванія умѣренной середины изъ списка дѣйственныхъ силъ революціи.

На рубежѣ второго и третьяго періодовъ стоитъ попытка Корнилова, опираясь на либеральные и консервативные слои общества и сохранившія остатки дисциплины воинскія части, силою оружія положить предѣлъ стихіи всеобщаго развала въ интересахъ національно-государственныхъ и въ интересахъ господствующихъ классовъ. Эта попытка окончилась полнымъ крахомъ въ военномъ отношеніи; она только сдѣлала стремительнѣе процессъ разложенія въ рядахъ революціи и окончательно освободила силы разрушенія. Корниловская попытка была одновременно и послѣдней ставкой въ борьбѣ со стихіей распада и первымъ шагомъ контръ-революціи.

Отсюда ясно, какъ она должна была отразиться въ массовой психологіи: бита послѣдняя ставка сдерживающихъ силъ—значитъ, «теперь все можно»; зашевелилась контръ-революція—«бери, пока не поздно». Проявленія этой психологіи въ дѣйствіяхъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ трудового населенія—рабочихъ, крестьянъ, солдатъ—настолько еще свѣжи въ памяти читателя, что нѣтъ никакой надобности напоминать ихъ. Въ тылу и на фронтѣ, въ деревнѣ и городѣ, въ земледѣліи и промышленности—всюду воцарилась обнаженная побѣдоносная стихія захвата, погрома и разрушенія. Инстинкты животнаго самосохраненія и аппетита, страсти классовой ненависти и мести, болѣзненная жажда разрушенія и крови, дикая радость униженнаго и оскорбленнаго въ еще большемъ униженіи и оскорбленіи бывшаго господина—все это свивается въ кошмарный кровавый клубокъ, пляшетъ танецъ смерти на похоронахъ революціи.

на ея моральномъ, идейномъ и организаціонномъ разложеніи, затаптывая въ грязь красное знамя соціализма. Но въ этотъ моментъ находится сила, которая схватываетъ его, пытается гордо поднять, и на немъ, окрашенномъ уже въ черный цвѣтъ анархіи, пишетъ свой лозунгъ: «carpe diem!» Эта сила—большевизмъ, выросшій изъ санкціи стихіи разрушенія и стремящійся утилизировать ее въ своихъ цѣляхъ.

Справедливость требуетъ признать, что большевизмъ раньше и вѣрнѣе другихъ соціалистическихъ направленій понялъ и учелъ психологію массъ, неизбѣжно развивающуюся въ процессѣ революціи, и методы революціоннаго дѣйствія, и терминологію, и способы устной и литературной агитаціи. Если въ первый періодъ революціи большевизмъ пугаетъ и отталкиваетъ массы непривычнымъ радикализмомъ своихъ лозунговъ, то, съ измѣненіемъ массовой психологіи во второмъ періодѣ, онъ все болѣе и болѣе привлекаетъ ихъ чрезвычайной упрощенностью своихъ построеній, ясностью, выразительностью и «соблазномъ» требованій, безцеремонной «крѣпостью» полемики и вообще стиля.

Упорно дискредитируя политическихъ противниковъ и съ особымъ стараніемъ играя демагогически на лозунгѣ «немедленности» осуществленія всего, чего страстно жаждала масса, большевизмъ постепенно стягиваетъ подъ свои знамена солдатъ и рабочихъ. И въ тотъ моментъ, когда стихія разрушенія одерживаетъ окончательную побѣду надъ творчески-созидательнымъ началомъ, а временное правительство, «правительственныя» партіи с.-р. и меньшевиковъ съ оставшимися подъ ихъ вліяніемъ совѣтами изнемогаютъ въ непосильной борьбѣ съ погромно-захватной стихіей,—въ этотъ моментъ большевизмъ встаетъ во весь ростъ, собираетъ вокругъ своихъ лозунговъ дѣйствительное большинство солдатско-рабочей массы и полностью развертываетъ свою программу: «вся власть совѣтамъ... только они дадутъ... а потому нужна вторая, на этотъ разъ не буржуазная, а рабоче-крестьянская революція».

Изъ всего предыдущаго анализа ясна неизбѣжность побѣдоноснаго исхода «второй революціи». Почти цѣликомъ активные и вооруженные слои революціоннаго трудового населенія городовъ стали на сторону большевизма. Правительство, с.-р. и меньшевики могли противопоставить имъ лишь незначительныя силы и при томъ вышедшія не изъ рядовъ «революціонной демократіи», а изъ «культурнаго общества»—отряды юнкеровъ, офицеровъ, студентовъ и т. п. Что же касается крестьянства, то, оставаясь по свойственной ему инерціи въ моментъ возстанія на сторонѣ соц.-рев., оно, какъ это было въ февральскую и другія революціи, играло роль пассивнаго политическаго матеріала, роль объекта политики, а не ея субъекта. Вѣдь, чисто политическіе вопросы нашей революціи вообще разрѣшались исключительно въ городахъ, почти исключительно рабочими и солдатами и главнымъ образомъ силой оружія.

Вотъ почему соц.-рев., получившіе огромное большинство голосовъ при выборахъ въ земства и Учредит. Собраніе, были тѣмъ не менѣе вычеркнуты изъ числа серьезныхъ дѣйственныхъ силъ третьяго періода революціи. И вотъ почему деревня въ этотъ періодъ превращается въ простое поле для большевистскихъ и лѣво-эсеровскихъ соціально-политическихъ экспериментовъ. И надо сказать, что воспринимаетъ она ихъ съ той же исключительной пассивностью, какъ и въ недавнія времена самодержавія. Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ винтовками въ рукахъ угрозами и криками, перемѣшанными съ

самыми дикими посулами, заставляютъ цѣлыя волости голосовать за большевистскіе списки въ Учр. Собр. Они же «приказываютъ» разгонять волостныя земства и выбирать себя или себѣ подобныхъ на бутафорскіе «крестьянскіе» съѣзды, инсценируемые «рабоче-крестьянскимъ» правительствомъ для оправданія своего титула и своихъ преступленій. И все это завершается разгономъ Учр. Собр.—этимъ самымъ яркимъ и совершенно безнаказаннымъ экспериментомъ совѣтской власти надъ крестьянской Россіей.

Если мы возможно конкретнѣе возсоздадимъ въ своей памяти всю соціально-психологическую и историческую обстановку періода побѣдоноснаго шествія большевизма, то для насъ совершенно яснымъ станетъ объективный механизмъ его плановъ и его «успѣха»: санкціонируя иррацiональную въ цѣломъ стихію нетерпѣнія и недовольства, разрушенія и захвата, овладѣть ею и направить ее на разрушеніе стараго соціальнаго уклада въ надеждѣ, что творчески-созидательныя силы вырастутъ въ самомъ процессѣ соціалистической революціи.

Содержаніе и методы «соціалистическаго» переворота цѣликомъ зависятъ отъ характера производящихъ его массъ: онѣ воспринимаютъ и поддерживаютъ лишь то, что находится въ гармоніи съ ихъ бытомъ и психологіей. Но солдатъ—этотъ главнѣйшій дѣятель большевистскаго соціализма—не производитель, а лишь потребитель хозяйственныхъ благъ; кромѣ того, въ его малокультурной психикѣ за время войны развились особенности, свойственныя деклассированнымъ элементамъ общества. «Соціализмъ» солдата—потребительный соціализмъ, соціализмъ дѣлежа (а часто и того хуже); методъ его осуществленія—захватъ, штыкъ, пуля и «растерзаніе». Полукрестьянскій составъ рабочей массы, ея культурный уровень при кризисѣ и «демобилизаціи» промышленности съ растущей безработицей не очень возвышаютъ рабочій соціализмъ надъ солдатскимъ: побольше получить, поменьше дать; не работая, жить за счетъ «казны» и т. д. и т. д. Методъ тотъ же—захватъ красногвардейцами. Въ результатѣ получается «потребительный штыкъ-соціализмъ», а говоря проще, вооруженный дѣлежъ.

То, что этотъ дѣлежъ носитъ гордое названіе соціализма, объясняется «человѣческимъ, слишкомъ человѣческимъ» свойствомъ прикрывать обнажившіеся инстинкты плащомъ благородныхъ и возвышенныхъ словъ. Вообще люди не могутъ долгое время жить въ обстановкѣ «мерзости» моральнаго запустѣнія и разрушенія: въ ихъ душахъ быстро начинаютъ расти реакція, отвращеніе и чувство безнадежности. Это свойство заставляетъ усталаго труса и дезертира называть себя «интернаціоналистомъ», а вооруженнаго захватчика—соціалистомъ.

Для того, чтобы «владѣть» массой, надѣленной такой психологіей и такимъ пониманіемъ соціализма, большевизмъ неизбѣжно долженъ былъ стать ея послушнымъ рабомъ и отражать это рабство во всѣхъ своихъ «декретахъ», соціально-политическихъ актахъ и способахъ ихъ осуществленія въ жизни. Непріятіе же большевизма большинствомъ населенія и почти всей его культурной частью приводятъ совѣтскую власть къ отрицанію и объявленію «буржуазными предразсудками» всѣхъ гражданскихъ свободъ и всеобщаго избирательнаго права, къ системѣ террора и разгрому всѣхъ демократическихъ учрежденій, созданныхъ революціей. Взамѣнъ этого солдатамъ, рабочимъ и всѣмъ, кто объявитъ себя сторонникомъ совѣтовъ, предоставляется полная «самодѣятельность», т.-е. право безконтрольнаго и произвольнаго распоряженія и участью людей и казеннымъ и част-

нымъ имуществомъ. Опираясь на созданную старымъ режимомъ психологію массъ, большевизмъ беретъ всѣ его пріемы и доводитъ ихъ до абсурда въ цѣляхъ реализаціи абсурднаго «соціализма». И если самодержавіе черпало свои силы изъ инертной соціальной психологіи въ состояніи ея покоя, то большевизмъ питается буквально той же инертной психологіей, но въ состояніи ея движенія.

Вотъ почему комиссародержавіе оказалось для широкихъ массъ гораздо болѣе близкимъ, понятнымъ и роднымъ, чѣмъ всѣ эти демократическія учрежденія, какъ думы, земства и Учред. Собраніе, основанныя на правѣ и питающіяся правовымъ сознаніемъ и культурностью населенія. Старые же навыки пассивнаго подчиненія силѣ и насилію сказались въ поведеніи и другой части населенія, не пріемлющей большевизма. Словомъ, третій періодъ революціи чрезвычайно наглядно показалъ намъ, насколько подготовленъ новорожденный гражданинъ, чтобы стать «хозяиномъ земли русской».

Послѣ всего сказаннаго мы, повидимому, имѣемъ право сдѣлать слѣдующіе выводы: большевизмъ—не болѣзнь, а одинъ изъ симптомовъ болѣзни; безъ его участія болѣзнь развивалась бы быть можетъ въ еще болѣе бурныхъ и опасныхъ формахъ, а больной, лишенный всякаго «ухода», могъ бы изувѣчить себя еще сильнѣе.

Понятно, что каждый актъ большевизма, работающаго среди стихіи разрушенія и при помощи ея силъ, вноситъ все большій и большій развалъ въ русскую жизнь. Неуклонно разлагается ея хозяйственный укладъ, растетъ внѣшняя безпомощность, уничтожаются остатки государственныхъ связей, все свободнѣе разгуливаетъ царь-голодъ, неся съ собою повальныя болѣзни.

Быстрымъ темпомъ въ этой обстановкѣ идетъ разложеніе революціи. Все большія и большія массы городовъ и деревень вздыхаютъ о твердой власти и порядкѣ, представляя благопріятную почву для активныхъ выступленій контръ-революціи. Въ рядахъ самой бывшей революціонной демократіи идетъ бѣшеное взаимопоѣданіе. Большевизмъ быстро таетъ подъ вліяніемъ отколовъ «влѣво» и отхода разочарованныхъ массъ. Эти «отходящіе» въ большей своей части погружаются въ безнадежную апатію и аполитизмъ, вычеркивая себя изъ списка дѣйственныхъ силъ революціи и своей пассивностью увеличивая шансы реакціи.

Оставшіяся подъ знаменами большевизма массы, интенсивно пополняемыя лишь подонками общества—нѣмецкими шпіонами, охранниками и полиціей стараго режима, черносотенцами, уголовными элементами и сворой безшабашныхъ авантюристовъ,—непрерывно разлагается и морально, и организаціонно.

Всѣ эти процессы находятъ за январь и февраль наиболѣе яркое выраженіе въ усиленіи и шумныхъ выступленіяхъ двухъ полярныхъ теченій—анархистскаго и религіознаго. Анархизмъ—кульминація духа разрушенія. Религія—кульминація духа порядка. Но въ то время, какъ ростъ перваго характеризуетъ организаціонное суженіе и моральное разложеніе революціи, вліяніе второй знаменуетъ расширеніе основы и моральную санкцію контръ-революціи.

Вызванный революціей мощный духъ разрушенія, уничтоживъ то, что осуждено исторіей, пытается похоронить и то, чему еще принадлежитъ будущее. Въ стихіи разрушенія революція собственными руками губитъ свои кровныя завоеванія,—она «отрицаетъ самое себя».

А. А. Мининъ.

Очеркъ исторіи Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.

Съ паденіемъ царскаго правительства широкій потокъ революціонной волны хлынулъ въ деревню, разрушилъ старыя правительственныя учрежденія, воздвигая на ихъ обломкахъ революціонные комитеты. Разнообразіе и пестрота этихъ комитетовъ съ одной стороны, распыленность крестьянства—съ другой диктовали культурнымъ работникамъ деревни необходимость созданія единаго всероссійскаго крестьянскаго органа, который сорганизовалъ бы, объединилъ бы крестьянство и занялъ бы подобающее мѣсто на ряду съ дѣйствовавшимъ въ Петроградѣ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Задача этого органа—защита интересовъ многомилліоннаго крестьянства путемъ выявленія его воли и желаній. На протяженіи всей своей исторіи крестьянство молчало, а теперь наступилъ моментъ открыто, на всю Россію, на весь міръ сказать свое мужицкое слово. Мысль эта зародилась въ Москвѣ, въ концѣ марта, на первомъ свободномъ съѣздѣ кооперативныхъ союзовъ, и здѣсь же были сдѣланы первые шаги къ ея осуществленію. По иниціативѣ разъѣхавшихся на мѣста участниковъ съѣзда началась организація крестьянскихъ совѣтовъ, по примѣру совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Работа совершалась настолько быстро, что уже въ началѣ апрѣля въ Москвѣ состоялось совѣщаніе представителей вновь созданныхъ крестьянскихъ организацій Московской области, въ результатѣ котораго съ 12-го апрѣля въ Петроградѣ начались работы организаціоннаго бюро по созыву всероссійскаго крестьянскаго съѣзда, съ участіемъ телеграфно вызванныхъ съ мѣстъ видныхъ крестьянскихъ работниковъ.

4-го мая съѣздъ торжественно былъ открытъ. Пресса отмѣтила открытіе выраженіями надежды, что народившаяся мощная организація крестьянства внесетъ въ политическо-соціальную жизнь Россіи большую устойчивость и, наряду съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, займетъ мѣсто, подобающее значенію многомилліоннаго крестьянства. На съѣздѣ крестьянство опредѣлило формы крестьянской организаціи и вынесло рѣшенія по вопросамъ—о власти, о землѣ, мирѣ и продовольствіи. Рѣшенія эти имѣли большое вліяніе на деревню, которая проведеніе ихъ въ жизнь считала для себя обязательнымъ. Наиболѣе удобной формой крестьянскихъ организацій съѣздомъ признаны совѣты крестьянскихъ депутатовъ. Въ центрѣ стоитъ Всероссійскій Совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ, на мѣстахъ губернскіе или областные, уѣздные, окружные, отдѣльскіе, волостные, станичные, поселковые, а въ случаѣ надобности краевые и сельскіе. Исполнительными органами совѣтовъ являются исполнительные комитеты. Задачи совѣтовъ: а) выясненіе земельнаго вопроса и проведеніе въ жизнь тѣхъ мѣропріятій, которыя смогутъ быть осуществлены до Учредительнаго Собранія; б) подготовка крестьянства къ выборамъ въ Учредительное Собраніе; в) контроль надъ дѣйствіями органовъ власти и наблюденіе, чтобы они не отступали отъ демократическихъ началъ; г) представительство интересовъ крестьянства во всякаго рода правительственныхъ и общественныхъ организаціяхъ. Ближайшими очередными задачами признаны были: 1) содѣйствіе усиленной доставки хлѣба въ армію и города; 2) рѣшительная борьба съ дезертирствомъ; 3) пересмотръ отсрочекъ и провѣрка всѣхъ льготъ по призыву; 4) возможное содѣйствіе правильному пониманію настроенія крестьянства на фронтѣ, и 5) устройство пропагандистскихъ курсовъ для крестьянъ.

По вопросу о землѣ грандіозный Съѣздъ, (1553 делегата съ фронта и тыла)—*единогласно* высказался за передачу земли въ достояніе всего народа, и всѣми голосами противъ 6 за уравнительное распредѣленіе ея между всѣмъ трудовымъ народомъ. Окончательное рѣшеніе земельнаго вопроса признано дѣломъ Учредительнаго Собранія, какъ истиннаго хозяина и выразителя воли народной. Выступленіе большевиковъ, во главѣ съ Ленинымъ, предлагавшихъ немедленный захватъ помѣщичьей земли, успѣха не имѣло, и предложеніе это было отвергнуто всѣми голосами противъ тѣхъ же 6. По вопросу о войнѣ крестьянство постановило немедленно обратиться съ воззваніемъ къ трудовымъ народамъ всего міра, чтобы они сумѣли повліять на свои правительства въ смыслѣ наискорѣйшаго заключенія всеобщаго демократическаго мира. Далѣе крестьянство высказалось за полное довѣріе коалиціонному составу Временнаго Правительства.

Всѣ постановленія Съѣзда крестьянствомъ на мѣстахъ встрѣчались весьма сочувственно. Во вновь образованный Исполнительный Комитетъ Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ посыпались сочувственныя телеграммы, наказы; потянулись ходоки. Мѣстные крестьянскіе совѣты связывались съ остальными демократическими организаціями—волостными, продовольственными и земельными комитетами, стремились вліять на цензовыя земства и демократизировать ихъ введеніемъ въ нихъ представителей крестьянства и рабочихъ. Въ массѣ, сплошь и рядомъ весьма безграмотныхъ, составленныхъ безъ помощи интеллигенціи, постановленіи крестьянскихъ совѣтовъ красной нитью проходитъ стремленіе къ воплощенію въ жизнь идей братства и справедливости, къ разрѣшенію соціаль-

ныхъ вопросовъ не путемъ насилія, погромовъ, а путемъ мирнымъ, «путемъ Божьимъ». Но вмѣстѣ съ этимъ, постановленія указывали на отсутствіе у крестьянства и организаціоннаго опыта и достаточныхъ знаній для рѣшеній правовыхъ вопросовъ. Поэтому Исполнительный Комитетъ Всероссійскаго Совѣта Кретьянскихъ Депутатовъ центръ тяжести своей работы перенесъ на организацію крестьянства, чѣмъ отличался отъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, занявшаго боевую позицію въ области политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Агитаціонно-пропагандистскій Отдѣлъ Исполнительнаго Комитета, несмотря на малочисленный составъ—50—60 человѣкъ, ежедневно разсылалъ инструкторовъ, агитаторовъ, пропагандистовъ по разнымъ угламъ деревни. На спѣхъ были созданы краткосрочные курсы по подготовкѣ инструкторовъ въ деревню. Издаваемыя Исполнительнымъ Комитетомъ «Извѣстія», ежедневный органъ, былъ заполняемъ статьями инструкціонно-руководящаго характера. Но слишкомъ великъ былъ масштабъ организаціонной работы и слишкомъ неподготовлена и темна была деревня, чтобы поставить на должную высоту организаціонную работу. Да и средствъ на выполненіе такой огромной работы у Исполнительнаго Комитета не хватало. Самообложеніе, главный источникъ дохода Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ, проводилось въ жизнь слабо; средства кооперативовъ и земствъ были недостаточны, и исполнительные органы Совѣтовъ—Исполнительные Комитеты, страдали отъ безденежья, сокращая до **мини**мума свои расходы. Однако, работа, хотя медленно, подвигалась впередъ. Совершая ее, крестьянство проявляло сдержанность, полную государственнаго разума. Происходившія мѣстами волненія, на почвѣ земельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, носили чисто случайный характеръ и не были похожи на стихійное погромное движеніе, какое имѣло мѣсто въ 1905—1906 годахъ. На всей огромной территоріи Россійской Республики къ іюлю мѣсяцу зарегистрировано всего 750 случаевъ земельныхъ захватовъ.

Таково было настроеніе и положеніе въ деревнѣ до іюля мѣсяца. Но съ іюля въ крестьянствѣ стали замѣтны зачатки неудовлетворенности политикой Временнаго Правительства. Въ вопросѣ о достиженіи мира Временное Правительство не проявило достаточной активности; въ области земельнаго вопроса Временное Правительство не давало деревнѣ никакихъ практическихъ указаній, а оставшаяся не смѣненной прокуратура явно взяла курсъ вправо. Нѣкоторые члены крестьянскихъ совѣтовъ и продовольственныхъ и земельныхъ комитетовъ начали прокуратурой привлекаться къ уголовной отвѣтственности за дѣянія, не заключавшія въ себѣ ничего уголовно-наказуемаго. Въ Могилевѣ былъ арестованъ предсѣдатель губернскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губерніи попали въ тюрьму члены продовольственныхъ и земельныхъ комитетовъ, въ Балашовѣ къ крестьянамъ было предъявлено обвиненіе въ захватѣ частновладѣльческихъ земель, полученныхъ по постановленію земельнаго комитета; атаманъ Майкопскаго Отдѣла, Кубанской области, распорядился о прекращеніи работъ, начатыхъ земельными комитетами. Въ отвѣтъ на эти репрессіи деревня зашевелилась. Нѣкоторые губернскіе крестьянскіе Совѣты, въ томъ числѣ Самарскій и Пензенскій, по земельному вопросу вынесли резолюціи въ большевистскомъ духѣ. Происходившій въ первыхъ числахъ августа при Исполнительномъ Комитетѣ Всероссій-

скаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ въ Петроградѣ Съѣздъ представителей крестьянскихъ организацій отъ армій фронта подвергъ рѣзкой критикѣ дѣятельность Временнаго Правительства. Къ А. Ф. Керенскому была послана делегація съ просьбой о скорѣйшемъ проведеніи застрявшихъ въ министерствѣ земледѣлія временныхъ законовъ, выработанныхъ главнымъ земельнымъ комитетомъ въ цѣляхъ упорядоченія земельныхъ отношеній. Депутація указала премьеру, что дальнѣйшее промедленіе проведенія въ жизнь новаго положенія о земельныхъ комитетахъ, можетъ повести къ аграрнымъ безпорядкамъ, зловѣщіе предвѣстники которыхъ уже наблюдаются въ деревнѣ. Однако, Временное Правительство по-прежнему медлило съ реформами и ничего не предприняло для устраненія создавшагося въ деревнѣ настроенія. Не внесло ничего новаго въ деревню и Московское Государственное Совѣщаніе, а послѣдовавшая за нимъ Корниловская авантюра еще болѣе подлила масла въ загорающійся среди крестьянства костеръ. Лозунгъ: «Долой буржуевъ!», ранѣе деревнѣ совершенно неизвѣстный, сталъ раздаваться и тамъ. Разложившаяся къ этому моменту армія цѣлыми поѣздами стала вливаться въ деревенское населеніе, внося съ собой тлетворный духъ большевизма, натравливанія на «буржуевъ», которыхъ усматривали въ каждомъ интеллигентѣ, не исключая и народнаго учителя. Начались погромы помѣщичьихъ имѣній. Исполнительный Комитетъ Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ оказался совершенно безсильнымъ удержать деревню отъ начавшихся погромовъ. Былъ созванъ съѣздъ представителей губернскихъ СовѣтовъКрестьянскихъ Депутатовъ, прошедшій чрезвычайно бурно. Почти половина участниковъ съѣзда обвиняла Временное Правительство и Исполнительный Комитетъ, въ частности его президіумъ, въ томъ, что они продались буржуазіи, требовала однороднаго соціалистическаго министерства, немедленной передачи всей земли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ и «немедленнаго» созыва Учредительнаго Собранія. Ясно было, что крестьянство раскололось. Той солидарности, какая царила въ маѣ мѣсяцѣ, уже не было. Обвинители, причислявшіе себя къ «лѣвымъ» эсерамъ, группировавшіеся около Натансона и Спиридоновой, кстати сказать, не работавшихъ въ крестьянскихъ организаціяхъ, ни въ Петроградѣ, ни на мѣстахъ,—являлись въ подавляющей части людьми молодыми, даже незнакомыми съ исторіей организаціи крестьянства. Натансонъ и Спиридонова въ борьбѣ съ крестьянами, одобрявшими линію поведенія Исполнительнаго Комитета Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, не брезгали никакими средствами и прибѣгали къ сознательной клеветѣ по адресу руководителей Комитета. Напримѣръ, Спиридонова публично завѣряла, что «президіумъ Исполнительнаго Комитета состоитъ изъ явныхъ мошенниковъ, людей продажныхъ». «Если», говорила Спиридонова, «крестьянамъ не передаютъ помѣщичью землю, то только, благодаря продажному президіуму, вошедшему въ стачку съ продажнымъ Керенскимъ и буржуазіей». Борьба представителей крестьянства въ Петроградѣ, несомнѣнно, отражала собой борьбу, начавшуюся въ средѣ самого крестьянства на мѣстахъ. Эта борьба была учтена и С. Л. Масловымъ, при вступленіи его на постъ министра земледѣлія. С. Л. Масловъ свое вхожденіе въ кабинетъ обусловилъ освобожденіемъ арестованныхъ членовъ мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ и проведеніемъ закона о передачѣ земли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ. А. Ѳ. Керенскій условія принялъ. Объ осво-

божденіи арестованныхъ членовъ земельныхъ комитетовъ сдѣлано было распоряженіе; необходимо было быстро провести въ жизнь и вторую мѣру—передать землю въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, что-внесло бы большое успокоеніе и на фронтъ, и въ деревню, и отняло бы почву у большевиковъ и «лѣвыхъ» эсеровъ для распространенія клеветы и демагогіи по этому больному для деревни вопросу. Но было уже и поздно, да, какъ и всегда, Временное Правительство не торопилось. И эта неторопливость погубила его.

Однако, паденіе Временнаго Правительства деревня встрѣтила далеко не съ тѣмъ настроеніемъ, какое ожидали отъ нея большевики. Со всѣхъ сторонъ въ Исполнительный Комитетъ посыпались телеграммы отъ крестьянскихъ Совѣтовъ и волостныхъ земствъ съ самыми рѣзкими протестами противъ захвата власти большевиками. Въ Петроградъ, какъ никогда, вереницами потянулись и съ фронта и изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ тыла крестьянскіе делегаты-развѣдчики. Между Смольнымъ и Фонтанкой 6, гдѣ помѣщался Исполнительный Комитетъ Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, завязалась отчаянная борьба изъ-за власти. Образовались два политическихъ центра—Смольный и Фонтанка. На Фонтанкѣ сгруппировались представители соціалистическихъ партій и демократическихъ организацій, не признававшихъ захвата власти большевиками и «лѣвыми» эсерами. Здѣсь же нашли себѣ убѣжище и Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ перваго созыва и Союзъ защиты родины и революціи. Смольный по отношенію къ всероссійской крестьянской организаціи дѣйствовалъ весьма осторожно. Несмотря на то, что въ Исполнительномъ Комитетѣ велись безпрерывныя засѣданія антибольшевистскихъ организацій, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ ограничивался только ежедневными конфискаціями крестьянскихъ «Извѣстій», временемъ выходившихъ уже въ подпольѣ. Самый государственный переворотъ былъ совершенъ, а также издавались декреты Смольнымъ отъ имени власти рабочихъ, солдатскихъ и *крестьянскихъ* депутатовъ. Но послѣднихъ въ Смольномъ не было до 12 ноября. Крестьянскихъ депутатовъ замѣняли перешедшіе въ Смольный изъ разогнаннаго большевиками Совѣта Республики—Шрейдеръ, Карелинъ, Калегаевъ, Малкинъ, Штейнбергъ, Спиридонова, Натансонъ и еще человѣка три-четыре, не имѣя на то мандатовъ. Попадавшіе въ Смольный деревенскіе ходоки-развѣдчики, не находя тамъ крестьянскихъ депутатовъ, выражали протестъ и шли на Фонтанку. Это обстоятельство весьма серьезно безпокоило заправилъ Смольнаго, потерявшихъ надежду найти почву для примиренія съ крестьянскимъ комитетомъ на Фонтанкѣ. Для Смольнаго ничего не оставалось дѣлать, какъ въ самый кратчайшій срокъ устранить съ дороги опасный и мѣшавшій выполненію его плановъ Исполнительный Комитетъ и по собственной иниціативѣ созвать угодный ему второй всероссійскій крестьянскій съѣздъ. Съѣздъ Смольный назначилъ на 5 ноября, срочно разослалъ крестьянскимъ Совѣтамъ телеграммы. Однако, изъ этого ничего не вышло. Съ Фонтанки этимъ же Совѣтамъ полетѣли контртелеграммы съ предложеніемъ не посылать делегатовъ въ Смольный, и дата Съѣзда фиксировалась—25 ноября. Благодаря этому вмѣшательству, 5 ноября въ Смольный, за исключеніемъ делегатовъ Псковской, Владимірской и еще какой-то южной губерніи, никто не явился. Крестьянство на призывъ Смольнаго отвѣчало или молчаніемъ, или протестомъ. Однако, событія развертывались все шире и шире, боль-

шевизмъ укрѣплялся, репрессіи росли. Необходимость въ скорѣйшемъ созывѣ крестьянскаго съѣзда стала остро чувствоваться и на самой Фонтанкѣ, и второй всероссійскій крестьянскій съѣздъ съ 25-го былъ перенесенъ на 10-е ноября.

На этотъ съѣздъ Смольный мобилизовалъ всѣ свои силы. Пользуясь тѣмъ, что въ его рукахъ и почта, и телеграфъ, и деньги, и громадный кадръ курьеровъ изъ солдатъ Петроградскаго гарнизона, онъ экстренно всѣми доступными ему средствами вызвалъ и съ фронта, и съ тыла делегатовъ изъ большевистски настроенныхъ организацій. Къ 12-му ноября въ Петроградъ прибыло около 200 представителей, подавляющее большинство отъ мелкихъ военныхъ частей фронта и уѣздныхъ Совѣтовъ. Представители эти по совѣтской конституціи имѣли право совѣщательнаго голоса на съѣздѣ. Часть большевистски настроенныхъ представителей явилась съ негодными мандатами. Напримѣръ, съ мандатами отъ «Петроградскаго гарнизона Совѣта Рабочихъ, Солдатскихъ и *Крестьянскихъ* Депутатовъ»,— таковой организаціи не существовало; Арефьевъ, впослѣдствіи комиссаръ земельной коллегіи, явился съ мандатомъ отъ Балашовскаго земельнаго Комитета за своей собственной подписью; нѣкоторые делегаты командированы были въ Петроградъ съ цѣлью: «узнать, что въ Петроградѣ дѣлается и привезти литературу», но и они явились на съѣздъ и претендовали на участіе въ работахъ Съѣзда съ правомъ рѣшающаго голоса. Большевики и лѣвые эсеры, учтя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, рѣшились на крайнюю мѣру: несмотря на явную неправомочность Съѣзда, такъ какъ законный кворумъ—750 человѣкъ, не дожидаясь прибытія остальныхъ делегатовъ, предоставили всѣмъ явившимся делегатамъ право рѣшающаго голоса, «въ экстренномъ порядкѣ», временно переизбрали Исполнительный Комитетъ, установивъ составъ послѣдняго въ 108 членовъ, и съ Фонтанки торжественно, съ музыкой и почетнымъ карауломъ отъ частей Петроградскаго гарнизона переселились въ Смольный, гдѣ, такимъ образомъ, и формально и фактически появилось крестьянство, отъ имени котораго издавались декреты, совершались насилія и разстрѣлы.

Благодаря разрухѣ на почтѣ, на телеграфѣ, остановкѣ движенія поѣздовъ, съѣздъ собирался весьма медленно. Лишь въ двадцатыхъ числахъ съѣхалось около 100 депутатовъ, и съѣздъ объявилъ себя правомочнымъ. Снова загорѣлась отчаянная борьба въ средѣ крестьянства по вопросу о захватѣ власти. Такъ же какъ и въ сентябрѣ, на совѣщаніи представителей губернскихъ Совѣтовъ, крестьянство раскололось на двѣ половины. Линія раскола прошла какъ разъ между представителями крестьянъ съ фронта и представителями крестьянъ деревни. Шинели оказались на лѣвой сторонѣ, на сторонѣ защитниковъ власти Народныхъ Комиссаровъ. Поставленный на обсужденіе вопросъ о власти вызвалъ небывало бурныя пренія. Засѣданіе нѣсколько разъ прерывалось, переносилось на другой день. Однако, штатскіе побѣдили: большинствомъ голосовъ крестьянство высказалось за передачу всей полноты власти «единственному хозяину земли русской—Учредительному Собранію». Но такое рѣшеніе коренного вопроса для Смольнаго было не опасно: штыки были въ рукахъ преданныхъ ему делегатовъ въ шинеляхъ, и только создавшееся положеніе диктовало Смольному необходимость какъ можно скорѣе покончить съ крестьянствомъ противоположнаго лагеря. Отношенія обѣихъ половинъ съѣзда настолько

обострились, что совмѣстная работа далѣе была невозможна. Обѣ половины стали засѣдать въ разныхъ помѣщеніяхъ, обѣ онѣ объявили себя Всероссійскимъ Крестьянскимъ съѣздомъ и обѣ выбрали по исполнительному комитету Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ. Военный—во главѣ со Спиридоновой, штатскій во главѣ съ Черновымъ. Первый выкинулъ лозунгъ—вся власть Совѣтамъ, второй—вся власть Учредительному Собранію. Однако, ясно было, что штатскій исполнительный комитетъ недолговѣченъ. Не успѣлъ окончиться съѣздъ, какъ на Фонтанку явились вооруженные матросы съ «новыми хозяевами». предложивъ штатскимъ членамъ Исполнительнаго Комитета въ нѣсколько часовъ очистить помѣщеніе. Входы были заняты вооруженными матросами. Въ зданіе никого не пропускали. Выходившихъ обыскивали. Перебравшись спѣшно на Кирилловскую улицу, «штатскій» Исполнительный Комитетъ Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ всю свою дѣятельность направилъ на защиту Учредительнаго Собранія и мѣстныхъ земствъ. 5-го января онъ in corpore участвовалъ въ Петроградѣ въ демонстраціи въ честь открытія Учредительнаго Собранія, гдѣ отъ пули красногвардейцевъ палъ жертвой членъ комитета товарищъ Логвиновъ. Исполнительный Комитетъ этотъ жилъ до половины января, когда въ моментъ созыва третьяго Всероссійскаго Крестьянскаго съѣзда, на который прибыло болѣе 300 делегатовъ былъ разогнанъ штыками красногвардейцевъ, а члены президіума арестованы. Богатый матеріалъ—приговоры, наказы, проекты—десятимѣсячный трудъ, самобытное творчество лучшихъ и активнѣйшихъ людей изъ среды крестьянства, варварски былъ частью разгромленъ, частью сожженъ.

Георгій Покровскій.

„Совѣты“ въ нашей революціи.

По цѣнному свидѣтельству одного изъ непосредственныхъ участниковъ событій февральской революціи съ самаго ея начала, революція «застала врасплохъ не только правительство, Думу и существовавшія общественныя организаціи; будемъ откровенны—она явилась великой и радостной неожиданностью и для насъ, революціонеровъ, работавшихъ на нее долгіе годы и ждавшихъ ее всегда». Даже когда со средины февраля забастовочное движеніе вызвало рядъ «информаціонныхъ собраній», съ участіемъ, съ одной стороны, представителей отъ фабрикъ и заводовъ, а съ другой—делегатовъ отъ революціонно-соціалистическихъ партій и организацій,—явленіе это разсматривалось, какъ обычное: никто не предчувствовалъ въ этомъ движеніи вѣянія грядущей революціи» *).

Именно этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что во главѣ событій, хотя бы внѣшне, пришлось съ самаго начала стать Государственной Думѣ. Здѣсь было, конечно, живое противорѣчіе. Руководство событіями было втиснуто въ руки коллектива, который могъ лишь идти за событіями упираясь. Вспомнимъ, что еще 26 февраля Родзянко пытался разрѣшить весь конфликтъ порученіемъ со стороны «вѣнценосца» составить новое правительство «лицу, пользующемуся довѣріемъ страны». Только 27-го утромъ, послѣ прихода въ Думу делегаціи отъ 25 тыс. солдатъ, совѣтъ старѣйшинъ рискнулъ на образованіе «Временнаго комитета для поддержанія порядка въ Петроградѣ и для сношеній съ различными учрежденіями и лицами». Затѣмъ, послѣ новой потуги, родился на свѣтъ «Исполнительный Комитетъ Государственной Думы», и, наконецъ, «Временное Прави-

*) В. Зензиновъ „Смыслъ событій“, „Дѣло Народа“ № 1, отъ 15 марта 1917 г.

тельство». Еще 4-го марта Милюковъ цѣплялся за комбинацію—принудительнаго отреченія Николая II въ пользу Алексѣя, при регентѣ Михаилѣ; когда эта комбинація рухнула, изъ за нежеланія Николая II разставаться съ сыномъ и невозможности оставить его при сынѣ, цензовая Россія, въ лицѣ думскихъ лидеровъ, сдѣлала послѣднюю попытку—удержать, въ видѣ конституціоннаго монарха, Михаила. Порою необходимы были «явочныя» дѣйствія, чтобы увлечь на путь рѣшительныхъ дѣйствій этихъ «революціонеровъ поневолѣ». Таковъ былъ инцидентъ съ приведеннымъ толпою въ Таврическій дворецъ Щегловитовымъ, котораго Керенскій «самовольно», при ропотѣ болѣе нерѣшительныхъ коллегъ по думѣ, тутъ же заключилъ подъ стражу. Таково, вообще, было давленіе вооруженныхъ массъ и совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ во всѣхъ стадіяхъ разрѣшенія «династическаго» вопроса въ пользу республики, къ которой, наконецъ, должны были присоединиться и кадеты, присоединиться вопреки своей тогдашней программѣ, въ которой значилась не республика, а конституціонная монархія.

Первая «центральная власть» была создана думской, цензовой Россіей. Она сыграла *активную* роль въ сформированіи новаго органа власти—Совѣтъ Р. и С. Д. сыгралъ, наоборотъ, роль *пассивную*. Онъ *призналъ* новую власть,—правда, подъ условіемъ признанія самой новою властью опредѣленной, точно условленной практической программы. Признаніе—за признаніе, «пріятіе» за «пріятіе».

Это распредѣленіе активной и пассивной роли было для того момента понятно и естественно. Думская, цензовая Россія обладала привилегіей организованности еще при старомъ режимѣ. Въ самыхъ различныхъ формахъ она принимала участіе въ фактическомъ завѣдываніи дѣлами общественной и государственной важности. И какъ только старый строй палъ,—онъ засталъ цензовую Россію въ смыслѣ «министрабельности» въ полной боевой готовности. Всѣ ея люди, весь ея политическій «главный штабъ» былъ на лицо, былъ заранѣе мобилизованъ. Дѣйствуя въ качествѣ думской оппозиціи, на гласной, открытой аренѣ многіе, многіе годы, они уже успѣли составить себѣ имена съ совершенно опредѣленной, устойчивой степенью популярности въ извѣстныхъ кругахъ. Они прошли свой «стажъ» въ старыхъ земствахъ, думахъ, въ «Земсоюзѣ» и «Согорѣ», а иные даже и еще ближе къ органамъ центральнаго управленія. Ихъ способности были въ значительной степени уже испробованы на опытѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ цензовая Россія меньше, чѣмъ въ 24 часа, могла составить солидарный «кабинетъ», могла образовать правительство. И она это сдѣлала.

Другое дѣло—трудовая демократія. Лишенная при старомъ строѣ возможности создать настоящую партійную организацію, всюду оттираемая отъ жизни, вѣчно загоняемая въ подполье, сосредоточенная на дѣлѣ борьбы, а не на дѣлѣ созиданія и участія въ управленіи, она сама съ опаской относилась къ тому экзамену жизни, которымъ для нея являлся переходъ отъ разрушенія—къ созиданію, къ творчеству. Ея главнѣйшіе дѣятели, проведшіе значительную часть жизни въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, въ изгнаніи, пользовались извѣстностью лишь въ узкихъ партійныхъ кругахъ, а для всей страны они были интересными, но загадочными незнакомцами. Разбросанные, разметанные судьбою въ разныя стороны, они должны были еще собраться, подсчитать свои силы, подвести итоги своей «свободной наличности». Не были готовыми ни штабы, ни рядовой строй. Трудовая демократія едва успѣла лишь

путемъ революціонной импровизаціи создать мѣстный, петроградскій «рабоче-солдатскій парламентъ»—Совѣтъ Р. и С. Д.,—когда уже существовалъ Временный Комитетъ Госуд. Думы и когда изъ этого зародыша уже было готово сформироваться и вылупиться на свѣтъ Божій Временное Правительство.

Этотъ «рабоче-солдатскій парламентъ» въ организаціонномъ отношеніи на первыхъ порахъ былъ еще до крайности неопредѣленнымъ и хаотическимъ. Основы представительства и порядокъ выборовъ въ него отличались смутностью и пестротой. Вокругъ него созидались одинъ за другимъ всевозможные «секціи» и «отдѣлы», работавшіе частью самостоятельно и параллельно съ разными правительственными учрежденіями, частью въ контактѣ съ ними. Формы контакта были также текучими и измѣнчивыми. Было ясно, что Совѣту предстоитъ еще чрезвычайно много внутренней работы, прежде чѣмъ онъ окончательно сформируется и окрѣпнетъ. А затѣмъ передъ нимъ была непочатая почва—работы надъ политическимъ просвѣщеніемъ и прочной, постоянной организаціей тѣхъ массъ, которыя его выдвинули, и которыя продолжали еще оставаться хаотической, киселеобразной, непостоянной стихіей. Нужно было превратить ихъ въ нѣчто болѣе устойчивое и кристализованное, иначе Совѣтъ былъ бы зданіемъ, построеннымъ «на песцѣ»,—на «людской пыли».

Понятно, что при такихъ условіяхъ трудовая демократія съ самаго начала предпочла сознательно устраниться отъ прямого участія во власти. Она посторонилась и дала дорогу цензовой Россіи, удовлетворившись тѣмъ, что добилась ряда общихъ гарантій по отношенію къ актуальной политической программѣ правительства. Она сосредоточилась на дѣлѣ самоорганизаціи. Она должна была въ возможно кратчайшій срокъ наверстать потерянное при самодержавіи время. Ей приходилось разрываться на части между совѣтскими и чисто партійными дѣлами, обзавестись своей прессой, создать впервые открытыя для доступа всѣхъ организаціи, на началахъ демократическаго устройства; ей нужно было во всей странѣ создать стройную систему выявленія и сосредоточенія воли и энергіи трудовыхъ массъ въ мѣстныхъ Совѣтахъ и центральномъ «Совѣтѣ Совѣтовъ». Она должна была, наконецъ, мобилизовать и на практическомъ дѣлѣ испробовать свои политически руководящія, организаціонно дѣловыя и научно-техническія силы.

Итакъ, двѣ основныя силы освобожденной страны—цензовая Россія, со своею цитаделью—Госуд. Думой, и трудовая Россія, со своею цитаделью—Совѣтомъ Р. и С. Д., заняли разныя позиціи: первая—государственно-руководящую, вторая—наблюдательную, контролирующую и оказывающую, въ нужныхъ случаяхъ, то или иное давленіе на власть. Предполагалось, что предварительный договоръ о программѣ правительства обезпечитъ полный контактъ и согласованность въ дѣятельности обѣихъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ, и съ той и съ другой стороны было на лицо доброе желаніе ладить и размежеваться. Но жизнь оказалась сильнѣе этого обоюднаго добраго желанія. Самая политическая *натура* обѣихъ сторонъ оказалась слишкомъ различной.

Цензовая Россія была до мозга костей проникнута міросозерцаніемъ, вытекавшимъ изъ всей ея предыдущей дѣятельности, какъ «оппозиціи Его Величества». Трудовая Россія обладала, наоборотъ, чисто-революціоннымъ міроощущеніемъ и міросозерцаніемъ. Первая пыталась, прежде всего, «обзаконить» новую Россію съ точки зрѣнія

старой легальности. Вторая отчетливо провозглашала наступившій «перерывъ въ правѣ», (то, что новые юристы называютъ «Rechtsbruch»), и принесенное имъ съ собою новое, революціонное право.

Всѣмъ памятно, какъ члены новаго Временнаго Правительства, не довольствуясь «помазаніемъ» отъ народной революціи, придавали огромное значеніе тому, чтобы сама старая власть, хотя бы скрѣпя сердце, признала новый порядокъ вещей и санкціонировала его. Имъ это удалось. Бывшій царь отрекся отъ власти сначала за себя, потомъ за сына, а затѣмъ условно отрекся отъ нея и вел. кн. Михаилъ. Николай II сложилъ съ себя и передалъ вел. кн. Николаю Николаевичу права верховнаго главнокомандующаго. Онъ же облекъ и кн. Львова полномочіями образовать новое правительство.

Къ юридической силѣ этихъ актовъ трудовая и цензовая демократія отнеслась далеко не одинаково. «Совѣтъ», какъ органъ революціи, отнесся къ этой стряпнѣ пренебрежительно и отрицательно. Наоборотъ, въ цензовой Россіи—особенно среди обломковъ старой Россіи—акты эти приняты были совершенно «въ серьезъ». Такъ, напр. Николай Николаевичъ ни на минуту не усумнился въ томъ, что ему только и остается, что вступить въ исправленіе обязанностей верховнаго главнокомандующаго. Временное Правительство вынуждено было разъяснить, что это—одно недоразумѣніе. Однако, это недоразумѣніе въ значительной степени было создано имъ самимъ. Когда оно безъ всякихъ оговорокъ печатало всѣ эти акты отреченій и назначеній, то Совѣту пришлось, въ противовѣсъ этому, заявить, что революція не нуждается въ утвержденіи свергнутаго ею деспота. Временное Правительство загадочно молчало. Можно было подумать, будто оно считаетъ всѣ эти акты—истинными, имѣющими непререкаемую силу, хотя и послѣдними, предсмертными распоряженіями самодержавія. И это—не простая юридическая тонкость. Если признать «отреченія» актами, дѣйствительно «конститутивными» для новаго режима, то это значило бы, что Россія получила—на срокъ до Учред. Собр.—нѣкоторыя «октроированныя» свободы, и «октроированный» порядокъ. Тогда и демократія въ лицѣ Совѣта не имѣла бы права голоса въ вопросѣ о «пріятіи» или «непріятіи» даннаго состава Временнаго Правительства, да и Временное Правительство не имѣло бы права наложить veto на переходъ верховнаго командованія арміей къ Николаю Николаевичу. Но такой переходъ былъ невозможенъ—онъ вызвалъ бы немедленно вторую революцію... И Временное Правительство само должно было аннулировать юридически-конститутивное значеніе опубликованныхъ имъ актовъ.

Спрашивается: чѣмъ же послѣ этого являются данные акты для историко-юридическаго анализа?

Французскіе теоретики государственнаго права, трактующіе, на основѣ историческихъ прецедентовъ своей родины, о революціонномъ правѣ, давно бросили всякія натяжки и искусственныя построенія, которыя должны фактамъ революціи сообщить «покровительственную окраску» обычной юридичности. «Во Франціи—говоритъ, напр. Гастонъ Жезъ—существуетъ принципъ публичнаго права, освященный многочисленными прецедентами, который гласитъ, что лица, овладѣвшія, вслѣдствіе революціи, властью, и взявшія на себя управленіе государствомъ, находятъ, въ почти всеобщемъ признаніи и въ фактѣ мирнаго отправленія своихъ функцій нормальную инвеституру, необходимую для законной силы своей власти».

Акты отреченія Николая и Михаила, съ этой точки зрѣнія, входятъ лишь—какъ частные случаи—въ составъ того «всеобщаго признанія», которое дѣлаетъ изъ захватившихъ власть—фактическое правительство (въ отличіе отъ узурпаторовъ, чья власть можетъ держаться на одной силѣ штыковъ). Совѣтъ не протестовалъ, однако, противъ ихъ опубликованія—но лишь въ качествѣ простыхъ, «человѣческихъ документовъ». Какъ таковые, они имѣли даже особое значеніе «argumentum ad hominem» по отношенію къ живымъ обломкамъ стараго «вотчиннаго» государства, старой царской Руси, разомъ уничтожая ихъ сопротивленіе новому порядку и способствуя его мирному, безкровному торжеству. Кромѣ того, этимъ облегчалось признаніе новаго строя со стороны другихъ государствъ, что было крайне важно для Россіи въ ея тогдашнемъ положеніи. Поэтому умѣнье добыть эти документы можно было, съ извѣстной точки зрѣнія, признать дѣломъ большого государственнаго такта и ловкости. Но для судебъ новой Россіи все же это были акты юридически ничтожные.

Такая именно концепція побѣдила, однако, лишь благодаря настойчивости революціонной демократіи въ лицѣ Совѣта. Не формальнымъ лишь, лишеннымъ дальнѣйшихъ послѣдствій, споромъ былъ споръ изъ-за оцѣнки силы данныхъ актовъ. И большимъ торжествомъ демократіи было то, что даже П. Н. Милюковъ долженъ былъ встать безотговорочно на точку зрѣнія революціоннаго права, когда въ Екатерининскомъ залѣ отъ имени правительства заявилъ:

— Я слышу, меня спрашиваютъ: «Кто васъ выбралъ?» Насъ никто не выбиралъ, ибо, если бы мы стали дожидаться народнаго избранія, мы не могли бы вырвать власти изъ рукъ врага. Пока мы спорили бы о томъ, кого выбирать, врагъ успѣлъ бы организоваться и побѣдить и насъ и васъ. Насъ выбрала—русская революція!

Итакъ, о порученіи Николая II кн. Львову составить новое правительство здѣсь не было ни звука. Революціонное право восторжествовало, и отнынѣ лишь съ точки зрѣнія этого революціоннаго права приходилось оцѣнивать дальнѣйшія событія. Возвращаясь къ теоретикамъ государственнаго права, мы увидимъ, что для нихъ «драма всегда состоитъ изъ трехъ актовъ: 1) «Coup de force», непосредственный силовой ударъ, 2) превращеніе людей переворота въ фактическое правительство всеобщимъ признаніемъ, и 3) превращеніе фактическаго правительства въ регулярное правительство».

«Всеобщее признаніе» далось новому правительству чрезвычайно легко. Здѣсь ему больше всего помогли два обстоятельства: съ одной стороны—его думское происхожденіе, съ другой стороны—утвержденіе его и его программы Совѣтомъ. Да и вся земля настолько истомилась подъ старымъ режимомъ, что была чужда психологіи «разборчивой невѣсты», и, напротивъ, была предрасположена встрѣтить восторженно всякаго «суженаго». Ясно было, однако, что превратиться вполнѣ въ «регулярное правительство» новая власть могла лишь послѣ созыва Учредительнаго Собранія. Здѣсь то мы и подходимъ къ самому больному мѣсту русской общественности истекшаго періода: къ колоссальному, превышающему всякую мѣру запозданію съ Учредительнымъ Собраніемъ. Благодаря этому запозданію, то, что составляло силу новой власти, превратилось въ ея слабость: это одновременная связь и съ Государственной Думой и съ Совѣтомъ Р. и С. Д.

Итакъ, источникомъ власти Временнаго Правительства даже самъ Милюковъ признавалъ чисто-революціонное начало, упразднившее старые родники государственныхъ правомочій, и открывшее совер-

шенно новые. Совѣтъ Р. и С. Д., представляя собою дравшуюся на улицахъ за новый строй демократію, и считалъ себя однимъ изъ такихъ источниковъ. Но «самочинный» характеръ этой организаціи не отнималъ у нея ея значенія, какъ источника новаго права: вся революція «самочинна», и сама Дума могла быть однимъ изъ источниковъ новой власти лишь постольку, поскольку вступила на путь «самочинныхъ дѣйствій». Этого то и не могло никакъ взять въ толкъ большинство IV Государственной Думы. Новая власть созрѣла въ материнскомъ лонѣ этой Думы, была плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. И казалось, что это дастъ надъ нею Думѣ какія то особыя права, и вообще ставитъ Думу и въ новомъ строѣ въ какое то спеціальное положеніе. Къ этому присоединялось еще и то, что срокъ полномочій Думы не истекъ, и выходило, что она можетъ быть кѣмъ-то собрана— кѣмъ? Правительствомъ или предсѣдателемъ Родзянко? Съ этимъ связывался естественно и другой вопросъ—о правахъ Государственнаго Совѣта. Дѣло было, конечно, не въ томъ, что эти «живые мертвецы» продолжали получать жалованье. Это было, сравнительно, мелочью. Серьезнѣе было стремленіе думцевъ «держаться наготовѣ» и въ рядѣ «частныхъ совѣщаній» публично заявлять, что роль ихъ, быть можетъ, не кончена. И вотъ демократія, сначала равнодушно относившаяся къ чисто «бумажному» доживанію Думой ея срока, стала ощущать все большее и большее безпокойство. Изъ уваженія къ ролй, сыгранной Думою въ самый моментъ переворота, ея сначала не хотѣли трогать, хотя формальное существованіе и Думы, и Государственнаго Совѣта, конечно, противорѣчило провозглашенію «революціоннаго права», какъ единственнаго «конституирующаго» новую Россію начала. И Дума, и Госуд. Совѣтъ были осколками цензоваго строя, декорировавшаго самодержавіе; это были учрежденія *при* самодержавіи, его аксессуары, и съ его паденіемъ должны были сами себя распустить. Они этого не сдѣлали. Болѣе того, своею безтактностью и наростаніемъ своихъ притязаній, окрѣпшихъ впослѣдствіи, къ моменту будированія противъ новой власти высшаго командная состава арміи, къ моменту назрѣванія военныхъ заговоровъ, они раздражали демократію и вели дѣло къ кризису. Тѣмъ болѣе, что центръ тяжести въ распредѣленіи фактическихъ силъ все время неуклонно передвигался отъ цензовой Россіи къ демократіи.

Совѣтъ Р. и С. Д. былъ, какъ мы видѣли, организаціей частно-правового характера, въ моментъ революціи съигравшей огромную публично-правовую роль. Въ этомъ, однако, особенность всякаго революціоннаго періода: силы, являющіяся носительницами публично-правовыхъ функцій, удаляются въ сферу частно-правового бытія, и наоборотъ: изъ сферы частно-правового бытія новыя силы восходятъ на вершины публично-правового творчества. Необходимо, однако, чтобы эта пертурбація завершилась возможно быстрѣе «чернымъ передѣломъ» публично-правовыхъ и частно-правовыхъ функцій. Самое опасное---это слишкомъ долгое *смѣшеніе* тѣхъ и другихъ. Къ несчастью для Россіи, это смѣшеніе надолго сдѣлалось удѣломъ Совѣта Р. и С. Д. Онъ хотѣлъ быть не болѣе, какъ боевой классовой организаціей, т.-е. учрежденіемъ частно-правовымъ; онъ хотѣлъ самъ себя ограничить; и не могъ этого сдѣлать. Ходъ событій *навязывалъ* ему нѣкоторыя частичныя государственно-правовыя функціи. Справа каждый его такой шагъ вызывалъ негодующіе крики о «двоевластіи». Слѣва каждый такой шагъ пробовали развить до крайнихъ логиче-

скихъ послѣдствій, тяготѣвшихъ, какъ къ математическому предѣлу своему, къ лозунгу «вся власть—совѣтамъ».

Временное Правительство, не разъ—хотя бы, напр., устами Н. В. Некрасова, на конференціи партіи к.-д.,—пробовало успокоить зарождавшуюся общественную тревогу. «Очень много говорятъ о двоевластіи»—замѣтилъ онъ; «господа, не будемъ бояться—вѣдь власть Врем. Прав., если хотите—*власть выше самодержавной*, выше той власти, которой обладалъ *царь и Государственная Дума, каждый въ отдѣльности*, потому что эта власть—*въ полномъ объемѣ законодательная и исполнительная*. Если это такъ, то намъ надо сдѣлать и другой логическій выводъ. Мы не для того сдѣлали революцію, чтобы *отъ одного самодержца попасть къ двѣнадцати другимъ*». Отсюда и выводъ: необходимость, чтобы Врем. Прав. «прислушивалось къ голосамъ тѣхъ силъ, которыя являются источникомъ его власти» и «не торговалось съ народными организаціями», ибо «не отъ того можетъ погибнуть страна, что С. Р. Д. кого то арестуетъ», не отъ мелкихъ эксцессовъ общественной энергіи демократіи, а отъ недостатка организованной общественной активности.

Совершенно такъ же, какъ представитель лѣвыхъ кадетовъ, высказался въ этомъ вопросѣ и представитель соціалъ-демократіи, И. Г. Церетели, на торжественномъ соединенномъ засѣданіи четырехъ «Думъ»:

«Не для того русскій народъ свергъ одного самодержца, чтобы поставить двѣнадцать новыхъ самодержцевъ... Намъ скажутъ: вы говорите народу—«вотъ буржуи, держите ихъ подъ подозрѣніемъ». Въ этомъ есть доля правды. Мы говоримъ народу: вотъ буржуи, вотъ отвѣтственный органъ буржуазіи—Временное Правительство; но мы добавляемъ: это органъ, это представители той буржуазіи, которые на общей демократической платформѣ условились отстаивать русскую свободу вмѣстѣ со всей демократіей, и въ этой борьбѣ рѣшили идти съ демократіей (шумныя рукоплесканія).

«Да, Совѣтъ стоитъ за контроль дѣйствій правительства. И положеніе Временнаго Правительства было бы глубоко затруднительно, и въ моментъ революціи оно не справилось бы со своей обязанностью, если бы не было этого контроля, если бы не было этого контакта съ демократическими элементами (рукоплесканія)»

Итакъ, отношенія между Совѣтомъ и Времен. Прав. квалифицировались, какъ отношенія благожелательной критики, благожелательнаго контроля и дѣлового контакта для избѣжанія и предупрежденія какихъ нибудь треній и столкновеній. Существовала даже спеціальная «контактная комиссія», избранная Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта и являвшаяся время отъ времени на засѣданія Временнаго Правительства для «согласительныхъ» цѣлей. Легко видѣть однако, что *юридически* отношенія оставались крайне неопредѣленными. Нормы взаимоотношеній его съ правительствомъ были чисто бытовыми, обычно-правовыми, нигдѣ и никакъ не зафиксированными нормами. Формально Врем. Прав. было абсолютно безотвѣтственнымъ, абсолютно самодержавнымъ, абсолютно всемогущимъ. Но такой абсолютизмъ, конечно, могъ быть только фиктивнымъ. И этимъ онъ самъ себя подрывалъ: всевластіе граничило съ безвластіемъ. Демократія закрывала глаза на кроющуюся подъ этимъ проблему и отмахивалась отъ ея разрѣшенія. Но только съ точки зрѣнія лозунга перманентной, непрерывной революціи—такая неопредѣленность могла бы долго

продолжаться, не расшатывая самыхъ основъ новаго строя. И первый же конфликтъ это обнаружилъ.

Обстоятельства этого перваго конфликта памятны всѣмъ. Послѣ того, какъ Совѣтъ принялъ свое первое обращеніе къ рабочимъ и соціалистамъ всѣхъ странъ, Врем. Прав. также выпустило заявленіе объ отказѣ Россіи отъ всякихъ захватовъ, аннексій и контрибуцій. Несмотря на все это, министръ иностр. дѣлъ Милюковъ продолжалъ давать рядъ сообщеній, интервью и заявленій, въ которыхъ высказывалъ, что внѣшняя политика *новой* Россіи является вѣрнымъ продолженіемъ старой. Откликаясь на возникшую въ рядахъ демократіи тревогу, сочленъ его по Врем. Прав., Керенскій, заявилъ, что соотвѣтственныя заявленія Милюкова суть его личныя мнѣнія и къ правительству въ цѣломъ никакого отношенія имѣть не могутъ. Съ этимъ совпалъ пріѣздъ въ Россію Альб. Тома, засвидѣтельствовавшаго, что заявленіе Россіи объ отказѣ отъ политики аннексій и контрибуцій министромъ иностр. дѣлъ до свѣдѣнія союзныхъ державъ оффиціально не доведено и потому для нихъ какъ бы не существуетъ. Послѣ треній въ правительствѣ, когда попеременно то Керенскій, то Милюковъ грозили подать въ отставку, состоялся компромиссъ, и заявленіе Врем. Прав. было формально передано союзнымъ державамъ, но съ такой сопроводительной запиской, которая почти уничтожала значеніе самаго документа. Возбужденіе въ рядахъ демократіи достигло высшихъ предѣловъ. Вопреки усиліямъ Совѣта предотвратить всякія уличныя столкновенія и уладить конфликтъ чрезъ «контактную комиссію», нѣкоторыя части петроградскаго гарнизона съ оружіемъ вышли на улицу и окружили Маріинскій дворецъ. Временное Правительство было на волосокъ отъ ареста: его спасло вмѣшательство авторитетныхъ представителей Совѣта. Въ теченіе дня произошло нѣсколько уличныхъ столкновеній благодаря тому, что к.-д. партія выпустила истерическій листокъ, призывавшій всѣхъ на улицы защищать Врем. Правительство. Вызовъ былъ подхваченъ слѣва анархо-большевистскими элементами: впервые послѣ революціи въ гражданской войнѣ пролилась кровь, были раненые и убитые. Совѣтъ, въ предупрежденіе новой безотвѣтственной агитаціи среди воинскихъ частей, выпустилъ распоряженіе о невыходѣ солдатъ на улицу безъ вѣдома Совѣта. Но, мѣтя по агитаторамъ слѣва, онъ попалъ рикошетомъ въ петроградскаго главнокомандующаго Корнилова, усмотрѣвшаго въ этомъ незаконное вторженіе въ свои прерогативы. А такъ какъ въ то же самое время онъ совершилъ безтактность и попытался вывести на улицу отдѣльныя вооруженныя части, которыя въ отвѣтъ черезъ посланныхъ делегатовъ отдали себя въ распоряженіе Совѣта, то дѣло кончилось кризисомъ главнаго командованія въ Петроградѣ: уходомъ ген. Корнилова. Врем. Правительство встало на сторону Корнилова; Совѣтъ, завѣряя о полномъ нежеланіи урѣзывать его права и указывая на дружелюбный характеръ своихъ демаршей, въ то же время констатировалъ, что никто, кромѣ Совѣта, не имѣлъ достаточно авторитета для предотвращенія гораздо болѣе грозныхъ событій, и что въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ его долгъ былъ—дѣйствовать, какъ *революціонная власть*. Смѣшеніе публично-правовыхъ и частно-правовыхъ функцій на этотъ разъ вступило въ свои права въ формахъ, гораздо больше бросающихся въ глаза, чѣмъ какіе нибудь мелкіе аресты, произведенные именемъ Совѣта.

Какъ избѣгнуть повторенія подобныхъ событій въ будущемъ?

Таковъ былъ вопросъ. Во Врем. Прав. долго ломали надъ нимъ голову. Первоначально рѣшеніе казалось просто, слишкомъ просто: залучить въ составъ Врем. Прав. какого нибудь признаннаго «рабочаго вождя». Значительная часть министровъ лелѣяла себя надеждой, что такимъ провиденціальнымъ человѣкомъ можетъ быть—Г. В. Плехановъ...

Но совѣтскіе круги попрежнему упирались передъ мыслью о посылкѣ своихъ людей въ правительство, да еще поодиночкѣ. Примѣръ Керенскаго въ этомъ отношеніи былъ особенно поученъ. Керенскій обладалъ въ первые дни революціи популярностью, несравнимой ни съ чьей: онъ былъ идоломъ толпы. Соотвѣтственно этому онъ былъ фактически самымъ сильнымъ человѣкомъ въ правительствѣ. Но его положеніе въ правительствѣ было все же шаткимъ и ложнымъ. Онъ называлъ себя единственнымъ представителемъ демократіи среди цензовиковъ. Но его антагонисты, съ Милюковымъ во главѣ, считали себя тоже «демократіей». Онъ вступилъ въ правительство по собственной иниціативѣ, по единоличному рѣшенію. Правда, косвеннымъ путемъ онъ какъ бы добился одобренія своего акта Совѣтомъ: онъ сложилъ съ себя полномочія товарища предсѣдателя и снова былъ немедленно переизбранъ. И все же онъ не былъ и не считался въ правительствѣ представителемъ Совѣта. Онъ заявилъ себя членомъ партіи с.-р.; мѣстная организація привѣтствовала Керенскаго за его государственную дѣятельность, но и она неоднократно подчеркивала, что онъ участвуетъ въ составѣ правитсльства персонально, а не какъ представитель партіи. Онъ былъ, такъ сказать, совѣтскимъ человѣкомъ и эсъ-эромъ, находящимся въ своеобразномъ «отпуску». Это положеніе было по существу ложнымъ. И ложность этого положенія ярко вскрылась во время Милюковскаго конфликта, когда, утомленный треніями въ правительствѣ, Керенскій пошелъ на компромиссъ, взволновавшій и поставившій на дыбы всю демократію. То былъ первый ударъ, поколебавшій его, дотолѣ неприступную въ глазахъ демократіи, репутацію. То было ея первое разочарованіе. И приписывая его не персональнымъ свойствамъ Керенскаго, а его ложному положенію въ правительствѣ, демократія боялась повторить этотъ опытъ.

Но чѣмъ дальше развивались событія, тѣмъ яснѣе становилось, что въ прежнемъ положеніи дѣло оставаться не можетъ. События были форсированы поведеніемъ Гучкова, покинувшаго постъ военнаго министра такъ быстро, что правильнѣе было бы сказать «сбѣжавшаго» со своего поста. Частичный кризисъ естественно переходилъ въ общій: хотя демократія примирилась съ редактированнымъ при участіи Совѣта «разъясненіемъ» Милюковской ноты, но дальнѣйше оставленіе Милюкова на своемъ посту было явнымъ абсурдомъ. Съ удаленіемъ двухъ такихъ «столповъ» правительство лишалось двухъ крупныхъ величинъ: пусть отрицательныхъ съ точки зрѣнія демократіи, но все же крупныхъ. Нужно было эту убыль справа чѣмъ нибудь пополнить *слѣва*. Коалиціонное правительство сдѣлалось необходимостью.

Среди к.-д. партіи уже въ это время существовало теченіе въ пользу «отозванія» всѣхъ своихъ членовъ изъ правительства. Расчетъ былъ таковъ: вызвать своимъ примѣромъ общій побѣгъ цензовиковъ и форсировать образованіе чисто-соціалистическаго правительства, которому—безъ всякой преемственности въ работѣ—обрушилась бы на плечи вся тягота государственнаго управленія. Если бы это случилось, и соціализмъ на этомъ опытѣ обанкротился—переходъ, и на

этотъ разъ окончательный переходъ—власти въ руки право-кадетской коалиціи былъ бы обезпеченъ. Этотъ экспериментъ очень соблазнялъ правыхъ кадетовъ, сторонниковъ формулы «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», но пугалъ центръ и лѣвыхъ. И, въ концѣ концовъ, пожертвовавъ Милюковымъ, партія к.-д. приняла участіе въ составленіи коалиціоннаго министерства.

Какъ только коалиціонное министерство сдѣлалось фактомъ, и въ него вошли представители Совѣтовъ,—положеніе этихъ послѣднихъ еще болѣе усложнилось. Передъ Совѣтами отчитывалась вся соціалистическая часть правительства. Совѣты стали полу-парламентомъ, или, лучше сказать, парламентомъ почти для половины правительства. Ихъ частно-правовыя функціи еще больше переплелись съ публично-правовыми.

Послѣдствія такого положенія не заставили себя ждать. Съ одной стороны, на каждомъ совѣщаніи «Совѣтовъ» естественно зарождалась мысль, почему бы и другимъ министрамъ не появиться со своими отчетами на засѣданіяхъ Совѣтовъ? Множество делегатовъ, совсѣмъ чуждыхъ принципіально-заостренному лозунгу «вся власть Совѣтамъ», стихійно влеклись въ сторону большей полноты контроля надъ властью. Соціалистическіе министры, съ Церетели во главѣ, одно время усиленно склоняли кое-кого изъ министровъ—«цензовиковъ» явиться на засѣданія Совѣтовъ, хотя бы компенсируя это приблизительно единовременнымъ появленіемъ и на «совѣщаніяхъ» членовъ Гос. Думы. Церетели готовъ былъ даже принести въ жертву самого себя и пойти къ думцамъ, чтобы этимъ облегчить министрамъ-цензовикамъ появленіе передъ Совѣтами. Тѣ долго колебались и въ концѣ концовъ не рѣшились ни на что. И только послѣ демонстративнаго выхода изъ состава правительства всѣхъ к.-д., въ тяжкій моментъ осложненій съ Украиной и съ Финляндіей, послѣ грандіознаго прорыва нѣмцами русскаго фронта,—оставшіеся министры-несоціалисты попытались было опереться на Думу. Два министра, Годневъ и Ефремовъ, явились со своими отчетами передъ лицомъ созваннаго Родзянкой совѣщанія. Опытъ былъ неудаченъ. Но если бы онъ даже и удался, дѣло не упростилось бы. Временное Правительство подѣлилось бы на двѣ равныя части: одну—отвѣтственную исключительно передъ Совѣтами, другую—исключительно передъ Думой. Необходимость согласной работы между двумя этими частями правительства поставила бы лицомъ къ лицу два эти учрежденія: рабоче-солдатско-крестьянскій парламентъ и цензовый контръ-парламентъ. Два полуклассовыхъ, полугосударственныхъ органа, противопоставленные другъ другу, означали бы явную угрозу гражданской войны.

Но, кромѣ всего прочаго, опытъ не удался, онъ былъ произведенъ въ самое неудобное для этого время. То было время, когда «прорывъ демократическаго фронта» событіями 3—5-го іюля заставилъ поднять голову контръ-революцію. Устами Масляникова Государственная Дума просто и кратко объявила войну Совѣтамъ. «Благодаря Думѣ свершилась революція. Но къ революціи примазалась кучка сумасшедшихъ фанатиковъ, проходимцевъ и предателей, назвавшихъ себя Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Р. и С. Д.; эта компанія занялась растленіемъ русскаго солдата, русскаго рабочаго, русскаго народа. Спасти Россію можетъ только Государственная Дума. Надо вызвать всѣхъ членовъ Г. Думы не на частное, подпольное, гдѣ то, засѣданіе, а на настоящее засѣданіе Государственной Думы, потребовать, чтобы сюда явилось все правительство цѣликомъ. Госуд. Дума

укажетъ этому правительству, что дѣлать, какъ и кѣмъ это правительство пополнить и замѣнить,—или же пускай насъ разгоняютъ силой». И характерно, что къ этой позиціи «прогрессиста» Масляникова почти присоединился—лишь съ оттяжкой во времени—лидеръ к.-д. П. Милюковъ, заявившій, что «еще не настало время признать, что Врем. Прав. никакой власти и никакого авторитета не имѣетъ; но когда это время наступитъ, Гос. Дума сыграетъ свою роль».

Иными словами, въ противовѣсъ лозунгу «вся власть—Совѣтамъ», съ противоположнаго полюса общественности выдвинулся лозунгъ: «вся власть—Государственной Думѣ». И не случайно въ томъ же засѣданіи членовъ Думы П. Н. Милюковъ «мотивировалъ требованіе партіи объ отсрочкѣ выборовъ въ Учред. Собраніе».

Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ, что именно опозданіе съ Учр. Собр. и невозможность долгое время обходиться импровизированнымъ самодержавіемъ кучки лицъ, сошедшихся со всѣхъ сторонъ политическаго горизонта ради иллюстраціи басни о лебедѣ, щукѣ и ракѣ, вызвала всѣ тѣ ненормальности, которыя мы отмѣчали. Именно опозданіе съ Учр. Собр. привело къ ужасающему смѣшенію классовыхъ организацій—съ государственными органами, частно-правовыхъ функцій—съ публично-правовыми. Смѣшеніе же это, вкореняясь и дѣлаясь обычнымъ, со своей стороны медленно, но вѣрно подкапывалось подъ будущее Учредительное Собраніе.

Почему такъ произошло? Нѣтъ сомнѣнія, что въ исключительно-трудныхъ условіяхъ русской революціи—міровая катастрофическая война и внутренняя катастрофическая разруха—въ нашихъ «государственно-мыслящихъ сферахъ» не малую силу имѣла тайная мысль, что съ Учр. Собр. лучше бы дождаться конца войны. Съ нимъ не торопились, ибо частью не вѣрили въ его осуществимость при войнѣ, частью питали себя иллюзіями относительно срока конца войны и возможности ея благополуннаго исхода; предпочитали пустить его въ ходъ, когда все «уляжется» и спадетъ первое революціонное «повышеніе температуры». Умѣренные элементы русской общественности все время стояли за болѣе отдаленные сроки его созыва, особенно налегая на безупречность съ формальной стороны подготовки выборовъ. Въ этомъ сказалось ихъ полное непониманіе діапазона революціи въ массахъ. Результатъ былъ прямо противоположнымъ ихъ намѣреніямъ: затягиваніе Учредительнаго Собранія—съ одной стороны, оттягиваніе до Учред. Собранія важнѣйшихъ соціальныхъ реформъ—съ другой стороны все накаляло и накаляло политическую атмосферу, и выборы состоялись, въ концѣ концовъ, въ обстоятельствахъ, наиболѣе неблагопріятныхъ изъ всѣхъ мыслимыхъ и возможныхъ...

Какъ извѣстно, лишь послѣ кризиса перваго, цензоваго Врем. Правительства дѣло пошло быстрѣе. Только 11-го мая было фиксировано первое засѣданіе совѣщанія для выработки положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе — на 25-е мая. Иными словами, только спустя три мѣсяца послѣ революціонной эры настоящимъ образомъ началась оффиціальная работа... Не менѣе важно было опозданіе съ органами мѣстнаго самоуправленія. Лишь коалиціонное правительство провело,—посвятивъ этому въ спѣшномъ порядкѣ сплошь первые дни своей работы—законъ о волостномъ, а затѣмъ объ уѣздномъ и губернскомъ земствахъ. Но если въ вопросѣ объ Учр. Собр. цензовая демократія имѣла за себя оправданіе въ новизнѣ вопроса, то реформа мѣстнаго самоуправленія стояла въ порядкѣ дня земскаго либерализма издавна. Но доктринерская об-

стоятельность и неторопливость вообще была во вкусѣ цензовой демократіи. Здѣсь же, быть можетъ, имѣло мѣсто и нѣкоторое недовѣріе къ собственнымъ силамъ народа: предполагалось, что ко введенію новыхъ органовъ самоуправленія страну лучше всего подготовятъ назначенные комиссары Врем. Прав. На дѣлѣ комиссары мин. Внутр. Дѣлъ потерпѣли полное фіаско, и опозданіе съ демократическими самоуправленіями привело лишь къ укорененію всевозможныхъ—часто самочинныхъ—«комитетовъ»: продовольственныхъ, земельныхъ исполнительныхъ и т. п., съ полнымъ отсутствіемъ правильнаго размежеванія границъ вѣдѣнія, а часто съ такимъ же смѣшеніемъ частноправовыхъ и публично-правовыхъ, классовыхъ и государственныхъ правомочій, образцемъ котораго въ центрѣ являлся «Совдепъ». И только благодаря этому въ моментъ большевистскаго переворота удалось во многихъ мѣстахъ легко ликвидировать не успѣвшія пустить глубокихъ корней земскія и городскія учрежденія и провести въ жизнь такую нелѣпость, какъ сосредоточеніе всѣхъ правомочій и всѣхъ обязанностей въ рукахъ однихъ лишь мѣстныхъ «совдеповъ». Такое положеніе было особенно усугублено еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что раздавленное непосильной тяготой ноши Временное Правительство не могло—вслѣдствіе оппозиціи цензовой демократіи—произвести «разгрузки центральной власти» путемъ насажденія *краевыхъ правительствъ*, которыя были бы, конечно, ближе къ населенію, чѣмъ центральное правительство, чья «революціонная власть», фиктивно-абсолютная, была тѣмъ фиктивнѣе, чѣмъ подвигалось дальше къ периферіи,—и въ то же время авторитетнѣе и сильнѣе въ дѣлѣ насажденія порядка и власти на мѣстахъ, чѣмъ отдѣльныя уѣздныя и губернскія земства, которымъ даже всѣ традиціи прошлаго мѣшали стать прочною и твердою «властью».

Если бы мин. внутр. дѣлъ меньше увлекалось насажденіемъ своихъ опекуновъ-комиссаровъ, которые все равно провалились, оставивъ послѣ себя долгую хронику раздражительной борьбы мѣстнаго населенія за ихъ выборность; если бы оно съ самаго начала выступило, какъ чистое *министерство самоуправленія*; если бы, благодаря этому, значительно ранѣе родились бы новыя думы и новыя земства,—тогда, быть можетъ, даже самое опозданіе съ Учред. Собраніемъ не было бы для страны столь роковымъ. При существованіи полной системы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщей подачи голосовъ, временный суррогатъ Учр. Собр. изъ спеціально собранныхъ представителей самоуправленій (отъ Учр. Собр. такой съѣздъ отличался бы лишь двустепенностью выборовъ) въ любой моментъ былъ бы къ услугамъ страны, въ качествѣ «предпарламента», составленнаго не искусственно, изъ пестраго конгломерата самыхъ разнообразныхъ организацій, а изъ величинъ однородныхъ, равно базирующихся на всеобщей подачѣ голосовъ. А, главное, органы представительства всей страны, призванные къ прямому участію въ законодательствѣ, были бы съ самаго начала строго отдѣлены отъ классовыхъ организацій, и не воворилось бы того смѣшенія, которое идеологически выразилось въ томъ reductio ad absurdum, которое, лицомъ къ лицу и съ Учред. Собран., и съ мѣстными самоуправленіями—«разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ—вопіяло: «вся власть Совѣтамъ».

Совѣты, во времена апогея своей силы, прекрасно понимали всю опасность, проистекающую изъ чуждости самой ихъ природы—природѣ тѣхъ чисто-государственныхъ функцій, которыя имъ приходилось слишкомъ часто выполнять. Эпоха господства въ Совѣтахъ меньше-

виковъ и соціалистовъ-революціонеровъ была эпохою заботливаго *самоограниченія* Совѣтовъ. Своего наиболѣе яркаго и картиннаго выраженія это самоограниченіе достигло въ тѣ памятные дни, когда вооруженныя толпы солдатъ, матросовъ и рабочихъ осаждали Таврическій дворецъ, *навязывая* власть Совѣтамъ, а Совѣты отсиживались отъ этой власти; когда совѣтскихъ министровъ-соціалистовъ толпа готова была арестовывать за то, что они не хотятъ съ помощью этой толпы спихнуть всѣхъ «министровъ-капиталистовъ» и получить всю власть въ свое монопольное владѣніе. Совѣты устояли, Совѣты отчурались отъ власти; но—о, иронія судьбы!—даже для этого они должны были дѣйствовать какъ власть. Ибо присланный Керенскимъ съ фронта для обезпеченія порядка въ Петроградѣ сводный отрядъ потребовалъ, чтобы его сопровождали делегаты отъ Совѣта, не желая дѣйствовать иначе, какъ по ихъ указаніямъ. Это-то и было послѣднимъ ударомъ, добившимъ «паритетное» правительство изъ соціалистовъ и несоціалистовъ, минусъ ушедшіе кадеты. Тѣ шесть министровъ, оказавшихся лѣвѣе кадетовъ (Некрасовъ, Терещенко, кн. Львовъ, Годневъ, Львовъ синодскій и Ефремовъ), которые остались, почувствовали, что въ этой «коалиціи» они будутъ безпочвенными плѣнниками, «заложниками» трудовой демократіи. Имъ не на кого было опереться; цензовая Россія не признавала ихъ своими, кадеты уже начинали травить ихъ, какъ перебѣжчиковъ и измѣнниковъ. И чтобы возстановить свое равновѣсіе съ министрами-соціалистами, они болѣе не имѣли иного пути, какъ *оторвать министровъ-соціалистовъ* отъ живой, органической связи съ Совѣтами.

Мы уже видѣли конвульсивную попытку министровъ-цензовиковъ опереться на Госуд. Думу. Но Дума явно не могла ужиться рядомъ съ Совѣтами. Въ этотъ-то моментъ совершенно логически-неизбѣжно должна была произойти еще одна попытка, внушенная своеобразнымъ «героизмомъ отчаянія»: это—провозгласить абсолютную независимость всего правительства, въ цѣломъ и по частямъ, отъ какихъ бы то ни было совѣтовъ, комитетовъ и организацій, классовыхъ и всесословныхъ, партійныхъ и внѣпартійныхъ. Это и было сдѣлано съ должною помпой. Было объявлено новое, снабженное диктаторскими полномочіями, «Правительство Спасенія Революціи»; самый способъ образованія его былъ необычайный—въ «историческую ночь», на засѣданіи въ Малахитовой залѣ Зимняго Дворца, гдѣ не было ни представительства Совѣтовъ, ни представительства Думы, а лишь делегаціи Центр. Комитетовъ партій, всѣ эти партіи были поставлены лицомъ къ лицу съ *абсолютнымъ* правительственнымъ кризисомъ: послѣ ухода кадетовъ, послѣ вынужденнаго обстоятельствами ухода крайнихъ лѣвыхъ (пишущій эти строки былъ ad hoc выведенъ изъ строя пресловутымъ «доссье», извлеченнымъ изъ нѣдръ русско-заграничнаго шпіонажа), послѣ заявленнаго ухода Некрасова, Терещенко и др., заявилъ о своемъ отказѣ отъ полномочій и самъ министръ-президентъ Керенскій. Власть лежала на столѣ, вывалившаяся изъ рукъ держателей. Никто не рѣшался брать ее одинъ; и не могли сговориться взять ее вмѣстѣ. Неизбѣжно выдвинулось «персональное начало» въ управленіи. Оставалось еще сдѣлать «ставку на личность»: выдвинуть *одно лицо* и въ его пользу «отречься», давши ему carte blanche на образованіе новаго правительства. Это былъ, конечно, прыжокъ въ неизвѣстное. Этотъ роковой прыжокъ былъ сдѣланъ.

Московское Государственное Совѣщаніе должно было *декори-*

ровать собою публичную демонстрацію новаго порядка вещей. Это былъ парадъ распыленной общественности, гдѣ «къ одному знаменателю» были приведены Совѣты, Думы, города, земства, кооперативы, професс. союзы, промышленныя палаты, сел.-хоз. общества—словомъ, все и вся. Ихъ роль была чисто совѣщательная и пассивная; совѣщаніе не могло голосовать никакихъ пожеланій, ни резолюцій. Лицомъ къ лицу съ ними становилось правительство. Въ особой, въ своемъ родѣ мастерской рѣчи Керенскій возвѣстилъ о возглавляемой имъ власти, «почитающей себя единственнымъ вмѣстилищемъ суверенныхъ правъ народа русскаго»; власти, готовой, если понадобится «спаять страну желѣзомъ и кровью».

Какъ бы то ни было, но меньшевистско-эсеровскій «Совдепъ» пошелъ и на эту величайшую жертву. Онъ отказался отъ контроля надъ собственными людьми, отданными въ министерство. Онъ пошелъ на Московское Государственное Совѣщаніе, призванное вознести недосягаемо высоко центральную власть надъ удерживаемой въ состояніи пассивныхъ зрителей и «совѣтниковъ» общественности. Онъ пошелъ на все это въ тотъ самый моментъ, когда того требовали ультимативно цензовики, поднявшіе злѣйшую травлю Совѣтовъ и торжествовавшіе побѣду. Совѣты какъ будто попали въ Кавдинское ущелье и вынуждены были пройти «подъ игомъ»...

Но жизнь оказалась сильнѣе назойливой требовательности однихъ, претензій другихъ и готовности къ самоограниченію третьихъ.

Во первыхъ, тотъ же самый Керенскій, который такъ недосягаемо-высоко ставилъ власть и такъ рѣшительно отрывалъ ее отъ «совѣтовъ», впослѣдствіи, въ «предпарламентѣ» отвѣчая на нападки противъ своей дѣятельности, какъ военнаго министра, заявилъ, что важнѣйшіе «приказы» его министерства, включая положеніе о полковыхъ судахъ, и самая «декларація правъ солдата» имъ только *подписаны*, а составлены солдатской секціей «Совдепа». Иными словами, «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно». Многосложная законодательная дѣятельность властно *требуетъ* коллегіально-демократическаго начала въ работѣ. Отсутствіе центральнаго представительнаго учрежденія неизбѣжно *подсовывало* эту роль—совѣтамъ...

Во вторыхъ,—и это еще важнѣе—Временное Правительство безъ такого авторитетнаго всенароднаго представительства было лишено всякой опоры и висѣло въ воздухѣ. Разнородность элементовъ, изъ которыхъ оно состояло; тщетность попытокъ изыскать общую согласительную линію поведенія; неимѣнье послѣдней «апелляціонной инстанціи» въ спорѣ представителей противоборствующихъ теченій,—все это оставляло единственный выходъ: приведеніе «къ одному знаменателю» всего и всѣхъ личнымъ авторитетомъ главы правительства, увеличеніе «персональнаго начала» въ управленіи. Близоруки были тѣ, кто приписывали это личнымъ диктаторскимъ замашкамъ Керенскаго: онъ здѣсь являлся болѣе всего жертвой своего положенія. Дѣло неизбѣжно развивалось въ сторону *обезличенія* остального состава Временнаго Правительства (оно началось съ отставки Церетели), приводя къ распаду Правительства на вольныхъ и подневольныхъ статистовъ съ одной стороны, и на «правительство въ правительствѣ» (потомъ едва не превратившееся въ «директорію») изъ самого Керенскаго и нѣсколькихъ его ближайшихъ, въ партійномъ отношеніи «дикихъ», друзей. Чѣмъ больше измѣнялось правительство, путемъ безконечнаго количества передрягъ, общихъ и частичныхъ министерскихъ кризисовъ и «пересаживаній», тѣмъ рѣзче проявлялась эта

черта: основаніе всей «комбинаціи» на личномъ авторитетѣ и личной популярности одного человѣка. При такихъ условіяхъ *перенапряженіе* и *конечный крахъ* этой популярности были только вопросами времени. И это чувствовалъ самъ Керенскій, изъ устъ котораго однажды сорвалась въ предпарламентѣ жуткая фраза: «я—человѣкъ обреченный».

Корниловская авантюра была той подводной скалой, о которую разбился новый курсъ «абсолютно-независимой», вмѣщающей въ себѣ весь народный суверенитетъ верховной революціонной власти. Оказалось, что въ обстановкѣ полнаго отстраненія всякаго демократическаго контроля фатально развивается закулисная «ставка на лицъ» и на личныя вліянія, въ которой политическая интрига однихъ, заговоры другихъ, политиканство третьихъ и слабость четвертыхъ способны сплестись въ такой Гордіевъ узелъ, который потомъ нельзя распутать и приходится разрубать. Въ то же время общественная и народная реакція противъ мятежа достигла крайней остроты; обойдя растерянное и дезорганизованное, сразу распавшееся правительство, она вынесла на гребнѣ волны бурнаго революціоннаго подъема—Совѣты. Они фактически въ эти дни были повсюду властью. Еще неокрѣпшія самоуправленія, распыленныя и необъединенныя, не могли съ ними конкуррировать. Тактика сознательнаго «самоограниченія» совѣтовъ лопнула, и не по ихъ винѣ... Именно потому, что престижъ правительства рухнулъ, престижъ совѣтовъ возросъ, оставшись «внѣ конкуренціи»...

Идея оторванной отъ демократическаго контроля власти съ зловѣщимъ трескомъ рухнула. И Совѣтамъ пришлось броситься въ другую сторону. Было созвано «демократическое совѣщаніе» съ заранѣе предвозвѣщенною цѣлью: создать постоянный «органъ демократическаго контроля», передъ которымъ было бы, до Учредительнаго Собранія, отвѣтственно Временное Правительство. Но самому правительству трудно было перейти на эту точку зрѣнія чуть не на другой день послѣ того, какъ оно заявляло о своемъ самодовлѣющемъ верховномъ суверенитетѣ. Кромѣ того, демократическое совѣщаніе само представляло собою зрѣлище полнаго раскола, раздвоенія мыслей и чувствъ демократіи. Противоположныя тенденціи другъ друга нейтрализовали, аннулировали. Результатъ могъ быть только самымъ эклектическимъ. Кое какъ былъ сформированъ предпарламентъ, кое какъ пополнился онъ представителями цензовиковъ, кое какъ сфабриковано было новое правительство, кое какъ нашли средину между былой чистой тезой независимости власти ни отъ какихъ организацій, съ одной стороны, и чистой тезой демократическаго контроля—съ другой. Въ общемъ, все рѣшеніе было искусственнымъ, натянутымъ, не удовлетворяющимъ никого, и, главное, запоздалымъ. Его и постигла естественная участь всѣхъ подобныхъ учрежденій: нежизнеспособность и недолговѣчность.

Такимъ образомъ, «внутренняя политика» дооктябрьскаго Совѣтскаго большинства потерпѣла фіаско. Оно, разумѣется, стояло въ тѣсной связи съ неудачами въ его «внѣшней политикѣ».

Мы уже видѣли основной *замыселъ* этой внѣшней политики: борьба за открытіе скорѣйшей возможности заключенія общаго демократическаго мира, мира безъ побѣдителей и безъ побѣжденныхъ. Лозунгъ такого мира долженъ былъ содѣйствовать во всей Европѣ сдвигу въ сторону внутренняго преобразованія, хотя бы цѣною революціонной встряски, по образцу Россіи, съ цѣлью преодолѣнія

отечественнаго имперіализма, стоящаго поперекъ дороги такому миру. Въ то же время, считаясь съ возможностью крайней медленности процесса отрезвленія Европы отъ шовинистскаго угара первыхъ лѣтъ войны, руководящее большинство совѣтовъ надѣялось, что полная ясность и опредѣленность внѣшней политики Россіи внушитъ полуразваленной царизмомъ арміи увѣренность, что ни одна капля крови русскаго солдата не прольется ради цѣлей, чуждыхъ задачѣ спасенія русской революціи отъ угрожающей ей опасности извнѣ, чуждыхъ задачѣ приближенія всеобщаго демократическаго мира. Такимъ образомъ, опираясь на новый энтузіазмъ арміи, на возрожденіе революціей внѣшней мощи обновленной Россіи, демократія усилила бы удѣльный вѣсъ ея рѣшеній судебъ міра, придала бы голосу Революціонной Россіи больше силы въ международныхъ дѣлахъ.

Въ дѣлѣ достиженія этой задачи намѣчалось естественное раздѣленіе труда. Собственно Совѣтская организація должна была воздѣйствовать на рабочую демократію, на общественное мнѣніе европейскихъ странъ, стремясь къ возрожденію Интернаціонала, созывая международную соціалистическую конференцію въ Стокгольмѣ,—конференцію, которая должна была организовать единовременное, согласованное давленіе рабочихъ партій всѣхъ странъ на ихъ правительства. Что же касается до Врем. Прав., то руководители его внѣшней политики, пользуясь этимъ напоромъ общественныхъ силъ, со своей стороны должны были давить на союзническія правительства, склоняя ихъ къ немедленному гласному формулированію такихъ условій мира, которыя не противорѣчили бы демократическому общественному сознанію странъ противоположной коалиціи, и такимъ образомъ приближали бы—либо капитуляцію враждебныхъ правительствъ передъ напоромъ извнутри, либо ослабленіе ихъ ростомъ внутренняго революціоннаго броженія.

Первая часть задачи, несмотря на всѣ препятствія, была болѣе чѣмъ наполовину выполнена. Несмотря на то, что правительства союзныхъ странъ тщательно заграждали дорогу въ Россію своимъ «лѣвымъ», интернаціоналистски настроеннымъ соціалистамъ, содѣйствуя поѣздкамъ болѣе «правыхъ», чей патріотизмъ даже съ буржуазной точки зрѣнія не подлежалъ сомнѣнію,—сила и организованность русской революціи перваго періода брала свое. Многіе соціалисты «патріоты», явившись въ Россію съ цѣлями назидательно-проповѣдническими, успѣвали кое-чему научиться въ самой Россіи. Муте и даже Тома во Франціи, Гендерсонъ въ Англіи изъ противниковъ Стокгольмской конференціи превратились въ «пріемлющихъ» ее. Но здѣсь же ждало русскую демократію первое тягостное разочарованіе. Союзныя правительства твердо рѣшили не давать паспортовъ делегатамъ въ Стокгольмъ. Дѣлу не помогла и спеціальная совѣтская делегація въ союзныя страны. Эта делегація была встрѣчена русской дипломатіей заграницей полувраждебно. Русское министерство иностранныхъ дѣлъ не оказало Совѣтамъ той поддержки, какой они вправѣ были ждать, въ дѣлѣ давленія на союзныя правительства вообще и въ вопросѣ о выдачѣ паспортовъ—въ особенности. Русское министерство иностранныхъ дѣлъ вообще по отношенію къ Стокгольмской конференціи и къ совѣтской делегаціи заграницей допустило нѣсколько двусмысленныхъ выступленій, отгородившись отъ нихъ, какъ отъ чисто-партійныхъ предпріятій, правительства не касающихся—что, въ привычныхъ уклончивыхъ терминахъ дипломатіи могло быть

истолковано и дѣйствительно толковалось, какъ правительственное несочувствіе...

Такимъ образомъ, въ лицѣ союзныхъ правительствъ русская демократія, пока-что, натыкалась на глухую стѣну. Русская дипломатія могла похвалиться тоже лишь немногимъ: уклончивыми отвѣтами, порой полу-уступками, да готовностью мириться съ сепаратнымъ поведеніемъ Россіи въ вопросахъ, гдѣ поведеніе союзниковъ слишкомъ противорѣчило принципамъ русской революціи (какъ, напр., вмѣшательство во внутреннія дѣла Греціи, отъ котораго Россія демонстративно отказалась). Постоянное же стремленіе союзниковъ, оттягивать на русскій фронтъ снова отъ запада германскія силы, удовлетворенное въ наступленіи 18 іюля, сыграло плохую службу Россіи. Неудача наступленія, несомнѣнно, дала обильную пищу демагогіи, и не облегчила, а затруднила подъемъ боевого духа арміи. Кромѣ того, военная неудача ослабила внѣшнее положеніе Россіи и окончательно парализовала активность ея слабо обновленной дипломатіи. Когда это наглядно обнаружилось въ выступленіяхъ Терещенко съ трибуны предпарламента, психическая надломленность арміи шагнула такъ далеко впередъ, что, соединившись съ кризисомъ довѣрія, вызваннымъ Корниловщиной, сдѣлала положеніе катастрофическимъ. Руководящія партіи совѣтскаго большинства, вмѣстѣ съ армейскими комитетами, вели отчаянную, безнадежную борьбу съ разваломъ арміи. Эта работа никѣмъ не была оцѣнена. Справа партійная предубѣжденность и слѣпота выдвигали противъ нихъ обвиненія въ развалѣ арміи. Слѣва, напротивъ ихъ обвиняли въ обманѣ арміи, въ пустопорожности мнимаго поворота во внѣшней политикѣ съ замѣной Милюкова—Терещенко, въ безплодной растратѣ человѣческой крови и, главное, въ ликвидаціи возможности всеобщаго демократическаго мира, фактомъ наступленія исключеннаго и психологически, и политически. И тотъ фактъ, что Совѣты всегда давали отпоръ попыткамъ тыловыхъ газетныхъ Наполеоновъ форсировать событія вопленъ о необходимости наступленія изъ соображеній «высшей политики», что они держались тактики невмѣшательства въ стратегію и оставленія полной свободы дѣйствій командованію, провозглашая независимость стратегіи отъ политики,—дѣла не мѣнялъ. Когда наступленіе стало фактомъ, Совѣты всѣми силами создавали для него подъемъ настроенія. Этого было довольно, чтобы взвалить на руководящее Совѣтское большинство вину за неудачу.

И здѣсь послѣ октября новое Совѣтское большинство круто измѣнило весь курсъ. Стокгольмъ, въ качествѣ проявленія жалкой «соглашательской» политики, былъ брошенъ. Былъ выдвинутъ новый лозунгъ — созданіе Совѣтскаго Интернаціонала предполагавшаго охватъ «совѣтской революціей» всего міра. Союзникамъ былъ поставленъ ультиматумъ и начаты сепаратные переговоры. Ихъ результаты у всѣхъ передъ глазами.

Прежняя Совѣтская внѣшняя политика билась въ тискахъ неопредѣленнаго положенія: эта внѣшняя политика то какъ будто признавалась однозначной съ политикой революціоннаго правительства, то вдругъ объявлялась какой то сепаратно-партійной, правительства не интересующей. Словомъ, и здѣсь также сбивчивость. Фактически на Совѣты выпала та обязанность, которую должно бы выполнять—но не выполняло—правительство, въ лицѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Отсутствіе демократическаго контроля и здѣсь дало роковые результаты. Въ послѣдній моментъ нашли было и здѣсь какое то рѣшеніе, вѣрнѣе, полу-рѣшеніе: посылка на союзническую конферен-

цію въ составѣ нашей дипломатической делегаціи чистаго представителя Совѣтской политики, М. И. Скобелева. Но едва ли это назначеніе не было нейтрализовано единовременнымъ назначеніемъ посланникомъ въ Парижъ такого заядлаго праваго кадета, какъ В. А. Маклаковъ. Впрочемъ, эта попытка оказалась еще болѣе запоздалой и мертворожденной, чѣмъ самъ «предпарламентъ». Она не успѣла осуществиться.

Большевистская власть просто и кратко попробовала поглотить «внѣшнюю политику» Совѣтской «пропагандой»: декретомъ о мирѣ и ввѣреніемъ германскому пролетаріату охраны русскаго фронта. Братанье и переговоры должны были лучше оружія обезпечить насъ отъ непріятельскаго вторженія. И новая совѣтская внѣшняя политика была лишь обратной стороной ея внутренней военной политики: она шла навстрѣчу усталости жаждущей домой арміи и, возбуждая усталыхъ противъ всѣхъ, кто удерживалъ ихъ на фронтѣ, какъ «затягивающихъ дѣло мира», обезпечивала свою власть поддержкой штыковъ.

Мы видѣли, что въ томъ же направленіи дѣйствовали и другіе факторы.

Волна подъема и возбужденія, вызванная «корниловщиной», завершившей собой разочарованія въ результатѣ долгой серіи коалиціонныхъ опытовъ,—эта волна имѣла свою инерцію. Какъ только оказалось, что партіи, которымъ дотолѣ принадлежала руководящая роль въ «Совѣтахъ», не хотятъ и не могутъ вознестись на гребнѣ этой волны,—такъ тотчасъ же положеніемъ поспѣшило воспользоваться прежнее совѣтское меньшинство. Оно, едва не погубившее себя неудачей 3—5 іюля, получило легкую возможность реванша. Оно поставило ва-банкъ—и выиграло.

Созданіе «предпарламента» было послѣдней, отчаянной, конвульсивной попыткой «Совѣтовъ» сбросить съ себя на чьи-нибудь плечи всѣ государственно-правовыя функціи, освободиться отъ этой ноши и превратиться въ чисто-классовую революціонную организацію, съ пропагандистскими и организаціонными задачами, съ сосредоточеніемъ на созданіи соціалистической культуры, идейно-политическаго воспитанія массъ. «Предпарламентъ» не удался—эта карта была бита.

Начался новый періодъ въ жизни «совѣтовъ»—рѣзкій и крутой переходъ отъ «самоограниченія» къ безграничному расширенію правомочій. Этотъ путь также долженъ былъ быть пройденъ до конца.

Логическое развитіе формулы «вся власть—Совѣтамъ» послѣдовательно столкнуло ихъ со всѣми органами демократіи. Земства, думы, земельные комитеты, продовольственные комитеты, само Учредительное Собраніе поочередно упразднялись, а функціи ихъ, вмѣстѣ съ обломками техническаго аппарата, сосредоточивались подъ руководствомъ Совѣтовъ. Создалась цѣлая теорія «Совѣтской Республики», логически увѣнчавшаяся принципіальнымъ отрицаніемъ демократизма и всеобщаго избирательнаго права.

Въ этомъ видѣ теорія «Совѣтской Республики» стала плохимъ сколкомъ съ анархо-синдикализма. Отрицающій самые принципы демократической государственности, анархо-синдикализмъ видитъ въ «союзѣ профессіональныхъ союзовъ» скелетъ всего новаго общества. Онъ стоитъ за прогрессивное расширеніе функцій профессіональнаго союза за счетъ всѣхъ нынѣшнихъ органовъ. Долой парламентаризмъ—да здравствуетъ рабочій парламентъ въ лицѣ съѣздовъ Конфедераціи синдикатовъ. Долой городскія думы—да здравствуетъ переходъ ихъ полезныхъ функцій въ руки локальныхъ объединеній синдикатовъ

вокругъ «биржъ труда». Синдикатъ, профессіональный союзъ становится универсальнымъ типомъ новой общественности. Его функціи должны безгранично расширяться и дифференцироваться. Органы же нынѣшней государственности должны хиреть, превращаться все болѣе и болѣе въ «выѣденное яйцо» исторіи, пока, наконецъ, рабочій классъ не отброситъ въ сторону и не растопчетъ оставшейся ненужной скорлупы. Большевизмъ лишь *подмѣнилъ* въ этой концепціи болѣе прочныя, постоянныя, *дѣловыя* организаціи—профессіональные союзы—дѣтищами переходящихъ революціонныхъ эпохъ, импровизированными, хаотическими по способу своей организаціи и по своему составу «Совѣтами». Тѣмъ самымъ наиболѣе *некомпетентныя* въ смыслѣ дѣловомъ организаціи призваны рѣшать всѣ дѣла управленія, требующія квалифицированной, спеціальной компетентности. Совершенно ясно, что единственнымъ результатомъ этого могла быть только та дезорганизація всего государственнаго аппарата и всѣхъ общественныхъ службъ, которая нынѣ воочію развертывается передъ нашими глазами. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ представленіи анархо-синдикалистовъ «высасываніе» синдикатами всего положительнаго содержанія изъ нынѣшнихъ органовъ демократической государственности вплоть до конечнаго ихъ упраздненія, за ненужностью, рисовалось, какъ длительный историческій процессъ, слѣдующій законамъ органическаго роста; а нашъ большевистскій «анархо-совѣтизмъ» замѣняетъ всѣ органическіе процессы простымъ росчеркомъ пера подъ декретами современной «красной бюрократіи».

Но Совѣты суть рабочіе парламенты. Природа всякаго парламента—выборность, а, стало быть, измѣнчивость состава въ зависимости отъ измѣнчивости политическихъ настроеній рабочаго класса. Превращеніе же ихъ въ органы новой государственности, воплощающей идею *диктатуры*, т.-е. въ высшей степени *централизованной* власти, во всеоруженіи систематическаго террора соціальныхъ «низовъ» надъ «верхами», предполагаетъ послушное проведеніе ими на мѣстахъ единой линіи поведенія. Между тѣмъ и другимъ существуетъ абсолютное противорѣчіе. И это противорѣчіе должно найти—и находитъ—свое разрѣшеніе въ уничтоженіи демократическихъ началъ внутри самихъ Совѣтовъ. «Совѣтская власть», комиссародержавіе, предполагаетъ воздѣйствіе сверху на Совѣты. «Комиссаро-послушные» Совѣты надо сдѣлать «забронированными» отъ перевыборовъ. Избирательную систему всѣми средствами «приспособить» къ полученію должнаго партійнаго состава Совѣтовъ. Совѣты «некомиссаропослушные» надо просто разогнать, раскассировать.

Совѣты, какъ органы власти, постепенно бюрократируются, отрываются отъ массъ, противопоставляются имъ, дѣлаются «начальствомъ». Правда, начальствомъ демагогическимъ и охлократическимъ, но тѣмъ болѣе самодурнымъ и безудержнымъ въ дѣлѣ правительственнаго терроризма.

Это возрожденіе «Совѣтовъ», сдѣлавшихся истребителями всѣхъ неокрѣпшихъ ростковъ нашей демократической гражданственности, сейчасъ въ полномъ ходу. И одно изъ двухъ. Либо въ Совѣтахъ возобладаетъ здоровое теченіе, и, несмотря на всѣ рогатки, рабочій классъ достаточно быстро обновитъ ихъ составъ, чтобы, воспользовавшись горькимъ урокомъ опыта, именно Совѣты стали отправнымъ пунктомъ, опорной точкой для возстановленія демократической общественности, отъ Земствъ и Думъ до Учредительнаго Собранія. Нынѣшній опытъ при этомъ послужитъ, какъ практическое reductio ad absurdum той ложь-

ной тенденціи, которая Совѣтамъ привита большевизмомъ. Либо это обновленіе остановится, затормозится, будетъ грубо оборвано, или просто запоздаетъ. Тогда Совѣты кончатъ свое существованіе полнымъ крахомъ, жестокимъ банкротствомъ. Они закончатъ свое нѣкогда блестящее существованіе полнымъ вырожденіемъ, внутреннимъ самоизуродованьемъ, и, наконецъ, безславною гибелью—и чисто Геростратовской славой.

Ближайшее историческое будущее покажетъ, какая тенденція возобладаетъ, и какимъ путемъ пробьется «живая струя» исторіи сквозь мертвечины современнаго распада общественныхъ тканей, распада и гніенія заживо тѣла Россіи: пройдетъ ли она черезъ Совѣты, или мимо ихъ, будутъ ли Совѣты снова этапами, лежащими на большой дорогѣ исторіи, или же будутъ замыкать собою тѣ историческіе *тупики*, которые лежатъ отъ этой большой дороги въ сторонѣ, «на отшибѣ». Судьба Совѣтовъ рѣшается именно сейчасъ, на нашихъ глазахъ, на исходѣ годичнаго цикла русской революціи.

Викторъ Черновъ.

Организація власти въ ходѣ русской революціи.

(Политическій обзоръ).

Мы еще не настолько отошли отъ событій революціи, чтобы писать ея *исторію*. Многія событія еще не завершили своего круга, иныя не вполнѣ даже извѣстны во всѣхъ своихъ деталяхъ. И тѣмъ не менѣе для того, чтобы исторія великой россійской революціи была написана впослѣдствіи съ возможнымъ приближеніемъ къ дѣйствительности, необходимы теперь же подготовительные въ этомъ направленіи шаги. Необходимо теперь же не только регистрировать отдѣльные факты и эпизоды, но и связывать ихъ преемственной связью во времени и въ ихъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи. Во имя будущей исторіи революціи необходимы теперь же *обзоры* текущихъ событій, показанія живыхъ свидѣтелей о живомъ, еще не окончательно отошедшемъ въ прошлое. Надо теперь же изъ еще незастывшей глины складывать кирпичи для построенія достойнаго монумента въ грядущемъ. Съ разныхъ сторонъ и по разному приходится подходить къ познанію того небывалаго въ исторіи міра явленія, какое представляетъ собой россійская революція, «самая солнечная, самая праздничная и самая безкровная», какъ характеризовалъ ее въ первой фазѣ ея развитія Альберъ Тома.

Обзоръ *политическихъ* событій года революціи, въ сущности, есть обзоръ всѣхъ событій революціи, ибо революція во всемъ своемъ бытіи и развитіи есть явленіе прежде всего политическое. Но не о революціи въ цѣломъ можетъ, конечно, идти рѣчь въ данной статьѣ, а объ одной лишь изъ ея сторонъ, о тѣхъ, въ извѣстномъ смыслѣ *внѣш-*

нихъ фактахъ построенія и организаціи власти, которые имѣли мѣсто въ теченіе перваго года революціи. Не анализъ внутреннихъ, подпочвенныхъ, движущихъ силъ революціи составляютъ предметъ даннаго обзора, а лишь итоги и результаты этихъ силъ, какъ они проявились въ борьбѣ за власть въ процессѣ революціи.

---

1. Февральская революція и образованіе Временнаго Правительства.

И тѣ, которые провидѣли революцію 1917 года и мирились съ ней, какъ съ исторически-неизбѣжнымъ рокомъ-расплатой за грѣхи прошлаго; и тѣ, кто видѣлъ въ революціи благую вѣсть о свободѣ Россіи и мирѣ всего міра, трепеща или радуясь, всѣ одинаково исходили изъ признанія исключительной сложности задачъ, стоящихъ передъ революціей. Ибо все, что въ другія эпохи въ другихъ странахъ назрѣвало постепенно и что получало свое частичное, въ большинствѣ случаевъ, правда, мало удовлетворительное разрѣшеніе,—все это совпало во времени и въ пространствѣ въ Россіи начала XX в. Нигдѣ и никогда въ міровой исторіи не бывало, чтобы странѣ приходилось рѣшать одновременно такое множество сложнѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ—политическихъ, національныхъ, экономическихъ, соціальныхъ,—которые сгрудились со всѣхъ концовъ необъятной и разноплеменной Россіи и, за вѣка тьмы и угнетенія, властно требовали немедленнаго же разрѣшенія. Огромная трудность положенія, въ которое русская революція попадала самымъ своимъ фактомъ, неимовѣрно осложнилась обстановкой міровой войны, въ разгарѣ коей, не считаясь ни съ чьими страхами и желаніями, революція разразилась внезапно, молніеносно, лучезарно.

Знакъ войны опредѣлилъ собой февральское возстаніе съ первыхъ же его часовъ. Успѣхъ возстанія въ Петроградѣ, а затѣмъ и по всей странѣ, зависѣлъ въ конечномъ счетѣ отъ того, какъ къ нему отнесется армія. Сознаніе этого факта выразилось въ тѣхъ тревожныхъ запросахъ, съ которыми обратились къ главнокомандующимъ фронтами тотчасъ же, какъ опредѣлилась побѣда возстанія въ столицѣ. Это сознаніе сказалось и въ томъ, что, одновременно съ созданными по образцу революціи 1905 г. совѣтами *рабочихъ* депутатовъ, повсемѣстно возникли, въ отличіе отъ пятаго года, и совѣты *солдатскихъ* депутатовъ.

Низвергнутая революціей власть была замѣнена новой, получившей народное и общественное признаніе не путемъ закона или обычая, а путемъ *провозглашенія*. Отреченіе отъ престола Николая II, за себя и за наслѣдника Алексѣя, происшедшее 2 марта въ Псковѣ, равно какъ и отказъ Михаила Александровича отъ «воспріятія верховной власти» совмѣстно съ просьбой ко «всѣмъ гражданамъ державы россійской подчиниться Временному Правительству», имѣвшіе мѣсто 3 марта, явились уже post factum, т.-е. послѣ того, какъ власть Романовыхъ была низложена, и служили лишь формально-юридическимъ выраженіемъ и закрѣпленіемъ происшедшаго.

Для того, чтобы источникомъ новаго права могло стать провозглашеніе, необходимо было, чтобы содержаніе провозглашаемаго соотвѣтствовало правосознанію и настроеніямъ большинства членовъ общежитія; необходимо было вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы новое право и новыя права были провозглашены учрежденіями, достаточно авторитетными въ глазахъ населенія.

Точками приложенія революціонной энергіи, показателями народнаго и общественнаго настроеній въ февральскіе дни въ Петроградѣ оказались самочинно возникшій, отказавшій въ повиновеніи агентамъ царскаго режима Временный Исполнительный Комитетъ четвертой Государственной Думы и столь же самочинно сорганизовавшійся Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

По *соглашенію* этихъ двухъ комитетовъ 2 марта и были утверждены и провозглашены, какъ составъ «перваго общественнаго кабинета», переименованнаго на слѣдующій день во «Временное Правительство», такъ и его программа, точнѣе—принятыя имъ на себя «обязательства». Такимъ образомъ съ первыхъ же часовъ революціи, надъ ея колыбелью стояли двѣ силы, двѣ точки приложенія революціонныхъ силъ, требовавшія своего примиренія и сочетанія. Отсюда потребность въ соглашеніи и *коалиціи* еще до того, какъ эта идея была вполнѣ отчетливо осознана сторонами, вступившими въ соглашеніе и коалицію.

Въ составъ Правительства вошли кн. Львовъ предсѣдателемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Милюковъ—мин. иностр. дѣлъ, Гучковъ—военнымъ и морскимъ, Некрасовъ—путей сообщенія, Коноваловъ—торговли и промышленности, Мануиловъ—народнаго просвѣщенія, Терещенко—финансовъ, Львовъ—оберъ-прокуроръ Синода, Шингаревъ—министромъ земледѣлія, Керенскій—юстиціи и Годневъ—государственнымъ контролеромъ. Обязательства, принятыя на себя Правительствомъ, были формулированы въ восьми пунктахъ, которые предусматривали: полную и немедленную амнистію; свободу слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ; отмѣну всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій; немедленную подготовку къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія; замѣну полиціи народной милиціей; выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основахъ «четырехвостки»; отказъ отъ разоруженія и вывода изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи; и, наконецъ, при сохраненіи воинской дисциплины въ строю—устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

За исключеніемъ безпартійныхъ Терещенко и кн. Львова, бывшаго депутатомъ 1-ой Государственной Думы, все Правительство цѣликомъ составилось изъ членовъ 4-ой Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, входившихъ во фракціи—трудовиковъ (1), к.-д. (4), прогрессистовъ (1), октябристовъ (2) и націоналистовъ (1). Программа Правительства носила исключительно политическій характеръ: ни вопросы соціальнаго преобразованія, ни вопросъ о войнѣ и мирѣ не были даже упомянуты. Это умолчаніе явилось ахиллесовой пятой Правительства, вышедшаго изъ революціи во время войны и обязаннаго самымъ своимъ существованіемъ—неотложной необходимости разрѣшить назрѣвшія соціальныя задачи. Фигура умолчанія создавала очагъ грядущихъ осложненій, приведшихъ вскорѣ сначала къ худому миру, а потомъ и къ доброй ссорѣ между участниками соглашенія.

---

2. *Кризисъ власти и вступленіе въ составъ Временнаго Правительства оффиціальныхъ представителей соціалистическихъ партій.*

Съ образованіемъ Временнаго Правительства оба источника его власти—Петроградскій Совѣтъ и Государственная Дума не исчезли, а продолжали существовать въ видѣ двухъ параллельныхъ центровъ общественнаго притяженія. Двоецентріе, лежавшее въ корнѣ вещей, въ самомъ происхожденіи власти Временнаго Правительства, предопредѣляло возможность и двоевластія, и столкновенія обѣихъ властей.

Въ первые дни и недѣли существованія Временнаго Правительства отношеніе къ нему со стороны различныхъ слоевъ населенія, партій, классовъ, группъ и учрежденій, городскихъ думъ, земскихъ собраній, съѣздовъ, митинговъ и т. д. варьировало между безусловнымъ довѣріемъ и поддержкой условной, «постольку—поскольку». Первое преимущественно исходило отъ элементовъ, такъ или иначе связанныхъ съ правой стороной соглашенія, съ Государственной Думой; второе—было характерно для лѣвыхъ элементовъ, оріентировавшихся по петроградскому совѣту раб. и солд. депутатовъ и руководившимъ имъ соціалистическимъ партіямъ.

Глубинные процессы соціально-политической борьбы за власть разнородныхъ элементовъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ и стремящихся къ различнымъ достиженіямъ, на поверхности жизни получали свое выраженіе въ постоянной настороженности, чтобы не сказать, подозрительности къ личному составу Правительства. Непропорціонально большое участіе въ Правительствѣ, сравнительно съ ролью въ революціи и численностью въ странѣ, представителей цензовой, правой части соглашенія, вызывало со стороны лѣвыхъ, слабо представленныхъ въ Правительствѣ, естественное стремленіе «давить» и «контролировать» власть порою даже тамъ, гдѣ оно было совершенно излишне, а въ иныхъ случаяхъ—и положительно вредно.

Съ ходомъ революціи, съ возникновеніемъ новыхъ задачъ и усложненіемъ прежнихъ, отвлекавшихъ членовъ Правительства отъ общенія и связи съ демократіей, настороженность послѣдней усиливалась. Совѣщаніе 82 Совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ, собравшись въ Петроградѣ 1 апрѣля, т.-е. почти буквально на слѣдующій день послѣ изданія Правительствомъ подъ непосредственнымъ давленіемъ Петроградскаго Совѣта обращенія о цѣляхъ войны,—призвало революціонную демократію всей Россіи «быть готовой дать рѣшительный отпоръ всякой попыткѣ Правительства уйти изъ подъ контроля демократіи». Даже сравнительно далекіе отъ политики кооперативы на своемъ всероссійскомъ съѣздѣ, по докладу Кусковой, не удержались отъ вотированія Правительству довѣрія лишь условно, по сакраментальной формулѣ «постольку—поскольку».

Быстро и легко, можно сказать, инстинктивно усваивалась мысль Монтескье, что всякая власть, откуда бы она ни исходила и изъ кого бы ни состояла, всегда склонна къ злоупотребленію. Власть стали сторожить. Одновременно съ самодѣятельностью массъ возрастала и ихъ вѣра въ свои силы и возможности; притязанія на руководящую роль порою обгоняли процессъ дѣйствительной самоорганизаціи демократіи.

Изъ результатовъ постояннаго давленія на Временное Правительство и естественнаго съ его стороны отталкиванія наиболѣе серьез-

нымъ надлежитъ признать упомянутое выше обращеніе къ гражданамъ, изданное 27 марта и содержащее изложеніе взглядовъ «Правительства Свободной Россіи» на задачи войны, сводившихся къ оффиціальному отказу отъ цѣлей захвата и присвоенія. Это обращеніе, будучи, опять-таки подъ давленіемъ Совѣта раб. и солд. депутатовъ, передано въ формѣ ноты министра иностранныхъ дѣлъ союзнымъ правительствамъ, оказалось снабженнымъ такими комментаріями, которые самымъ серьезнымъ образомъ умаляли значеніе передаваемаго документа. Въ связи съ этимъ 20 и 21 апрѣля возникло движеніе на улицахъ Петрограда. Массовыя демонстраціи сопровождались вооруженнымъ столкновеніемъ и жертвами. Разразился кризисъ власти. Лѣвая *«ушла»* министра иностранныхъ дѣлъ—лидера правой. Но съ уходомъ Милюкова кризисъ не разрѣшился, какъ и съ разрѣшеніемъ кризиса не затянулся тотъ органическій надрывъ въ соглашеніи, который образовался между лѣвой и правой съ уходомъ изъ Правительства Милюкова.

Кризисъ, потрясшій весь кабинетъ, былъ вызванъ вопросомъ войны и мира, неразрѣшеннымъ въ моментъ образованія власти. Международный вопросъ отомстилъ за себя такъ же, какъ позднѣе, при второмъ кризисѣ власти, отомстили за себя упущенные при соглашеніи вопросы національный и соціальный (аграрный). За наиболѣе яркой фигурой дореволюціонной общественности—Милюковымъ оказался выброшеннымъ за бортъ революціи Гучковъ. Вождь либеральной демократіи оказался не въ силахъ разрѣшить проблему мира. Вождь торгово-промышленной буржуазіи не сумѣлъ справиться съ организаціей арміи и флота. Революція, жаждавшая мира и задыхавшаяся въ тискахъ войны, быстро перешагнула черезъ обоихъ лидеровъ.

Свыше двухъ недѣль длился первый кризисъ власти. Затормозивъ текущую работу по укрѣпленію новаго строя, кризисъ не только отнялъ у революціи драгоцѣнное время, когда дни шли за мѣсяцы и годы. Кризисъ на мѣсяцъ отсрочилъ утвержденіе реформы земскаго и городского самоуправленія, исключительно неотложной и самой по себѣ и сугубо спѣшной еще и потому, что осуществленіе реформы являлось организаціонной предпосылкой выборовъ въ Учредительное Собраніе. Наконецъ, кризисъ поставилъ заново и во весь ростъ вопросъ объ основахъ и конструкціи власти.

Министръ-предсѣдатель кн. Львовъ обратился оффиціально къ предсѣдателю Исполнительнаго Комитета Чхеидзе съ письмомъ, въ которомъ просилъ довести до свѣдѣнія «исполнительнаго комитета и партій, представленныхъ въ совѣтѣ рабоч. и солд. депутатовъ» о предположеніяхъ Правительства «возобновить усилія, направленныя къ расширенію его состава, путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ страны, которыя доселѣ не принимали непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ».

Эта замысловатая фигура поднимала принципіальный вопросъ объ участіи и о степени участія въ управленіи государствомъ оффиціальныхъ представителей «активныхъ творческихъ силъ страны», т.-е. соціалистовъ. Смыслъ создавшагося положенія былъ подчеркнутъ и единственнымъ соціалистомъ во Временномъ Правительствѣ А. Ѳ. Керенскимъ, который обратился съ особымъ заявленіемъ въ центральный комитетъ п. с.-р., въ петроградскій совѣтъ раб. и солд. депутатовъ, во фракцію трудовой группы и въ исполнительный комитетъ Государ-

ственной Думы. Въ этомъ заявленіи говорится: «въ моментъ, когда событія революціи застали трудовую демократію неорганизованной, и когда цензовая Россія одна взяла на себя организацію власти, я на свой личный рискъ и страхъ долженъ былъ принять представительство интересовъ этой демократіи въ составѣ Временнаго Правительства и выполнять тяжелую и отвѣтственную роль соединительнаго звена между этими двумя основными силами, которымъ досталась побѣда надъ старымъ строемъ. Въ настоящее время я считаю положеніе кореннымъ образомъ измѣнившимся. Съ одной стороны, общее положеніе дѣлъ въ странѣ все усложняется, но съ другой—возрасли и силы организованной трудовой демократіи, которой, быть можетъ, нельзя больше устраняться отъ отвѣтственнаго участія въ управленіи государствомъ... Въ этихъ условіяхъ я считаю, что представители трудовой демократіи могутъ брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранію и формальному уполномочію тѣхъ организацій, къ которымъ они принадлежатъ».

Трудовая демократія была поставлена передъ искушеніемъ властью. Наличный составъ Правительства съ готовностью соглашался на численное увеличеніе соціалистическаго представительства, на активное участіе соціалистовъ въ управленіи, на пополненіе программы. Единственное, съ чѣмъ Правительство ни въ коемъ случаѣ не желало согласиться, это съ продолженіемъ двоевластія, съ повтореніемъ прежняго «контроля». Правительство предпочитало вовсе уйти отъ власти, лишь бы избѣжать придирчиваго и мелочного наблюденія за его дѣятельностью, за каждымъ его шагомъ и словомъ. Избѣжать *условнаго* довѣрія и поддержки, тормозившихъ всѣ порывы и начинанія Правительства, оно считало возможнымъ либо путемъ введенія въ составъ Правительства полномочныхъ представителей трудовой демократіи, перенявшихъ бремя и отвѣтственность власти частично, либо путемъ передачи представителямъ трудовой демократіи всей полноты власти цѣликомъ.

Демократія не была единодушна въ своемъ отношеніи къ власти. По разнымъ мотивамъ, но и большевики, и часть соціал.-революціонеровъ и меньшевиковъ были противъ формальнаго участія въ Правительствѣ. Одни потому, что соучастію во власти теперь предпочитали нераздѣльную полноту власти въ недалекомъ будущемъ. Сохраняя себя для будущаго, они не думали о революціи, о возможной ея гибели въ настоящемъ. Другіе были противъ вступленія въ составъ Правительства потому, что съ уходомъ къ власти опасались потерять вліяніе въ средѣ демократіи, опасаясь тѣмъ самымъ ослабить поддержку власти со стороны демократіи. Сторонники противоположнаго мнѣнія не безъ тревоги и сомнѣній, какъ бы въ предчувствіи грядущаго, доказывали необходимость власти сильной и дѣятельной, которую внѣ прямого содѣйствія демократіи создать было невозможно.

Въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣта, при обсужденіи вопроса о вхожденіи соціалистовъ въ составъ Правительства 20 апрѣля голоса разбились на двое: 23 высказались противъ участія въ коалиціи, 22—за, 8—воздержалось. Черезъ два дня тотъ же вопросъ былъ рѣшенъ уже въ положительномъ смыслѣ 44 голосами противъ 19 при 2 воздержавшихся: за вхожденіе высказались всѣ фракціи, кромѣ большевиковъ.

Пленарное засѣданіе Совѣта 2 мая подавляющимъ числомъ голосовъ одобрило это рѣшеніе.

Революціонная демократія преодолѣла искушеніе властью, которою съ двухъ сторонъ—справа и слѣва—пробовали ее соблазнить.

Справа—Гучковы,, Коноваловы, Милюковы, сознавая, что страна имъ не довѣряетъ, предпочитали коалиціонной власти «опытъ» съ однородно-соціалистическимъ правительствомъ, въ твердомъ расчетѣ, что соціалисты неминуемо провалятся, и тогда придетъ ихъ часъ, власть безраздѣльно перейдетъ въ руки правыхъ, цензовыхъ элементовъ. Слѣва также коалиціонному правительству съ участіемъ соціалистовъ откровенно предпочитали правительство однородно-капиталистическое въ томъ же расчетѣ, что капиталисты безнадежно провалятся, въ результатѣ чего у власти окажутся всецѣло соціалисты. Говорившіе такъ справа или слѣва одинаково не видѣли въ революціи и демократіи *самоцѣли*; для нихъ судьбы революціи и силы демократіи были безразличны, являясь лишь *средствомъ* для достиженія *своихъ* классовыхъ и партійныхъ цѣлей.

Разумъ революціи подсказалъ соціалистической демократіи правильное, среднее рѣшеніе. Съ одной стороны, она признала невозможнымъ возложить исключительно на свои еще неокрѣпшія рамена все бремя власти. Въ рядахъ демократіи въ то время не было ни одной группы или партіи, которая въ безумномъ самоослѣпленіи сказала бы: мы готовы теперь же одни взять въ свои руки власть. Этотъ мотивъ впервые прозвучалъ на всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ, въ іюньскіе дни, когда Ленинъ во время рѣчи Церетели о томъ, что «въ настоящій моментъ въ Россіи нѣтъ политическихъ партій, которыя говорили бы: дайте въ наши руки власть, уйдите, мы займемъ ваше мѣсто. Такой партіи въ Россіи нѣтъ—Ленинъ съ мѣста подалъ реплику: «есть» Съ другой стороны, объективный ходъ вещей лишалъ демократію. возможности совершенно уклониться отъ этого бремени и, умывъ руки, отойти отъ зла, сотворивъ благо.

Послѣ длительныхъ колебаній и переговоровъ удалось достигнуть общаго соглашенія между «правой» и «лѣвой» относительно конструкціи власти, состава правительства и его программы. Новое затрудненіе возникло при распредѣленіи портфелей. Покойный Шингаревъ соглашался подвинуться, чтобы уступить кресло министра земледѣлія Чернову, но онъ долго и упорно противился тому, чтобы уступить министерство продовольствія Пѣшехонову. Въ ночь на 3-е мая, когда переговоры Временнаго Правительства съ, такъ наз., контактной комиссіей Совѣта раб. и солд. депутатовъ уже заканчивались, соглашенію, казалось, не суждено будетъ состояться, ибо столкнулись два ультиматума. За невозможностью составить коалицію и при невозможности, съ точки зрѣнія самого же Временнаго Правительства, управлять страной безъ участія соціалистической демократіи, Правительство рѣшило, что ему не остается ничего иного, какъ перейти къ режиму единоличной диктатуры, воплощающей въ себѣ всю власть. Уже приглашены были спеціалисты-государствовѣды, чтобы юридически оформить переходъ власти, какъ вдругъ,—разсказывалъ впослѣдствіи Некрасовъ,—произошло чудо: удалось достигнуть полнаго соглашенія.

Въ составъ новаго Правительства вошли: предсѣдателемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ—кн. Львовъ, военный и морской министръ - Керенскій, министръ иностранныхъ дѣлъ - Терещенко, юстиціи—Переверзевъ, земледѣлія—Черновъ, продовольствія—Пѣшехоновъ, труда—Скобелевъ, почтъ и телеграфовъ—Церетели, финансовъ—Шингаревъ, путей сообщенія—Некрасовъ, соціальнаго обезпеченія—Шаховской, торговли и промышленности—Коноваловъ, народнаго просвѣщенія—Мануиловъ, прокуроръ Синода—Львовъ и государст-

венный контролеръ—Годнсвъ. По партійной принадлежности Правительство, не считая безпартійныхъ кн. Львова и Терещенко, составилось изъ 2 с.-р., 2 с.-д., 2 н.-с., 4—к.-д., 1—прогрессиста, 1—октябриста, 1—націоналиста. Вступившіе въ составъ Правительства представители трудовой демократіи признали себя отвѣтственными и обязанными отчетомъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Петроградскому Совѣту. Со своей стороны, Совѣтъ призналъ, что «самое присутствіе представителей Совѣта во Временномъ Правительствѣ обусловливаетъ новому Правительству *полное* довѣріе революціонной демократіи и *всю* полноту власти».

Коалиціонное Правительство опубликовало 6 мая декларацію. Какъ и «обязательства» Временнаго Правительства перваго состава, декларація состоитъ изъ восьми пунктовъ. Рядъ уже осуществленныхъ пунктовъ (амнистія, свобода слова, печати и т. д.) смѣнился въ деклараціи новыми. На первый планъ выступило «скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира». Рядомъ съ нимъ стало «укрѣпленіе началъ, демократизаціи арміи, организація и укрѣпленіе боевой силы ея какъ въ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ». Затѣмъ слѣдовали «неуклонная и рѣшительная борьба съ хозяйственной разрухой»; всесторонняя защита труда; выполненіе подготовительныхъ работъ для перехода земли въ руки трудящихся и регулированіе землепользованія въ интересахъ народнаго хозяйства и трудящагося населенія; усиленіе прямого обложенія имущихъ классовъ; введеніе и укрѣпленіе демократическихъ органовъ самоуправленія; и, наконецъ, скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ.

Эти пункты сопровождались «категорическимъ заявленіемъ», что плодотворная работа Правительства «возможна лишь при условіи полнаго и безусловнаго къ нему довѣрія всего революціоннаго народа и возможности осуществленія на дѣлѣ всей полноты власти».

---

3. Іюльскій кризисъ власти и второе Коалиціонное Правительство.

Майское коалиціонное Правительство просуществовало ровно два мѣсяца, потерявъ за это время только одного изъ своихъ сочленовъ. 20 мая подалъ въ отставку Коноваловъ, мотивировавъ свой уходъ «серьезностью момента», побудившаго его «очистить путь для представителя соціалистическихъ партій», такъ какъ «русской революціи, по его мнѣнію, слѣдуетъ сдѣлать новый этапъ и дойти до однороднаго соціалистическаго министерства». Эта услужливая готовность магната капитала отойти въ сторону и уступить власть соціалисту во имя «новаго этапа» революціи пріобрѣтаетъ особую выразительность въ свѣтѣ новѣйшихъ событій, когда однородно-коммунистическое министерство большевиковъ и лѣвыхъ с.-ровъ, послѣдовавъ совѣту Коновалова, на дѣлѣ осуществили «новый этапъ» революціи вплоть до «соціалистическаго строя» включительно...

Два мѣсяца существованія формальной коалиціи не придали Правительству необходимой устойчивости и власти. Раздираемое внутри враждующими теченіями, Правительство было малодѣятельно и въ цѣломъ не снискало популярности среди широкихъ массъ. По прежнему одни слои поддерживали «своихъ» министровъ и не довѣряли другимъ и обратно. Сбылись худшія предсказанія противниковъ коалиціи. Наиболѣе авторитетные представители соціалистическихъ

партій, войдя въ составъ Правительства, оторвались отъ массъ и постепенно утрачивали свое былое вліяніе. Съ другой стороны, объективно международное положеніе, армія, продовольствіе, финансы, транспортъ, промышленность все ухудшались. Участіе соціалистовъ въ Правительствѣ дало обильную пищу природному максимализму массъ и ихъ иллюзіи немедленной осуществимости конечныхъ цѣлей революціи. «Давленіе» на Правительство, не взирая на участіе въ немъ полномочныхъ представителей демократіи, не только не исчезло, а, наоборотъ, усугублялось. Правительственныя начинанія подвергались постоянному контролю изнутри со стороны министровъ, связанныхъ отчетностью передъ Совѣтомъ и партійными центральными комитетами. Извнѣ давленіе сдѣлалось монополіей меньшинства демократіи—большевиковъ и анархистовъ, не останавливавшихся ни передъ какими средствами, чтобы дискредитировать передъ массами Правительство и отвѣтственныя за его политику соціалистическія партіи с.-р., меньшевиковъ, н.-с. Необузданная демагогія развязывала и подхлестывала анархію. Безотвѣтственные политиканы сознательно спекулировали на благородство русской революціи, на ея пафосъ, отвергавшій строительство новой жизни путемъ принужденія и насилія и исходившій исключительно изъ начала нравственнаго переубѣжденія и внутренней самодисциплины.

Уличная демонстрація 17 іюня, «отложеніе» кронштадтской республики, налеты на дачу Дурново, типографію «Русской Воли» и т. д. и т. п. манифестировали передъ всей страной слабость правительственной власти. Они служили въ одно и то же время и репетиціями и подготовкой общественной психологіи къ предстоявшему захвату власти. «Мирная вооруженная демонстрація» 3—5 іюля, разыгравшись раньше времени и потому неудачно сложившаяся для ея вдохновителей и творцовъ, нѣсколько отдалила первоначально намѣченный срокъ захвата власти.

Прологомъ къ уличному выступленію 3 іюля явилось «выступленіе» министровъ-кадетовъ изъ правительства. 2 іюля ушли и больше не вернулись Шингаревъ, Мануиловъ и Шаховской. Некрасовъ же, выйдя изъ правительства въ качествѣ министра путей сообщенія кадета, вернулся черезъ нѣсколько дней обратно уже на постъ министра безъ портфеля, замѣстителя министра-предсѣдателя, въ качествѣ члена радикально-демократической партіи.

Какъ обращеніе перваго Временнаго Правительства, содержа общеполитическія обязательства, было лишено пунктовъ, касающихся внѣшней политики и соціальныхъ реформъ, такъ декларація 6 мая, включивъ эти послѣдніе, оставила безъ упоминанія внутри-національные вопросы. Одинъ изъ нихъ—украинскій и послужилъ формальнымъ предлогомъ къ уходу к.-д. изъ Правительства. Однако, причиной кризиса было отнюдь не некорректность или превышеніе власти, допущенныя Церетели, Терещенко и Некрасовымъ, заключившимъ соглашеніе съ украинской радой безъ предварительнаго разсмотрѣнія вопроса въ пленумѣ Правительства. Кризисъ былъ предрѣшенъ до того явнымъ намѣреніемъ к.-д. выйти изъ боя, уйти отъ революціи, выйдя изъ коалиціи.

И не будь конфликта по украинскому вопросу, пришлось бы оставить постъ министра народнаго просвѣщенія Мануилову, политика коего не удовлетворяла и такое скромное и умѣренное учрежденіе, какъ Государственный Комитетъ по народному образованію; она не встрѣчала сочувствія даже у представителей Испол-

нительнаго Комитета Государственной Думы, не говоря уже о Совѣтахъ Раб., Солд. и Крест. Депутатовъ. Разъ отдѣльныя группы министровъ были связаны сбщей партійной солидарностью, то съ уходомъ министра народнаго просвѣщенія неразрывно связанъ былъ уходъ и другихъ министровъ-кадетовъ, что неминуемо должно было вызвать и общій кризисъ.

Подлинной причиной кризиса власти былъ приступъ Правительства подъ вліяніемъ министровъ-соціалистовъ къ практическимъ мѣропріятіямъ въ области земельнаго вопроса. Министры—к.-д. предпочли сдѣлать «кабинетскимъ» вопросъ украинскій, а не частный и, въ извѣстной мѣрѣ, личный вопросъ министра просвѣщенія или тактически еще менѣе выгодный для партіи к.-д.—вопросъ земельный.

Кризисъ власти начался съ ухода к.-д. Онъ осложнился событіями 3—5 іюля; отставкой Переверзева въ связи съ опубликованіемъ данныхъ предварительнаго слѣдствія о большевикахъ; неожиданной отставкой министра-предсѣдателя кн. Львова; наконецъ, трехдневной отставкой В. М. Чернова въ связи съ клеветнической кампаніей противъ него.

Кн. Львовъ, считавшій «своимъ долгомъ въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится страна, находить пути соглашенія въ цѣляхъ сохраненія единства воли Временнаго Правительства», внезапно, 7 іюля, послѣ тяжелыхъ событій 3—5 іюля и прорыва русскаго фронта у Тарнополя, счелъ себя вынужденнымъ подать въ отставку въ силу «глубокаго расхожденія» съ земельными законами, внесенными Черновымъ на утвержденіе Временнаго Правительства и непріемлемыми для князя «не только по ихъ содержанію, но и по существу заключающейся въ нихъ политики».

Революція повертывалась своимъ соціальнымъ ликомъ, и чѣмъ явственнѣе обозначался этотъ процессъ, тѣмъ быстрѣе отходили отъ революціи ея случайные гости,—февральскіе революціонеры и мартовскіе республиканцы. Съ другой стороны осложняли положеніе сознательные и безсознательные недруги революціи слѣва. Разъединяя ряды трудовой демократіи, они, естественно, ослабляли ее за счетъ укрѣпленія претензій буржуазіи и либеральной демократіи. Представители имущихъ классовъ рискнули открыто выступить противъ соціальнаго содержанія русской революціи только тогда, когда событія 3—5 іюля обнаружили анархическій уклонъ революціи. Революціи предстояло отбиваться одновременно и отъ недруговъ справа и отъ «друзей» слѣва.

Съ уходомъ кн. Львова, впредь до выясненія новаго состава Правительства, постъ министра-предсѣдателя перешелъ къ Керенскому. Оставшись въ усѣченномъ видѣ—безъ к.-д. и безъ кн. Львова и Переверзева—Правительство частично перестроилось: портфель министра внутреннихъ дѣлъ перешелъ къ Церетели, министромъ юстиціи былъ назначенъ прогрессистъ, ставшій радикалъ-демократомъ, Ефремовъ. 8 іюля Правительство обратилось къ населенію съ декларацією, изданной «въ грозный часъ, когда войска германскаго императора прорвали фронтъ русской народной революціонной арміи».

Въ новой декларації оно въ подробностяхъ намѣчало рядъ неотложныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, указанныхъ въ общемъ видѣ еще въ декларації 6 мая. Въ частности, Правительство извѣщало о своемъ намѣреніи «предложить союзникамъ собраться на союзную конференцію въ теченіе августа для опредѣленія общаго направленія внѣшней политики союзниковъ и согласо-

ванія ихъ дѣйствіи при проведеніи принциповъ, провозглашенныхъ русской революціей». На ряду съ лицами дипломатическаго вѣдомства интересы Россіи должны были быть отстаиваемы и представителями демократіи. Декларація заканчивалась требованіемъ, обращеннымъ ко всѣмъ живымъ силамъ страны,—«отдать всю свою силу, достояніе, самую жизнь для великаго дѣла спасенія страны».

Этотъ призывъ, обращенный, въ частности, къ членамъ к.-д. партіи—Астрову, Кишкину и Набокову, коимъ предложено было войти въ составъ Временнаго Правительства, съ ихъ стороны встрѣтилъ лишь *условное* одобреніе и сочувствіе. Изъ выставленныхъ ими А. Ф. Керенскому въ открытомъ письмѣ семи пунктовъ, детализировавшихъ к.-д-скія условія, для обзора построенія власти имѣетъ особое значеніе требованіе, «чтобы всѣ члены правительства, къ какой бы партіи они ни принадлежали, были отвѣтственны исключительно передъ своей совѣстью и чтобы направленіе ихъ дѣятельности и самое пребываніе ихъ въ составѣ правительства не могло ни въ какой мѣрѣ вести къ вмѣшательству въ дѣла государственнаго управленія какихъ бы то ни было организацій или комитетовъ».

Въ это же время «лѣвая», въ лицѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ и Исполнит. Комитетъ Всеросс. Совѣта крестьянскихъ депутатовъ, въ соединенномъ засѣданіи 10 іюля постановила: признать страну и революцію въ опасности; объявить Временное Правительство «правительствомъ спасенія революціи»; признать за нимъ «всѣ неограниченныя полномочія для возстановленія организаціи и дисциплины въ арміи, рѣшительной борьбы со всякими проявленіями контръ-революціи и анархіи и для проведенія всей той программы положительныхъ мѣропріятій, которая намѣчена въ декларациіи». Была сдѣлана всего одна оговорка: министры-соціалисты обязаны отчетомъ о своей дѣятельности объединенному собранію исполнительныхъ комитетовъ не рѣже двухъ разъ въ недѣлю.

Событія 3—5 іюля, когда мятежники съ оружіемъ въ рукахъ вышли на улицу, стараясь овладѣть городомъ, арестуя отдѣльныхъ людей, захватывая автомобили, стрѣляя и терроризируя населеніе,—идеологически прикрывались лозунгомъ «вся власть совѣтамъ». Толпы матросовъ и рабочихъ съ оружіемъ въ рукахъ требовали отъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета взять власть въ свои руки. Центр. Испол. Комитетъ устоялъ, однако, отъ посягательства на его свободу, отъ попытки навязать ему всю власть вопреки его волѣ и разуму.

За этотъ мятежъ революціонная демократія заплатила не только кровью своихъ сыновъ, но и тѣмъ, что естественный ростъ революціоннаго движенія застопорился. Движеніе вернулось вспять, къ повторенію уже пройденныхъ этаповъ революціи. Демократія очутилась у «разбитаго корыта», у того пункта, отъ котораго революція исходила въ началѣ мая, когда образовывалось первое коалиціонное Правительство.

Повторялось прежнее положеніе. Междуусобіе въ рядахъ революціонной демократіи усилило позиціи враждебныхъ ей слоевъ. Демократія снова поставлена была передъ дилеммой: или самостоятельно взять въ свои руки всю полноту власти въ наиболѣе невыгодный для демократіи моментъ внутренняго раздора въ ея собственныхъ рядахъ; или сохранить коалиціонную власть, согласившись ослабить формальную зависимость власти отъ органовъ демократіи. Дезорганизованность демократіи и отсутствіе революціонной выдержки предо-

предѣлили выборъ, который въ такихъ условіяхъ приходилось сдѣлать. Чтобы предупредить возможность новой вспышки гражданской войны—теперь, быть можетъ, справа,—демократіи приходилось особенно бережно относиться къ уже надорваннымъ силамъ революціи. Тѣмъ самымъ вопросъ о коалиціи разрѣшался въ положительномъ смыслѣ.

Послѣ мучительно-долгихъ исканій, въ теченіе трехъ недѣль, выхода изъ трагическаго тупика, въ который загоняли страну и революцію событія въ тылу и на фронтѣ, на исходѣ одной изъ многихъ историческихъ ночей, которыми такъ богата исторія всякой революціи,—былъ найденъ выходъ. Въ Малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца, куда 22 іюля сошлись центральные комитеты политическихъ партій, представители Совѣтовъ и члены Временнаго Правительства,—власти не было. Министръ-предсѣдатель письмомъ на имя своего замѣстителя сообщилъ о своемъ выходѣ въ отставку за безуспѣшностью всѣхъ попытокъ сформировать Правительство на основѣ взаимнаго соглашенія партій или организацій, какъ то имѣло мѣсто при образованіи перваго коалиціоннаго Правительства. Въ итогѣ этого событія власть создалась путемъ соглашенія выбрать лицо, которому договаривающіяся стороны поручили бы образованіе Правительства. Лѣвые, согласившись довѣрить эту миссію А. Ѳ. Керенскому, включили при этомъ ссылку на декларацію 8 іюля—декларацію Правительства, возглавлявшагося тѣмъ же Керенскимъ. Правые, соглашаясь остановить свой выборъ лично на Керенскомъ, подчеркивали при этомъ его свободу комплектованія членовъ Правительства по собственному усмотрѣнію и въ соотвѣтствіи съ интересами дѣла, а не подъ воздѣйствіемъ того или иного Комитета.

24 іюля Керенскій составилъ второе Коалиціонное Правительство почти на паритетныхъ между лѣвой и правой началахъ въ слѣдующемъ видѣ: предсѣдателемъ и министромъ военнымъ и морскимъ—Керенскій, министръ внутреннихъ дѣлъ—Авксентьевъ, земледѣлія—Черновъ, юстиціи—Зарудный, продовольствія—Пѣшехоновъ, труда—Скобелевъ, почтъ и телеграфовъ—Никитинъ, торговли и промышленности—Прокоповичъ, иностранныхъ дѣлъ—Терещенко, финансовъ—Некрасовъ, соціальнаго обезпеченія—Ефремовъ, путей сообщенія—Юреневъ, народнаго просвѣщенія — Ольденбургъ, государственный контролеръ—Кокошкинъ и оберъ-прокуроръ Синода—Карташевъ. Не считая безпартійнаго Терещенко, въ составъ Правительства вошли 3 с.-р., 3 с.-д., 2 н.-с., 4 к.-д. и 3 члена вновь, чуть ли не ad hoc возникшей партіи радикально-демократической.

Новая коалиція въ томъ видѣ, какъ она создалась въ результатѣ іюльскаго кризиса власти, отличалась отъ прежней тѣмъ, что она оказалась болѣе свободной, формально болѣе развязанной для «рѣшительной борьбы со всякими проявленіями контръ-революціи и анархіи» и для положительнаго осуществленія предначертанныхъ мѣропріятій. Формально создавалась почва для большей независимости отъ вліянія партійныхъ и иныхъ комитетовъ. Власть пріобрѣтала возможность стать болѣе самостоятельной.

Въ этомъ, въ особенности, по сравненію съ прошлымъ была несомнѣнно положительная сторона въ построеніи новой власти. Но въ этомъ скрывался и новый источникъ слабости власти, вызвавшій необходимость одновременно съ образованіемъ второго Коалиціоннаго Правительства поставить вопросъ объ организаціи болѣе широкаго, общенаціональнаго базиса власти и болѣе открытой и прочной связи и отвѣтственности власти передъ страной.

---

4. Всероссійское Совѣщаніе въ Москвѣ и Демократическое Совѣщаніе въ Петроградѣ. Возстаніе Корнилова и новый кризисъ власти: Новое Правительство Временный Совѣтъ Россійской Республики. Большевистскій захватъ власти.

Слабость власти Временнаго Правительства опредѣлялась многими причинами. Причины лежали не въ субъективныхъ настроеніяхъ членовъ Правительства, не въ личномъ составѣ министровъ; главная причина недостаточной активности и рѣшительности власти лежала во внѣшнихъ, объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія революціи. И здѣсь, рядомъ съ переоцѣнкой значенія нравственнаго убѣжденія, связаннаго съ недооцѣнкой и отказомъ отъ методовъ физическаго воздѣйствія и принужденія, роковую для судебъ революціи роль сыгралъ *затяжной* періодъ власти *Временнаго* Правительства.

Исторія другихъ революцій не знаетъ примѣровъ подобной длительности власти временныхъ правительствъ, какъ не знаетъ, впрочемъ, и исторія міра такой революціи, какъ наша. Если исторія Учредительныхъ Собраній во Франціи и знаетъ случай, когда назначенные послѣ февральской революціи 1848 г. выборы въ Учредительное Собраніе были отсрочены, то все же, и послѣ отсрочки, выборы состоялись уже 23 апрѣля, а самое Учредительное Собраніе открылось уже 4 мая того же года, т.-е. черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ начала революціи. Условія Россіи, необъятной, многоплеменной, непроѣзжей, на три четверти малограмотной, лишенной необходимыхъ для выборовъ въ Учредит. Собраніе органовъ, впервые въ своей исторіи въ военное время осуществляющей всеобщіе, прямые и тайные выборы,—эти трудно преодолимыя условія фатально заставляли революціонную власть слишкомъ много времени оставаться «временной», т.-е. законодательствовать и управлять отъ имени народа, свергнувшаго власть *въ прошломъ*, и во имя Учредительнаго Собранія, которое должно было собраться *въ будущемъ*.

На ряду съ подготовкой выборовъ въ Учредительное Собраніе, признаваемое единственно правомѣрнымъ выразителемъ воли народной и «хозяиномъ земли русской» даже тѣми группами, которыя нынѣ признаютъ Учредительное Собраніе «неосуществимой для Россіи мечтой»—демократія напрягала всѣ усилія къ тому, чтобы отъ неоформленнаго «провозглашенія», какъ источника революціонной власти и права, перейти къ болѣе оформленнымъ и устойчивымъ органамъ всенароднаго мнѣнія и воли. Первоначально роль такого органа игралъ Петроградскій Совѣтъ Раб. и Сол. Депутатовъ. Затѣмъ къ нему присоединились Совѣты, возникшіе повсемѣстно въ странѣ и образовавшіе сначала Совѣщаніе 82 Совѣтовъ, а потомъ и—Всероссійскій Съѣздъ, выдѣлившій изъ себя Центральный Исполнительный Комитетъ. Рядомъ съ Совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ образовались мѣстные и Всероссійскій совѣты крестьянскихъ депутатовъ. Политика Совѣтовъ направлялась руководящими центрами соціалистическихъ партій. Линія поведенія умѣренныхъ классовъ, группъ и организацій опредѣлялась, преимущественно, тактикой к.-д. партіи. Отсюда мнѣніе и «провозглашенія» центральныхъ комитетовъ с.-р., н.-с., к.-д., большевиковъ и меньшевиковъ пріобрѣтали значеніе, приближавшееся къ общенародному или общественному провозглашенію. Но всѣ эти, равно какъ и множество другихъ клас-

совыхъ, партійныхъ, профессіональныхъ и иныхъ объединеній могли лишь приблизительно и весьма несовершенно замѣнить собою подлинное и единое народное представительство.

Собравшееся въ Москвѣ 12 августа Государственное Совѣщаніе было вызвано потребностью Правительства во всероссійской трибунѣ и желаніемъ соглашеніе наиболѣе вліятельныхъ партій и классовъ, заключенное въ четырехъ стѣнахъ Зимняго, Таврическаго и Маріинскаго дворцовъ, подкрѣпить болѣе открытымъ и общедоступнымъ сговоромъ широкихъ группъ и слоевъ населенія. Правительство искало всероссійскаго признанія и поддержки, и потому оно вынуждалось къ публичному отчету о своей дѣятельности и планахъ предъ лицомъ всего населенія, организованнаго по тѣмъ или инымъ признакамъ: пола, званія, профессіи, національности, вѣроисповѣданія, класса, партіи и т. д. Каждая организованная ячейка получала на Совѣщаніи представительство, какъ таковая.

Московское Совѣщаніе не имѣло рѣшающихъ правъ. Всероссійскіе трибуна, отчетъ и признаніе носили эпизодическій характеръ. За всѣмъ тѣмъ оно имѣло серьезное значеніе и для Правительства, искавшаго непосредственнаго соприкосновенія съ широкими кругами населенія, и для органовъ революціонной демократіи, званныхъ на Совѣщаніе въ числѣ другихъ, а фактически игравшихъ въ немъ доминирующую роль. За исключеніемъ большевиковъ, противопоставившихъ себя Совѣщанію,—какъ «удобнѣйшей ширмѣ для организаціи всероссійскаго контръ-революціоннаго заговора», Совѣщаніе сплотило ряды всей демократіи, дружно объединившейся на общей программѣ 14 августа, конкретно и въ деталяхъ развившей декларацію Правительства отъ 8 іюля и программу 6 мая, на которой впервые создалась коалиціонная власть. «Революціонная демократія,—говорится въ декларації,—не стремилась къ власти, не искала монополіи для себя. Она была готова поддерживать всякую власть, способную защитить интересы страны и революціи. Въ хаосѣ разрушенія она стремилась организовать и дисциплинировать народныя массы для государственнаго творчества, направлять стихійное движеніе народа-гиганта, сбрасывающаго вѣковыя цѣпи, въ русло планомѣрности, работать надъ возстановленіемъ боеспособности арміи, до самаго основанія разъѣденной старыми порядками, организовать народное хозяйство и *всегда и во всемъ интересы цѣлаго, интересы страны и революціи ставить выше интересовъ отдѣльныхъ классовъ или группъ населенія*».

Совѣщаніе обнаружило и государственную мудрость, и способность демократіи къ самоограниченію во имя спасенія родины и революціи извнѣ и изнутри. Рука, протянутая Бубликовымъ своему классовому и политическому противнику Церетели, была символическимъ признаніемъ моральной побѣды демократіи...

Если *формально* почва для усиленія личнаго момента въ управленіи страной была создана еще въ ночь на 22 іюля, когда всѣ партіи и классы отреклись отъ своего права делегировать въ составъ Правительства своихъ оффиціальныхъ представителей, предоставивъ свободу выбора лично А. Ф. Керенскому,—то *фактически* потребность въ осуществленіи личной власти усилилась въ моментъ занятія Риги внѣшнимъ врагомъ и движеніемъ внутри страны, возникшимъ въ памятные дни 28—30 августа, въ дни корниловскаго мятежа.

Какъ извѣстно, оффиціальный органъ партіи, вошедшей, въ составъ Временнаго Правительства въ лицѣ трехъ министровъ-ка-

детовъ,—«Рѣчь» квалифицировала возстаніе Корнилова противъ Временнаго Правительства, какъ простое «недоразумѣніе» и «тяжбу» двухъ комбатантовъ, одинаково «искреніе заботящихся только о благѣ и спасеніи гибнущей родины». «Рѣчь» настаивала на «соглашеніи по существу» между ген. Корниловымъ и Временнымъ Правительствомъ, которому предлагалось еще «доказать собственную правоту». Въ такихъ условіяхъ для Правительства создалась общая потребность «собраться», «сжаться», чтобы энергичнѣе противопоставить волю революціонной власти волѣ возставшаго противъ нея генерала.

Вооруженной рукой подавлять возстаніе Корнилова не пришлось. Двинутые противъ Петрограда «контръ-революціонные» полки съ приближеніемъ къ столицѣ растеряли всю свою «контръ-революціонность» и превратились въ свою противоположность.

Послѣ ликвидаціи Корниловскаго похода на Петроградъ Правительство перестроилось: часть министровъ ушла въ отставку, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Никитинъ, а на мѣста военнаго и морского министровъ, освобожденныя Керенскимъ, принявшимъ должность верховнаго главнокомандующаго, были назначены генер. Верховскій и адмир. Вердеревскій. Внутри Правительства образовался такъ называемый Совѣтъ Пяти, въ который вошли: Керенскій, Терещенко, Никитинъ и вновь назначенные Верховскій и Вердеревскій.

Какъ Корнилова ошибочно называли русскимъ Дюмурье, такъ и Совѣтъ Пяти, слѣдуя французскимъ образцамъ, ошибочно называли—Директоріей. Ни по своему происхожденію, ни по своему положенію въ системѣ другихъ органовъ власти, ни по характеру своей власти Совѣтъ Пяти не имѣлъ ничего общаго съ Директоріей. Онъ создался не путемъ избранія снизу, а путемъ исключеній и отказа сверху. Онъ опирался не на систему раздѣленія властей и служилъ органомъ не только исполнительной власти, но средоточіемъ всей власти Правительства. Наконецъ, онъ ни въ малой мѣрѣ не являлъ собою сильную власть, переходную къ диктатурѣ. Совѣтъ Пяти служилъ лишь отсрочкой общаго кризиса власти, вызваннаго корниловскимъ мятежомъ.

Демократическое Совѣщаніе, собравшееся въ Петроградѣ 14 сентября, послѣ легкой и безкровной ликвидаціи корниловскаго мятежа, очутилось передъ тяжкимъ, свыше двухъ недѣль длящимся параличемъ власти. Въ цѣляхъ укрѣпленія авторитета власти Совѣщаніе почти съ полнымъ единодушіемъ нашло необходимымъ подвести подъ власть болѣе устойчивый фундаментъ—установить принципъ отвѣтственности Правительства, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы болѣе прочной и постоянной, а не эпизодической связью между Правительствомъ и организованными силами страны. Такъ родилась идея о «предпарламентѣ», получившая вскорѣ осуществленіе въ видѣ Временнаго Совѣта Республики.

Наряду съ этимъ вновь возникъ старый, мучительный вопросъ о принципѣ организаціи Правительства. Вновь страстно и громогласно, съ трибуны Александринскаго театра, на которой прошли члены Правительства, представители Совѣтовъ, городовъ, земствъ, кооперативовъ, профессіональныхъ союзовъ, раздались доводы за и противъ образованія однородно-соціалистической власти и власти коалиціонной, власти безъ участія представителей к.-д. партіи, какъ

запятнавшей себя соучастіемъ въ дѣлѣ Корнилова, и власти дѣловой, съ возможнымъ участіемъ всѣхъ организованныхъ, столь скудныхъ, по сравненію съ нуждами революціи, силъ страны, и минуя лишь лицъ, непосредственно скомпрометированныхъ корниловщиной.

Основанія къ подобному различію давало между прочимъ и то обстоятельство, что, въ отличіе отъ «Рѣчи», саратовскій, кіевскій, пермскій и другіе комитеты к.-д. партіи незамедлительно и открыто отмежевались и осудили корниловскую авантюру: такъ кадеты—гласные московской думы присоединились къ резолюціи с.-р., заклеймившей Корнилова измѣнникомъ и предателемъ родины и свободы.

Съ преодолѣніемъ корниловщины общая совокупность объективныхъ и субъективныхъ предпосылокъ не измѣнилась настолько, чтобы считать обстановку болѣе благопріятной для перехода власти безраздѣльно въ руки одного класса. Революціи по-прежнему приходилось преодолѣвать внѣшнія препятствія и въ то же время поминутно озираться назадъ, на положеніе своего внутренняго фронта. Благополучно ликвидированная перспектива гражданской войны теперь такъ же, какъ и 3—5 іюля, заставляла съ особенной бережностью расцѣнивать уже надорванныя силы революціи, съ особенной осторожностью относиться къ самонадѣяннымъ экспериментамъ и рискованнымъ прыжкамъ въ неизвѣстное. И потому, не взирая на всѣ недуги, которыми съ первыхъ же дней своего существованія болѣла коалиціонная власть, не взирая на то, что оппозиція къ «трижды презрѣнной коалиціи» и политикѣ «соглашателей» замѣтно возрастала въ средѣ демократіи, руководители революціоннаго движенія не видѣли другой возможности предупредить гражданскую войну и сберечь революцію и организаціонныя формы демократіи, какъ снова образовать власть путемъ взаимнаго сговора группъ и классовъ, партій и направленій, дорожащихъ мирнымъ развитіемъ страны и революціи.

И 25 сентября новое правительство сформировалось въ составѣ: Керенскій—министръ-предсѣдатель, Терещенко—иностранныхъ дѣлъ, Никитинъ—внутреннихъ дѣлъ, почтъ и телеграфовъ, Бернацкій—финансовъ, Коноваловъ—торговли и промышленности, Прокоповичъ—продовольствія, Третьяковъ—предсѣдатель главнаго экономическаго комитета, Салазкинъ—народнаго просвѣщенія, Малянтовичъ—юстиціи, Кишкинъ—государственнаго призрѣнія, Карташевъ—исповѣданія, Ливеровскій—путей сообщенія, Верховскій—военный, Вердеревскій—морской, Смирновъ—государственный контролеръ, Гвоздевъ—труда и С. Л. Масловъ—земледѣлія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было издано Положеніе о Временномъ Совѣтѣ Россійской Республики. Къ вѣдѣнію Совѣта, состоявшаго изъ приглашаемыхъ Временнымъ Правительствомъ, по представленію общественныхъ и политическихъ организацій, 555 членовъ, Положеніе относило: обсужденіе законодательныхъ предположеній, по коимъ Временное Правительство признаетъ необходимымъ имѣть заключеніе Совѣта, а также предварительная разработка законодательныхъ вопросовъ, кои возникнутъ по собственной иниціативѣ Совѣта. Совѣту предоставлено было обращаться къ Правительству съ вопросами, касающимися дѣятельности Правительства. Соотвѣтственно коллиціонному принципу образованія Правительства распредѣленіе мѣстъ въ Совѣтѣ произошло также по соглашенію между общественными и политическими организаціями пропорціонально соотношенію силъ и роли этихъ организацій въ жизни страны. Численное преобладаніе революціонной

демократіи сохранилось даже послѣ того, какъ изъ предпарламента демонстративно ушли большевики.

Спустя двѣ съ половиной недѣли послѣ начала дѣятельности Совѣта Республики большевистскими штыками было прервано его существованіе, а къ вечеру того же 25 октября было подвергнуто бомбардировкѣ съ крейсера «Аврора», а вслѣдъ затѣмъ аресту и заключенію въ Петропавловскую крѣпость большинство членовъ Временнаго Правительства.

Послѣ октябрьскаго переворота власть организовалась не на основѣ общественнаго или тѣмъ менѣе народнаго провозглашенія, а путемъ циничнаго самопровозглашенія стоявшихъ во главѣ партіи большевиковъ лицъ членами «рабоче-крестьянскаго правительства». И въ дальнѣйшемъ, въ общемъ хаосѣ и сумбурѣ большевистскаго режима, одно оставалось прочнымъ и незыблемымъ: «правительство» пополнялось и замѣняло отдѣльныхъ своихъ сочленовъ не по избранію или делегаціи, а путемъ назначенія самимъ же Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ, которое уже позднѣе, post factum, пропускалось чрезъ «высшій органъ совѣтской республики»—Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ рабоч., солдатскихъ, крестьянскихъ и казачьихъ депутатовъ въ обычномъ порядкѣ, т.-е. для освѣдомленія и молчаливаго одобренія.

Къ концу перваго года революціи кругъ завершился. Какъ годъ тому назадъ мы имѣли личный режимъ Николая съ его камарильей, такъ и нынѣ передъ нами ничѣмъ не прикрытый личный режимъ Ленина и его кружка, послушно творящаго волю своего господина.

Можно, какъ угодно, положительно или отрицательно относиться къ коалиціи. Но такъ или иначе оцѣнивая ее, надо всегда помнить выразительныя слова души русской революціи Церетели: «Когда вы произносите свое сужденіе о коалиціи, вы произносите свое сужденіе о революціи». Со сговора и коалиціи началась русская революція, съ концомъ соглашенія и кончилась революція.

Если это положеніе могло представляться сомнительнымъ и спорнымъ раньше, до опыта однородной, такъ называемой, «соціалистической» власти, то теперь, послѣ четырехмѣсячной гражданской войны въ этомъ пунктѣ, казалось бы, нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ или спору. И когда счастливые захватчики власти теперь, какъ и прежде, повторяютъ, какъ насвистанные дрозды, свои брань и проклятіе по адресу «соглашателей» и «трижды презрѣнной коалиціи», это не удивляетъ и не корсбитъ... Но какъ не удивиться неожиданному совпаденію во взглядахъ, какъ разъ въ этомъ пунктѣ, у коммунистовъ-большевиковъ съ иными учеными конституціоналистами-демократами.

«Неужели опять тѣ-же Черновы и Церетели, тѣ же опыты гнилыхъ коалицій...»,—съ нѣкоторымъ ужасомъ восклицаетъ авторитетный членъ к.-д. партіи профессоръ Новгородцевъ («Русскія Вѣд.» № 42). Эти страхи — плохо мотивированные для прошлаго, еще менѣе убѣдительны—для нынѣшняго времени, обогащеннаго опытомъ октябрьскаго отрицанія коалиціи.

Съ ходомъ русской революціи постепенно все суживались шансы на благополучный ея исходъ. Недовѣрію и взаимному саботажу въ

средѣ самого Правительства соотвѣтствовали «давленіе», борьба и открытая проповѣдь возстанія противъ Правительства извнѣ. Доктринеры и филистеры, съ одной стороны, фантасты и предатели, съ другой, работали согласно въ одномъ направленіи: коалиціонное правительство—вотъ врагъ! Къ ниспроверженію этого врага и направились ихъ общія усилія. Коалиція была низвергнута и вмѣстѣ съ ней оказались низвергнуты и демократія и революція.

Маркъ Вишнякъ.

Внѣшняя политика Россіи въ годъ революціи.

I.

Если признать аксіомой крылатыя слова Карлейля о томъ, что «каждый народъ имѣетъ только то правительство, которое онъ заслуживаетъ», то и тогда было-бы наивностью полагать, что какое-бы то ни было правительство способно отразить всю глубину соціально-политическихъ бореній представляемаго имъ народа. И, если эта «аксіома» возбуждаетъ довольно серьезныя сомнѣнія по отношенію ко всякой эпохѣ, то она становится еще болѣе сомнительной въ періодъ общественныхъ бурь революціи.

Въ этомъ отношеніи русская революція не составляетъ исключенія. Неисповѣдимыми путями всякой революціи, выдвинутые на поверхность ея вожди и правители лишь отразили въ себѣ все многообразіе «подпочвенныхъ водъ», размывшихъ твердыню самодержавія,—и ни одна изъ трехъ комбинацій этихъ правителей, отъ Гучковско-Милюковскаго Временнаго Правительства до Совѣта народныхъ комиссаровъ включительно, *взятое въ цѣломъ*, не дала намъ точнаго отображенія истинныхъ устремленій народа въ области внѣшней политики.

Какова подлинная воля въ области внѣшней политики народа—титана, героическими усиліями сбросившаго съ себя весной прошлаго года вѣковыя цѣпи политическаго рабства? Какого выхода изъ войны ищетъ этотъ миролюбивый по своей натурѣ великанъ-народъ, всегда ненавидѣвшій войну, несклонный къ предательству, жестокости или лицемѣрію, мало-просвѣщенный и плохо разбирающійся въ вопросахъ внѣшней политики?

Могущественный и величественный сфинксъ съ виду, онъ безмолвствуетъ. Онъ усталъ, очень усталъ, почти изошелъ кровью... Точно собравшись съ послѣдними силами, онъ единымъ ударомъ сбросилъ съ могучихъ плечъ своихъ гидру монархіи и... обезсилѣлъ,— обезсилѣлъ настолько, что не смогъ, не сумѣлъ сказать такого-же рѣшительнаго слова въ области внѣшней политики.

Недаромъ такой опытный историкъ, какъ Оларъ, сказалъ недавно, что, «можетъ быть, только къ 1970 году мы получимъ возможность разобраться въ причинахъ, движущихъ современными событіями въ Россіи...» Здѣсь же можетъ быть данъ лишь краткій очеркъ борьбы отдѣльныхъ общественныхъ группъ и политическихъ партій, которыя стихійной волной событій возносились къ кормилу государственной власти и, въ безконечныхъ поискахъ выхода изъ ужасной войны, дѣйствовали именемъ народа.

II.

Внѣшнюю политику перваго Временнаго Правительства уже потому трудно считать политикой революціоннаго русскаго народа, что въ самомъ составѣ его имѣлись элементы, явно враждебные революціи. Къ сожалѣнію, въ рукахъ этихъ элементовъ и находились судьбы тогдашней внѣшней политики. Искренно-ненавидѣвшій самодержавіе Милюковъ и временами великолѣпно уживавшійся съ нимъ Гучковъ, — оба въ равной степени не хотѣли, боялись революціи и ненавидѣли ея. Строгіе конституціоналисты (разной степени умѣренности) и законники, они хотѣли освобожденія Россіи отъ ига самодержавія, но такъ же очень мечтали и о томъ, чтобы раскрѣпощеніе народа не пошло дальше рамокъ конституціонной монархіи. События повернулись противъ нихъ, но ихъ ненависть къ подлинному народовластію отъ этого не уменьшилась. Скрѣпя сердце, они объявили себя республиканцами и вошли въ составъ Временнаго Правительства, съ глубокой вѣрой въ то, что удѣльный вѣсъ ихъ идеаловъ, вліяніе наиболѣе просвѣщенныхъ круговъ владѣющихъ классовъ Россіи, сумѣетъ повернуть колесо русской исторіи.

Но они ошиблись... Исторія русской революціи прошла мимо нихъ.

Каковы же были идеалы и чаянія, привнесенныя Милюковыми и Гучковыми въ область внѣшней политики русской революціи?

Мы знаемъ ихъ изъ тѣхъ рѣчей и декларацій, которыя еще до революціи оглашались лидерами кадетовъ и октябристовъ въ стѣнахъ 4-й Государственной Думы. Революція не внесла въ нихъ никакихъ измѣненій. Мало того: лидеры октябристовъ и кадетовъ подошли къ русской революціи съ твердой увѣренностью въ томъ, что революція поможетъ имъ осуществить ихъ идеалы внѣшней политики— *идеалы просвѣщеннаго, но тѣмъ не менѣе, агрессивнаго имперіализма, окутаннаго романтической дымкой мечтательнаго славянофильства и русскаго мессіанизма.*

О томъ, какія надежды привели просвѣщенныхъ русскихъ имперіалистовъ въ станъ революціи, лучше всего повѣствуетъ въ одной изъ своихъ рѣчей откровеннѣйшій изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей А. И. Гучковъ *).

---

*) Рѣчь въ засѣданіи съѣзда делегатовъ фронта въ Государственной Думѣ 30 апрѣля 1917 г.

«Я всегда любилъ войну и армію потому, что я былъ увѣренъ, что только народъ, который скуетъ сильную армію, который создастъ такую оборону, передъ которой трепетали-бы сосѣди, что только этотъ народъ именно на мирномъ пути можетъ достигнуть величайшихъ удачъ и величайшаго успѣха. Я былъ убѣжденъ, что если-бы Россія сковала военную мощь, то она выполнила-бы тѣ громадныя историческія задачи, которыя передъ ней стоятъ... Я далъ себѣ клятву, Ганнибалову клятву, что я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы возстановить нашу вооруженную силу, чтобы сковать военную мощь, безъ которой *великое государство* существовать не можетъ». И далѣе:

«Вотъ почему я, далекій отъ идей и партій переворота, полтора мѣсяца тому назадъ сдѣлался революціонеромъ — именно потому, что я считалъ, что старая власть ведетъ насъ къ военному пораженію со всѣми послѣдствіями внутри страны отъ этого пораженія, и что только сверженіе ея можетъ спасти страну».

Намъ не хотѣлось-бы загромождать своей статьи еще и другими цитатами только для того, чтобы доказать, что приведенныя слова Гучкова могли-бы послужить подлиннымъ знаменемъ всего праваго крыла русской революціи. Революція, пріемлемая только, какъ средство для проведенія въ жизнь идеаловъ великодержавной политики Россіи,—таковъ основной лейт-мотивъ всѣхъ безчисленныхъ декларацій, рѣчей, дипломатическихъ посланій и статей менѣе откровеннаго Милюкова и его единомышленниковъ. Правда, мы знаемъ, что по вопросу о проливахъ и пресловутой «Константинопольской губерніи», П. Н. Милюковъ порою испытывалъ тягостное одиночество и въ средѣ собственной партіи; эти разногласія сдѣлали его пребываніе на посту министра иностранныхъ дѣлъ еще болѣе кратковременнымъ, чѣмъ этого можно было ожидать—но все это были разногласія «семейнаго» характера, разногласія въ выборѣ путей и методовъ, а не самой цѣли.

Слѣдуетъ отмѣтить, что Милюковъ и Гучковъ въ основу своей внѣшней политики на первыхъ-же порахъ положили полную и непоколебимую солидарность съ союзниками и вѣрность Лондонскому договору. Убѣжденные германофобы,—по духу, по традиціямъ, по убѣжденіямъ,—они возстали съ особенной рѣшимостью противъ самодержавія тогда, когда реакціонные придворные круги обнаружили явно-германофильскія симпатіи и большую склонность къ сепаратному миру. По ихъ мнѣнію, молодая русская буржуазія (а за ней и весь русскій народъ) должна была связать свою судьбу съ судьбой англо-французской и японо-американской буржуазіи,—и вѣрили въ то, что русская революція, освободивъ народъ отъ романовско-германофильской клики, только укрѣпитъ солидарность державъ Согласія. Убѣжденный англофилъ, Милюковъ употребилъ все свое личное вліяніе, чтобы усилить сближеніе съ Англіей. Въ этомъ отношеніи онъ явился лишь вѣрнымъ продолжателемъ Сазоновской политики.

Однако, народъ, сбросившій иго романовско-германофильской клики, отвергшій въ то же время путь сепаратнаго мира, на который его толкала эта клика, союзомъ съ Германіей мечтавшая укрѣпить пошатнувшійся тронъ, не пошелъ и за Милюковыми-Гучковыми. Искусные дипломаты, расчетливые политики,—наши идеологи просвѣщеннаго имперіализма не сумѣли расчитать одного: народъ, низвергнувшій насиліе у себя дома, народъ, утомленный бѣдствіями разорительной войны, нельзя было увлечь на завоевательные подвиги, которые понесли-бы насиліе въ другія страны. Усилившееся броженіе

въ арміи и въ тылу показало, что народъ отвернулся отъ великодержавной политики. Лозунгъ «война до побѣднаго конца» былъ перефразированъ народомъ въ ненавистную «войну безъ конца»,—и переломъ во внѣшней политикѣ сталъ неизбѣжнымъ.

III.

Основныя черты этого перелома намѣтились еще до того, какъ князю Львову пришлось уступить свое мѣсто Керенскому. Съ уходомъ Милюкова гибель имперіалистскихъ надеждъ кадетскихъ идеологовъ стала несомнѣнной. Въ руководящихъ сферахъ запахло другими вѣяніями,—и, на другой день послѣ ухода Милюкова и Гучкова, «преобразованное и усиленное новыми представителями революціонной демократіи» Временное Правительство возвѣстило новые лозунги своей иностранной политики:

«Во внѣшней политикѣ», говорится въ заявленіи Временнаго правительства отъ 6 мая 1917 г.; «Врем. правительство, отвергая въ согласіи съ народомъ всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, открыто ставитъ своей цѣлью *скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира*, не имѣющаго своей задачей ни господство надъ другими народами, ни отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, ни насильственный захватъ чужихъ территорій,—мира безъ аннексій и контрибуцій на началахъ самоопредѣленія народовъ».

Далѣе, обѣщая предпринять всѣ необходимые подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ декларацiи Временнаго правительства отъ 2 марта, оно заявляетъ:

«Въ убѣжденіи, что пораженіе Россіи и ея союзниковъ не только явилось-бы источникомъ величайшихъ бѣдствій для народовъ, но и отодвинуло-бы или сдѣлало невозможнымъ заключеніе всеобщаго мира на указанной выше основѣ, Временное Правительство твердо вѣритъ, что революціонная армія Россіи не допуститъ, чтобы германскія войска разгромили нашихъ союзниковъ на западѣ и обрушились бы всей силой своего оружія на насъ» *).

Не менѣе ясно формулированы задачи новаго правительства въ области внѣшней политики въ нотѣ, врученной министромъ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко французскому министру А. Тома, передъ возвращеніемъ его во Францію, 31-го мая. Въ этой нотѣ проводится мысль, что русская революція является новымъ, великимъ этапомъ для русскаго народа не только на пути къ устроенію своей внутренней жизни, но и къ утвержденію началъ высшей справедливости и въ области международныхъ отношеній. Въ ней, между прочимъ, говорится:

«Отстаивая во внѣшней борьбѣ великія начала свободы, Россія стремится къ достиженію всеобщаго мира на основаніяхъ, исключающихъ всякое насиліе, откуда-бы оно ни исходило, равно, какъ и *всякіе имперіалистическіе замыслы, въ какой-бы формѣ они ни проявлялись*. Она не питаетъ сама никакихъ завоевательныхъ стремленій и рѣшительно возстаетъ противъ какихъ-бы то ни было попытокъ въ этомъ направленіи».

Далѣе, нота вновь подтверждаетъ вѣрность русскаго народа союзникамъ и, выдвигая необходимость междусоюзной конференціи, заявляетъ, что обсужденію этой конференціи не подлежитъ лондонское

---

*) «Вѣстникъ Врем. Правительства», № 49 (95).

соглашеніе 1914 г., исключающее возможность заключенія сепаратнаго мира одной изъ воюющихъ державъ.

Итакъ, борьба съ явными или тайными имперіалистическими замыслами,—вотъ лозунгъ, отдѣляющій первыя двѣ эры нашей международной политики, политику «Константинопольской губерніи» отъ категорическаго отрицанія всякихъ завоевательныхъ тенденцій со стороны революціонной Россіи. Въ своемъ заявленіи отъ 8 іюля 1917 г., уже послѣ того, какъ наступленіе Керенскаго кончилось крахомъ, когда германскія войска прорвали фронтъ русской революціонной арміи, когда правительство напрягало всѣ усилія, чтобы объединить волю и энергію русскаго народа въ цѣляхъ защиты страны и революціи, оно, охваченное отчаяніемъ, писало:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, своей внѣшней политикой оно (правительство) снова и снова подтвердитъ, что революціонная армія можетъ итти въ бой съ твердой вѣрой въ то, что *ни одна капля крови русскаго солдата не прольется ради цѣлей, чуждыхъ правосознанію русской демократіи*, провозгласившей открыто, передъ лицомъ всего міра, свои мирные лозунги».

Но обѣ эры нашей международной политики—имперіалистическая, Милюковская, и политика всеобщаго мира—правительства революціонной демократіи—были скрѣплены печатью единства въ другомъ пунктѣ. Оба правительства продолжали оставаться вѣрными союзникамъ и въ равной мѣрѣ считали для себя обязательнымъ договоръ союзной коалиціи, заключенный въ 1914 г., въ Лондонѣ. Правда, правительство русской демократіи не обольщало себя вѣрой въ то, что основныя цѣли союзниковъ въ нынѣшней войнѣ ни въ чемъ не противорѣчатъ возвѣщеннымъ ею лозунгамъ. Предлагая союзникамъ собраться въ августѣ на конференцію, правительство ставило главной цѣлью этой конференціи «опредѣленіе общаго направленія внѣшней политики союзниковъ и *согласованіе ихъ дѣйствій при проведеніи принциповъ, провозглашенныхъ русской революціей*» (декларація 9/VII, 1917 г.). Вѣрность союзному договору 1914 г. не могла и, конечно, не должна была обязывать революціонное правительство къ солидарности со всѣми шагами союзниковъ въ области международной политики;—особенно если дѣйствія союзниковъ рѣзко расходились съ возвѣщенными демократическими цѣлями войны. Такой случай расхожденія зафиксированъ Правительствомъ въ нотѣ о созывѣ союзной конференціи по балканскимъ дѣламъ. Въ нотѣ говорится, что Правитсльствомъ поручено своимъ представителямъ «съ особенной силой настаивать на проведеніи общихъ началъ возвѣщенной русской демократіей внѣшней политики». Въ частности, эти инструкціи касаются греческаго вопроса въ связи съ послѣдними событіями. «*Въ этомъ вопросѣ мы не могли не отнестись иначе, какъ отрицательно, къ способамъ, посредствомъ которыхъ произошла вынужденная замѣна одного короля другимъ*. Конечно, мы руководились при этомъ недопустимостью вмѣшательства во внутреннія дѣла греческаго народа».

Мы остановились на этомъ примѣрѣ, чтобы показать, что вѣрность союзникамъ не исключала строгой лойяльности русской демократіи по отношенію къ нейтральнымъ странамъ и явно-враждебнаго отношенія къ агрессивнымъ шагамъ западныхъ имперіалистовъ. Сильное вѣрой въ правильность возвѣщенныхъ лозунговъ, правительство русской демократіи какъ бы объявляло войну на три фронта сразу: стоя на точкѣ зрѣнія энергичной обороны страны и революціи отъ агрессивнаго имперіализма четверного союза, оно рѣшило отмеже-

ваться отъ отечественныхъ имперіалистовъ внутри страны и всячески воздѣйствовать на союзниковъ въ смыслѣ демократизаціи ихъ лозунговъ внѣшней политики. Противясь одно время созыву международной соціалистической конференціи въ Стокгольмѣ,—конференціи, ставившей своей задачей *коренной пересмотръ цѣлей войны*,—Временное Правительство Керенскаго, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда событій, соглашается, наконецъ, на созывъ этой конференціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не теряетъ надежды и на то, что намѣченная къ созыву въ Парижѣ союзная конференція дастъ возможность революціонной Россіи возвысить свой голосъ въ международныхъ дѣлахъ. Было ясно, однако, что къ голосу революціонной демократіи Россіи союзники прислушаются только въ томъ случаѣ, если требованія демократіи будутъ опираться на ясно-выраженную волю народа защищать страну и революцію.

Была-ли, однако, эта ясно-выраженная воля революціоннаго народа на лицо? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Руководящіе круги революціонной демократіи, выдѣлявшіе изъ своей среды членовъ Временнаго Правительства, были, несомнѣнно, проникнуты искренней вѣрой въ спасительность возвѣщенныхъ ими демократически-оборонческихъ лозунговъ, но въ широкихъ массахъ народа эти лозунги не нашли себѣ ни отклика, ни реальной поддержки. Событія на фронтѣ и внутри страны шли своимъ чередомъ. Разложеніе арміи стало совершившимся фактомъ. Отчаянная попытка Керенскаго наступленіемъ поднять ея настроеніе кончилась ничѣмъ. Послѣдовавшія за ней мѣропріятія, направленныя къ поднятію престижа власти и боеспособности арміи, лишь усилили озлобленіе солдатскихъ массъ противъ командnаго состава и правительства. Реальная база послѣдняго все суживалась, отчужденность отъ массъ росла. Корниловская авантюра была однимъ изъ послѣднихъ тяжкихъ ударовъ, которыми сметена была власть революціонной демократіи. На сцену выступала новая, грозная сила—*солдатски-пораженческій большевизмъ*, не только сумѣвшій ударить по завѣтнымъ струнамъ утомленныхъ 40-мѣсячнымъ сидѣніемъ въ окопахъ голодныхъ и оборванныхъ солдатъ, но и сознательно отдавшій революціонную Россію во власть неограниченной диктатуры тыловой вольницы. Наступалъ третій періодъ русской революціи и, вмѣстѣ съ нимъ, новый, рѣшительный переломъ въ области внѣшней политики. «Интернаціоналисты», въ союзѣ съ большевиками, еще задолго до совершившагося въ октябрѣ переворота, открыли на столбцахъ своихъ газетъ ожесточенную кампанію противъ союзниковъ. Вѣрно подмѣчая отдѣльные, агрессивные шаги союзниковъ по отношенію къ Россіи (давленіе Бьюкенэна на внутреннюю и внѣшнюю политику Россіи, временами двусмысленное поведеніе Японіи и т. д.), они сознательно или безсознательно не хотѣли учитывать того обстоятельства, что единственной гарантіей противъ разгрома революціонной Россіи можетъ явиться лишь сохраненіе политическаго равновѣсія въ Европѣ и что у Россіи другого средства, кромѣ поддержанія тѣсной связи съ союзниками, для сохраненія этого равновѣсія, нѣтъ. Теперь, когда разгромъ и *раздѣлъ* революціонной Россіи осуществленъ, внезапно обуяннымъ воинственнымъ духомъ Троцкому, «лѣвымъ» с.-р., «коммунистамъ»-бухаринцамъ, конечно, приходится надъ этимъ призадуматься, приходится учитывать всѣ плоды *международной изолированности революціонной Россіи*, надъ которой они такъ старательно трудились.

Какъ-бы то ни было, расколъ между солдатски-пораженческимъ большевизмомъ и вождями революціонной демократіи углублялся съ каждымъ часомъ. Мало того, борьба различныхъ идейныхъ теченій внутри отдѣльныхъ соціалистическихъ партій обострилась до послѣдней степени. Представители крайняго циммервальдистскаго направленія внутри этихъ партій вели отчаянную борьбу съ сторонниками оборончества,—и не только анархистъ-оборонецъ Кропоткинъ и старый вождь соціалъ-демократіи—оборонецъ Плехановъ были отброшены въ одну сторону съ кадетами и «корниловцами», но и наказъ, данный Ц. И. К. «послу революціонной демократіи» на парижскую конференцію союзниковъ—М. И. Скобелеву—былъ встрѣченъ холодно и враждебно, проникнутыми пораженческимъ большевизмомъ массами.

Новыя подпочвенныя воды, грозящія до основанія размыть великую революцію, уже выступали наружу...

IV.

Послѣдствія внѣшней политики «рабоче-крестьянскаго правительства» такъ очевидны, а самыя перипетіи ея такъ свѣжи еще въ нашей памяти, что, подводя грустные итоги международной политики нашей революціи за истекшій годъ, было-бы достаточнымъ только бѣгло перечислить важнѣйшіе акты новой власти.

Занятіе Троцкимъ поста министра иностранныхъ цѣлъ ознаменовалось, съ первыхъ-же минутъ, продолженіемъ прежней политики систематическаго, взаимнаго направленія Россіи и союзниковъ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя было придумать ничего лучше, чѣмъ демонстративное опубликованіе тайныхъ договоровъ, заключенныхъ царскимъ и революціоннымъ правительствами съ союзниками,—опубликованіе, которое своей односторонностью (ибо тайные «переговоры» съ германскимъ и австрійскимъ правительствами опубликованы не были) могло сыграть только на руку четверному союзу. Самая поспѣшность, съ которой это опубликованіе было произведено, имѣла цѣлью подчеркнуть, что первымъ шагомъ новаго правительства является *полный разрывъ съ союзниками*. И, если эта цѣль была достигнута не сразу, то только потому, что вѣра въ необходимость и возможность поддержать политическое равновѣсіе въ Европѣ, о которомъ мы говорили выше, очевидно, не покидаетъ союзниковъ до самаго послѣдняго времени.

Но опубликованіе тайныхъ договоровъ, произведшее сенсацію скандала и давшее пищу газетамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, не могло дать удовлетворенія тѣмъ озлобленнымъ и истомленнымъ солдатскимъ массамъ, которыя взнесли на гребень октябрьской революціонной волны народныхъ комиссаровъ только потому, что они имъ обѣщали «миръ въ 3 дня».

Тогда наступило начало «брестскихъ дѣйствій», торгъ о деталяхъ того сепаратнаго мира, который психологически, въ умахъ широкихъ массъ, былъ подготовленъ своевременно большевиками, или вѣрнѣе того раздѣла Россіи, о которомъ такъ краснорѣчиво говорилъ интернаціоналистъ Мартовъ. Неожиданно, въ брестскіе переговоры было внесено осложненіе сепаратистскимъ поведеніемъ Украины, оффиціальные представители которой, подъ вліяніемъ-ли озлобленія, вызваннаго вмѣшательствомъ большевиковъ во внутреннія дѣла свободной Украины или просто изъ нежеланія связывать свою судьбу съ голоднымъ, ограбленнымъ и почти что нищимъ Сѣверомъ, рѣшили

вести самостоятельные переговоры съ центральными державами. Люди, измѣнившіе договорнымъ обязательствамъ по отношенію къ союзникамъ, неожиданно натолкнулись на людей, которые отличаются, во всякомъ случаѣ, неменьшей рѣшимостью, чѣмъ они, и не задумавшихся надъ тѣмъ, чтобы предать революціонную Россію ея безпощаднымъ врагамъ, заключивъ съ ними сепаратный миръ «въ квадратѣ». Всѣмъ памятны событія, разыгравшіяся во второмъ актѣ великой брестской трагедіи: отъѣздъ Троцкаго въ Брестъ, перерывъ переговоровъ, знаменитая формула «ни миръ, ни война», родившая состояніе «и войны, и мира»,—мира, поскольку онъ выгоденъ Германіи для скорѣйшаго закрѣпленія экономическаго рабства Россіи, и войны, поскольку она даетъ ей возможность подъ шумокъ «неопредѣленнаго» положенія, продолжать дальнѣйшее округленіе завоеванныхъ территорій. Всѣмъ памятно, какъ бронированный германскій кулакъ заставилъ «рабоче-крестьянское» правительство отказаться отъ туманной формулы Троцкаго и во сколько милліоновъ квадратныхъ верстъ обошлось революціонной Россіи это новое геніальное слово Троцкаго въ области международной дипломатіи. И когда нашимъ нынѣшнимъ правителямъ пришлось выбирать между сохраненіемъ своей власти и дальнѣйшимъ сопротивленіемъ агрессивнымъ германо-австрійскимъ имперіалистамъ, они выбрали, какъ извѣстно, первое: 4-й съѣздъ совѣтовъ послушно ратифицировалъ позорный миръ, не остановившись даже передъ уходомъ въ станъ оппозиціи одной изъ правительственныхъ партій. «*Послѣ насъ хоть потопъ!*»—думаютъ тѣ, кто «остались на посту».

Врагъ, уже послѣ позорной ратификаціи позорнаго мира, продолжаетъ свое дальнѣйшее вторженіе въ беззащитную страну, не встрѣчая на своемъ пути никакого сопротивленія, если не считать декламаціи о «красной соціалистической арміи» и «красномъ флотѣ»,—послѣ того, какъ Россія осталась почти безъ выхода къ морю...

Свершается то, что предсказывалъ въ своихъ письмахъ Кропоткинъ:

«Общественная самозащита противъ чужеземныхъ и внутреннихъ угнетателей—такое основное чувство для человѣческаго общества, что измѣна этому чувству роковымъ образомъ ведетъ за собой ослабленіе основныхъ началъ всякой общественности. Ослабляется чувство *взаимности*, солидарности, круговой поруки въ жизни народа... И ужасъ беретъ меня при мысли о томъ, что готовятъ Россіи наши проповѣдники гинденбургскаго мира, въ какую бездну нравственнаго паденія влекутъ они за собой несчастный, безграмотный, дѣтски довѣрчивый русскій народъ» *).

Развѣ эти вѣщія слова, къ великому отчаянію нашему, не оправдались? Развѣ въ нихъ—не вся картина нынѣшняго разграбленія Россіи? Съ юга и запада, не довольствуясь «похабнымъ», какъ именуютъ его сами иниціаторы, миромъ, двигаются австро-германскія полчища; Кавказъ подъ угрозой турокъ; съ Дальняго Востока надвигается новая туча-войска японцевъ, этихъ неумолимыхъ Шейлоковъ, требующихъ живого мяса Россіи за нарушеніе Лондонскаго договора...

---

*) П. Кропоткинъ.—Послѣдствія германскаго вторженія. Москва, 1917 г.

Въ глубокомъ траурѣ встрѣчаетъ страна годовщину революціи. И только вѣрой въ то, что великій народъ дважды не одѣваетъ ярма неволи, мы и можемъ жить...

Г. Сандомирскій.

Національный вопросъ въ 1917—18 гг.

I.

Революціонная Россія еще въ періодъ перваго подъема въ 1902—7 годахъ опредѣленно поставила вопросъ о защитѣ правъ каждой національности на самоопредѣленіе. Въ программѣ партіи соц.-революціонеровъ имѣется пунктъ, устанавливающій безспорное право на автономію національностей вплоть до отдѣленія ихъ отъ общаго государственнаго тѣла и до организаціи свободной самостоятельной государственности. Правда, въ тѣ годы вопросы эти носили больше характеръ академическій, а не реальной политики. Народы Россіи, чувствуя на себѣ яростный гнетъ самодержавной власти, разнуздавшей агрессивный націонализмъ, почувствовали въ Революціи силу, которая, быть можетъ, спасетъ ихъ отъ рѣзни, погромовъ, угнетеній. Имъ казалось, что стоитъ лишь добиться автономіи, какъ можно болѣе широкой автономіи, и ихъ внутренняя жизнь и безопасность, ихъ борьба за свободное развитіе будутъ обезпечены.

Однако, не всѣ народы Россіи упрощенно понимали свою задачу. Если чуваши, якуты, буряты пили сладкую чашу національной свободы просто, безъ заднихъ мыслей, то далеко не такъ было это среди армянъ, евреевъ, латышей, поляковъ. У этихъ націй былъ уже тяжелый, горькій опытъ пережитыхъ страданій, связанныхъ съ столкновеніемъ на ихъ территоріи вожделѣній сосѣднихъ великихъ державъ.

Терпѣли много армяне отъ русскаго самодержавія, но что значили эти страданія по сравненію съ тѣми, которыя они терпѣли отъ турокъ и ихъ кроваваго султана? Терпѣли отъ русскаго самодержа-

вія много и тяжело поляки, но не менѣе тяжко сказался и систематическій гнетъ, который они испытывали отъ Германіи въ Познани. Терпѣли много, слишкомъ много евреи въ Россіи, но развѣ не были они еще безправнѣе въ Румыніи.?

Царизмъ не сумѣлъ,—не могъ внушить народу сознательнаго отношенія къ родинѣ, отечеству, государству, не укрѣпилъ сознательнаго отношенія къ великой исторической цѣнности національнаго и государственнаго единства. Самодержавіе угнетало всѣ народы Россіи, думая такимъ образомъ ассимилировать ихъ, вобрать ихъ въ себя, но не поняло оно, что простымъ гнетомъ, насиліемъ достигнуть можно не сліянія народовъ, но, наоборотъ, потоковъ обратныхъ стремленій внутри націй освободиться отъ гнета. Гнетъ самодержавія вызвалъ въ народахъ Россіи стремленіе къ обособленному культурному и политическому существованію.

Такимъ образомъ исторія тысячелѣтняго существованія Россіи, создавшая единое государственное цѣлое изъ ряда національныхъ группъ, пришло въ концѣ XIX вѣка и началѣ XX къ нарожденію противоположныхъ устремленій изъ необходимости защитить свое національное лицо у отдѣльныхъ націй.

И если въ періодъ первой Россійской Революціи въ 1905 году народы Россіи, почувствовавъ близость *свободы*, заговорили и о своихъ національныхъ правахъ, то это носило характеръ идеальный, не тотъ рѣзко реалистическій, который отвѣчалъ настроснію въ теченіе всей второй нашей Великой Революціи. Въ періодъ 1-ой Революціи, быстро подавленной, идеалъ національнаго самоопредѣленія остался чистымъ и незапятнаннымъ отъ прикосновенія жестокой руки жизни. Но политическая жизнь не знаетъ сантиментальныхъ отношеній, она жестоко сталкиваетъ интересы національные и выковываетъ новыя формы общежитія внѣ всякихъ моральныхъ требованій отдѣльной личности.

II.

Національный вопросъ въ Россіи въ теченіе долгаго періода отъ 60-хъ годовъ существовалъ преимущественно какъ вопросы польскій и еврейскій. Причина возникновенія стремленій къ самоопредѣленію въ томъ, какъ я уже сказалъ, гнетѣ, который народы эти терпѣли отъ самодержавія. Темнота и малая сознательность господствующаго русскаго народа давала возможность самодержавію пользоваться гоненіями противъ евреевъ и поляковъ для своего укрѣпленія. Всѣмъ извѣстно безправное положеніе евреевъ въ Россіи. «Черта осѣдлости» устанавливала для евреевъ невыносимыя условія жизни. Еврейская масса, забитая вѣковымъ гнетомъ терпѣла униженія на каждомъ шагу; погромы повторялись часто и сопровождались необычайной жестокостью. Все это вызвало въ этомъ народѣ нарожденіе идей и чувствъ весьма далекихъ отъ ассимиляціи съ господствующимъ народомъ, наоборотъ въ немъ крѣпли идеи національной обособленности, стремленія создать для себя условія хоть сколько-нибудь сносной жизни.

Тонкій слой демократической и соціалистической интеллигенціи изъ элементовъ рабочихъ, крестьянскихъ и иныхъ не могъ, конечно, не бороться противъ гибельнаго союза самодержавія съ невѣжествомъ массъ. И поскольку этотъ слой былъ связанъ съ той или иной угнетенной націей, онъ фатально организовался въ національно-демократическую или національно-соціалистическую партію. Такъ возникли у евреевъ группы сіонистовъ, бундистовъ, поалэй-сіонистовъ, и т. д.

внутренній смыслъ которыхъ, несмотря на очень серьозныя отличія, одинъ—создать для своего народа нормальныя условія жизни и развитія. Поэтому въ основѣ программъ всѣхъ этихъ партій и группъ лежитъ борьба за національное равноправіе.

Но, если для еврейскаго народа, лишеннаго своей территоріи такая постановка вопроса была въ то время исчерпывающей, то для поляковъ, латышей, народовъ Кавказа, украинцевъ, вопросъ былъ гораздо сложнѣй. Въ судьбахъ націй большую роль часто играютъ соображенія стратегическія. Дѣло въ томъ, что господствующія въ государствѣ націи стремятся создавать изъ окраинныхъ націй нѣчто въ родѣ буферовъ. Небольшимъ народамъ, живущимъ на такихъ окраинахъ приходится чрезвычайно тяжело, ибо при ихъ устройствѣ принимаются во вниманіе, конечно, только интересы господствующаго большинства, которые и толкуются какъ государственные. Настоящая война въ связи съ Русской Революціей иллюстрируетъ это положеніе.

Угнетенная Россіей Польша, давно лелѣявшая мечту о своей самостоятельной государственной жизни, получила въ результатѣ нѣмецкаго завоеванія не осуществленіе своихъ надеждъ на полную государственную независимость, а всего лишь автономію подъ пятой прусскаго сапога... Сильно было желаніе польскаго народа освободиться отъ гнета Русскаго Самодержавія, его соціалистическія и національно-демократическія партіи вели упорную, долгую борьбу съ русскимъ самодержавіемъ, и можно быть увѣреннымъ, что, не будь нѣмецкаго разгрома Россіи, Польша была бы одной изъ свободно объединившихся національныхъ единицъ въ единой Россійской Федеративной Республикѣ. Теперь же Польшѣ приходится испить вновь чашу порабощенія, но уже не со стороны Русскаго Самодержавія, а германскаго, которое со своей желѣзной имперіалистической культурой будетъ, несомнѣнно, во много разъ тяжелѣе русскаго.

Не въ лучшемъ, а еще гораздо худшемъ, положеніи находится Кавказъ.

Какъ извѣстно, тамъ главными націями являются татары, армяне и грузины. Послѣ присоединенія Кавказа къ Россіи народы Кавказа, особенно армяне и грузины постепенно усвоили русскую цивилизацію и культуру. И въ настоящее время можно смѣло сказать, что эти народы не только по политическимъ мотивамъ, но и по мотивамъ культурной близости чувствовали тѣсную связь съ Россіей. Вслѣдствіе этого до самаго послѣдняго времени, когда большевистская власть поставила ихъ заключеніемъ сепаратнаго мира въ совершенно безвыходное положеніе, они были искренними приверженцами идеи о необходимости органической политической связи съ Россіей.

Армяне наиболѣе терпѣли отъ турокъ. Территорія, занятая ими, всегда была лакомымъ кускомъ для послѣднихъ. Вражда религіозная и національная создали для армянъ совершенно невыносимыя условія жизни среди турокъ. Дѣло въ томъ, что для турокъ важна территорія, «*освобожденная*» отъ враждебно-настроеннаго населенія.

И турки понимали всегда это «освобожденіе» территоріи совершенно просто: при каждомъ удобномъ случаѣ они вырѣзывали мирное населеніе цѣлыми селеніями. Такъ было во время Сасунской рѣзни, когда было вырѣзано около 100.000 армянъ. Но еще ужаснѣе было во время перваго отступленія русской арміи изъ Ванскаго вилайэта и отъ Эрзерума въ теченіе настоящей войны, когда турки уничтожили почти поголовно все армянское населеніе, перерѣзавъ около 800.000

армянъ! Десятки тысячъ женщинъ и дѣтей уведены въ рабство. Остальные бѣжали въ Русскую Арменію, и по дорогѣ умирали отъ голода, холода и болѣзней десятками тысячъ. Такъ «освобождаютъ» для себя территорію турки.

И понятно, что армяне всегда всѣ свои надежды возлагали, даже во времена русскаго самодержавнаго гнета, на Россію и лишь отчасти на дипломатическое содѣйствіе Западной Европы.

Географическое положеніе Арменіи до самой войны было для ея населенія крайне невыгодно, русско-турецкая граница разрывала населеніе на двѣ половины, при чемъ наиболѣе культурная часть оказалась подъ владычествомъ Россіи, гдѣ населеніе относительно чувствовало себя въ болѣе безопасномъ положеніи, чѣмъ въ Турецкой Арменіи. Естественно, что съ того момента, когда въ результатѣ войны 1878 года часть турецкой Арменіи (Карсъ, Ардаганъ, Батумъ) перешла во владѣніе Россіи и стала въ болѣе безопасное положеніе, то всѣ мечты армянъ сосредоточились на томъ, чтобы и остальная, турецкая часть Арменіи, возсоединившись съ русской Арменіей, создала единое автономное государство, либо подъ протекторатомъ З. Европы, либо Россіи. Но великая европейская война, освободившая отъ турецкаго ига Эрзерумъ и Ванъ, и принесшая на ряду съ этимъ безчисленныя страданія армянскому народу, не дала армянамъ ни возможности, ни охоты отрываться отъ Россіи. Слишкомъ ясно понимали армяне, что такой отрывъ броситъ ихъ опять на растерзаніе туркамъ. И это касалось не только армянскаго, но и грузинскаго населенія. Поэтому всѣ стремленія христіанскаго Кавказа къ автономіи ни разу, даже во время Великой Революціи, не приводили народы Кавказа къ идеѣ объ организаціи совершенно самостоятельной республики, внѣ федераціи съ Россіей.

Большевистскій переворотъ, приведшій логически къ сепаратному миру съ коалиціей и расчлененію Россіи на рядъ отдѣльныхъ частей, подчиненныхъ нашимъ врагамъ, (Украйна, Польша, Латвія, Финляндія), поставилъ Кавказъ въ совершенно невозможныя условія—ему приходится теперь взять на себя всю тяжесть борьбы съ германизированной Турціей, чтобъ спасти себя отъ физической гибели. И, конечно, вся тяжесть падаетъ по преимуществу на плечи армянъ и отчасти грузинъ. Существованію этихъ народовъ болѣе всего угрожаетъ большевистскій переворотъ и Совѣтская власть, бросившая Кавказъ, и въ особенности весь армянскій народъ, на потопъ и разграбленіе турко-германцамъ. Сепаратный миръ съ Германіей—это формальное предательство по отношенію къ армянамъ, которые, конечно, не могутъ считать себя обязанными въ силу этого мира прекратить борьбу за свое спасеніе. И поэтому теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, армяне рѣшительно отвергаютъ Совѣтскую власть и возлагаютъ надежды на Уч. Собраніе.

Краевой Совѣтъ въ Тифлисѣ въ первыхъ числахъ марта, посылая своего делегата на Съѣздъ Совѣтовъ въ Москву, далъ ему наказъ добиваться пересмотра договора въ части, касающейся Кавказа и закрѣпленія тѣхъ границъ съ Россіей, которыя были въ 1914 году; если Съѣздъ Совѣтовъ не отмѣнитъ мирнаго договора, Кавказъ автоматически объявитъ себя независимымъ государствомъ, свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поведетъ съ Турціей уже совершенно сепаратно мирные переговоры. Такимъ образомъ къ годовщинѣ Революціи большевистскій миръ и дружба съ Германіей создали неизбѣжность отрыва всего Кавказа отъ Россіи.

Но по силамъ ли для Арменіи самостоятельное существованіе и связанная съ нею борьба съ Турціей?

Быть можетъ, было-бы по силамъ, если бы національная вражда внутри Кавказа между татарами, армянами и отчасти грузинами стушевалась передъ грозной опасностью гибели всего Кавказа подъ игомъ Турціи.

Годы войны и революціи обострили и расширили стремленіе къ самостоятельности, какъ уже выше указано, всѣхъ народовъ Россіи, но особенно рельефно это сказалось на Украинѣ и въ Финляндіи. Насъ нисколько не должны удивлять сепаратистскія стремленія Финляндіи, гдѣ всегда было глубокое и справедливое недовольство гнетомъ русскаго самодержавія. Не учла однако Финляндія одного—огромной опасности для своей національной самостоятельности отъ разрыва съ Россіей, не учла она того, что Совѣтская власть не спасетъ ея отъ германскаго деспота и хозяйничанія внутри «освобожденной» страны. Не лучшій результатъ получился и у Рады, ведшей борьбу съ Совѣтской властью, оріентируясь въ сторону Австро-Германіи. Эта оріентація въ періодъ Брестскихъ разговоровъ большевистскихъ дипломатовъ и паденія Кіева, попавшаго въ руки большевиковъ, вынудила Раду объявить самостійность Украины и заключить сепаратный миръ съ австро-германцами. Нѣтъ сомнѣнія, что украинская демократія и соціалисты теперь поймутъ, если уже не поняли, что «самостоятельное» существованіе внѣ связи съ Россіей, неизбѣжно сдѣлаетъ Украину колоніей для Германскаго и Австрійскаго имперіализма *).

Совершенно аналогичная судьба постигла литовцевъ, бѣлоруссовъ и латышей, которые во время Революціи всѣ силы напрягали, чтобъ оказаться не только автономными членами единой Россійской Федеративной Республики, но стать самостоятельными государствами. Въ результатѣ эти самостоятельныя государства отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть, и попали подъ тяжелый сапогъ Германіи; у нихъ насаждаютъ монархію...

И такъ, какой-же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этого коротkаго обзора національныхъ освободительныхъ движеній?

Россія объединенная была сильна и силой этой спасла отъ гибели окраины. Но окраины слишкомъ болѣзненно чувствовали давленіе связывающихъ ихъ силъ внѣшняго принужденія и стремились сбросить ихъ. Добившись свободы, онѣ порознь становятся жертвами западныхъ и восточныхъ хищниковъ. Почувствовала это и Великороссія, ставшая слабой, изолированной, лишенной связи внутренней и съ внѣшнимъ міромъ. И въ результатѣ зашевелилась въ сознаніи народовъ новая мысль, что единство Россіи—соціальная, экономическая и моральная необходимость не только для окраинъ, но и для всей Европы, въ политическомъ концертѣ которой единая Россія имѣетъ огромный вѣсъ, разъединенная—никакого. И если въ началѣ революціи лозунгомъ была самостоятельность націй вплоть до объявленія себя каждой изъ нихъ независимымъ государствомъ, то теперь

---

*) Примѣчаніе: Статья писана въ началѣ Апрѣля, теперь 10 мая мы уже имѣемъ на лицо ложный результатъ гибельной политики Украинской Рады. Она свергнута германской властью и замѣнена гетманомъ Скоропадскимъ, облеченнымъ монархической диктатурой.

на исходѣ революціи сознаніе необходимости государственнаго единства Россіи возстанавливается въ полномъ объемѣ. И даже правительство комиссаровъ пришло къ необходимости борьбы за объединеніе всей Россіи подъ властью Совѣтовъ. Это привело Совѣтъ Комиссаровъ къ войнѣ съ самостоятельной Украиной, съ самостоятельнымъ Дономъ, Оренбургомъ. Вся политика на окраинахъ до сихъ поръ у Совѣтовъ мало чѣмъ отличается отъ политики Самодержавія, въ основѣ которой лежало насильственное подчиненіе своей волѣ во имя единства Россіи, для сохраненія ея цѣлости.

Такимъ образомъ циклъ какъ будто завершается: отъ стремленія къ распаду Россіи во имя осуществленія наибольшей автономіи окраины мы приходимъ къ необходимости объединенія всѣхъ частей бывшей Россіи въ новую единую Россію, которая лучше и полнѣе въ состояніи обезпечить эту самостоятельность окраинъ. Мы пришли къ старому типу государственнаго строительства на новыхъ основаніяхъ.

Многому научила война и революція народы Россіи, много страданій имъ пришлось и придется еще перенести, но нѣтъ той силы, которая могла бы надолго сломить тѣ зачатки сознательнаго единенія народовъ, которые стали необходимостью для міра и прежде всего для Россіи, и можно быть увѣреннымъ, что они возродятся въ великой Федеративной Демократической Россійской Республикѣ. Только общенаціональное Учредительное Собраніе и можетъ создать единую Россію изъ свободныхъ, автономно-самоуправляющихся народовъ, осознавшихъ въ борьбѣ и страданіяхъ великую силу и цѣнность единства.

III.

До сихъ поръ мы разсматривали національный вопросъ въ Россіи лишь въ общихъ его очертаніяхъ. Однако необходимо принять во вниманіе, что громадная сложность этого вопроса возростаетъ въ совершенно исключительной степени благодаря тому, что въ сложную сѣть національныхъ взаимоотношеній вплетена другая сѣть классовой борьбы внутри самихъ національностей.

Война и восьмимѣсячная слишкомъ осторожная соціально-экономическая политика послѣ февральскаго переворота создали, какъ извѣстно, весьма благопріятную почву для реализаціи большевистскаго переворота. Развивая идею соціальной революціи, большевики строятъ ее, конечно, на углубленіи классовой борьбы внутри каждой національности.

Въ каждой изъ составляющихъ Россію націй вспыхнула, благодаря объективнымъ условіямъ, созданнымъ войной, а затѣмъ революціей, болѣе рѣзкая, чѣмъ когда-либо классовая борьба между буржуазіей и рабочимъ классомъ. И сами соціалистическія партіи съ начала войны тоже разслоились: часть стала на точку зрѣнія классовой войны противъ буржуазіи, другая, въ связи съ задачами обороны страны на точку зрѣнія охраненія культурно-національнаго единства. Единой соціалистической партіи не оказалось въ самый трагическій моментъ не только во всей Россіи, но у отдѣльныхъ ея національностей. Это ослабило ихъ, а съ другой стороны усилило единство фронта у несоціалистическихъ партій. Это легко прослѣдить на любомъ изъ народовъ Россіи.

На Украйнѣ образовалась Украинская Рада, руководимая Грушецкимъ, Петлюрой и другими, стоявшими на точкѣ зрѣнія демокра-

тической національной автономіи; но весьма скоро обнаружилось, что Рада въ своихъ желаніяхъ готова пойти гораздо дальше и склонна къ объявленію Украины «самостійной», т.-е. независимой республикой. Изданные ею послѣдовательно четыре универсала, провозглашающіе установленіе полной политической самостоятельности, организацію національной арміи, законъ о земельныхъ отношеніяхъ, внесли большой разладъ въ ряды самой украинской демократіи. Начались съ одной стороны заигрыванія Рады съ Австро-Германской коалиціей, съ другой же, послѣ захвата власти большевиками и съ ними и, наконецъ, послѣ свержения большевиковъ опять съ Германіей. Украинская Рада заколебалась. Она почувствовала, что и на Украйнѣ національному единству угрожаетъ то же, что и всей Россіи— выдѣленіе подъ руководствомъ совѣтовъ недовольныхъ массъ изъ общенаціональнаго движенія. Очень скоро классовое разслоеніе обозначилось рѣзко, совѣтскія войска овладѣли Кіевомъ, — Рада скрылась и уже опредѣленно стала искать соглашенія съ Австро-Германской кликой.

Демократическія стремленія Рады не остановили ее отъ заключенія сепаратнаго мира съ имперіалистической Австро-Германской коалиціей, а въ дальнѣйшемъ, въ борьбѣ съ совѣтскимъ засиліемъ отъ того, что бы прибѣгнуть и къ военной помощи германской арміи. Но помощь сильнаго германскаго кулака, какъ и слѣдовало ожидать, обратила независимость Украйны въ пустую фразу. Украинскіе соціаль-демократы и соц.-революціонеры проявили себя въ этой борьбѣ узкими націоналистами и не сумѣли овладѣть рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ, чтобы направить его въ обще-демократическое русло. Впрочемъ, борьба уже совсѣмъ закончилась, и конечные ея результаты уже опредѣлились: Германія разогнала Раду и посадила диктатора, который уже проводитъ своей диктаторской властью возстановленіе буржуазнаго и монархическаго режима. Такъ Украинская Рада наказана за свою измѣну Россійской Революціи.

Внутри-классовая борьба въ *Польшѣ* не успѣла обостриться въ началѣ войны, ибо вся Польша обратилась въ арену кровавой борьбы между русскими арміями и австро-германцами. Однако и здѣсь обнаружился печальный расколъ. Польская демократія, принявшая съ начала войны оріентацію на русскую революцію, по мѣрѣ австро-германскихъ успѣховъ, выдѣлила изъ своей среды тѣ элементы, которые еще въ 1911—12 годахъ оріентировались охотнѣе на Австрію, откуда ждали помощи противъ русскаго самодержавія. Часть польской соціалистической партіи, во главѣ съ такими дѣятелями, какъ Пилсудскій, Сѣрошевскій и др. стали организовывать мощные отряды для помощи австро-германцамъ для завоеванія «независимости Польши». Другая часть пролетаріата, наоборотъ, организовала отряды для борьбы съ нѣмецкимъ нашествіемъ, и бывали трагическіе случаи, когда одни польскіе пролетаріи сражались съ другими. Политическое положеніе Польши осложнилось. То Временное Правительство проектировало автономію Польши, то заявляли о готовности признать ея самостоятельность нѣмецкія власти. И кончилась эта трагедія завоеваніемъ Польши Германіей и организаціей правительства по германскому шаблону, гдѣ капиталу и землевладѣнію отдается полное преимущество въ управленіи страной. Роль соціалистическихъ партій въ борьбѣ за самостоятельность Польши свелась къ нулю.

Нечего говорить, что революція, загубленная войной, не смогла обезпечить польскому крестьянству правильнаго перераспредѣленія

земель, ни рабочему дать лучшихъ условій жизни. Мечты польскихъ максималистовъ разбились на-долго.

Не въ лучшемъ положеніи оказалась Финляндія, гдѣ обнаружилась рѣзкая противоположность интересовъ пролетаріата и буржуазіи, сдѣлавшаяся причиной ожесточенной гражданской войны, разрушившей національное единство. Подъ вліяніемъ русскаго гарнизона, большевистски настроеннаго, пролетаріатъ и часть финскаго крестьянства стали на путь осуществленія диктатуры пролетаріата. На этой почвѣ вспыхнула гражданская война не на жизнь, а на смерть. Красной совѣтской арміи помогали одно время русскіе большевистски настроенные солдаты и матросы но послѣ заключенія мира съ Германіей они постарались, какъ извѣстно, скорѣйшимъ образомъ демобилизоваться и предоставили финнамъ самостоятельно устанавливать соціалистическій строй. И здѣсь повторяется исторія Украйны и Польши: германскіе аппетиты сильны и велики, и сначала германскій дессантъ пошелъ на помощь бѣлой гвардіи, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что вмѣсто коммунистической финляндской республики финнамъ придется лишиться и того демократическаго быта, который готовъ былъ установиться у нихъ въ первые мѣсяцы революціи. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что укрѣпленіе демократіи,—нечего говорить о соціализмѣ!—не съ руки не только германцамъ и шведамъ, но и самой финской буржуазіи. Такимъ образомъ и Финляндія, разбитая на части вдоль и поперекъ, стала уже жертвой имперіалистическихъ стремленій. Красная армія уничтожена, старое правительство Финляндіи возстановлено, страна наводнена германскими отрядами. Самостоятельность финновъ, внѣ связи съ Россіей, кончилась...

И какой бы мы ни взяли изъ народовъ Россіи, повторяется то же самое.

Національныя группы Кавказа состоятъ, какъ уже указано выше, изъ армянъ, грузинъ и татаръ въ Закавказьѣ и цѣлаго ряда народовъ на сѣверномъ Кавказѣ, экономическая жизнь которыхъ чрезвычайно разнообразна. Крупная промышленность развита въ немногихъ мѣстахъ. Въ Баку, съ его нефтяными промыслами, скопилось нѣсколько десятковъ тысячъ пролетаріата; но слагается онъ изъ элементовъ весьма различныхъ. Низшій слой, чернорабочіе, состоитъ изъ персовъ, частью армянъ и грузинъ, вся же почти масса квалифицированныхъ рабочихъ—русскіе; другимъ болѣе или менѣе значительнымъ центромъ крупной добывающей промышленности, кромѣ нефтяныхъ площадей въ Грозномъ, являются еще Чіатуры (Кутаисск. губ.), гдѣ разрабатывается марганцевая руда. Крупныхъ заводовъ на Кавказѣ почти нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ мыловаренныхъ, табачныхъ и т. п. заводовъ. Народности Кавказа въ классовомъ смыслѣ весьма мало дифференцированы. Есть, конечно, верхній слой армянской буржуазіи, прилагающей свои капиталы къ нефтяной промышленности и глав. обр., къ торговлѣ; такой же незначительный слой землевладѣльцевъ у грузинъ и бэковъ у татаръ. Но главная масса этихъ народовъ живетъ еще почти натуральнымъ хозяйствомъ, «на землѣ». Количественно кавказскій пролетаріатъ весьма невеликъ, и, если онъ организованъ, то лишь въ указанныхъ выше пунктахъ (Баку, Чіатуры, частью Тифлисъ, Грозный). Но война, приведшая на Кавказъ огромныя солдатскія массы, впослѣдствіи разложившіяся, создала и на Кавказѣ атмосферу рѣзко повышеннаго классоваго антагонизма. Краевой совѣтъ былъ образованъ изъ представителей рабочихъ и солдатъ, при чемъ краевой центръ (президіумъ) былъ

составленъ изъ представителей различныхъ національностей, не только соціалистовъ, но и кадетъ. Въ краевомъ совѣтѣ и центрѣ шла борьба партій, осложненная тѣмъ, что *всѣ безъ исключенія* партіи на Кавказѣ, не только буржуазныя, но и соціалистическія, проникнуты въ значительной мѣрѣ націонализмомъ. Это тормазило попытки сорганизовать кавказское правительство такъ, чтобы оно примиряло интересы всѣхъ народностей. Главными партіями въ совѣтѣ были с.-д. меньшевики (почти всѣ грузины), дашнакцаканы (армяне) и соціалисты-революціонеры (рус., арм. и грузины), и нѣкоторая доля татаръ-соціалистовъ и, наконецъ, небольшое число большевиковъ. Послѣдніе тамъ не имѣли, да и сейчасъ не имѣютъ серьезнаго вліянія. Партія с.-р. была единственной наиболѣе свободной отъ націоналистическихъ тенденцій.

Соотвѣтствовала ли вся эта сложная группировка соціалистическихъ и буржуазныхъ партій на верхахъ кавказской организаціи дѣйствительной классовой дифференціаціи народовъ Кавказа? Намъ думается, что среди кавказскихъ народностей, по преимуществу занятыхъ земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ, живущихъ натуральнымъ хозяйствомъ, врядъ ли можетъ возникнуть серьезное стремленіе къ проведенію въ жизнь диктатуры пролетаріата, хотя бы уже потому, что пролетаріатъ тамъ чрезвычайно малочисленъ по сравненію съ крестьянствомъ и мало организованъ. Что же касается земельныхъ отношеній, то у армянъ почти совершенно отсутствуетъ крупное землевладѣніе; у грузинъ дворянство издавна образовало классъ помѣщичій, наконецъ, татарское крестьянство почти цѣликомъ находится въ рукахъ бековъ, владѣльцевъ почти всѣхъ земель. Тяжелое положеніе многочисленнаго крестьянства заставило всѣ соціалистическія партіи Кавказа удѣлить ему значительное вниманіе въ своихъ программахъ. Армянская партія дашнакцутюнъ приняла программу соціализаціи земли, грузинскія с-д. партіи и нар. соціалистовъ-федералистовъ, главное свое вниманіе обратили на организацію крестьянской массы, создавъ соотвѣтствующія аграрныя программы. Вся это сложная цѣпь отношеній, на фонѣ національной вражды и неясности территоріальнаго разграниченія, создавала для большевистскаго «интернаціонализма» неблагопріятную почву и значеніе ихъ на Кавказѣ невелико. И тѣмъ не менѣе ими поставлена была задача захватить власть и на Кавказѣ. Началась глухая борьба, приводившая подчасъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ (захватъ совѣтомъ арсенала въ Тифлисѣ, находившагося въ рукахъ большевиковъ) и кончившаяся фактическимъ укрѣпленіемъ власти меньшевиковъ, эсеровъ, дашнакцакановъ и др. небольшевистскихъ партій. Составлено было свое закавказское правительство во главѣ съ министерствомъ, въ которое вошли меньшевики (Гегечкори, Чхенкели), эсеры (Донской, Неручевъ), дашнакцаканы (Оганджанянъ), федералисты (Месхіевъ) и магометанскіе соціалисты. Брестскій миръ и уходъ русской арміи съ кавказскаго фронта выдвинули на первый планъ задачи общекавказскаго спасенія отъ турецкаго ига. Послѣднія извѣстія о созданіи сейма, объявившаго Кавказъ самостоятельной республикой, ставятъ ее въ совершенно новое положеніе, но можно быть увѣреннымъ, что эта новая республика вернется къ идеѣ федераціи съ Россіей, какъ только будетъ изжитъ большевистскій кровавый кошмаръ, дошедшій до преступной затѣи—посылки своихъ отрядовъ изъ Баку въ тылъ Тифлисскому правительству на помощь Турецкому нашествію съ юга.

Въ Прибалтійскомъ краѣ борьба латышскаго крестьянства и, главнымъ образомъ, батраковъ съ нѣмецкими землевладѣльцами-баронами, принявшая весьма острый характеръ еще въ 1905 г., замерла въ періодъ общерусской реакціи. Но она обострилась съ началомъ великой революціи и дала почву для развитія большевизма, который быстро сорганизовалъ въ Прибалтійскомъ краѣ, при помощи солдатъ и матросовъ, Совѣтскую власть. Нѣмецкая армія, захватившая въ теченіе этого года почти всю Прибалтику, ликвидировала вмѣстѣ съ большевизмомъ и всякую свободу, насадивъ на старыя мѣста нѣмецкихъ помѣщиковъ и создавъ на мѣстахъ власть по обще-прусскому типу.

Одинаковая судьба постигла Бѣлоруссію, гдѣ народъ бѣлорусскій ставилъ себѣ цѣли культурно-національной самостоятельности, но добиваясь независимости государственной. Противъ нѣмецкаго штыка онъ оказался, конечно, совершенно безсиленъ.

Неяснымъ остается положеніе въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ и, частью, на Волгѣ.

Въ Ташкентѣ большевистскій терроръ вызвалъ цѣлое возстаніе сартовъ, сопровождавшееся боями и затѣмъ рѣзней; результаты тамошняго движенія до сихъ поръ недостаточно извѣстны. Самое стремленіе къ національному самоопредѣленію проявили татары и чуваши. Взаимоотношеніе ихъ съ совѣтской властью было одно время весьма напряженное, но до прямого конфликта дѣло не дошло. Татарская независимая республика въ Крыму была, какъ «контръ-революціонная», въ свое время ликвидирована большевистскими войсками и флотомъ, а затѣмъ Германія оккупировала весь Крымъ и возстановила тамъ старый порядокъ.

Такова необычайная пестрота, разнообразіе и сложность національныхъ теченій въ многоплеменной Россійской республикѣ.

Судьбы движенія отдѣльныхъ народовъ къ самостоятельности въ значительной мѣрѣ опредѣлялись какъ наличностью ожесточенной классовой розни внутри каждой національности, такъ и конечнымъ результатомъ войны, законченной большевиками на условіяхъ, отдающихъ многія народности Россіи подъ гнетъ германскаго имперіализма.

Большевизмъ помогъ германцамъ завоевать Россію и погубилъ на долгое время самую идею о національномъ самоопредѣленіи, вмѣсто котораго появилось «германо-опредѣленіе» при помощи военной техники и временное «большевизмо-опредѣленіе» при помощи усмиреній, завоеваній и разстрѣловъ.

О. С. Миноръ.

Итоги выборовъ во Всероссійское Учредительное Собраніе.

Предисловіе.

Какова бы ни была дальнѣйшая судьба Россіи: будетъ ли она свободной демократіей, или суждено ей попрежнему быть монархіей, останется ли верховнымъ органомъ въ государствѣ всенародно избранное Учред. Собраніе, въ его нынѣшнемъ составѣ или «устраивать» государство будетъ какое либо иное не всенародное законодательное Учрежденіе—все равно—первые свободные всероссійскіе выборы, происходившіе въ невиданныхъ доселѣ размѣрахъ, на основаніи самой передовой и демократической избирательной системы и въ одну изъ самыхъ тяжкихъ и интересныхъ минутъ народной жизни—навсегда останутся достовѣрнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ свидѣтельствомъ народныхъ чаяній и надеждъ. Эти выборы обнаружили не только волю народа русскаго, но и самый сокровенный смыслъ Великой Россійской Революціи. Историку они дадутъ богатѣйшій матеріалъ и ключъ къ уясненію происходившихъ и нынѣ происходящихъ великихъ событій. Намъ, практическимъ политикамъ, они же даютъ основаніе къ важнѣйшимъ политическимъ выводамъ, и еще долгое время политики въ своихъ расчетахъ и предположеніяхъ будутъ исходить изъ того опыта, какой данъ былъ всѣмъ намъ этими всероссійскими выборами.

Въ каждой демократической странѣ итоги парламентскихъ выборовъ являются въ сущности итогами политическаго развитія страны за весь предыдущій періодъ *законодательной легислатуры*. Избирательная статистика является важнѣйшимъ политическимъ *факто-*

ромъ. Итоги выборовъ это—важнѣйшія цифры, вписанныя народомъ въ книгу своей исторіи. Наша родина вписала въ эту книгу свои первыя «настоящія» цифры. Эти цифры подвели итогъ восьмимѣсячному періоду величайшей изъ революцій. Все, что думалъ народъ русскій за эти долгіе восемь мѣсяцевъ, все, что онъ выстрадалъ и чѣмъ жилъ—все это сказалось въ тѣхъ сухихъ цифрахъ, которыя мы развернемъ сейчасъ передъ читателями. Эти строки пишутся въ самыя скорбныя минуты бытія нашей многострадальной революціи: въ минуты ея гибели и, быть можетъ, безвозвратной. Съ момента выборовъ и по сей день волю народа насиловала своя, русская «соціалистическая» партія. Теперь лавиной обрушились на страну другіе, чужеземные, насильники. Но кто бы и какъ бы ни насиловалъ волю народа, а все же она нынѣ узнана и для ближайшаго по крайней мѣрѣ времени, на всякихъ насильниковъ мы можемъ отнынѣ перстами указать: «вы—насильники!»

Ни въ одной странѣ и никогда выборы въ парламентъ не проходили въ столь осложненной обстановкѣ, какъ выборы во Всероссійское Учредительное Собраніе. Уже сами по себѣ всеобщіе выборы въ государствѣ, населеніе коего превышаетъ полтораста милліоновъ, а пространство превышаетъ пространство всей Западной Европы, среди населенія необычайно пестраго по своему національному составу—представляли весьма сложную и трудную задачу. Обстоятельства же момента и, въ особенности, октябрьская большевистская «революція» во много разъ усложнили эту задачу. Въ странахъ Западной Европы выборы занимаютъ всего одинъ день, и черезъ одинъ, два дня итоги выборовъ оказываются подведенными уже по всей странѣ.

У насъ выборы и подсчетъ голосовъ растянулись почти на 3 мѣсяца. Даже сейчасъ, когда пишутся эти строки, выборы не закончены еще во всѣхъ избирательныхъ округахъ.

Въ такомъ промедленіи виноваты и затѣянная большевиками гражданская война на всѣхъ внутреннихъ русскихъ фронтахъ, и та всеобщая и глубокая разруха всего государственнаго аппарата, которая въ особенности дала себя знать послѣ большевистскаго мятежа.

Эти же обстоятельства до крайности затруднили подведеніе итоговъ избирательной кампаніи. Согласно избирательному закону, все выборное производство по каждому избирательному округу должно было быть отослано по минованіи выборовъ въ Петроградъ, въ распоряженіе Всероссійской Избирательной Комиссіи. Это дало бы возможность произвести вполнѣ точное и подробное обслѣдованіе всей избирательной кампаніи.

Но эта статья «Положенія о выборахъ», какъ и многія другія, оказалась втунѣ написанной. Никакихъ выборныхъ производствъ ни откуда не поступило, да и некому было посылать ихъ... Всероссійская избирательная комиссія давно уже вынуждена была оборвать свои работы. Выборныя же производства на мѣстахъ претерпѣли, вѣроятно, разную судьбу. Въ иныхъ округахъ они окажутся въ цѣлости и неприкосновенности. Но въ большинствѣ округовъ власть была захвачена большевиками, разогнавшими Учредительное Собраніе. Врядъ ли въ ихъ интересахъ было охранять эти «производства». Если они и не уничтожены, то, во всякомъ случаѣ, лишены теперь всякой гарантіи достовѣрности.

Для собиранія цифровыхъ итоговъ по округамъ мнѣ пришлось обратиться, поэтому, къ единственному источнику: къ итогамъ, подведеннымъ самими окружными комиссіями при распредѣленіи де-

путатскихъ мѣстъ въ округѣ. Эти итоги мнѣ могли стать извѣстными только изъ сообщенія столичной и, главнымъ образомъ, провинціальной печати, такъ какъ оффиціальныя сообщенія окружныхъ комиссій Всероссійской комиссіи прекратились еще въ самомъ началѣ выборовъ.

Однако, и для того, чтобы воспользоваться данными провинціальной печати пришлось преодолѣть неимовѣрныя затрудненія. Никогда еще почта и телеграфъ не были такъ расхлябаны, какъ въ истекшіе 2 мѣсяца. Газеты изъ провинціи доходили далеко не всѣ и весьма нерегулярно. Гражданская война отрѣзала на долгое время цѣлые раіоны Россіи.

Вотъ почему сейчасъ не представляется возможнымъ, а вѣрнѣе всего и въ будущемъ врядъ ли представится возможнымъ подвести вполнѣ точные и полные итоги выборовъ по всѣмъ избирательнымъ округамъ Россіи.

Вотъ почему приходится довольствоваться пока тѣмъ, что есть. Относительно весьма значительнаго количества избирательныхъ округовъ цифры мною все же получены. Но считаю долгомъ оговориться: эти цифры въ отношеніи многихъ приводимыхъ въ этой работѣ округовъ не могутъ считаться вполнѣ точными и полными. Получивъ номеръ какой-нибудь провинціальной газеты, гдѣ приведены были данныя хотя бы только предварительнаго подсчета голосовъ (т.-е. не провѣреннаго окончательно окружной комиссіей) приходилось все же пользоваться этими данными, ибо другіе номера этой же газеты достать было невозможно. По нѣкоторымъ округамъ приведенъ былъ подсчетъ голосовъ, поданныхъ во всемъ округѣ, за исключеніемъ небольшихъ частей его. Наконецъ, свѣдѣнія, сообщенныя газетами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ были не совсѣмъ точны, такъ какъ приводились въ круглыхъ цифрахъ.

Все же въ отношеніи большей части объединенныхъ округовъ удалось собрать цифровыя данныя полныя и точныя. Общій же итогъ, въ силу указанныхъ только что причинъ, можетъ имѣть только приблизительный характеръ, хотя и съ большой степенью приближенія къ точности.

Какъ будетъ указано подробнѣе ниже, въ мое обслѣдованіе вошли 54 избирательныхъ округа изъ общаго числа 79. Въ составъ обслѣдованныхъ округовъ вошли почти всѣ губерніи Европейской Россіи и Сибири, за исключеніемъ губерній: Олонецкой, Эстляндской, Калужской, Бессарабской, Подольской, Оренбургской, Якутской и Донской областей. Далѣе не могли войти въ обслѣдованіе Сѣверный и Южный Кавказъ, Степной край и Туркестанъ. Обстоятельства сложились такъ, что изъ большинства только что указанныхъ мѣстностей до сего времени нѣтъ никакихъ извѣстій о ходѣ выборовъ и даже неизвѣстно произведены ли выборы. Выборы въ Закавказьѣ и въ 6 упомянутыхъ губерніяхъ Европейской Россіи произведены, но въ моемъ распоряженіи имѣются столь скудныя цифровыя данныя по этимъ округамъ, что они мною не приведены вовсе.

Общіе итоги.

Цифры, приведенныя въ прилагаемой таблицѣ, охватываютъ 55 избирательныхъ округовъ, объединенныхъ въ 7 областей: Изъ этого числа нами обслѣдованы 47 округовъ. Для полученія болѣе вѣрной картины выборовъ, какъ уже было сказано, мы искусствен-

нымъ путемъ создаемъ приблизительные числовые итоги еще въ 1-мъ округѣ (Могилевскомъ).

Изъ 7 военныхъ округовъ нами оставленъ безъ обслѣдованія одинъ округъ. Далѣе, относительно двухъ округовъ мы также приводимъ лишь приблизительный, «искусственный» итогъ.

Всего, такимъ образомъ, въ нашъ подсчетъ входятъ 54 избирательныхъ округа.

Число поданныхъ голосовъ по областямъ распредѣляется такъ:

Сѣверная	2.975.080
Центр.-Промышл.	5.242.464
Поволж.-Черноозем.	6.764.292
Западная	2.961.016
Восточно-Уральская	3.583.501
Сибирская	2.786.708
Украйна	7.581.297
Армія и флотъ	4.363.602
Итого	36.257.960

Изъ этого числа подано по всѣмъ 54 округамъ за списки:

Партіи с.-р.	16.509.756
Большевиковъ	9.023.963
Украинскихъ с.-р.	3.433.574
Мусульманскихъ с.-р.	515.272
Чувашскихъ с.-р.	235.547
Правыхъ с.-р.	113.958
Лѣвыхъ с.-р.	25.814
Бурятскихъ с.-р.	65.403
С.-д. меньшевиковъ	668.064
Народныхъ соціалистовъ	312.038
«Единство»	25.498
Кооператоровъ	51.507
Украинскихъ с.-д.	95.117
Украинскихъ соціалистовъ	506.887
Нѣмецкихъ соціалистовъ	44.507
Финскихъ соціалистовъ	14.000
Партіи Народной Свободы	1.856.639
Союза земельн. собств. и землевл.	215.542
Правыхъ группъ	292.133
Старообрядцевъ	73.464
Еврейскихъ національстовъ	550.075
Мусульман. націон.	576.693
Башкировъ	195.230
Латышей	67.508
Поляковъ	154.809
Казаковъ	79.162
Нѣмцевъ	130.579
Бѣлоруссовъ	12.007
Списки разн. группъ и организ.	417.804

Избирательные округа.	ПАРТІЯ СОЦ.-РЕВ.			БОЛЬШЕВИКИ.		
	Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.	Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.
Архангельская губ.	57.567	2	69	14.708	—	17
Астраханская губ.	100.482	3	51	36.023	1	18
Бессарабская губ.		5			—	
Витебская губ.	150.279	3	27	287.101	6	51
Владимирская губ.	196.711	3	32	344.667	6	56
Вологодская губ.	320.528	6	76	67.650	1	16
Воронежская губ.	857.300	13	80	151.517	2	14
Волынская губ	27.575	—	3	35.612	—	4
Вятская губ.	300.503	11	62	78.278	2	16
Донская обл.		7			3	—
Екатеринославская губ.	231.717	4	23	213.163	4	12
Казанская губ.	260.000	5	30	50.000	—	6
Калужская губ.		3			5	—
Кіевская губ.	19.201	—	1	59.413	—	3
Костромская губ.	248.951	4	45	223.353	4	40
Курская губ.	868.743	12	82	119.127	1	11
Лифляндская губ.	—	—	—	97.781	6	72
Могилевская губ.	660.000	12	80	55.000	1	7
Московская губ.	153.342	2	25	337.553	5	56
Минская губ.	181.673	4	20	579.087	1	63
Нижегородская губ.	314.003	6	54	133.950	2	23
Новгородская губ.	220.665	4	45	203.658	4	44
Олонецкая губ.		1			—	—
Орловская губ.	305.013	8	63	144.492	4	30
Пензенская губ.	517.226	9	81	54.731	—	9
Пермская губ.	664.883	11	52	267.577	4	21
Петроградская губ.	119.761	2	26	229.698	5	50
Гор. Петроградъ	152.230	2	16	424.027	6	45
Полтавская губ.	194.437	1	17	64.460	—	6
Псковская губ.	269.267	5	61	139.690	3	32
Рязанская губ.	397.229	6	57	251.815	4	36
Самарская губ.	690.041	12	58	185.122	3	13
Саратовская губ.	196.400	11	50	113.592	4	28
Симбирская губ.	345.200	7	64	70.335	—	13
Смоленская губ.	250.134	4	35	361.062	6	55

КАДЕТЫ.			НАЦІОНАЛЬНЫЯ И ДРУГІЯ ГРУППЫ.			Общее количество голосовъ.
Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.	Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.	
8.265	—	10	3.062	—	4	83.602
13.017	—	6	44.585	1 мусульманинъ	35	194.107
	1	—		5 молд. с.-р., 1 с.-д.	—	
8.132	—	1	115.028	—	21	560.540
38.017	—	6	30.041	—	16	610.331
22.912	—	5	11.813	—	3	422.903
36.448	—	3	52.735	—	13	1.098.000
22.397	—	3	718.624	9 укр. с.-р., 1 пол.	90	804.208
22.404	—	5	83.806	1 п. с., 1 мус.	27	484.992
	—	—		9 казаковъ	—	
27.551	—	3	515.148	9 укр. с.-р., 1 укр. с.-д.	72	987.579
32.000	—	4	516.596	3 чув. 3 мус. с.-р., 2 мус.	60	858.596
	—	—		—	—	
28.630	—	2	1.520.483	20 укр. с.-р., 1 еврей	94	1.627.727
41.242	—	6	37.444	—	9	550.990
47.196	—	4	23.677	—	13	1.058.743
—	—	—	38.299	1 латышъ	28	136.080
	—	?	?	2 еврея	?	825.000
42.405	1	7	70.643	—	22	603.943
10.724	—	1	154.759	1 еврей	26	917.243
34.726	—	6	97.218	1 правосл.	27	579.897
31.484	—	6	30.615	—	5	486 422
	—	—		1 с.-д.	—	
13.477	—	3	17.154	—	14	480.136
25 407	—	4	28.883	—	16	636.247
111.252	2	9	231.966	1 мус.	18	1.275.678
64.859	1	14	48.300	—	10	462.618
246.506	4	26	119.575	—	23	942.338
18.105	—	2	868.592	13 укр. с.-р., 1 зем. соб.	85	1.145.594
19.026	—	4	13.134	—	13	441.117
27.808	—	4	18.378	—	3	695.230
44 507	—	4	276.101	2 мус.	35	1.195.771
22.716	—	6	57.503	—	26	390.211
16.718	1	3	105.681	1 мус. с.-р.	20	537.934
29.274	—	4	17.763	—	6	658.233

Избирательные округа.	ПАРТІЯ СОЦ-РЕВ.			БОЛЬШЕВИКИ.		
	Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.	Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.
Ставропольская губ.		6			—	
Тамбовская губ.	835.556	13	71	240.652	3	20
Таврическая губ.	310.000	7	53	40.000	—	7
Тверская губ.	178.906	3	39	250.850	6	54
Тульская губ.	216.265	4	45	219.297	4	46
Уфимская губ.	322.276	5	33	48.135	—	5
Харьковская губ.	679.786	8	71	109.246	2	11
Херсонская губ.	354.312	9	51	77.122	1	11
Черниговская губ.	61.120	1	12	155.000	4	20
Эстляндская губ.		—	—		4	—
Ярославская губ.	216.744	3	49	131.124	2	30
Тобольская губ.	388.328	9	78	—	—	—
Томская губ.	541.153	9	85	51.456	—	8
Алтайская область.	621.377	13	86	45.286	—	6
Енисейская область	229.671	4	65	96.130	2	27
Иркутская губ.	113.378	3	53	31.587	1	15
Забайкальская область	104.220	5	55	17.260	—	9
Пріамурскій край.	96.658	5	54	32.255	1	18
Камчатка.		1			—	
Китайско-Вост. ж. д.		—			—	
Закавказье.		2			1	
Тургайская область		—			—	
Ферганская область		1			—	
Сѣверный фронтъ.	240.000	5	30	480.000	8	61
Западный фронтъ	180.582	3	18	653.430	11	67
Юго-Западный фронтъ.	402.930	9	40	300.112	6	29
Румынскій фронтъ	679.471	12	59	167.000	3	15
Кавказскій фронтъ.	360.000	6	86	60.000	1	14
Балтійскій флотъ		—	—		2	
Черноморскій флотъ.	22.250	1	40	10.771	—	20
Гор. Москва	65.811	1	8	413.026	5	50

КАДЕТЫ.			НАЦІОНАЛЬНЫЯ И ДРУГІЯ ГРУППЫ.			Общее количество голосовъ.
Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.	Число голосовъ.	Число депутатовъ.	Въ процентахъ.	
	—			—		
47.540	—	4	49.395	—	15	1.173.143
44.000	—	8	196.000	1 укр. с.-р., 1 мус.	42	590.000
16.211	—	3	15.730	—	4	461.697
21.478	—	4	20,545	—	15	477.585
15.653	—	2	578.171	5 мус. с.-р., 1 мус. 2 баш.	60	964.235
56.372	—	6	119.424	5 укр. с.-р.	22	964.828
54.493	1	8	208.464	1 у. с.-д., 1 ев., 5 у. с.-р.	30	694.391
26.000	—	3	524.850	9 укр. с.-р.	75	766.970
	—			2 труд., 2 эст. дем.		
59.400	1	14	32.666	—	17	439.934
13.793	—	3	92.944	1 п. с.	19	495.065
18.618	—	3	24:257	—	14	635.484
12.108	—	2	35.157	—	6	713.946
12.263	—	3	18;712	—	15	356.776
8.834	—	4	60.674	1 бур. с.-р.	38	214 473
7.200	—	4	42.122	1 каз., 1 кав. с.-р.	42	190.802
14.649	—	8	36.600	1 казакъ	20	180.162
	—			—		
	—			1 с.-д.		
	—			14 с.-д., 10 дашн., 10 мус.		
	—			3 киргиза		
	—			5 мус.		
?	—	?	60.000	1 укр. соц.	9	780.000
16.750	—	2	125.238	2 укр. сон.	23	976.000
13.724	—	1	290.657	3 укр. сон., 1 с.-д.	30	1.007.423
21.438	—	2	260.691	4 укр. соц.	34	1.128.600
?	—	?	—	—	—	420.000
	—			—		
—	—	—	19.558	—	40	52.579
268.910	4	33	75.110	—	19	822.857

1. Соціалисты-Революціонеры.

Едва ли въ какой-нибудь другой странѣ когда-нибудь наблюдалось такое огромное преобладаніе одного политическаго направленія, вѣрнѣе — одной политической программы. Эта программа, собравшая вокругъ себя огромное большинство населенія на выборахъ въ Учредительное Собраніе,—программа партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на выборахъ боролись четыре національныя эс-эровскія партіи: русская, украинская, мусульманская и чувашская. Онѣ получили:

Русская	партія с.-р.	. . . . .	16.509.756
Украинская	»	»	3.433.574
Мусульманская	»	»	515.272
Чувашская	»	»	235.547
Бурятская	»	»	65.403

Если сюда же присоединить группы правыхъ и лѣвыхъ с.-ровъ, выступавшихъ самостоятельно въ нѣкоторыхъ округахъ и получившихъ въ общей сложности 134.182 голоса, то окажется, что *соціалисты-революціонеры получили на выборахъ 20.893.734 изъ 36.257.960 голосовъ, поданныхъ на выборахъ, что составитъ 58%*.

Благодаря тому, что избирательные списки были составлены раньше происшедшаго въ партіи с.-р. раскола, нѣтъ возможности указать число голосовъ, собранныхъ въ отдѣльности центральной частью партіи и ея лѣвымъ крыломъ. Соотношеніе таково, что изъ 338 депутатовъ с.-р., 299 объявили себя принадлежащими къ центральной партіи, а 39—«лѣвыми».

Годъ еще назадъ с-ры были немногочисленной разрозненной группкой-организаціей, гонимой и преслѣдуемой, даже у своихъ друзей вызывавшей сомнѣніе въ ея жизнеспособности, въ жизненности ея программы, считавшейся «утопической». Нынѣ эта программа объединила вокругъ себя большинство населенія страны, и партія с.-р. стала поистинѣ народной массовой и трудовой партіей... Народъ россійскій ввѣрилъ свою судьбу соціалистамъ-революціонерамъ.

Русскіе Соціалисты-Революціонеры.

По отдѣльнымъ областямъ общіе списки с.-р. получили слѣдующее количество голосовъ:

Сѣверная	. . . . .	1.140.018 или 38%
Центр.-пром.	. . . . .	1.987.962 или 38%
Поволж.-Черн.	. . . . .	4.733.961 или 70%
Западная	. . . . .	1.242.086 или 43%
Восточно-Уральская	. . . . .	1.547.662 или 43% (62%)
Сибирская	. . . . .	2.094.785 или 75%
Украинская	. . . . .	1.878.148 или 25%
Армія и флотъ	. . . . .	1.885.134 или 43%

Такимъ образомъ наибольшее число голосовъ, и абсолютное и относительное, партія с.-р. получила въ двухъ областяхъ: Сибирской и Поволжской — Черноземной. Здѣсь у ней нѣтъ соперниковъ, здѣсь она получила 70% всѣхъ поданныхъ голосовъ.

Относительное большинство голосовъ партія получила еще въ 3-хъ областяхъ: Восточно-Уральской, Западной и въ арміи и флотѣ. Здѣсь полученный процентъ 43. Въ Восточ.-Уральской области если присчитать голоса, полученные мусульманскими и чувашскими с-рами, а также лѣвыми и правыми с.-р-ми, то % голосовъ, поданныхъ за с.-ровъ, повысится до 62. Абсолютнымъ большинствомъ с.-ры располагаютъ и въ этой области.

Въ Сѣверной и Центрально-промышленной русскіе с-ры получили по 38% и на Украинѣ—25%.

По отдѣльнымъ округамъ-губерніямъ % голосовъ, полученный партіей с.-р., таковъ:

I. Свыше 80%.

Кавказскій фронтъ—86, Алтайская—86, Томская—85, Курская—82, Пензенская—81, Воронежская—80, Могилевская—80.

II. Отъ 50% до 80%.

Тобольская—78, Вологодская—75, Архангельская—74, Тамбовская—71, Харьковская—71, Енисейская—65, Симбирская—64, Орловская—63, Вятская—62, Псковская—61, Румынскій фр.—59, Самарская—58, Рязанская—56, Забайкальская—55, Нижегородская—54, Пріамурская—54, Иркутская—53, Таврическая—53, Пермская—52, Астраханская—51, Херсонская—51.

Такимъ образомъ, въ 28 губерніяхъ-округахъ русская партія с.-р. получила абсолютное большинство голосовъ.

III. Отъ 25% до 50%.

Саратовская—50, Ярославская—49, Новгородская — 46, Костромская — 45, Тульская — 45, Юго - Западн. фр.—40, Черноморскій флотъ—40.

Итакъ, въ 35 изъ 53 округовъ с.-р-ы получили свыше 40%. — Тверская—39, Смоленская—35, Уфимская—33, Владимірская—32, Казанская—30, Сѣверн. фр.—30, Витебская—27, Петроградская—26, Московская—25.

IV. Менѣе 25% т.-е. $^1/_4$ голосовъ:

Екатеринославская—23, Минская—20, Западный фр.—18, Полтавская—17, Петроградъ—16, Черниговская—12, Москва—8, Волынская—3 и, наконецъ, Кіевская—1. Въ Лифлянд. губ. партія с.-р. не выступала.

Такимъ образомъ, въ 28 округахъ партія с.-р. получила болѣе 50%, въ 24-хъ менѣе. Въ 9 округахъ она получила менѣе 25%. Въ 7—болѣе 80%.

Изъ 601 депутатовъ, посылаемыхъ обслѣдованными 54 округами по спискамъ партіи с.-р. прошли 322 депутата, въ томъ числѣ 36 «лѣвыхъ» с.-ровъ и 12 украинскихъ с.-ровъ.

Украинскіе с.-ры.

Украинскіе с.-ры получили 3.433.574 голоса, что составитъ 9% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Однако, этотъ % нужно еще повысить. У насъ было сказано, что 506.887 голосовъ получили «украинскіе соціалисты». Такъ именовались блоковые списки, выставленные на фронтѣ украинскими с.-рами и с.-д. Но принявъ во вниманіе ничтожное число голосовъ, полученное украинскими с.-д. въ сравненіи съ с.-р., надо признать, что огромное большинство этихъ 506.000 должно принадлежать украинскимъ с.-рамъ.

Кромѣ того, значительное число голосовъ, отданныхъ за списки партіи с.-р. въ Харьковской и Херсонской губерніяхъ (гдѣ былъ блокъ между укр. и русск. с.-рами) должно также считаться голосами украинскихъ с.-р.

Украинскіе с.-ры выступили самостоятельно въ 6 округахъ: въ Кіевскомъ, гдѣ они получили до 77%, въ Волынскомъ—71%, Полтавскомъ—60% *), Черниговскомъ—60%, Екатеринославскомъ—36% и Таврическомъ—11%.

Въ 3-хъ округахъ: Харьковскомъ, Херсонскомъ и Полтавскомъ украинскіе с.-р. выступали въ блокѣ съ русскими с.-рами.

Въ 8 гражданскихъ округахъ укр. с.-р. провели въ Учредит. Собраніе 69 депутатовъ

Мусульманскіе с.-ры.

Мусульманскіе с.-ры выступали на выборахъ самостоятельно въ Уфимской, Казанской и Симбирской губерніяхъ, гдѣ они получили 15.272 голоса, проведя въ Учредительное Собраніе въ Уфимской губерніи—5 депутатовъ, въ Казанской—2-хъ и въ Симбирской—1, а всего 8 депутатовъ. Въ Уфимской губерніи они собрали 305.121 голосъ, что составитъ 32%, въ Казанской—153.151 голосъ, что составитъ—18%.

Чувашскіе с.-ры.

Чувашскіе с-ры выступили на выборахъ по Казанской и Самарской губерніямъ. Въ Казанской они собрали 226,496 голосовъ и получили 3 депутатскихъ мѣста. Въ Самарской они собрали всего только 9051 голос. Всего же они получили 235,547 голосовъ, что составитъ около 4% всѣхъ поданныхъ на выборахъ голосовъ.

Правые и лѣвые с-ры.

Въ нѣкоторыхъ округахъ разошедшіяся съ основной линіей партіи правое и лѣвое крылья ея пробовали на выборахъ выступать самостоятельно.

Правые с-ры выступили въ 6 округахъ. Сколько-нибудь значительное число голосовъ они получили въ Симбирской губ., гдѣ они проводили Савинкова—45.000 (8%) и въ Харьковской, гдѣ выставлены были Е. К. Брешко-Брешковская и В. И. Лебедевъ—44.110 (4%). На Западномъ фронтѣ они получили 10.000 голосовъ, въ Петроградѣ—4.696 (0,5%), въ Казанской 10.000 и въ Пермской губ. они шли совмѣстно съ н.-с и кооператорами, получивъ—28.964 голоса (2%).

Въ 5 округахъ, безъ Пермскаго—они собрали 113.958 или 0,3%. Лѣвые с-ры выступили въ 5 округахъ, собравъ повсюду ничтожное число голосовъ. Такъ, въ Вятскомъ они получили 943 голоса, въ Воронежскомъ—11.871 (1%,) въ 3 округахъ Сибири (Тобольскомъ, Енисейскомъ и Пріамурскомъ) немногимъ болѣе13.000. Всего на выборахъ они получили 25.814 голосовъ, т.-е. 0,07%.

---

*) Какъ уже было сказано въ Полт. губ. было 2 списка: одинъ исключительно Украинскій и другой—вмѣстѣ съ русскими с.-рами.

2. Большевики.

Всего большевики получили 9.023.963 голоса, что составляетъ 25% или $^1/_4$ всѣхъ поданныхъ на выборахъ голосовъ. Отсюда видно насколько большевики «пользовались признаніемъ» всей страны въ розовую пору своего торжества и «побѣды».

По отдѣльнымъ областямъ большевики получили слѣдующее число голосовъ.

Сѣверная обл. . .	1.177.212	или 40%
Центр.-пром. . . .	2.305.635	или 44%
Повол.-Черноз . . .	1.115.591	или 16%
Западная	1.282.250	или 44%
Вост.-Уральская. .	443.990	или 12%
Сибирь	273.956	или 10%
Украина	754.016	или 10%
Армія и флотъ . .	1.671.313	или 38%

Такимъ образомъ, ни въ одной изъ 8 областей большевики не получили абсолютнаго большинства голосовъ.

Наиболѣе большевистскими областями оказались Центрально-Промышленная и Западная области, гдѣ они получили по 44%, и Сѣверная—40%. Въ этомъ сказалось вліяніе такихъ центровъ, какъ Москва и Петроградъ.

Наименѣе «большевистскими» областями оказались области: Поволжско-Черноземная (16%), Восточно-Уральская (12%), наконецъ, Украина и Сибирь—по 10%.

По отдѣльнымъ округамъ вліяніе большевизма распространено слѣдующимъ образомъ:

I; округа, гдѣ большевики получили свыше 50%, т.-е. абсолютное большинство голосовъ:

Лифляндскій—72, Западный фр. 67, Минскій 63, Сѣверн. 61, Владимірскій 56, Московскій губ. 56, Смоленскій 55, Тверской 54, Витебскій 51.

Такимъ образомъ, имѣются 9 округовъ изъ 53, гдѣ большевики имѣютъ за собой большинство населенія.

II; округа, въ которыхъ большевики собрали отъ 25 до 50%.

Петроградскій губ.—50, Москва 50, Тульскій 46, Петроградъ 45, Новгородскій 42, Костромской 40, Рязанскій 36, Псковскій 32, Ярославскій 30, Орловскій 30, Юго Зап. фр. 29, Саратовскій 28, Енисейскій 27.

Итого въ 22 округахъ большевики имѣютъ свыше $^1/_4$ поданныхъ на выборахъ голосовъ. Въ слѣдующихъ 31 *округѣ* они получили менѣе $^1/_4$ голосовъ:

Нижегородскій 23, Пермскій 21, Тамбовскій 20, Черниговскій 20, Черномор. фл. 20, Астраханскій 18, Пріамурскій 18, Вятскій 16, Вологодскій 16, Иркутскій 15, Румын. фр. 15, Воронежскій 14, Кавказ. фр. 14, Самарскій 13, Симбирскій 13, Екатеринославскій 12, Харьковскій 11, Херсонскій 11, Курскій 11, Забайк. 9, Пензенскій 9, Арханг. 8, Томскій 8, Могилевскій 7, Таврическій 7, Казанскій 6, Полтавскій 6, Алтайскій 6, Уфимскій 5, Кіевскій—3, Волынскій 4.

Изъ 601 депутатовъ, избранныхъ по обслѣдованнымъ раіонамъ Россіи, избрано 156 депутатовъ большевиковъ.

3, Партія Народной Свободы.

Партія Народной Свободы по числу полученныхъ голосовъ стоитъ на 3-мъ мѣстѣ. Кадеты собрали 1.856.639, что составляетъ 5% всей суммы голосовъ.

По отдѣльнымъ областямъ число полученныхъ ими голосовъ таково:

Сѣверная . . .	393.052 ...	13%
Центр.-пром. . .	550.197 ...	10%
Повол.-Черноз . .	267.026 ...	4%
Западная	48.130 ...	2%
Вост.-Урал. . . .	181.309 ...	5%
Сибирская	87.465 ...	3%
Украинская . . .	277.548 ...	4%
Армія и флотъ . .	51.912 ...	1%

Такимъ образомъ, к-д имѣли наибольшій успѣхъ въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ и большевики: въ сѣверной и Центрально-промышленной. Далѣе слѣдуютъ Вост.-Уральская, Поволж.-Черноз. и Украинская. Меньше всего они получили въ Западной области и на фронтѣ.

Любопытно отмѣтить, что если считать за средній избирательный квотіэнтъ, необходимый для полученія депутатскаго мѣста, 60.000 голосовъ, то оказывается, что кадеты по 48 округамъ собрали количество голосовъ, дающее право на полученіе 30 депутатскихъ полномочій. Между тѣмъ, они получили въ дѣйствительности всего 14—15 полномочій. Въ цѣломъ рядѣ округовъ кадеты получили значительное число голосовъ, но немногимъ меньше избирательнаго квотіэнта. Такимъ образомъ, въ общемъ не менѣе 1.200.000 (66%) голосовъ, поданныхъ за к-д., пропали даромъ и въ Учред. Собраніи не представлены.

Въ 17 округахъ Партія Народной Свободы получила свыше своего средняго процента—5:

Наивысшій % она имѣетъ въ Москвѣ—33, далѣе, въ Петроградѣ—26, въ Ярославскомъ 14 и Петроградскомъ губернскомъ 14, Архангельскомъ 10, Пермскомъ 9, Херсонскомъ 8, Таврическомъ 8, Пріамурскомъ 8, Московскомъ губернскомъ 7, и въ 7 округахъ по 6%: Харьковскомъ, Астраханскомъ, Саратовскомъ, Владимірскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ, Новгородскомъ.

Наименьшій % голосовъ получили к-д. въ губерніяхъ: Алтайской 2, Кіевской 2, Уфимской 2, Полтавской 2, Витебской 1, Минской 1, а также на фронтахъ.

4. Россійская соц.-дем. рабочая партія (объединенная).

Соціалъ-демократы меньшевики получили 2% или 668.064 голосовъ въ 49 избир. округахъ[1]). Наименьшій % полученъ ими въ области Поволжско-Черноземной и Восточно-Уральской—по 1%. На фронтахъ они получили 3%, въ остальныхъ 4 областяхъ по 2%.

Меньшевики въ разсмотрѣнныхъ нами 47 округахъ получили всего 1 депутатское полномочіе—по Юго-Западному фронту. Между

---

*) Къ сожалѣнію въ наше обслѣдованіе не могъ войти Закавказскій изб. округъ—эта «цитадель меньшевизма». Судя по тому, что по Закавказью избрано 14 депутатовъ с.-д., предположимъ, что меньшевики собрали на выборахъ въ Закавказьи по меньшей мѣрѣ 700—800 тысячъ голосовъ.

Слѣдовательно всего на выборахъ по 50 избир. округамъ с.-д. получили 1 368.064—1.468.064 голосовъ.

тѣмъ, собранное ими во всѣхъ округахъ количество голосовъ даетъ право на полученіе 10 депутатскихъ мѣстъ. Свое одно мѣсто они оплатили 668.064 голосами, или иначе: не менѣе 600.000 голосовъ, по данныхъ за нихъ пропало даромъ!

Въ слѣдующихъ 15 избирательныхъ округахъ с.-д. меньшевики получили % голосовъ выше своего средняго—двухъ:

Юго-Западный фронтъ 8 (высшій %), Пріамурскій 7, Лифляндскій 5, Московскій губ., 4, Ярославскій 4, Черномор. флотъ 4, Вятскій 3, Екатеринославскій 3, Таврическій 3, Костромской 3, Московскій столичный 3, Петроградъ столичный 3, Румынскій фронтъ 3, Тобольскій 3, Иркутскій 3.

Въ округахъ с.-д. получили менѣе 1%: Воронежскій 0,8, Симбирскій 0,7, Пензенскій и Кіевскій 0,7, Рязанскій 0,6, Казанскій и Алтайскій 0,5, Курскій 0,5, Псковскій 0,4, Уфимскій 0,2, Самарскій 0,2.

5. Трудовые народные соціалисты.

Во многихъ избир. округахъ н.-сы не выступали на выборахъ вовсе. Такъ, ихъ списковъ не было въ Симбирскомъ, Костромскомъ, Архангельскомъ, Лифляндскомъ, Минскомъ, Иркутскомъ, Забайкальскомъ, Симбирскомъ, Пріамурскомъ, Казанскомъ и др. округахъ.

У насъ имѣются свѣдѣнія о числѣ голосовавшихъ за партію н.-с. по 33 округамъ. За н.-совъ подано 312.038 голосовъ или 1% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Наибольшій % они получили въ Сибирской области—3. Далѣе, въ сѣверной и Восточно-Уральской по 2%. На Украинѣ 0,6. Въ Центрально-промышленной и Поволжской по 0,5, въ Западной—0,4;

Въ разсмотрѣнныхъ округахъ н-сы получили всего 2 депутатскихъ мѣста—въ Тобольской и Вятской губерніяхъ. Послѣдняя, впрочемъ, еще подъ сомнѣніемъ. Между тѣмъ, количество собранныхъ ими по всѣмъ 32 округамъ голосовъ даетъ право на 5 депутатскихъ полномочій.

Въ 9 округахъ н-сы получили больше своего средняго %—одного. Въ Тобольскомъ округѣ они получили наивысшій %—10. Далѣе идетъ Вятскій 6, Томскій 3 и 7 округовъ по 2%: Пермскій, Вологодскій, Новгородскій, Енисейскій, Томскій и оба Петроградскихъ округа—столичный и губернскій. Въ слѣдующихъ округахъ они получили наименьшій %: Астраханскій, Тверской, Псковскій, Херсонскій всѣ по 0,5%, Самарскій, Нижегородскій, Тульскій, Витебскій всѣ по 0,4%, и, наконецъ, въ Москвѣ и Смоленскомъ по 0,3%.

6. С.-д-ая группа „Единство“.

Группа «Единство» выступала только въ нѣкоторыхъ округахъ: такъ, у насъ есть свѣдѣнія о ея выступленіяхъ въ округахъ: Екатеринославскомъ (около 1%), Новгородскомъ, Самарскомъ (около 0,1%), Тульскомъ, Уфимскомъ (въ блокѣ съ кооператорами), Вологодскомъ, Орловскомъ (блокъ съ кооп.), Тверскомъ, въ Петроградѣ (0,2%), въ Москвѣ, гдѣ былъ блокъ съ кооператорами и гдѣ этимъ блокомъ получено свыше 4% голосовъ.

Всего «Единство», выступая самостоятельно, собрало 25.498 или 0,07%.

7. Кооператоры.

Сколько въ предвыборное время возлагалось надеждъ на «Кооператоровъ»—этихъ «здоровыхъ соціалистическихъ элементовъ», призванныхъ очистить русскій соціализмъ и революцію отъ интернаціоналистической скверны. И вотъ эта «соль земли» потерпѣла полное фіаско на всенародныхъ выборахъ. Кооператоры не провели ни одного своего кандидата, получивъ въ тѣхъ округахъ, относительно которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія объ ихъ выступленіяхъ, всего 51.507. Да изъ этой цифры надо свыше 36.000 голосовъ отнести къ Москвѣ, гдѣ кооперація выступила въ блокѣ съ «Единствомъ».

Но необходимо оговориться: газетныя свѣдѣнія часто просто умалчиваютъ о группахъ, получившихъ весьма ничтожное количество голосовъ. Поэтому и количество полученныхъ на выборахъ коопераціей голосовъ въ дѣйствительности больше приведеннаго.

8. Союзъ земельныхъ собственниковъ.

Эта организація помѣщиковъ и землевладѣльцевъ выступала самостоятельно въ цѣломъ рядѣ округовъ. У насъ есть свѣдѣнія о выступленіи «Союза» въ округахъ: Орловскомъ, Псковскомъ, Тверскомъ, Черниговскомъ, Ярославскомъ, Владимірскомъ, Воронежскомъ, Екатеринославскомъ, Курскомъ, Минскомъ, Нижегородскомъ, Новгородскомъ, Полтавскомъ, Тамбовскомъ, Уфимскомъ, Харьковскомъ, Таврическомъ, Московскомъ губ.,

Земельные собственники получили въ этихъ округахъ всего 215.542 голоса, что составляетъ 0,6%. Больше всего собственники собрали голосовъ на Украинѣ—117.763 или 2% всѣхъ поданныхъ на Украинѣ голосовъ. Изъ отдѣльныхъ округовъ они собрали больше всего голосовъ въ Полтавской губерніи, откуда и получили 1 депут. полномочіе. Второе мѣсто по числу полученныхъ голосовъ занимаетъ Екатеринославская губернія. Болѣе подр. свѣдѣнія см. по отдѣльнымъ областямъ.

9. Правыя группы.

Это не совсѣмъ точное заглавіе. Сюда нами отнесены какъ списки явно и неприкрыто крайнихъ правыхъ элементовъ, такъ и всяческіе суррогаты ихъ,—шедшіе на выборахъ подъ флагомъ: «приходовъ», «духовенства и мірянъ» Правыя группы собрали на выборахъ 292.133 голоса. Они провели одного депутата: по Нижегородской губерніи. Больше всего правые собрали голосовъ въ Украинской—79.881, Восточно-Уральской—75.357 и Центр. Промышленной—75.552. По отдѣльнымъ губерніямъ этихъ областей правые получили: Кіевская—48.641, Нижегородская—48.428, Пермская—47.600.

10. Мусульманскіе и еврейскіе націоналисты.

Обѣ эти національности получили свыше $^1/_2$ милліона голосовъ каждая. Мусульманскіе націоналисты по 8 губерніямъ: Вятской, Пермской, Уфимской, Казанской, Самарской, Астраханской, Пензенской, Таврической—собрали 576.693 голоса, что составляетъ около 2% всѣхъ поданныхъ на выборахъ голосовъ.

Слѣдуетъ, при этомъ оговориться, что въ наше обслѣдованіе не вошли Туркестанъ, Кавказъ, Степной край и вообще наши среднеазіатскія губерніи и области. Между тѣмъ именно въ этихъ округахъ мусульмане разныхъ племенъ получатъ подавляющее число голосовъ. Поэтому въ итогахъ выборовъ по всей Россіи число голосовъ, полученныхъ мусульманами, повысится весьма значительно въ сравненіи съ тѣмъ, какой приведенъ въ нашемъ изслѣдованіи.

Мусульмане провели 10 депутатовъ.

Башкиры собрали въ 2 губерніяхъ—195.230 голосовъ.

Еврейскіе націоналисты получили 550.075 голосовъ. Они выступали главнымъ образомъ въ 2 областяхъ: Западной и Украинской. Наибольшее число голосовъ получено евреями въ губерніяхъ: Кіевской, Херсонской, Могилевской, Минской, Волынской, Екатеринославской, Полтавской. Въ первыхъ четырехъ губерніяхъ они провели 6 своихъ депутатовъ.

* *
*

Заканчивая свое обслѣдованіе, мы считаемъ нужнымъ привести слѣдующій расчетъ, наиболѣе характерно выявляющій смыслъ происшедшихъ выборовъ.

Если мы возьмемъ изъ таблицы однѣ только соціалистическія группы и партіи, то окажется, что

За соціалистовъ разныхъ партій голосовало на выборахъ въ Учредительное Собраніе... 31.640.905.

Въ то же время за *буржуазныя и національно-буржуазныя группы голосовало 4.130.376 избирателей.*

Эти цифры показательны. Онѣ говорятъ, что 87% всѣхъ избирателей отдали свой голосъ соціалистамъ разныхъ партій и національностей.

Когда-то—это было въ 1907 году—Вандервельде, открывая въ Штутгардтѣ очередной международный соціалистическій Конгрессъ, свою привѣтственную рѣчь началъ съ указанія на то, что «десять милліоновъ соціалистическихъ избирателей всего міра привѣтствуютъ въ этотъ моментъ Конгрессъ». Нынѣ эти «десять милліоновъ»—число, казавшееся тогда необычно грандіознымъ—превратились болѣе чѣмъ въ *сорокъ милліоновъ*.

Русская Революція подарила международному соціализму не болѣе ни менѣе, какъ тридцать милліоновъ соціалистическихъ избирателей.

Н. В. Святицкій.

Земское и городское самоуправленіе въ 1917 году.

Русское самоуправленіе вступило въ 1917 годъ подъ знакомъ назрѣвшей и неотложной реформы. Эта реформа, въ пониманіи ея задачъ 4-ой Госуд. Думой, должна была въ извѣстной мѣрѣ раскрѣпостить земства и городскія общественныя управленія отъ административной опеки и нѣсколько расширить избирательное право; однако, въ соотвѣтствіи съ дофевральскимъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, она обезпечивала преобладаніе въ органахъ самоуправленія *цензовымъ* группамъ населенія.

Вышедшая въ февральскіе дни впервые въ Россіи на историческую сцену трудовая демократія не могла не поставить себѣ задачи осуществленія полностью принциповъ *народовластія* также и въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія. Черезъ демократическія земства и городскія думы, созданныя всеобщимъ голосованіемъ, народъ приходилъ къ непосредственному участію въ организаціи мѣстной государственной власти. И изъ опыта зап.-европ. демократій, изъ сравненія хотя бы конституціонно-монархической Англіи съ ея развитыми принципами мѣстнаго самоуправленія и республиканской Франціи, гдѣ централизація власти лишаетъ населеніе участія въ мѣстномъ управленіи,—мы знаемъ всю важность самоуправленія для демократіи: устойчивость гражданской и политической свободы противъ всякаго натиска реакціонныхъ силъ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ мѣста, занимаемаго въ общемъ строѣ государства органами мѣстнаго самоуправленія.

Установленная октябрьскимъ переворотомъ большевистская *диктатура* вступила на путь борьбы со всѣми органами народовластія и прежде всего, съ демократическимъ самоуправленіемъ, не успѣвшимъ къ тому времени не только пустить корни въ народную жизнь, но даже и сформироваться какъ слѣдуетъ. Анти-демократическая

по-самой сущности своей, диктатура неизбѣжно приходитъ къ необходимости уничтоженія мѣстныхъ органовъ народовластія, этого оплота революціонныхъ соціально-политическихъ завоеваній народа, вскрывая тѣмъ самымъ свою объективно-реакціонную, контръ-революціонную сущность.

Прослѣдить смѣну трехъ выше намѣченныхъ этаповъ, прожитыхъ русскимъ самоуправленіемъ въ истекшемъ году, и является задачей настоящей статьи.

1. *Земство наканунѣ революціи.*

Въ теченіе почти трехъ десятилѣтій до революціи мѣстная земская жизнь задыхалась въ тискахъ реакціоннаго Земскаго Положенія 1890 г. Оставляя анализъ соціальнаго содержанія этого закона, регулировавшаго мѣстную жизнь въ 43 губерніяхъ Европейской Россіи, для дальнѣйшаго изложенія, отмѣтимъ вначалѣ вкратцѣ формальную сторону установленнаго имъ правопорядка.

Земское положеніе 1890 г., какъ и родственное ему по духу Город. Пол. 1892 г., предоставляетъ мѣстному самоуправленію лишь вѣдѣніе дѣлъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, поручая управленіе цѣликомъ одной администраціи. Административной опекѣ и усмотрѣнію подчинена вся дѣятельность земствъ, не только съ точки зрѣнія законности,—но и цѣлесообразности ихъ дѣйствій. Любое постановленіе земствъ можетъ быть отмѣнено губернаторомъ, или особой, чиновничьей по большинству своему, коллегіей—губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Исполнительный органъ—управа, а также и всѣ служащіе, подлежатъ утвержденію администраціи; въ отдѣльныхъ случаяхъ, при оппозиціонномъ отношеніи гласныхъ къ правительству, послѣднее само назначаетъ управу. Предсѣдательствуетъ на земскомъ собраніи предводитель дворянства. Но соціально-реакціонный духъ положенія 1890 года наиболѣе сказывается въ куріальной системѣ избирательнаго права, которой обезпечивается преобладаніе дворянскаго элемента, крестьянству же отводится лишь декоративная роль. Цензъ устанавливается возрастный (25 л.), по осѣдлости (1 годъ) и имущественный. Земскій земельный цензъ опредѣляется особымъ росписаніемъ въ размѣрѣ въ среднемъ 200—300 дес., колеблясь отъ 125 дес. въ густо-населенныхъ уѣздахъ черноземной полосы, до 800 дес. на окраинахъ (Волог., Астрах. губ.). Дворянство выдѣлено въ особую привиллегированную курію (1-ое изб. собр.). Второе избирательное собраніе составляется изъ разночинцевъ—владѣльцевъ земли и недвижимаго имущества опредѣленной стоимости. Гласные отъ крестьянъ избираются на волостныхъ сходахъ. Какая цѣль преслѣдуется подобной куріальной системой, показываютъ слѣдующія цифры: составъ земскихъ собраній, по даннымъ 30 земскихъ губерній, былъ слѣдующій,—дворянъ и чиновниковъ 57,1%, отъ 2-го избирательнаго собранія (разночинцевъ) 13,3%, крестьянъ 29,6%.

Двѣ общественныя группы являлись руководящими въ старомъ земствѣ: такъ называемый, третій элементъ», земская *интеллигенція*, и среднепомѣстное *дворянство*. Первая шла въ земскіе ряды, такъ какъ это было въ Россіи единственное поприще легальной общественной борьбы. И разночинная интеллигенція, народническая по преимуществу, являлась душою и мозгомъ демократическаго движенія, красной нитью проходившаго черезъ всю исторію земства.

Интересы второго руководящаго элемента земскихъ круговъ, среднепомѣстнаго дворянства, носятъ двойственный характеръ. Какъ дворяне и землевладѣльцы, они заинтересованы въ томъ привиллегированномъ положеніи, которое обезпечено имъ реакціоннымъ законодательствомъ во всей мѣстной жизни,—въ земствѣ, судѣ, администраціи. Но имъ, какъ представителямъ мѣстной хозяйственно-общественной организаціи, болѣе, чѣмъ кому либо, приходилось испытывать на дѣлѣ, въ опытѣ повседневной жизни, всю безсмыслицу бюрократическаго централизма, мертвящаго мѣстную самодѣятельность. Потрясенія же, которыя переживала періодически нищая и темная деревня, угрожали, въ концѣ концовъ, самому существованію дворянства, какъ класса. Поэтому наиболѣе дальновидные изъ нихъ понимали, что прочности существующихъ въ деревнѣ общественныхъ отношеній не только не угрожаетъ, но даже наоборотъ содѣйствуетъ осуществленіе умѣренной либерально-конституціонной земской программы. Въ основу этой программы и было положено съ одной стороны ограниченіе самовластнаго централизма въ пользу мѣстнаго, цензоваго представительства, съ другой —подъемъ общей культуры и экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія.

Но трудно было бы понять то безучастное отношеніе крестьянства къ земству, которое по традиціи было перенесено и на новое демократическое земство и сдѣлало его столь беззащитнымъ противъ натиска большевистской власти, если упустить изъ виду, наряду съ положительными чертами земства, его соціально-чуждую крестьянству организацію. Крестьянству по Положенію 1890 г. было предоставлено самое ничтожное представительство въ земскомъ собраніи. Голосъ дворянина-помѣщика на выборахъ равнялся по силѣ тысячамъ голосовъ крестьянъ. Къ тому же крестьяне—гласные до послѣдней степени зависѣли отъ администраціи. Въ то-же время крестьянству было небезизвѣстно, что это самое земство существуетъ главнымъ образомъ за счетъ обложенія крестьянъ, ибо руководящій землевладѣльческій классъ вноситъ лишь 14% смѣты (1906 г.), получая обратно болѣе половины вносимой суммы (5,6 мил. руб. изъ 10 м. въ 1886 г.), въ видѣ жалованья, какъ члены управы, непремѣнные члены, мировые судьи и пр.

Указаніемъ на полу-феодальную организацію стараго земства мы менѣе всего хотѣли бы умалить цѣнность той огромной культурно-хозяйственной работы, которая земствомъ совершена за 50 лѣтъ его существованія въ дѣлѣ устроенія мѣстной жизни; и столь же безспорно должна быть признана видная роль земства въ развитіи политическаго движенія и въ подготовкѣ значительныхъ круговъ общества къ общественной дѣятельности, роль «пропедевтическихъ курсовъ парламентаризма», какъ злобно доносили въ свое время «Московскія Вѣдомости».

Но жизнь неудержимо идетъ впередъ и перерастаетъ исторически данныя формы. Революціонная судорога 1905 года, потрясшая весь народно-хозяйственный организмъ Россіи, была первымъ движеніемъ тѣхъ новыхъ силъ, которыя развились въ облочкѣ стараго бюрократически-феодальнаго строя и неизбѣжно должны были разорвать ее, поскольку она сковывала дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ. А вмѣстѣ со вскрывшимися въ деревнѣ классовыми противорѣчіями неизбѣженъ былъ и кризисъ земской либеральной идеологіи.—Аграрное движеніе 1904—1905 года отбросило дворянскій землевладѣльческій классъ рѣзко вправо. Третій элементъ, примкнувшій

къ революціонно-демократическому движенію, взятъ подъ сугубое подозрѣніе, почти повсемѣстно сокращенъ. На мѣсто либеральныхъ дворянъ-земцевъ пришли подлинные «зубры», дотолѣ не интересовавшіеся общественной жизнью и предоставившіе ее разночинцамъ и «мелко-помѣстнымъ» дворянамъ. Теперь, передъ угрозой самому существованію дворянства какъ класса, они пришли хотя бы для того, чтобы обезвредить земство. И эпоха 1906—1908 годовъ была самой мрачной въ исторіи земства; она оставила послѣ себя болѣе разрушительные слѣды, чѣмъ даже реакція 80-хъ годовъ.

Но разрушительная волна реакціи, такъ высоко поднявшаяся въ 1906 г., на этотъ разъ быстро и отхлынула. Законы общественнаго развитія сильнѣе политическихъ тенденцій отдѣльныхъ группъ. И разъ на пути дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства стоятъ отжившія полу-феодальныя формы, онѣ осуждены на исчезновеніе. А насколько сословно-дворянскій строй земской организаціи уже не соотвѣтствовалъ хозяйственному значенію дворянскаго элемента въ деревнѣ, показываютъ лучше всего хотя бы слѣдующія цифры:

Частное землевладѣніе отдѣльныхъ категорій владѣльцевъ.

	1861 г.	1887 г.	1905 г.	1911 г.
Дворяне	ок. 85.000	73.006	49.768	43.204
Купцы и мѣщане		11.699	20.706	21.744
Крестьяне		8.269	24.416	30.033

Дворянство потеряло половину своего земельнаго фонда, площадь землевладѣнія купцовъ и крестьянъ удвоилась и учетверилась. Въ деревнѣ, наряду съ дворянскимъ оскудѣніемъ, неуклонно растетъ удѣльный вѣсъ двухъ группъ: нетитулованной *цензовой буржуазіи* и *крестьянства*.

Послѣ двухлѣтней реакціонной вакханаліи, господствующіе классы проявили настолько сознанія ихъ собственныхъ интересовъ, чтобы понять, что дальнѣйшее пребываніе широкихъ народныхъ массъ на крайней степени нищеты и невѣжества грозитъ потрясеніями самыхъ основъ существующаго соціально-политическаго строя. Съ 1908 г. и въ центрѣ Государственной власти и на мѣстахъ руководящая роль переходитъ къ «дѣловымъ» консервативнымъ элементамъ, выставившимъ, какъ *охранительный* лозунгъ, требованіе просвѣщенія народныхъ массъ и подъема ихъ экономическаго благосостоянія.

Правительство не скупится отпускать средства на начальное образованіе. Ассигновано было:[1])

Годы.	рублей.	Годы.	рублей.
1905	7.035. тыс. р.	1910	35.885
1908	15.885	1912	ок. 48.000

Какъ щедрое финансированіе народнаго образованія, такъ и поощреніе экономической дѣятельности земствъ въ области агрономіи, кооперативнаго движенія и пр., позволили развернуть широко земскую работу. Какъ примѣръ этого, можно привести ростъ земскаго агрономическаго персонала:

въ 1905 г.—475 чел., въ 1910 г.—782, въ 1913 г.—4311 чел.

Но чѣмъ большій розмахъ пріобрѣтала земская работа, тѣмъ яс-

---

[1]) Б. Веселовскій. Ист. Земства. Т. IV, Стр. 96.

нѣе становилась, именно въ интересахъ подъема хозяйственно-культурнаго быта крестьянства неотложность *коренной реформы всего земскаго строя*.

Наконецъ, разразившаяся война сдѣлала неотложность и земской и городской реформы только болѣе очевидной. Въ Россіи она вскрыла такое разложеніе самодержавно-полицейскаго строя, такую хозяйственную и культурную отсталость внутри страны, что только благодаря широкому общественному подъему смогло быть отсрочено то общее банкротство Россіи, ужасъ котораго мы переживаемъ въ настоящее время.

Роль Земскаго и Городского Союзовъ во время войны достаточно извѣстна. Они взяли на себя непосильную для бюрократическихъ вѣдомствъ задачу обслуживанія фронта въ лѣчебно-санитарномъ и даже въ спеціальномъ военно-техническомъ отношеніи. Имъ же принадлежитъ главная задача и по «организаціи тыла», отъ которой находятся въ самой непосредственной зависимости военные успѣхи на фронтѣ. Выросшіе духовно и политически во время войны органы мѣстнаго самоуправленія должны быть, въ интересахъ даже самой обороны страны, раскрѣпощены и поставлены на болѣе широкое демократическое основаніе,—это и призналъ «прогрессивный блокъ» 4-ой Государственной Думы, рѣшившій въ послѣднюю сессію провести реформу Земскаго Положенія.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ подробнѣе остановиться на анализѣ законопроэкта, внесеннаго въ Думу фракціей прогрессистовъ. Но въ нѣсколькихъ строкахъ необходимо отмѣтить существенныя черты думскаго проэкта земской реформы, поскольку онъ отражаетъ тотъ максимумъ уступокъ духу времени, который готовы были господствующіе классы сдѣлать наканунѣ взрыва революціи. Указывая выше на двойственный характеръ земскаго либерализма, мы уже отмѣчали, что земскіе дворянскіе круги, въ интересахъ мѣстной самостоятельности боролись всегда съ бюрократическимъ централизмомъ и полицейской опекой самодержавной власти; но въ то же время они достаточно ревниво охраняли свои классовыя и сословныя привиллегіи, которымъ угрожало революціонно-демократическое движеніе. Эта внутренняя противорѣчивость, всегда присущая буржуазному либерализму, еще отчетливѣе отразилась въ законопроэктѣ 4-й Гос. Думы. Съ одной стороны, думскій законопроэктъ вноситъ серьезное и значительное улучшеніе въ Земск. Пол 1890 г.: расширяется компетенція земскихъ собраній, (право изданія обязательныхъ постановленій, организація юридической помощи и пр.), отмѣняется надзоръ правительственныхъ органовъ за *цѣлесообразностью* дѣятельности земскихъ учрежденій, для сужденія о законности этой дѣятельности создается административный судъ и пр. Съ другой стороны, цензовая 4-ая Госуд. Дума не смогла отказаться отъ привиллегій господствующаго класса; законопроэктъ, при помощи сложной куріальной системы, построенной на принципѣ пресловутой прусской трехклассной, оставляетъ руководящую роль въ земствѣ за мѣстными цензовыми элементами. Но что слѣдуетъ особенно отмѣтить здѣсь, какъ симптомъ дальнѣйшей эволюціи буржуазныхъ началъ,—это то, что *сословно-дворянскій характеръ* земства по положенію 1890 г. уступаетъ мѣсто *чисто-цензовому*. Какъ единица земскаго ценза устанавливается только земельный участокъ или недвижимость опредѣленной цѣнности (15.000 р.), къ какому бы сословію владѣлецъ ни принадлежалъ, отпадаютъ ограниченія и для евреевъ и женщинъ. Это торжество буржуазнаго принципа въ чистомъ видѣ

соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли выше, росту удѣльнаго вѣса группы частнаго не дворянскаго землевладѣнія за счетъ дворянскаго.

II. Самоуправленіе городовъ до революціи.

Въ то время, какъ самоуправленіе въ 43-хъ земскихъ губерніяхъ регулировалось единообразно на основаніи Земск. Полож. 1890 г., нормы, на основаніи которыхъ построено дореволюціонное управленіе городовъ Россіи, чрезвычайно разнообразны. Достаточно указать, что существовало *22 системы*, которыми регулировалась жизнь нашихъ городовъ. Эти нормы, возникшія въ разное время (напр. муниципальные законы Польши въ 1815 г., или Румынскій уставъ объ общинахъ Бессарабіи въ 1864 г.), носятъ на себѣ слѣды ихъ историческаго и національнаго происхожденія. Не входя въ подробное разсматриваніе отдѣльныхъ мелкихъ группъ городовъ, управлявшихся на основаніи особыхъ законоположеній, отмѣтимъ здѣсь основныя три группы.

Въ книгѣ «Города Россіи за 1910 г.» (приложеніе къ Извѣст. по дѣл. мѣстн. Хоз. 1910 г.) имѣются свѣдѣнія о 970 городахъ. Эти города, по характеру ихъ управленія, можно разбить на три категоріи.

1. Первая группа—462 города, обладали *полнымъ* (въ дореволюціонномъ смыслѣ слова) самоуправленіемъ; изъ нихъ 453 гор. управлялись на основаніи Город. Полож. 1892 г. Это положеніе, пришедшее на смѣну болѣе либеральнаго закона 1870 г., носитъ на себѣ, какъ и близкое ему по духу Земское Положеніе 1890 г., отпечатокъ реакціонной эпохи, его породившей. Вотъ краткая схема этой конституціи полсвины русскихъ городовъ.—Задача городского самоуправленія опредѣляется какъ «попеченіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ»; Городское Управленіе вѣдаетъ общее благоустройство, народное образованіе и здравіе, финансово-экономическія мѣропріятія. Избирательнымъ правомъ пользуются лица и учрежденія, обладающія значительнымъ недвижимымъ имуществомъ, а также владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній высшихъ разрядовъ. Евреи и женщины лишены избирательныхъ правъ. Въ общемъ, въ городахъ, управляемыхъ на основаніи Гор. Пол. 1892 г. правомъ избирательнаго голоса пользуется всего лишь 1,4% городского населенія. Въ Москвѣ въ 1916 году избирательнымъ правомъ обладало всего около 9432 чел., тогда какъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права послѣ революціи—около полутора милліоновъ. Распорядительные органы общественныхъ управленій, думы (20—160 гласныхъ) избираютъ должностныхъ лицъ, (управу), но послѣдніе подлежатъ, какъ и наемные городскіе служащіе, утвержденію администраціи. Ей же принадлежитъ право надзора за всей дѣятельностью городского управленія не только съ точки зрѣнія законности, но также и за тѣмъ, чтобы мѣропріятія города соотвѣтствовали «государственнымъ пользамъ и нуждамъ», и «не нарушали интересовъ мѣстнаго населенія».—Основными недостатками Гор. Пол. 1892 г., какъ и построеннаго по той же схемѣ Земскаго Положенія 1890 г., является высокій имущественный цензъ, лишающій права участія въ самоуправленіи широкія массы населенія, ограниченіе компетенціи только хозяйственной дѣятельностью, ограниченіе и излишняя регламентація источниковъ городскихъ финансовъ и мелочная административная опека надъ каждымъ шагомъ городского управленія.

2. Вторая группа обнимаетъ собою 308 городовъ, управляемыхъ на основаніи *упрощеннаго* городского общественнаго управленія,

примѣнительно къ ст. 22 Городового Положенія, дополненной особыми правилами.—Дума замѣнена въ этихъ городахъ Собраніемъ уполномоченныхъ (15—20 чел.), избираемыхъ на сходѣ домохозяевъ; исполнительнымъ органомъ собранія является городской староста и его помощникъ. Компетенція упрощеннаго городского управленія та же, что и полнаго,—но зависимость его отъ административныхъ опеки и произвола столь значительна, что самоуправленіе въ этихъ городахъ должно считаться почти призрачнымъ.

3. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть третью основную группу городовъ (183 гор.), совершенно лишенныхъ общественнаго управленія и всецѣло подчиненныхъ администраціи. Описаніе ихъ управленія не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Такова пестрая и въ достаточной степени безотрадная картина, дореволюціонной организаціи городскихъ самоуправленій, обслуживающихъ 22-милліонное населеніе. И тѣмъ не менѣе, велики вклады городского самоуправленія въ сокровищницу русской культуры. Стѣсненное въ розмахѣ творчества, отрѣзанное отъ живительной связи съ широкими народными массами и поставленное подъ унизительную опеку и надзоръ полицейской власти,—старое, цензовое городское управленіе оставило пришедшему къ нему на смѣну независимому демократическому богатое, достойнос благодарной памяти, наслѣдство.—Исторія городскихъ управленій есть исторія борьбы консервативныхъ «стародумскихъ» партій, пользовавшихся своей близостью къ городскому хозяйству въ интересахъ въ значительной мѣрѣ своекорыстныхъ,—и элементовъ прогрессивныхъ изъ городской буржуазіи и интеллигенціи, преслѣдовавшихъ въ городскомъ управленіи цѣли общественныя. Эта дѣятельность прогрессивныхъ гласныхъ облегчалась и болѣе высокимъ культурнымъ уровнемъ городского населенія, и большей организованностью общественнаго мнѣнія, и значительно въ Россіи развитой частной иниціативой къ созданіи учрежденій благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и лѣчебныхъ. Наконецъ, въ этой культурной работѣ городскихъ управленій почетную роль, какъ и въ земствѣ, сыгралъ служебный «третій элементъ»...

III. Революція и организація мѣстнаго самоуправленія переходнаго времени.

Попробуемъ теперь въ связи съ изложеннымъ отвѣтить на вопросъ, какія проблемы въ области мѣстнаго самоуправленія назрѣли къ моменту февральской революціи.—Прежде всего, жизнь требовала *расширенія компетенціи* земствъ и городскихъ управленій не только въ области мѣстнаго хозяйства, но также въ дѣлѣ *мѣстнаго управленія*, что впервые придало бы имъ характеръ подлинныхъ органовъ самоуправленія. Расширеніе компетенціи земскихъ и городскихъ учрежденій до полномочій органовъ мѣстной государственной власти неразрывно связано съ *раскрѣпощеніемъ* ихъ отъ бюрократической и полицейской опеки; надзоръ за законностью ихъ дѣятельности подлежало передать *органамъ юстиціи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялось неотложнымъ проблизить земскія и городскія учрежденія къ населенію путемъ созданія *мелкой земской и городской единицы* (волостное земство и районныя думы). Затѣмъ, благо земскаго и городского самоуправленія необходимо было распространить и на *окраины*, лишенныя ихъ (Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ, Обл. Войска Донского, Западныя губерніи). И наконецъ, все это огромное дѣло

организаціи народнаго хозяйства и управленія надлежало передать изъ рукъ привиллегированныхъ кучекъ, всему народу въ его цѣломъ, всѣмъ классамъ населенія: предстояло все зданіе мѣстнаго самоуправленія основать на *всеобщемъ избирательномъ правѣ*.

Переживаемые нашей несчастной родиной дни, полные самаго необузданнаго торжества насилія, разгула темныхъ страстей и изувѣрства, способны временами поселить смертельную тоску и тревогу за будущее русскаго народа. Но въ эти минуты ядовитаго сомнѣнія въ его духовномъ величіи, вспомните о свѣтлыхъ февральскихъ дняхъ, вспомните съ горечью безвозвратной утраты, но и съ гордостью, съ вѣрой въ народъ, который проявилъ и столько благородства, терпимости, и столько государственнаго инстинкта въ первые мѣсяцы нашей великой, въ началѣ свѣтозарной и безкровной революціи. Только что разнеслась по провинціи вѣсть о революціи въ Петроградѣ, о свержеміи самодержавія, какъ тотчасъ вездѣ на мѣстахъ палъ безъ малѣйшаго сопротивленія весь прогнившій насквозь административно-полицейскій аппаратъ. Старая власть, въ лицѣ губернаторовъ, полиціи, земскихъ начальниковъ, ушла; казалось, въ странѣ, граждански безграмотной, неизбѣжно воцареніе анархіи. Но геній революціи, разбивая оковы, несетъ возставшему народу и величайшій экстазъ творчества. Первое общее движеніе было—на развалинахъ рухнувшаго строя скорѣе, не теряя ни минуты, установить новую демократическую организацію страны. Ибо всякое промедленіе передъ лицомъ грознаго внѣшняго врага и крайняго разложенія народно-хозяйственной жизни внутри страны, грозило немедленной гибелью революціонной Россіи. Съ изумительной быстротой, буквально въ нѣсколько дней вся страна покрылась сѣтью временныхъ органовъ самоуправленія; и удивительно то постоянство, съ какимъ совершенно стихійно эти революціонныя государственно-правовыя организаціи отливались почти повсюду въ однѣ и тѣ же формы. Какова же была при этомъ процессѣ роль цензовыхъ земствъ и городскихъ думъ? Представляя по преимуществу господствующіе классы, ничтожное меньшинство населенія, они не могли, съ выходомъ на историческую сцену широкихъ народныхъ низовъ, имѣть прежнее значеніе. И надо признать тотъ тактъ, съ которымъ они устранились отъ претензій на активное руководство движеніемъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ они проявили инициативу и оказали всевозможное содѣйствіе организаціи новой революціонной общественности. Вся полнота государственной власти на мѣстахъ перешла къ объединеніямъ существовавшихъ и вновь съ первыхъ дней революціи возникшихъ общественныхъ организацій и политическихъ партій. Повсюду, начиная съ волостей и уѣздовъ, кончая столицами, создаются «Комитеты Общественныхъ Организацій», «К-ты Общественной Безопасности», «К-ты Народной власти» и т. п. Схема ихъ организаціи приблизительно одинакова повсюду. Вотъ примѣрный и довольно типичный составъ ихъ. Одна изъ крупнѣйшихъ организацій этого рода, *Московскій* Ком. Общ. Орг., образовавшійся 28-го февраля, состоялъ изъ 150 человѣкъ и имѣлъ равное представительство трехъ группъ—цензовой, демократической и рабочей. Къ цензовой группѣ принадлежали гласные Думы, представители Земства, Городского и Земскаго Союза, восьми крупнѣйшихъ торгово-промышленныхъ организацій. Демократическая группа была крайне пестра по своему составу, въ ней были представители по крайней мѣрѣ 50 организацій, начиная отъ такихъ крупныхъ объединеній, какъ кооперативы, профессіональные союзы торгово-

пром. и жел.-дор. служащихъ, пресса, адвокатура, и кончая случайными организаціями, какъ союзъ самаритянокъ или союзъ артистовъ. Въ рабочую группу вошли представители профессіональныхъ пролетарскихъ союзовъ, больничныхъ кассъ, Сов. Раб. Деп. Позже прибавились еще военная и крестьянская группы отъ соотвѣтствующихъ Совѣтовъ, а общее число делегатовъ возросло до 339. Наиболѣе политически-иниціативными и вліятельными по своимъ связямъ съ массами были рабочая и военная группы.—Въ *Ростовѣ на Дону* обывательскій комитетъ образовался изъ представителей Земскаго и Городского Союзовъ, военно-промышленнаго комитета, кооперативовъ, биржевыхъ обществъ, профессуры, студенчества. Позднѣе вошло дополнительно рабочее представительство. Въ *Томскѣ* комитетъ состоялъ первоначально изъ представителей трехъ соціалистическихъ партій (с.-р., с.-д. и бунда), гласныхъ Городской думы и студенчества; позднѣе онъ пополнился представителями ряда другихъ общественныхъ организацій.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, процессъ образованія Комитетовъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Вездѣ создаются эти общественно-правомочные органы, подчиненные Временному Правительству, и на мѣстахъ обладающіе всей полнотой власти; на нихъ лежитъ отвѣтственная задача по ликвидаціи остатковъ стараго режима, по организаціи управленія, по охранѣ безопасности, и по разрѣшенію связанныхъ съ революціей и войною хозяйственныхъ нуждъ населенія (продовольствіе, транспортъ). Губернскіе исполнительные комитеты для управленія губерніей дополнялись представителями уѣздныхъ комитетовъ, а съ образованіемъ Совѣтовъ Крестьянскихъ депутатовъ; делегаціями отъ крестьянства. Въ Томскѣ и Иркутскѣ образовавшіеся въ первые дни комитеты были впослѣдствіи переизбраны всеобщимъ голосованіемъ.

Но, создавая мѣстные органы управленія, революція не могла оставить и веденіе хозяйства въ рукахъ только цензовыхъ элементовъ. Городскія думы и земства повсемѣстно, впредь до созданія на основѣ всеобщаго избирательнаго права демократическихъ органовъ самоуправленія, «демократизируются» путемъ делегированія въ нихъ представителей нецензовыхъ слоевъ населенія. Въ *Саратовѣ* въ составъ думы введены были представители нецензовой демократіи въ количествѣ 50% общаго числа гласныхъ. Въ *Харьковѣ* городская дума пополнена на 100% новыми гласными; большую часть новыхъ мѣстъ распредѣлилъ Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ. — Аналогичный процессъ происходитъ и въ земствѣ. *Костромское* у. з. с. образовано на съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ слѣдующемъ составѣ: 23 представителя отъ волостей, отъ рабочихъ 7, отъ солдатъ 3, отъ Совѣта Крестьянскихъ депутатовъ 3, отъ Земскихъ служащихъ 3 и отъ прежняго состава гласныхъ 8. Въ *Ярославское* у. з. с. обновленнаго состава включено: 18 выборныхъ отъ волостей, 5 отъ Сов. Кр. Деп., 6 отъ Сов. Раб. Деп., 5 отъ земскихъ служащихъ, 3 отъ кооперативныхъ союзовъ. Тѣ же элементы представительства мы находимъ и въ рядѣ другихъ земствъ. По даннымъ Мин. В. Д. относительно 214 у. земствъ, прежній составъ земскихъ собраній остался въ 35 уѣздахъ, въ 175 у. собраніе было пополнено свыше 100% прежняго состава.

Такъ, словно волшебствомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, повинуясь инстинкту самосохраненія и жаждѣ творчества, народъ связалъ всю страну нашу во едино сѣтью «самочинныхъ» революціонныхъ организацій. Это были тѣ «лѣса», внутри которыхъ въ теченіе

послѣдующихъ мѣсяцевъ возводилось стройное и гармонически согласованное въ своихъ элементахъ зданіе мѣстнаго самоуправленія.

Чтобы покончить съ описаніемъ системы мѣстнаго управленія переходнаго времени, слѣдуетъ упомянуть еще о такъ называемыхъ комиссарахъ Временнаго Правительства. Правительство съ первыхъ же часовъ своего существованія было поставлено передъ необходимостью имѣть своихъ представителей на мѣстахъ; выбирать было некогда, да и не изъ кого, и 2-го марта предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Г. Е. Львовъ циркулярной телеграммой уполномочилъ предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ быть комиссарами Вр. Правительства. Нечего и говорить, что и этотъ выборъ не могъ быть удачнымъ, поскольку высшее представительство революціонной власти ввѣрялось утвержденнымъ старой властью предсѣдателямъ цензовыхъ земствъ, въ общемъ далеко не либеральныхъ въ послѣдніе годы; и эта мѣра въ общемъ и цѣломъ не была принята и проведена революціонной провинціей. А въ отдѣльныхъ случаяхъ эти предсѣдатели даже раздѣляли судьбу представителей свергнутаго строя. Предсѣдатель Курской губернской управы К. А. Раппъ, а также предсѣдатель Витебской г. з. у. М. А. Карташевъ арестованы. Предсѣдатель Корчевской у. з. у. Корвинъ-Литвицкій сожженъ крестьянами вмѣстѣ съ усадьбой.—Въ дальнѣйшемъ комиссары назначались главнымъ образомъ по соглашенію центральнаго правительства и мѣстныхъ комитетовъ общ. орг. Самый вопросъ о предѣлахъ компетенціи комиссара разрѣшался на мѣстахъ по разному, въ зависимости отъ степени зрѣлости и сплоченности мѣстныхъ общественныхъ группъ. Въ однихъ случаяхъ роль комиссара сводилась лишь къ формальному утвержденію мѣропріятій, принимаемыхъ комитетами (Москва, Тверь, Сибирь), въ другихъ его дѣятельность принимала характеръ не только активнаго надзора за дѣятельностью комитетовъ, но и непосредственнаго управленія.

Итакъ, въ первый періодъ революціи, отъ момента переворота до образованія созданныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права органовъ мѣстнаго самоуправленія, мы имѣемъ слѣдующую трехчленную схему организаціи земской и городской жизни. Во-первыхъ, «демократизированныя» пополненіемъ нецензовыми элементами *земскія собранія и городскія думы* продолжаютъ руководить мѣстнымъ хозяйствомъ. Во-вторыхъ, *комитеты* общественныхъ организацій, со значительнымъ преобладаніемъ демократическихъ и трудовыхъ элементовъ, являются органами мѣстнаго управленія и руководятъ общественно-политической жизнью. И, наконецъ, *Комиссары* Вр. Правительства представительствуютъ центральную государственную власть и несутъ функціи надзора не только за законностью, но и за правильностью дѣятельности земствъ, Городскихъ управленій и комитетовъ.

IV. *Законодательство Временнаго Правительства въ области реформы мѣстнаго управленія и самоуправленія.*

Политика Вр. Правительства всѣхъ его составовъ насчитываетъ мало сторонниковъ и почитателей. На Вр. Прав. принято возлагать отвѣтственность чуть не за всѣ несчастія, постигшія нашу родину. Справа его винятъ за нерѣшительность и непослѣдовательность въ борьбѣ съ элементами разложенія и анархіи, слѣва клеймятъ за «соглашательство съ буржуазіей», явившееся будто бы единственнымъ

тормазомъ для быстраго и энергичнаго проведенія неотложныхъ соціальныхъ реформъ въ интересахъ трудящихся. Но легко критиковать, анализируя бурный процессъ русской революціи уже въ прошломъ, когда очевидны стали и предѣлы ея возможныхъ достиженій, и источникъ ея силы и слабости, и грозившія революціи въ процессѣ ея развитія опасности. Безпристрастная исторія оцѣнитъ работу Вр. Прав., и наряду съ несомнѣнными ошибками его, найдетъ, быть можетъ, въ объективной невозможности свершенія, достаточное оправданіе многому тому, что представляется современникамъ почти преступленіемъ. Но есть область, гдѣ огромная творческая работа Вр. Правит. безспорно должна быть признана въ настоящее время даже врагами его: реформа мѣстнаго самоуправленія останется одной изъ крупнѣйшихъ его историческихъ заслугъ. Несмотря на регулярно потрясавшіе всю государственную машину политическіе кризисы, иногда на цѣлыя недѣли тормозившія всякую дѣловую работу, за 8 мѣсяцевъ революціи Вр. Правительствомъ разрѣшены въ основныхъ чертахъ назрѣвшія задачи реформъ мѣстнаго управленія, которой русская общественная мысль тщетно добивалась въ теченіе десятилѣтій. Поэтому врядъ ли можетъ считаться особенно преувеличенной оцѣнка дѣятельности Совѣщанія по реформѣ мѣстнаго управленія, даваемая журналомъ «Городское Дѣло» (№ 17, 1917): «нельзя не остановиться съ чувствомъ величайшаго изумленія передъ тѣмъ памятникомъ законодательства, который создала наибольшая группа людей за 6 мѣсяцевъ, и который достоинъ былъ бы цѣлаго поколѣнія». Одинъ перечень трудовъ этого Совѣщанія занялъ бы болѣе печатной страницы. Не все равноцѣнно въ этой законодательной работѣ, есть акты, опредѣленно неудачные (какъ напр., совершенно недемократическій квартирный законъ 5-го авг.), другіе (положеніе о комиссарахъ, о милиціи, законъ объ устройствѣ городскихъ финансовъ) проникнуты недостаточнымъ довѣріемъ къ зрѣлости и чувству государственности создающихся органовъ самоуправленія. Но въ общемъ и цѣломъ, это законодательство даетъ достаточный просторъ мѣстному творчеству въ духѣ новой демократической государственности.

Совѣщаніе по реформѣ мѣстн. упр. образовано постановленіемъ Врем. Прав. 23 марта подъ предсѣдательствомъ С. М. Леонтьева и разбилось на 7 комиссій, въ соотвѣтствіи съ основными задачами предстоящей реформы: по *избирательному закону* и пересмотру *земскаго и городового* положеній подъ предсѣдательствомъ В. Д. Кузьминъ—Караваева; о *волостномъ земствѣ и поселковомъ управленіи* (предсѣдатель Н. Н. Авиновъ); по реформѣ мѣстнаго строя въ *неземскихъ* губерніяхъ (предс. Б. Б. Веселовскій); по устройству органовъ *административной юстиціи* (предс. Н. И. Лазаревскій); по выработкѣ положенія о *комиссарахъ* (С. М. Леонтьевъ); по мѣстнымъ *финансамъ* (В. Н. Твердохлѣбовъ) и по организаціи *милиціи* (С. Д. Урусовъ). Въ основу системы мѣстнаго управленія Совѣщаніе положило тотъ принципъ, что отнынѣ не должно существовать противоположенія власти государственной и ея органовъ—органамъ и власти мѣстнаго самоуправленія. Самоуправленію, до сихъ поръ вѣдавшему лишь мѣстное хозяйство, должна быть предоставлена нераздѣльно вся полнота государственной власти на мѣстахъ. Центральная государственная власть черезъ своихъ губернскихъ и уѣздныхъ агентовъ и при содѣйствіи органовъ административной юстиціи осуществляетъ контроль только за законномѣрностью дѣятельности мѣстнаго самоуправленія; путемъ субсидированія мѣстныхъ органовъ управленія

на опредѣленныя нужды и на опредѣленныхъ условіяхъ центральная власть осуществляетъ культурное содѣйствіе творческой работѣ на мѣстахъ. «Такая организація управленія на мѣстахъ», справедливо полагало Главное Управленіе по дѣламъ мѣстн. хозяйства, «заключаетъ въ себѣ гарантіи установленія въ Россіи единства управленія, участія въ немъ всего населенія и устраненія антагонизма между органами самоуправленія и органами государственной власти».

Изъ изложеннаго ясно, что Вр. Правительство въ своемъ пониманіи задачъ реформы вступило на путь той децентрализаціи государственной власти, съ передачей контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій органамъ юстиціи, которая является характерной для англійскаго самоуправленія. За образецъ взятъ наиболѣе совершенный демократическій типъ организаціи самоуправленія, выработанный въ вѣковой практикѣ наиболѣе граждански воспитаннаго и просвѣщеннаго народа. Конечно, перенесеніе въ чистомъ видѣ англійскихъ принциповъ въ полуграмотную и некультурную Россію, все историческое прошлое которой слишкомъ мало способствовало развитію общественной самодѣятельности, сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. П. Ашлей справедливо указываетъ, что «мѣстныя учрежденія въ гораздо большей степени, чѣмъ центральныя, отражаютъ на себѣ вліяніе историческихъ факторовъ, экономическихъ и соціальныхъ условій, а также національныхъ традицій и привычекъ»; и поэтому «ни одна реформа не можетъ окрѣпнуть, если она сопровождается крутымъ разрывомъ съ прошлымъ, недостаточнымъ учетомъ преемственности». Но смѣлость реформы, проведенной Вр. Пр., свидѣтельствуетъ лишній разъ о той вѣрѣ въ геній революціи, въ творческія силы демократіи, которая такъ свойственна общественнымъ дѣятелямъ перваго, восходящаго періода революціи.

Перейдемъ теперь къ краткой по необходимости характеристикѣ основныхъ законоположеній.

1. Система *избирательнаго права* (Постан. Вр. Прав. отъ 15 апр. и 21 мая 1917 года). Гласные органовъ земскаго и городского самоуправленія избираются на основѣ всеобщаго, безъ различія пола и, равнаго избирательнаго права, посредствомъ прямыхъ выборовъ и тайнаго голосованія, съ примѣненіемъ началъ пропорціональнаго представительства. Условія активнаго и пассивнаго избирательнаго права совпадаютъ, возрастнымъ цензомъ принимается 20 лѣтъ, причемъ онъ понижается для военно-служащихъ до 18 лѣтъ. Никакого ценза осѣдлости (предполагавшагося первоначально въ 3 мѣс.), какъ условія пользованія активнымъ избирательнымъ правомъ, въ окончательной редакціи закона не устанавливается. Сказаннаго достаточно, чтобы признать наше избирательное право наиболѣе демократическимъ въ Европѣ. Въ Германіи избирательная система въ органы мѣстнаго самоуправленія построена на куріальномъ принципѣ, дающемъ преобладаніе цензовымъ элементамъ; во Франціи выборы производятся на основѣ всеобщаго избирательнаго права, но оно принадлежитъ только мужчинамъ, достигшимъ 21 года, и имѣющимъ жительство въ коммунѣ въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Въ Англіи установленъ извѣстный имущественный, образовательный цензъ, а также цензъ осѣдлости (1 годъ).

Система мѣстнаго управленія и самоуправленія покоится на трехъ элементахъ: а) *органы самоуправленія* въ городахъ, губерніяхъ и волостяхъ; б) органы правительственной *администраціи*; в) органы админи-

стративной *юстиціи*. Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію составныхъ частей мѣстнаго управленія, и характера ихъ взаимоотношеній.

2. Временное *Городовое* и *Земское* Положенія (пост. Вр. Прав. 9 іюня) предусматриваетъ организацію, права и обязанности новыхъ учрежденій. Ст. 1-ая Положенія устанавливаетъ, въ соотвѣтствіи съ общими принципами реформы, что отнынѣ Земскія и Городскія управленія вѣдаютъ не только дѣла мѣстнаго хозяйства, но и *мѣстное управленіе*. Въ соотвѣтствіи съ новой задачей органовъ мѣстнаго самоуправленія и демократическимъ принципамъ революціи, видоизмѣнена организація мѣстныхъ учрежденій, расширены предѣлы ихъ компетенціи и установлены на новыхъ началахъ взаимоотношенія съ центральной властью. Никакому утвержденію администраціи ни выборныя лица, ни служащіе не подлежатъ. Существеннымъ нововведеніемъ, въ интересахъ гласныхъ изъ крестьянъ и рабочихъ, является установленіе оплаты засѣданій, а также возврата прогоновъ и суточныхъ. *Компетенція* гор. и зем. учрежденій значительно расширена. Къ нимъ переходитъ завѣдываніе милиціей, для охраны личной и общественной безопасности; на нихъ возложены обширныя права и обязанности по охранѣ труда и пр. Для осуществленія новыхъ своихъ задачъ мѣстныя самоуправленія получаютъ право издавать обязательныя постановленія, прежде цѣликомъ принадлежавшее администраціи. Утвержденію послѣдней никакія дѣйствія и постановленія органовъ самоуправленія не подлежатъ; лишь постановленія, касающіяся отчужденія недвижимыхъ имуществъ, крупныхъ займовъ и договоровъ по эксплуатаціи гор. и зем. предпріятій на большіе сроки представляются на утвержденіе Мин. Вн. Дѣлъ. Но самыя существенныя измѣненія вносятся въ организацію системы *надзора* за дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій. По старому Гор. и Зем. Положеніямъ всеобъемлющій надзоръ и опека осуществлялась губернаторомъ, губернскимъ по Гор. и Зем. дѣл. Присутствіемъ (въ большинствѣ своемъ чиновничьемъ по составу), Мин. Вн. Д. и Прав. Сенатомъ. Теперь право надзора за *цѣлесообразностью* дѣйствій земск. и гор. учрежденій со стороны какой-либо государственной власти рѣшительно устраняется; только сами граждане могутъ контролировать съ этой стороны дѣйствія своихъ мѣстныхъ учрежденій. Надзоръ за *законностью* осуществляется на новыхъ началахъ. Уничтожается совершенно губернское присутствіе. Несогласное съ закономъ дѣйствіе органовъ мѣстнаго самоуправленія можетъ быть опротестовано комиссаромъ (и любымъ гражданиномъ) въ мѣстномъ отдѣленіи административнаго суда.

3. Вопросъ о роли и функціяхъ *Комиссаровъ* Врем. Прав. (Постан. В. П. 19 сент.) горячо дебатировался въ общественныхъ и законодательныхъ кругахъ Петрограда и Москвы, ибо тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ его опредѣляется характеръ взаимоотношеній между центральной государственной властью и мѣстнымъ самоуправленіемъ. Страстная борьба, завязавшаяся вокругъ этого вопроса, задержала, между прочимъ, изданіе закона, уже готоваго 19 апрѣля, и 5 мѣсяцевъ. Въ первоначальномъ своемъ проектѣ Вр. Пр. предоставляло комиссарамъ опредѣленный кругъ правъ въ порядкѣ управленія. Такъ, ему, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, подчинялась милиція, онъ имѣлъ право издавать обязательныя постановленія и пр. Демократическіе общественные круги мирились лишь съ функціями комиссара въ порядкѣ надзора за законностью дѣятельности мѣстныхъ учрежденій. Наиболѣе послѣдовательные, ссылаясь на примѣры Англіи, Бельгіи, гдѣ самоуправленіе поглотило *всѣ* функціи управленія, вообще, отрицали допустимость

агентуры центральной власти на мѣстахъ; надзоръ за законностью, настаивали они, долженъ осуществляться только прокуроромъ административнаго суда. Первый всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ принялъ резолюцію, по которой «органамъ мѣстнаго самоуправленія на мѣстахъ не должны противостоять никакіе другіе представители государственной власти». Несомнѣнно, *въ теоріи* правы были общественные круги, отстаивая наиболѣе совершенную, въ смыслѣ демократизма, организацію самоуправленія; психологически къ тому же на Вр. Пр. переносилось не изжитое еще недовѣріе къ старой власти; а Вр. Пр., несомнѣнно, допустило рядъ безтактностей по отношенію къ мѣстнымъ общественнымъ организаціямъ, стремясь изъ петроградскихъ канцелярій регламентировать мѣстную жизнь. На этой почвѣ возникали ненужные конфликты (съ Самарск., Полтавск., Рязанск., Томск. и др. Ком.).

Но подходя къ вопросу о взаимоотношеніяхъ центральной и мѣстной государственной власти *практически*, въ обстановкѣ нашей только что начинающей жить гражданской жизнью страны, должно признать необходимость извѣстной осторожности въ проведеніи принциповъ, хотя бы и совершенныхъ, но выросшихъ при совершенно другихъ соціально политическихъ, культурныхъ и національныхъ условіяхъ. И отчасти недовѣріе Вр. Пр. къ зрѣлости и государственному смыслу мѣстной общественности не лишено было основанія: извѣстенъ рядъ фактовъ, гдѣ, напр., мѣстныя организаціи позволяли себѣ издавать сепаратные законы (даже вводить смертную казнь!); самовольно нарушали общій планъ продовольственной жизни и тѣмъ подрывали снабженіе всей Россіи; распубликовывали законы Вр. Пр. съ произвольными искаженіями ихъ и т. п.

Эта борьба, возникшая на почвѣ взаимнаго недовѣрія и отчужденія, окончилась въ общемъ тѣмъ, что Вр. Пр. вынуждено было уступить (на съѣздѣ Комисс. и Исп. Комит. 5-го августа); комиссары лишены правъ издавать обязательныя постановленія и активнаго руководства милиціей, за ними оставлена лишь функція надзора за законностью дѣйствій мѣстныхъ учрежденій; въ случаѣ нарушенія послѣдними закона, комиссаръ приноситъ протестъ въ административный судъ.

4. Впервые въ Россіи создается система *административно-судебныхъ органовъ* (Пост. Вр. Пр. 30 мая). Цѣль ихъ — оградить общество отъ неправомѣрныхъ дѣйствій государственной власти, могущихъ нарушить субъективно-публичныя права частныхъ лицъ. Въ Англіи защита публичныхъ правъ гражданъ, возстановленіе нарушеннаго органами мѣстн. упр. закона есть дѣло *общихъ* судовъ. Большинство русскихъ государствовѣдовъ (Коркуновъ, Корфъ и др.), по ряду основаній, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, признаетъ необходимымъ охрану публичнаго права выдѣлить въ вѣдѣніе самостоятельнаго административнаго суда, которому не подсудны ни дѣла уголовныя, гдѣ есть элементъ преступленій личныхъ — кража, убійство и т. п., ни дѣла гражданскія, когда отдѣльныя лица и учрежденія ищутъ защиты своихъ частныхъ интересовъ, въ большинствѣ случаевъ имущественныхъ. Административные суды разсматриваютъ дѣйствія органовъ мѣстнаго управленія какъ по протестамъ правит. комиссаровъ, такъ и по жалобамъ частныхъ лицъ. Дѣйствія мѣстныхъ учрежденій могутъ оспариваться или съ точки зрѣнія ихъ законности, или въ виду упущеній и бездѣйствія власти; наконецъ, можно жаловаться на медленность дѣйствій ея. Нашъ законъ предусматриваетъ всѣ гарантіи правильнаго отправленія правосудія — гласность, публичность, устность и состязательность процесса.

Административные суды имѣютъ три инстанціи. Въ уѣздныхъ городахъ имѣется единоличный административный судья. Въ губернскихъ — административное отдѣленіе окружнаго суда и, наконецъ, высшей инстанціей является 1-ый Департаментъ Прав. Сената. Судьи пользуются правомъ несмѣняемости.—Значеніе этой реформы огромно. Только благодаря ей, въ силу судебныхъ гарантій, произволъ и насиліе уступаютъ, наконецъ, мѣсто праву и дѣйствительной свободѣ.

«Хорошо поставленный административный судъ»,—говоритъ Ф. Ф. Кокошкинъ, — «служитъ лучшей гарантіей законности управленія и неприкосновенности публичныхъ правъ».

Отъ основныхъ отдѣловъ реформы, предопредѣляющихъ характеръ всего земскаго и городского строительства, перейдемъ къ краткому обзору частныхъ, хотя и чрезвычайно важныхъ реформъ, осуществленныхъ за годъ революціи въ области мѣстнаго самоуправленія.

5. Что касается Положенія *о поселковомъ управленіи*, то постановленіемъ Вр. Прав. отъ 15 іюля завершены, наконецъ, десятилѣтнія скитанія неотложной реформы по лабиринту межвѣдомственныхъ канцелярій. Первый проектъ о немъ внесенъ во 2-ую Госуд. Думу еще въ 1907 г. П. А. Столыпинымъ. Затѣмъ онъ былъ надолго забытъ. Послѣ вѣдомственной «переработки», Мин. Вн. Д. Н. А. Маклаковымъ, которому проектъ Столыпина представлялся почти крамольнымъ, — «практически неосуществимымъ по широтѣ его замысла», — законопроектъ вновь былъ внесенъ уже въ 4-ую Гос. Думу. Въ этой добросовѣстно «исправленной» редакціи проектъ окончательно порываетъ связь поселковаго управленія съ уѣзднымъ земствомъ; подчиняя пос. упр. всесторонней опекѣ земскаго начальника, проектъ въ сущности создаетъ не органъ самоуправленія, а расширяетъ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ.

Необходимость образованія особой публично-правовой организаціи — «поселка» вытекала изъ того, что до сихъ поръ большинство существующихъ поселковъ (дачныхъ, фабричныхъ, горнозаводскихъ, желѣзнодорожныхъ), не обладали правомъ обложенія налогами имуществъ, и потому лишены всякихъ средствъ для осуществленія самаго элементарнаго благоустройства. Въ результатѣ поселки, по количеству жителей и темпу хозяйственной жизни часто превышавшіе уѣздные города, — тонули въ грязи и были лишены всѣхъ благъ культуры. — Законъ 15 іюля вводитъ самоуправленіе въ болѣе крупныхъ поселкахъ, утратившихъ земледѣльческій характеръ; инициатива введенія принадлежитъ уѣздному земск. собр. Конструкція поселковаго собранія и его исполнительныхъ органовъ, предѣлы ихъ компетенціи, а также система избирательнаго права та же, что и во всѣхъ остальныхъ органахъ мѣстнаго самоуправленія.

6. Еще болѣе долгую исторію имѣетъ общественная борьба за введеніе *волостного земства*, нынѣ получившая, наконецъ, свое разрѣшеніе (Пост. Вр. Пр. 21 мая). Сословно-полицейская организація прежней волости являлась для господствующихъ при старомъ порядкѣ классовъ лучшимъ орудіемъ закрѣпощенія крестьянъ въ полномъ безправіи. Въ то же время она оставляла для помѣщиковъ всѣ выгоды безплатнаго пользованія волостнымъ аппаратомъ, содержавшимся исключительно на счетъ обложенія крестьянскихъ земель; это было тѣмъ менѣе справедливо, что общее положеніе доходности крестьянскихъ надѣльныхъ земель (13,9%) вдвое выше обложенія земель частновладѣльческихъ (6,8%).

Съ шестидесятыхъ годовъ, зари земскаго строительства, поднимался земствами вопросъ объ учрежденіи волостного земства; съ теченіемъ времени неотложность его введенія становилась все болѣе очевидной. Растущее и все усложняющееся земское дѣло, чтобы не превратиться въ бюрократическую канцелярщину, должно пустить корни въ самые низы народные, опереться на болѣе мелкія организаціонныя ячейки. Разрѣшеніе цѣлаго ряда насущныхъ потребностей, — по агрономіи, санитаріи, народному образованію возможно лишь при условіи активнаго участія самого населенія, его организаціи на началахъ самоуправленія. Наконецъ, разстройство народно-хозяйственной жизни въ связи съ вспыхнувшей войной сдѣлало введеніе мелкой земской единицы уже совершенно неотложнымъ.

Въ 1908 г. П. А. Столыпинъ внесъ въ 3-ью Гос. Думу законопроектъ о волостномъ управленіи. Въ этомъ проектѣ не имѣлось, въ сущности, ввиду создать новую единицу *самоуправленія*, волости сохраняли свой административный характеръ, и лишь къ участію въ ней привлекались *всѣ* сословія, а компетенція въ хозяйственныхъ дѣлахъ нѣсколько расширялась. — Два съ половиною года проблуждалъ этотъ проектъ въ дебряхъ думскихъ комиссій, пока принятый съ нѣкоторыми поправками Гос. Думой, онъ не былъ переданъ въ маѣ 1911 г. въ Государственный Совѣтъ. Законопроектъ былъ признанъ Государственнымъ Совѣтомъ подрывающимъ основы государственнаго устройства, и 20 мая 1914 года отклоненъ безъ перехода къ посатейному чтенію. Въ августѣ 1915 г. онъ былъ вновь внесенъ уже въ 4-ую Гос. Думу фракціями прогрессивнаго блока. Въ декабрѣ 1916 г. Дума приняла законопроектъ о вол. земствѣ, на основѣ тѣхъ же принциповъ, какъ уже выше разсматривавшійся общій проэктъ реформы Земскаго Положенія, т.-е., въ формѣ, которая дѣлала совершенно безнадежнымъ прохожденіе его въ Государственномъ Совѣтѣ.

Только революціи суждено было осуществить на самыхъ широкихъ демократическихъ основаніяхъ застрявшую на мертвой точкѣ реформу. Согласно положенія 21 мая, волостное земство является основной ячейкой не только самоуправленія, но и управленія, въ вѣдѣніи которой находятся какъ дѣла мѣстнаго хозяйства, такъ и функціи административныя. Выборы волостныхъ земскихъ гласныхъ производятся по мажоритарной системѣ, для чего волость разбивается на округи; въ извѣстныхъ случаяхъ допускается и пропорціональная система выборовъ. Волостное земство въ дѣлахъ, связанныхъ съ его территоріей, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно. Губернское и уѣздное земство имѣетъ право надзора и ревизіи органовъ волостного земства. Комиссарамъ Правительства принадлежитъ право надзора лишь за законностью постановленій и дѣйствій волостного земства. Главнымъ источникомъ волостныхъ финансовъ является дополнительная надбавка къ уѣзднымъ земскимъ сборамъ (не свыше 30%). Точное разграниченіе функціи губернскаго, уѣзднаго и волостного земства предоставлено ихъ соглашенію.

7. Что касается распространенія дѣйствія земскаго положенія на окраины и на земскія губерніи, то до октябрьскаго переворота Врем. Прав. утверждены проекты земской реформы въ Архангельской губ., въ Сибири, въ степныхъ областяхъ, въ Туркестанѣ, въ инородческой территоріи Ставропольской губ., въ Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Ордѣ Астрахан. губ., и въ незанятыхъ непріятелемъ частяхъ Виленской и Ковенской губ. Заканчивалась

разработка проэктовъ земства на Кавказѣ Черноморск. губ., Кубанской, Терской и Донской областяхъ.

8. Согласно положенію *о милиціи* (Пост. Вр. Пр. 17-го апр.) послѣдняя являясь исполнит. органомъ госуд. власти на мѣстахъ, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи органовъ мѣстнаго самоуправленія (ст. 1-ая). Начальникъ милиціи избирается городскими и уѣздными управами и не подчиненъ правительственному комиссару. Руководство технической стороной дѣятельности милиціи принадлежитъ правительственному инспектору милиціи. Должно признать, что съ провозглашеннымъ въ ст. 1 принципомъ непосредственнаго подчиненія милиціи земскимъ и городскимъ общественнымъ управленіямъ, находится въ странномъ и быть можетъ не совсѣмъ случайномъ противорѣчіи рядъ правъ, предоставленныхъ въ отношеніи распоряженія милиціей комиссарамъ. Такъ, ст. 38 обязываетъ начальника милиціи «исполнять всѣ законныя требованія и порученія уѣзднаго комиссара», ст. 59 даетъ право уѣздному комиссару требовать отъ начальника милиціи содѣйствія и возлагать на него порученія, наконецъ ст. 37 предоставляетъ губернской власти преподаніе соотвѣтствующихъ *распоряженій* по милиціи. Эти права комиссаровъ, совершенно не укладывающіяся въ рамки *надзора* за законностью дѣятельности мѣстныхъ учрежденій, дѣлаютъ формулу «непосредственнаго вѣдѣнія» милиціей органами мѣстнаго самоуправленія въ значительной мѣрѣ лишенной реальнаго содержанія. Временное Правительство на съѣздѣ исполнительныхъ комитетовъ общественныхъ организацій 5 августа обѣщалось переработать, согласно указаніямъ демократическихъ организацій, изданное имъ положеніе о милиціи.

9. Не пытаясь въ нѣсколькихъ строчкахъ изложить сущность положенія объ *устройствѣ городскихъ финансовъ* (пост. Вр. Пр. 29 сент.), укажемъ здѣсь на два основныхъ недостатка: на запоздалость реформы и робость и нерѣшительность въ обложеніи имущихъ классовъ. Послѣднее выразилось и въ ограниченіи объектовъ прямого обложенія (изъ закона, напр., исключенъ имѣвшійся въ первоначальномъ проектѣ налогъ на незаслуженный приростъ цѣнности), и въ ограниченіи предѣловъ обложенія (напр., оцѣночный сборъ съ недвижимостей повышенъ всего съ 1% до 2% стоимости, тогда какъ во многихъ городахъ Пруссіи, въ до-военное время (1904 г.) и при цензовой организаціи общественнаго управленія, этотъ сборъ достигалъ 3%. Въ итогѣ, финансовые результаты реформы для *всѣхъ* русскихъ городовъ опредѣляются, по вычисленіямъ пр. А. А. Соколова, всего въ 90—100 милліоновъ, когда дефицитъ одной лишь Москвы въ истекшемъ году долженъ былъ достигнуть 86 милліоновъ! Въ довершеніе всего, изданіе закона, несмотря на самыя энергичныя мольбы и настоянія городовъ и земствъ, откладывалось съ мѣсяца на мѣсяцъ. Положеніе объ устройствѣ городскихъ финансовъ утверждено 29 сентября и получено на мѣстахъ лишь за нѣсколько дней до октябрьскаго переворота и, слѣдовательно, не могло быть использовано городами,—а положеніе о Земскихъ финансахъ такъ и не увидѣло свѣта.

Краткій обзоръ проведенныхъ революціоннымъ правительствомъ реформъ мѣстнаго самоуправленія и управленія позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Несмотря на отдѣльные недостатки и нѣкоторую несогласованность, наше новое самоуправленіе построено на самой широкой демократической основѣ. Къ мѣстному управленію привлечены всѣ граждане; мѣстной самодѣятельности границы постав-

лены лишь въ видѣ закона; закономѣрность дѣйствій мѣстныхъ учрежденій, а также права гражданъ обезпечиваются судебной властью. Народу—всѣ права и вся власть. Если земство по положенію 1890 г. мы характеризовали какъ полу-феодальную организацію въ интересахъ привилегированнаго дворянскаго сословія, если въ послѣдующихъ попыткахъ реформы 4-ой Госуд. Думы мы видѣли воплощеніе торжества буржуазнаго принципа, власти и правъ ценза, то въ демократической реформѣ 1917 г. мы имѣемъ широко заложенный фундаментъ *народовластія*. И въ немъ таятся необозримыя перспективы и возможности гражданскаго развитія, культурнаго и хозяйственнаго подъема трудовыхъ массъ. Путь къ конечному освобожденію трудящихся, къ соціализму, лежитъ только черезъ народовластіе. Насколько способенъ это понять нашъ въ общемъ такой темный народъ, и насколько онъ будетъ въ состояніи отстоять свое драгоцѣнное народное право отъ реакціи, подъ видомъ ли большевизма или монархіи,—покажетъ ближайшее будущее.

V. *Городскіе и земскіе выборы.*

Посмотримъ теперь, какъ населеніе городовъ и деревень использовало представившуюся ему широкую возможность взять въ свои руки устройство мѣстной жизни. Первыми, естественно, начались и закончились выборы въ городахъ, гдѣ и болѣе высокій культурный уровень населенія, относительное богатство интеллигентными силами, и территоріальная ограниченность избирательнаго округа дѣлали проведеніе избирательной кампаніи технически болѣе легкой задачей. Первый въ Россіи обновленный муниципалитетъ получила 25-го іюня Москва; въ большинствѣ городовъ, даже на окраинахъ, выборы закончились къ концу сентября. Впервые въ Россіи широкія народныя массы, осуществляя всеобщее избирательное право, были призваны выразить свою волю въ вопросахъ государственнаго строительства; выборы, муниципальные по формѣ и задачамъ, протекая въ разгаръ революціи и въ условіяхъ острой политической борьбы, не могли не стать чисто политическими. Правда, каждая изъ состязавшихся партій выставляла свою муниципальную программу; но результаты борьбы опредѣлялись симпатіями избирателей къ основнымъ ихъ соціально-политическимъ лозунгамъ: о землѣ, о войнѣ и мирѣ, о взаимоотношеніяхъ классовъ къ революціи и пр. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что при полномъ почти тождествѣ муниципальныхъ программъ всѣхъ соціалистическихъ партій, количество голосовъ, полученныхъ отдѣльными изъ нихъ, чрезвычайно колеблется, въ зависимости отъ популярности чисто политическихъ лозунговъ каждой изъ нихъ. Врядъ ли можно говорить о достаточной сознательности даже городскихъ избирателей въ оцѣнкѣ тонкостей партійныхъ программъ; но массовый избиратель отнесся въ общемъ съ большимъ интересомъ къ первымъ демократическимъ выборамъ; въ среднемъ, по даннымъ Мин. Вн. Д. относительно 267 гор.,—участвовало въ выборахъ 52% избирателей,—эксцессовъ, которыхъ можно было опасаться въ некультурной средѣ, почти не было; избиратели обнаружили къ соціалистическимъ партіямъ почти безграничное довѣріе, столь характерное для первой половины революціи. Вотъ нѣсколько цифръ для иллюстраціи политической оріентировки русскихъ городовъ въ іюлѣ—августѣ мѣсяцахъ. По тѣмъ же даннымъ относительно

267 гор. (болѣе полныхъ свѣдѣній не имѣется) итоги выборовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

	Всего избр. гласныхъ.	с--р.	блок. соц.	с.-д. м.	с.-д. б.	к.-д.	нац. гр.	внѣпарт.
Губ. г.	1626	299(18,3%)	626 (38,5%)	105(6,4%)	112(6,8%)	232(14,3%)	61 (3,7%)	191 (12,%)
Уѣзд. г.	5679	426 (7,5%)	1360(23,9%)	338 (6%)	70(1,2%)	307 (5,5%)	327(5,7%)	2851(50,2%)

Изъ приведенныхъ цифръ мы видимъ, что соціалистическія партіи собрали до 70% гласныхъ въ губернскихъ и 38,6% въ уѣздныхъ городахъ. Слѣдуетъ отмѣтить большую группу безпартійныхъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ имъ принадлежитъ 50,2% гласныхъ. Столь значительное число безпартійныхъ объясняется меньшей политической дифференцировкой глухой провинціи; въ эту же группу включены кандидаты Совѣтовъ Раб., Сол. и Кр. Деп., кандидаты крупныхъ профессіональныхъ союзовъ (т. е. въ общемъ, тоже соціалистическіе списки); сюда же вошли различные «союзы домовладѣльцевъ» и даже такія курьезныя комбинаціи, какъ «союзъ извозопромышленниковъ» или списки «Торговаго дома N и К°». Чтобы нѣсколько рельефнѣе обрисовать успѣхъ, выпавшій въ частности на долю партіи с-р., используемъ еще данныя Н. Святицкаго относительно 84 гор. (въ томъ числѣ столицы и почти всѣ крупные города), въ которыхъ наша партія выступала съ самостоятельными списками. Отсылая читателя къ подробнымъ таблицамъ Н. Святицкаго въ № 3 «Парт. Извѣстій» за 1917 г., здѣсь приведемъ лишь итоги:

Изъ 4894 гласныхъ въ этихъ городахъ с-р. получили 2176 мѣстъ (44%), с.-д. меньшевики 416 (8%), с.-д. большевики 558 (12%, объединенные с.-д. 413 (8%). Въ 33 изъ этихъ 84 городовъ с.-р. имѣютъ большинство гласныхъ въ думахъ. Большевикамъ принадлежитъ большинство лишь въ немногихъ городахъ—Царицынѣ, Архангельскѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Винницѣ, Егорьевскѣ. С.-д. меньшевики располагаютъ большинствомъ въ рядѣ городовъ Закавказья, а также въ Костромѣ и Красноярскѣ.

Характерной для городскихъ выборовъ является блестящая побѣда партіи с.-р. Прозябавшая еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ видѣ ничтожныхъ группъ въ подпольѣ, она теперь, на аренѣ открытой общественной жизни, привлекла къ себѣ симпатіи народныхъ массъ. Причемъ даже промышленный пролетаріатъ, рабочіе районы, гдѣ, казалось бы, всѣ шансы должны быть на сторонѣ с.-д., чисто пролетарской партіи,—отдавали свои голоса партіи с.-р. Причина этому коренилась, конечно, въ томъ, что партія с.-р. всегда была соціалистической партіей земельной реформы по преимуществу, реформы, которая именно и явилась основной движущей силой настоящей революціи; городское же населеніе и въ частности рабочіе русскихъ городовъ никогда не порывали окончательно своихъ связей съ деревней.

— Если относительно городскихъ выборовъ мы располагаемъ данными, хотя и недостаточно полными, но все-же вполнѣ характери-

зующими политическіе результаты избирательной кампаніи, то относительно земскихъ выборовъ мы находимся въ худшихъ условіяхъ. Они начались позже—съ августа и растянулись на нѣсколько мѣсяцевъ. Управленіе по дѣламъ мѣстн. хозяйства, гдѣ систематизировались данныя избирательной комиссіи, было разрушено большевистскимъ переворотомъ раньше, чѣмъ дѣло выборовъ было закончено. Поэтому въ характеристикѣ земскихъ выборовъ приходится основываться на разрозненномъ матеріалѣ, взятомъ изъ общей прессы и муниципальныхъ журналовъ.

Выборы въ волостное земство, начавшіеся въ серединѣ августа, можно считать не повсюду заключившимися еще и къ началу октября. Уѣздные выборы, начавшіеся въ концѣ августа (въ Моск. губ.), въ главной своей массѣ были закончены уже послѣ большевистскаго мятежа, къ началу декабря. Что касается до губернскихъ земствъ, то они, повидимому, всѣ уже начали создаваться только въ ноябрѣ. Ко времени Московскаго земско-городского совѣщанія (11—14 янв.) въ рядѣ губерній (Самарск., Воронежск. Сарат., Арханг. и др.): еще не было демократическихъ губернскихъ земствъ, и быть можетъ, въ связи съ реакціей подъ флагомъ большевизма, многимъ изъ нихъ уже и не суждено будетъ осуществиться.

Волостные выборы открылись уже подъ знакомъ съ одной стороны утомленія населенія отъ безчисленныхъ выборовъ въ различные комитеты—волостные, продовольственные, земельные,—въ Совѣты и пр., съ другой, вообще нѣкотораго разочарованія въ общественно-политической дѣятельности, не приносящей народнымъ низамъ ожидаемаго ими непосредственнаго облегченія отъ давившей всѣхъ хозяйственной разрухи. Абсентизмъ значительно усилился. Если даже городскіе выборы (напр. въ районныя думы въ Москвѣ въ августѣ) привлекали мѣстами всего 30% избирателей, то процентъ избирателей въ волостное земство падало иногда до самой ничтожной величины (5—7%). Впрочемъ, картина волостныхъ выборовъ была крайне пестрая, въ значительной мѣрѣ степень интереса къ нимъ зависѣла отъ наличности въ данномъ мѣстѣ культурныхъ элементовъ, которые разъясняли бы смыслъ и значеніе волостного земства. Вотъ примѣры: въ Петроградскомъ у. на волостныхъ выборахъ голосовало 39,5%, въ Бронницкомъ 51,2%, въ Рязанскомъ у. 50%, Елатомскомъ 44,7%, Харьковскомъ 20%, Зміевскомъ 10%. Надо, впрочемъ, при учетѣ этихъ цифръ еще принять во вниманіе, что деревня по случаю войны обезлюдѣла во много разъ больше, чѣмъ городъ. Въ ней остались лишь старики да женщины, элементъ почти сплошь безграмотный и наиболѣе консервативный. Но нерѣдко дѣло не ограничивалось извѣстной степенью абсентеизма, а населеніе цѣликомъ отказывалось отъ выборовъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже активно имъ противодѣйствовало. Чужеземный цвѣтокъ, наиболѣе совершенная демократическая реформа, должна была привиться на суровой почвѣ безпросвѣтной народной темноты и унаслѣдованной отъ стараго строя косности. Надо ли удивляться тѣмъ вмѣстѣ и прискорбнымъ, и подчасъ смѣшнымъ эпизодамъ, которыми такъ богата хроника волостныхъ выборовъ въ глухой провинціи. Изъ Нижегородской, Казанской, Волынской и др. губ. сообщаютъ, что населеніе недовѣрчиво относится къ вол. земству, какъ къ ненужной затѣѣ, связанной съ лишними налогами на крестьянъ. На выборахъ одни вносятъ въ записки всѣхъ членовъ семьи, такъ какъ думаютъ, что по этимъ спискамъ произойдетъ надѣленіе землей; другіе, наоборотъ, воздерживаются отъ

подачи записокъ, боясь, что за это будутъ «сгонять съ дворовъ». То крестьяне толпой являются въ помѣщеніе избирательной комиссіи, жгутъ баллотировочные ящики и уничтожаютъ списки: «довольно паны дурили намъ голову, а теперь они «тайными» выборами хотятъ опять закабалить подъ свое ярмо». Иногда это недовѣріе къ «тайнымъ» выборамъ имѣло и болѣе реальное основаніе. Патріаршенская (Задон. у.) волость рѣшительно отказалась выбирать тайнымъ голосованіемъ записками, послѣ того, какъ выяснилось плутовство писаря, вносившаго за неграмотныхъ имена ему угодныхъ кандидатовъ. Изъ Казанскаго уѣзда пишутъ: «Съ одной стороны постоянные выборы, многочисленные комитеты и комиссіи, отсутствіе видимой связи между послѣдними, значительные штаты должностныхъ лицъ и увеличеніе матеріальныхъ затратъ на ихъ содержаніе; съ другой—безпрерывныя переписи и учетъ населенія, земли, инвентаря,—все это вызываетъ въ психологіи крестьянства двоякое чувство—абсентеизмъ и страхъ». И на этой почвѣ мы встрѣчаемъ въ рядѣ уѣздовъ (Житомірскій, Острожскій, Ровенскій, Казанскій и др.) категорическій отказъ населенія выбирать въ волостное земство: «довольно съ насъ уѣзднаго и губернскаго». Въ Ставропольскомъ уѣздѣ выборы состоялись только въ половинѣ волостей. Велика тьма народная, и безболѣзненныхъ переходовъ отъ рабства къ полной свободѣ исторія не знаетъ. Читатель можетъ быть припомнитъ ужасную исторію крестьянскаго погрома земскихъ учрежденій въ одномъ изъ уѣздовъ той же Ставропольской губ. въ 1914 году, закончившуюся потомъ четырьмя смертными приговорами и 257 годами каторги для другихъ 15 обвиняемыхъ крестьянъ. Основою этого кошмарнаго дѣла была непросвѣтная темнота крестьянства. Земство въ Ставроп.г только вводилось, но народъ воспринималъ его какъ какой-то подвохъ, чинимый барами безъ вѣдома и согласія царя. И народъ защищался, какъ могъ; только тѣ старшины считались «непродажны», которые всячески тормозили земское дѣло. Особенной популярностью пользовался нѣкій старшина «Костянтинъ Иванычъ—нашъ радѣтель, нашъ благодѣтель и защитникъ», который «стоялъ за народъ»: на дѣловыя бумаги земства отвѣтовъ не давалъ, уплаты земскихъ сборовъ не призналъ, уговорилъ крестьянъ отказаться отъ школъ и аптекъ земскихъ и пр.—Вѣдь это было всего лишь три года назадъ. Мудрено ли, что бѣдный ставропольскій мужикъ встрѣтилъ демократическое волостное земство, какъ новое «божецкое наказаніе»; и въ с. Татаркѣ Ставроп. у. волостной сходъ постановилъ: 1) отказаться отъ выборовъ въ волостное земство; 2) прекратить существованіе всѣхъ комитетовъ: общественной безопасности, земельнаго, продовольственнаго, и 3) просить о назначеніи имъ земскаго начальника... Но наряду съ этими безотрадными фактами можно привести цѣлый рядъ примѣровъ вполнѣ сознательнаго и вдумчиваго отношенія къ волостному дѣлу.

Само собою разумѣется, что типичная партійная борьба въ волостной избирательной кампаніи могла имѣть мѣсто лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ болѣе культурныхъ губерніяхъ. Чаще же списки проходили безпартійные или отъ сов. кр. деп.

О результатахъ выборовъ въ уѣздное земство мы не располагаемъ сколько-нибудь полными данными. Въ большинствѣ уѣздовъ Европейской Россіи выборы произошли въ сентябрѣ—октябрѣ мѣсяцахъ, и свѣдѣнія о нихъ, систематизировавшіяся раньше въ Упр. по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, находятся теперь у большевиковъ.

Открылъ серію земскихъ выборовъ первымъ также Московскій уѣздъ, гдѣ выборы происходили 29 авг.—8 сентября, а первое земское собраніе=21—25 сентября. Изъ 57 уѣздныхъ гласныхъ с.-р. было 30, меньшевиковъ 8, большевиковъ 14 и к.-д. 5. Управа избрана цѣликомъ изъ фракціи большинства. — Степень участія населенія въ избирательной кампаніи на уѣздныхъ выборахъ въ общемъ, повидимому, еще пала, въ сравненіи съ волостными. По Волоколамскому уѣзду голосовало всего 27%, тогда какъ на волостныхъ выборахъ процентъ голосовавшихъ достигалъ 40%; избрано 18 с.-р., 3 с.-д. меньш., 2 больш. и 6 кооператоровъ.

Изъ разрозненныхъ случайныхъ газетныхъ свѣдѣній, а также по докладамъ на земско-городскомъ совѣщаніи въ Москвѣ, можно сдѣлать заключеніе, что и въ уѣздныхъ земствахъ наибольшее число голосовъ получила партія с.-р. Но чѣмъ позже происходили выборы, тѣмъ больше абсентеизмъ проявляло населеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ относительный % гласныхъ большевиковъ ростетъ, особенно за счетъ выборныхъ отъ городского населенія (напр., Рыбинскъ). Въ Царскосельскомъ уѣздѣ голосовало всего 20% избирателей; наибольшую активность проявляли рабочіе и солдаты, благодаря чему прошелъ значительный процентъ большевиковъ.

VI. *Условія дѣятельности демократическихъ органовъ самоуправленія. Октябрьскій переворотъ и большевистская контръ-революція.*

Выборы въ городскія думы произошли въ большинствѣ случаевъ въ іюлѣ—началѣ августа. Но первыя засѣданія думъ, а тѣмъ болѣе конструированіе управъ затянулось, и не могли состояться раньше 3—4 недѣль. Такимъ образомъ, до большевистскаго захвата власти новымъ думамъ удалось проработать въ среднемъ не болѣе $1^1/_2$—2-хъ мѣсяцевъ. Уѣздныя же земства, а тѣмъ болѣе управы, только въ единичныхъ исключительныхъ случаяхъ успѣли образоваться къ тому времени, когда октябрьскій переворотъ уничтожилъ въ Россіи тѣ основы и государственнаго единства и гражданскаго демократическаго правопорядка, безъ и внѣ которыхъ развитіе органовъ мѣстнаго самоуправленія немыслимо.

На сцену легальной общественной дѣятельности выступили досихъ поръ искусственно державшіеся отъ нея вдалекѣ слои демократіи,—интеллигенціи, крестьянъ и рабочихъ, примыкавшихъ къ соціалистическимъ партіямъ. Они принесли съ собою энтузіазмъ общественнаго служенія и творчества, у нихъ отсутствовала та неизбѣжная связанность интересами имущаго меньшинства, которая ограничивала общественный размахъ у лучшихъ представителей прежняго цензоваго самоуправленія. Задачи же передъ органами самоуправленія въ связи съ войной, общей народно-хозяйственной разрухой и радикальнымъ переустройствомъ всего мѣстнаго быта на началахъ, провозглашенныхъ революціей, стояли огромныя. Демократія, хоть и небогатая опытомъ и практическимъ знаніемъ дѣла, несомнѣнно въ значительной мѣрѣ справилась бы съ ними; она нашла бы въ своихъ рядахъ достаточно организующихъ силъ, чтобы приступить и къ тѣмъ широкимъ соціальнымъ и культурнымъ мѣропріятіямъ, которыя содержатся въ соціалистическихъ муниципальныхъ программахъ. Но непреодолимымъ препятствіемъ, о которое разбились всѣ эти возможности, явилось необычайно тяжелое состояніе мѣстныхъ финансовъ.

Въ земствахъ положеніе стало угрожающимъ въ 1916 г., города уже съ 1915 г. сводили концы съ концами только благодаря краткосрочнымъ займамъ. Въ 1917 г. положеніе и тѣхъ и другихъ уже было буквально катастрофическимъ. Паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ и въ связи главнымъ образомъ съ этимъ дороговизна продуктовъ промышленности, рѣзкій подъемъ заработной платы служащихъ и рабочихъ, спеціальные расходы, связанные съ войной и революціей,—все это создавало такія условія, при которыхъ спасти отъ развала земское и городское хозяйство могла лишь самая рѣшительная финансовая политика. Должно отмѣтить еще одну характерную для времени революціи черту: невѣроятно плохое поступленіе налоговъ. Сама по себѣ ничтожная сумма земскихъ сборовъ (ок. 200 мил. по 40 земск. губ. съ населеніемъ въ 100 мил. душъ въ 1914 г.)—не уплачивалась населеніемъ. Нѣтъ почти губерніи, откуда не шли бы жалобы на то, что земскіе оклады и недоимки поступаютъ въ крайне ничтожномъ размѣрѣ. Въ Волчанскомъ уѣздѣ, напр., по сентябрь мѣсяцъ всего поступило 25% сборовъ. Въ Гдовскомъ уѣздѣ за 1917 г. должно было поступить земскихъ сборовъ 428.000, да приблизительно столько же недоимокъ за прошлые годы; внесено же по сентябрь въ земскую кассу всего около 20 тыс. руб. Въ Харьковскомъ уѣздѣ изъ ассигнованныхъ по смѣтѣ 1917 года 2.407.000 руб. за 8 мѣсяцевъ поступило всего 356.000. Земскіе сборы въ Елецкомъ уѣздѣ за 1917 годъ составляютъ всего 10%. — Таковы результаты этой своеобразной «податной забастовки» населенія. У него не достало сознательности, чтобы, послѣ устраненія полицейскаго принудительнаго аппарата по взысканію податей, платить государству налоги во имя гражданскаго долга. Крупные землевладѣльцы не платятъ, такъ какъ не ведутъ больше хозяйства или ожидаютъ отобранія земли въ ближайшемъ будущемъ. За іюль по Волынской г. съ дворянства поступило вмѣсто 170.000 всего 2.000 р. Крестьяне не платятъ по разнымъ мотивамъ, а то и просто безъ мотивовъ. «Раньше староста ходилъ съ палкой подъ окно, такъ платили, а новое самоуправленіе палки не употребляетъ, такъ и сидитъ безъ денегъ»,—пишутъ изъ Гдовскаго уѣзда.—Въ городахъ поступленіе налоговъ было нѣсколько лучше, но зато относительно большую часть бюджета пришлось расходовать на повышенную оплату сырья и труда въ городскихъ предпріятіяхъ. Дефицитъ Москвы за 1917 годъ ожидался въ 86 мил., Петрограда—70 мил.

Но кромѣ общей экономической разрухи и «податной забастовки», причины кризиса мѣстныхъ финансовъ лежатъ и въ крайней ограниченности правъ городского и земскаго самоуправленія въ области самообложенія. Реформа мѣстныхъ финансовъ — слабое мѣсто въ дѣятельности Вр. Правительства. На финансово-налоговой политикѣ Вр. Пр., быть-можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, сказались внутреннія противорѣчія, раздиравшія «коалицію». Ея буржуазные элементы тормазили реформу и въ частности упорно сопротивлялись всякой попыткѣ энергичнаго прямого обложенія имущихъ классовъ, въ видѣ ли обложенія незаслуженнаго прироста цѣнности недвижимостей, или значительнаго единовременнаго поимущественнаго налога. А въ результатѣ и мѣстное самоуправленіе осталось безоружнымъ противъ демагогіи анархическихъ элементовъ на почвѣ неудовлетворенія неотложныхъ нуждъ населенія, и, въ концѣ-концовъ, сама буржазія, вмѣсто терній демократической финансовой политики, получила скорпіоны большевистскихъ конфискацій.

Итакъ, въ руки новыхъ управъ мѣстное хозяйство перешло въ такомъ состояніи и въ такой моментъ, когда не только о развитіи его не могло быть рѣчи, кто бы ни стоялъ въ данное время у власти, но и вообще спасти его можно было только дружными усиліями всѣхъ,—и общегосударственной власти, и самого мѣстнаго населенія. О финансовой политикѣ Вр. Пр. мы уже говорили; на мѣстахъ же трудно сказать, кто проявилъ большую безотвѣтственность: населеніе ли, не платящее налоговъ; рабочіе, ни въ какой мѣрѣ не сообразующіе высоты своихъ требованій съ состояніемъ финансовъ самоуправленія; большевики съ ихъ партійной и недобросовѣстной демагогіей противъ органовъ народовластія, или злорадствующая буржуазная пресса, ехидно подмѣчающая случайные промахи, противоставляя «хозяйственность» цензовыхъ элементовъ «безпомощности» демократіи *).

Дѣятельность демократическихъ земствъ и городовъ по необходимости была направлена почти исключительно на удовлетвореніе неотложныхъ потребностей *сегодняшняго* дня: снабженіе населенія продовольствіемъ, поддержаніе хотя бы въ прежнемъ масштабѣ больницъ, школъ, муниципальныхъ предпріятій, пользуясь правительственными ссудами и займами. Въ дальнѣйшемъ земства проѣдаютъ свои спеціальные неприкосновенные капиталы—страховой, кассъ мелкаго кредита и пр., и постепенно приходятъ къ частичной ликвидаціи своей дѣятельности. Рядъ земствъ (Тверское, Волчанское, Тамбовское, Воронежское и др.) вынужденъ былъ обратиться къ населенію съ указаніемъ, что они, въ случаѣ непоступленія земскихъ сборовъ, будутъ вынуждены закрыть лечебницы и школы. Въ Ѣдовскомъ уѣздѣ больницы остаются безъ лекарствъ и закрываются, мосты разваливаются; школамъ, за неплатежъ арендныхъ денегъ, отказываютъ въ помѣщеніи. Николаевское уѣздное земство, чтобы выкупить гвозди для населенія, заложило за 20,000 руб. земскій сельско-хозяйственный складъ; выдача жалованья служащимъ совершенно прекращена.

Въ городахъ на почвѣ финансоваго кризиса также приходилось отказываться отъ широкихъ мѣропріятій въ интересахъ трудящихся. Демократическія думы не могли (какъ это теперь дѣлаютъ большевики) чрезмѣрно повышать тарифы за пользованіе городскими предпріятіями (трамвай, водопроводъ, газъ) и тѣмъ добывать средства для высокой оплаты труда рабочихъ и служащихъ на нихъ, за счетъ обложенія малоимущаго населенія. Въ рядѣ городовъ изъ-за требованій повышенія заработной платы произошли конфликты между демократическими, даже соціалистическими въ большинствѣ, думами и городскими рабочими. Конфликты неестественные и показывающіе лишь слабую степень классоваго и гражданскаго развитія рабочихъ массъ. Въ Воронежѣ, Москвѣ, Казани рабочіе добивались удовлетворенія своихъ требованій угрозой забастовки *всѣхъ* городскихъ учрежденій и предпріятій. Стачечный комитетъ, въ случаѣ «упорства» (!) управы грозитъ пріостановить работу хлѣбопекарень и продовольственнаго транспорта, больницъ и амбулаторій, освѣщенія, газа и водопровода, даже пожарной команды и милиціи, и тѣмъ

---

*) Только крайней классовой предвзятостью, если не сознательной демагогіей, можно объяснить, напр., отзывы, печатавшіеся въ «прогрессивномъ» «Городскомъ дѣлѣ» (№ 1—1918 г.) о «дѣятельности соціалистической интеллигенціи всѣхъ толковъ: господство ея въ городскихъ самоуправленіяхъ привело къ огромному, трудно поправимому разстройству гор. хозяйства..».

превратить городскую жизнь въ гражданскій хаосъ. На объясненія управы въ Москвѣ, что денегъ нѣтъ и нельзя достать, делегаты твердо заявляли, что «пролетаріата это не касается».

Съ теченіемъ времени, въ связи съ общимъ процессомъ разложенія нашей революціи, передъ земствами и думами встали новыя затрудненія. Во всѣхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ, гдѣ имѣлись кадры низшихъ служащихъ и рабочихъ, наростало постепенно своеобразное анархо-синдикалистское теченіе. Подобно тому, какъ въ частной промышленности рабочіе подъ видомъ «рабочаго контроля» захватывали фабрики и заводы,—служащіе и рабочіе муниципальныхъ учрежденій и предпріятій претендовали на рѣшающее участіе свое въ управленіи ими. Фактически это означало, что завѣдываніе этими предпріятіями и учрежденіями должно было перейти отъ органовъ общественнаго управленія, избранныхъ для этого *всѣмъ* населеніемъ, только къ занятымъ въ нихъ рабочимъ. Техническая эксплуатація муниципальныхъ предпріятій этимъ вмѣшательствомъ значительно была дезорганизована. Въ больницахъ же служащіе и сидѣлки вмѣшивались въ распоряженія врачей по леченію и питанію больныхъ, сторожа—въ постановку учебной части въ школахъ. Безконечное количество конфликтовъ на этой почвѣ тормозило общую работу. Члены управы постоянно отвлекались отъ непосредственныхъ обязанностей, чтобы днями, иногда недѣлями засѣдать въ безчисленныхъ конфликтныхъ, согласительныхъ и третейскихъ комиссіяхъ.

Это стихійное разложеніе внутренней жизни муниципальнаго организма входило, какъ часть, въ общій процессъ углубленія государственной и хозяйственной анархіи въ странѣ. Какъ идеологическое отображеніе этого развала, росъ повсюду большевизмъ, постепенно овладѣвая большинствомъ въ совѣтахъ и отъ имени послѣднихъ стремясь къ власти. Независимые, правомѣрно избранные всѣмъ населеніемъ органы самоуправленія, во всей своей дѣятельности строго проводящіе государственное начало и укрѣпляющіе новый демократическій правопорядокъ, стояли большевикамъ на пути. Политическая оріентировка самоуправленій также являлась для нихъ препятствіемъ въ достиженіи власти. Большинство гласныхъ и управъ принадлежало с.-р., с.-д. меньшевикамъ и к.-д. Всѣ политическія выступленія, въ которыя событія вовлекали земства и города, окрашивались идеологіей первыхъ двухъ группъ. Въ дни корниловскаго заговора сотни городовъ и земствъ отозвались на призывъ московской думы, клеймящей покушеніе мятежнаго генерала на насильственный захватъ власти въ республикѣ и приглашающій оказать поддержку временному прагительству, какъ созданному волей народа, выраженной большинствомъ демократическихъ организацій; демонстрація единодушія органовъ народовластія получилась грандіозная. —На демократическомъ совѣщаніи въ Петроградѣ были представлены только соціалистическіе элементы самоуправленій. С.-р. и меньшевики высказались за энергичную защиту родины, коалиціонный характеръ власти съ соціально-политической программой, принятой демократіей на московскомъ совѣщаніи 14 августа. Въ дни октябрьскаго переворота захватъ власти большевиками, насиліе, совершенное ими надъ органами народовластія (московской, петроградской думы), вызвали единодушный протестъ земскихъ и городскихъ самоуправленій. Наконецъ, увѣнчавшій цѣпь преступленій большевиковъ противъ народа насильственный разгонъ

высшаго органа народовластія—Учредительнаго Собранія, послужилъ поводомъ къ спеціальному съѣзду земствъ и городовъ въ Москвѣ (11—14 января), задачей котораго было объединеніе усилій всѣхъ органовъ самоуправленія въ борьбѣ съ большевиками за возобновленіе работъ Учредительнаго Собранія.

Народное представительство, демократическое мѣстное самоуправленіе и независимый судъ, охраняющій гражданскія свободы,—вотъ тѣ цитадели народныхъ правъ и свободы, которыя всегда въ исторіи народовъ стояли на стражѣ противъ угнетателей. Столкновеніе органовъ народовластія и путемъ заговора осуществляемой диктатуры партіи Ленина,—этого русскаго Стамбулова въ «коммунистическомъ» изданіи,—было неотвратимо. Съ одной стороны, вся система *демократическихъ учрежденій*, выражающихъ волю большинства народа, съ огражденіемъ правъ меньшинства; съ другой—принципъ *диктатуры*, насилія меньшинства надъ большинствомъ, партійное господство, возводящее въ принципъ произволъ грубой силы. Овладѣвъ властью въ Петроградѣ, большевики могли укрѣпиться въ странѣ, только перешагнувъ черезъ трупъ мѣстныхъ демократическихъ самоуправленій, уничтоживъ ихъ гдѣ силою оружія, гдѣ посредствомъ самой беззастѣнчивой демагогіи и клеветы.

Но самоуправленія, послѣ того, какъ пала центральная государственная власть, не могли, не имѣли права, *будучи органами государственной власти на мѣстахъ*, уклониться отъ обязанности защищать суверенныя права народа отъ покушенія насильниковъ. Пока не вскрылась вся глубина охватившаго широкія народныя массы анархическаго разложенія, пока большевистское покушеніе могло еще считаться лишь обширнымъ заговоромъ авантюристовъ, мѣстная власть пыталась защищаться отъ насилія—силою же. Такъ разыгралась вооруженная борьба московской и саратовской думъ съ захватчиками власти, впослѣдствіи прикрывавшихъ свое преступленіе самой отвратительной ложью и клеветой о «контръ-революціонныхъ» думахъ, защищающихъ буржуазію противъ рабочихъ руками бѣлогвардейцевъ и юнкеровъ—сыновей капиталистовъ и помѣщиковъ *).

Но на первомъ же столкновеніи въ Москвѣ, въ безудержномъ ростѣ гангрены большевизма на тѣлѣ всей страны въ дальнѣйшемъ вскрылась та бездна народной темноты, отчаянія и ожесточенія, которая питала авантюру большевизма, и которой суждено было уже скоро погубить Россію, погубить будущее самого народа. При этихъ условіяхъ не вооруженная борьба, а методы органической общественной работы для содѣйствія скорѣйшему изживанію массами гибельныхъ миражей должны явиться орудіемъ демократическихъ земствъ и городовъ.

Какъ ни очевидна невозможность одновременнаго существованія партійно-захватнической диктатуры и правомѣрно организованной демократической государственности,—у большевиковъ лишь съ теченіемъ времени развивается та безудержность въ разрушеніи, которая, быть-можетъ, выдаетъ потерю ими самими вѣры въ осуще-

*) На какіе общественные круги опиралась въ защитѣ народовластія, напримѣръ, соціалистическая московская дума, показываетъ хотя бы составъ Комитета Общественной Безопасности, образовавшійся при ней; въ Комитетъ входили представители Думы, Уѣзднаго Земства (также соціалистическаго), Исп. Ком. Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, Президіума Сов. Солдатскихъ Деп., Желѣзнодорожнаго и Почтово-телеграфнаго Союзовъ, и только.

ствимость ихъ программы въ государственномъ масштабѣ. Для перваго періода большевистской «государственности» характерно созданіе даже спеціальнаго министерства—комиссаріата по самоуправленію съ В. Трутовскимъ во главѣ. Министръ въ своей партійной газетѣ (Зн. Труда 1917 № 106) заявляетъ, что органы мѣстнаго самоуправленія должны быть сохранены, что совѣтамъ брать на себя задачи, выполняемыя органами самоуправленія, «было бы въ высшей степени нецѣлесообразно». Повторяя реакціонную формулу дореволюціонnаго зем. и гор. положеній, онъ вновь раздѣляетъ хозяйственныя функціи отъ управленія, предоставляя самоуправленію лишь первыя. «Совѣты—органы политическіе, муниципалитеты—хозяйственные и культурно-общественные». Этимъ первымъ шагомъ назадъ, шагомъ объективно контръ-революціоннымъ, комиссаръ, б.-м., тѣшилъ еще себя надеждой на возможность компромисса съ органами народовластія. Къ этому же періоду относятся неудачныя попытки б-ковъ организовать перевыборы въ разогнанныя ими Петроградскую и Московскую думы; всѣ партіи, кромѣ большевиковъ, бойкотировали эти выборы; въ Петроградѣ участвовало въ нихъ всего нѣсколько десятковъ тысячъ избирателей, въ Москвѣ же они совсѣмъ не смогли состояться.

Но болѣе дальновидные изъ б-ковъ предвидѣли, что ни на какую сдѣлку насчетъ урѣзыванія принциповъ народовластія ни одинъ честный и послѣдовательный соціалистъ не пойдетъ. И въ «Изв. Ц. И. К.» велась уже съ декабря агитація за совершенное устраненіе органовъ, *всеобщимъ* голосованіемъ избранныхъ (какъ «коалиціонныхъ»), и водвореніе на ихъ мѣсто «классовыхъ органовъ пролетарской диктатуры» (Изв, 1918. № 1). Дѣйствительность показала, что демократическіе органы самоуправленія предпочитаютъ свое уничтоженіе постыдному торгу народными правами съ захватчиками.

Нѣкоторое время существованіе земствъ и думъ еще было возможно лишь по инерціи, поскольку большевистская власть еще не удосужилась въ томъ или иномъ мѣстѣ устранить главнаго своего идейнаго противника. Земско-городской съѣздъ 11—14 января въ Москвѣ далъ интересную картину жизни органовъ мѣстнаго самоуправленія спустя $2^1/_2$ мѣсяца послѣ большевистскаго переворота. Оказалось, что отъ большевистскаго разгрома пострадали гораздо болѣе крупные центры (Петроградъ, Москва, Саратовъ, Харьковъ и др.), чѣмъ глухая провинція. Лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ были къ этому времени въ той или иной формѣ ликвидированы органы самоуправленія. Въ большинствѣ же они оставались или совершенно незатронутыми, или лишь во внѣшней, чисто словесной зависимости отъ совѣтской власти. Раньше и сильнѣе всего пострадали волостныя земства. Картина захвата ихъ повсюду повторяется одна и та же. На судьбѣ ихъ фатально сказывалось прибытіе въ данную мѣстность «солдатъ-большевиковъ». Эта распущенная и развращенная вольница словно органически не можетъ примириться съ существованіемъ какой бы то ни было власти, какого-либо порядка. Разгонъ волостныхъ управъ начался еще раньше, чѣмъ большевистская власть усвоила послѣдній твердый упразднительный курсъ. Кучка солдатъ, разгромивъ земство и взявъ въ свои руки власть, зачастую не знала, что съ нею дѣлать. Какой-либо идейности ожидать было при этомъ трудно. То сводились личные счеты и неудовольствія, то мѣстные и пришлые уголовные элементы захватывали власть

съ цѣлью поборовъ. Въ Новоузенскомъ земствѣ, напримѣръ, одна изъ волостныхъ управъ разогнана солдатами за отказъ въ выдачѣ изъ волостного магазина хлѣба, съ которымъ они намѣрены были ѣхать спекулировать въ сосѣднюю Астраханскую губ. Захватившая власть кучка называетъ себя совѣтомъ или воен.-рев. комитетомъ. Въ чьи руки при этомъ часто попадаетъ земское дѣло, показываетъ слѣдующій красочный примѣръ Царицынскаго волостного земства (въ 17 верстахъ отъ Москвы, почти на глазахъ высшей совѣтской власти!). Волостной «Совѣтъ», нынѣ смѣнившій избранное всеобщимъ голосованіемъ земство, возглавляется слѣдующими почтенными лицами: предсѣдатель—бывшій владѣлецъ трактира, обвинявшійся въ убійствѣ; секретарь—б. полицейскій письмоводитель; завѣдывающій продовольствіемъ—б. московскій городовой, и дѣлопроизводитель—бывшій жандармъ. Странное «влеченье—родъ недуга» испытываютъ дѣятели стараго полицейскаго режима къ высшей сверхдемократической организаціи коммунистической республики!

Но какъ ни мало успѣло укорениться волостное земство, не вездѣ все же мѣстное населеніе отдавало его безъ борьбы. Послѣ стихійнаго погрома волостныхъ земствъ, наступаетъ часто полоса ихъ возстановленія. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ изъ 20 разогнанныхъ вол. земствъ къ январю уже было возстановлено 15. О возвращеніи къ дѣлу прежнихъ волостныхъ управъ сообщаютъ изъ Рязанскаго, Елецкаго у. Въ Нижнедѣвицкомъ у. происходятъ постоянные перевыборы. Лучшіе элементы сидятъ по домамъ, а какая-нибудь кучка въ 10—15 чел. является, сметаетъ избранное земство и ставитъ свое. Потомъ является новая кучка и сметаетъ этихъ. Въ Бирюченскомъ уѣздѣ волостн. земства замѣнены были совѣтами, путемъ голосованія поднятіемъ рукъ. Въ январѣ совѣты въ свою очередь разгонялись мѣстнымъ населеніемъ каждые 3—5 дней, и такіе перевыборы бывали чуть не до десяти разъ. Въ концѣ-концовъ избираютъ вновь старыхъ членовъ управы. Наконецъ, идутъ свѣдѣнія и о томъ, что мѣстами (Влад. губ.) населеніе возвращается къ старой дореволюціонной организаціи волости со старостами и старшинами во главѣ.

Такъ-же стихійно и сумбурно происходила ликвидація уѣздныхъ земствъ и городскихъ думъ. Въ Камышинѣ дѣло началось съ пьянаго погрома, во время котораго кучка никому неизвѣстныхъ лицъ взяла власть въ свои руки; позже она и разогнала земскую управу и гор. думу. Въ Нижнемъ управленіе городскимъ хозяйствомъ передано профессіональному союзу городскихъ служащихъ. Въ Уфѣ объявлена коммуна, во главѣ которой стоятъ два рабочихъ и библіотекарь. Въ нѣкоторыхъ городахъ сами самоуправленія, въ виду создавшагося положенія, распускаютъ себя (Омскъ, Уфа). За послѣдніе два мѣсяца года революціи, послѣ того, какъ безнаказанно для большевиковъ обошелся разгонъ Учр. Собранія, процессъ ликвидаціи ими уѣздныхъ и губернскихъ з. управъ и городскихъ думъ ускорился. Демократическія Думы и Земства уничтожаются, какъ и исполнительные органы ихъ. Веденіе хозяйства передается особымъ отдѣламъ мѣстныхъ совѣтовъ. Полустихійный процессъ регулируется особымъ декретомъ: „Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ съ мѣстъ въ комиссаріатъ по вн. дѣламъ о томъ, какъ быть съ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ, отдѣлъ мѣстнаго самоуправленія комиссаріата сдѣлалъ по этому поводу слѣдующее разъясненіе: *при существованіи Совѣта, Земскому и Городскому Самоуправленію не должно быть мѣста*“. («Веч. Вр.» 22 февр. 1918). Слѣдуетъ,

наконецъ, отмѣтить и произведенную въ самое послѣднее время ликвидацію столь много сдѣлавшихъ во время войны Земскаго и городскоіо Союзовъ и Земгора.

Каковъ же объективный смыслъ большевистской реформы самоуправленія? Не дадимъ себя обмануть тѣмъ лозунгамъ, подъ знакомъ которыхъ большевики разрушаютъ оплотъ гражданской и политической свободы, органы народовластія. Пусть „*слова*", орудіе обмана несознательныхъ массъ и возбужденія энтузіазма у честныхъ фанатиковъ, взяты ими изъ арсенала самой демократической фразеологіи («соціалистическая республика совѣтовъ», «коммунизмъ»). Къ словамъ всегда и всюду прибѣгали поработители народовъ. Но „*дѣла*" б-ковъ разсѣиваютъ съ каждымъ днемъ все шире иллюзіи. Большевизмъ не только «открываетъ ворота реакціи», какъ думали мы раньше, *онъ самъ есть подлинная контръ-революція*.

Б-ки разрушаютъ демократическія учрежденія во имя соціализма. Но мы знаемъ, что, «для того, чтобы развернуть свои интеллектуальныя организующія силы, пролетаріатъ нуждается въ демократическомъ строѣ» (Каутскій). Мы знаемъ, что подлинный соціалистъ никогда не посягнетъ на всеобщее избирательное право. «На другой день послѣ соціальной революціи пролетаріатъ, самый демократическій изъ всѣхъ классовъ, *введетъ* всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія.., обезпечитъ полную свободу печати и союзовъ.., онъ *дастъ* каждой общинѣ полное самоуправленіе.., армію онъ организуетъ по системѣ всеобщей воинской повинности», отнюдь не создавая «войска безпринципныхъ босяковъ, которые за деньги пойдутъ на что угодно...» (К. Каутскій «На другой день») *). Ясно, что стремленіе не къ соціализму, а къ сохраненію власти, отнятой у народа, толкаетъ народныхъ комиссаровъ на уничтоженіе независимаго мѣстнаго самоуправленія. Политика насильниковъ при этомъ не можетъ не быть явно контръ-револю-

---

*) Въ статьѣ «Демократія и диктатура», написанной уже въ 1918 г. (3 янв.) спеціально по поводу большевистскаго переворота, К. Каутскій развиваетъ рядъ безспорныхъ положеній, категорически осуждающихъ большевистскую тактику.— Диктатура пролетаріата, допустимая при извѣстныхъ условіяхъ, «должна *не устранять, а завершать* демократическій строй». Диктатура, какъ «государственная сила, организованное общественное насиліе» примѣнимое лишь какъ «*насиліе большинства противъ меньшинства*, которое въ качествѣ господствующаго въ государствѣ класса, пользуясь своими орудіями угнетенія, отказывается даровать массамъ демократическія права».—Соц. дем. *всегда и при всякихъ* обстоятельствахъ отстаивала *всеобщее избирательное право*... при всякихъ обстоятельствахъ стремится подчинить правительство парламенту»... Если находящаяся у власти группа не считается съ результатами свободныхъ выборовъ... такое соотношеніе политическихъ факторовъ всегда означаетъ *могилу демократіи*, не исключая и того случая, когда правительство настроено болѣе радикально, чѣмъ парламентъ». Гибельнымъ для дѣла пролетаріата явилась бы попытка соціалистическаго меньшинства, «удержать свое господство противъ воли большинства народа, посредствомъ *искаженія демократическихъ принциповъ или открытаго насилія* надъ ними»... (Пусть читатель вспомнитъ, что на выборахъ въ городское и земское самоуправленіе, произошедшихъ *до октября*, большевики получили никакъ не болѣе 10% голосовъ, а всенародное голосованіе въ Учр. Собр. показало, что подавляющее большинство народа (76%), голосовавшее за с.-р. и другія антибольшевистскія фракціи, рѣшительно осуждаетъ преступную авантюру большевиковъ) Трудно не присоединиться къ прогнозу Каутскаго: «Такой режимъ неизбѣжно рушится, и при томъ не какъ жертва одолѣвшаго его насилія, не со славою мученика, для котораго выше всего его убѣжденія, съ этой трагической славой, которая такъ вдохновляетъ грядущія поколѣнія,—нѣтъ, онъ гибнетъ, осыпаемый проклятіями, какъ *измѣнившій* своимъ собственнымъ принципамъ *ради удержанія власти*, какъ *обманщикъ*, увеличившій нищету и нужду, *разрушившій демократическія завоеванія народа*».

ціонной. Уже взгляды «народнаго» комиссара Трутовскаго отбрасывали насъ къ принципамъ Земск. Пол. 1890 г. Ограниченіе функціи самоуправленія лишь дѣлами мѣстнаго хозяйства съ передачей управленія власти правительственной (нынѣ—совѣтской), представлялось даже 4-й Государственной Думѣ слишкомъ реакціоннымъ. Но курсъ послѣдняго времени, передача всего сложнаго дѣла мѣстнаго хозяйства въ одну изъ правительственныхъ канцелярій (отдѣлъ Совѣта), представляетъ собою такую неслыханную *бюрократизацію* земскаго и городского дѣла, о которой не смѣли мечтать мракобѣсы самой безпросвѣтной реакціонной эпохи 80-хъ годовъ. Вмѣсто самоуправленія русскій народъ получилъ административный произволъ.

Вступая во второй годъ послѣ революціи, мы должны констатировать въ области мѣстнаго самоуправленія торжество реакціи, отбрасывающей народныя массы далеко назадъ во времена дореволюціонныя. Это та же реакція, которая захватываетъ всѣ стороны нашего гражданскаго быта. Уничтоженіе свободы печати, слова, собраній, неприкосновенности личности, партійная расправа вмѣсто суда, смертныя казни и организованные самосуды, борьба съ профессіональными союзами, наконецъ, разстрѣлъ рабочихъ и разгонъ самихъ совѣтовъ, если они не большевистскіе,—вотъ тѣ предметные уроки, которые рано или поздно учтутъ несознательныя массы, служащія пока орудіемъ въ рукахъ авантюристовъ.

Встанетъ вопросъ о возстановленіи демократическихъ самоуправленій, борьба за нихъ. Возникнутъ сомнѣнія, дозрѣлъ ли нашъ народъ до всеобщаго избирательнаго права? Возможно ли осуществленіе народовластія при его несомнѣнной темнотѣ, такъ больно и неожиданно разбившей самыя дорогія чаянія революціоннаго года. Уже теперь изъ буржуазныхъ круговъ мы слышимъ предложенія ограничить всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, взять у незрѣлой народной массы слишкомъ опасную власть, вручивъ ее «достойнѣйшимъ».

Мы не хотимъ оспаривать тотъ фактъ, что народныя массы не смогли вполнѣ сознательно отнестись къ великолѣпному оружію демократическаго избирательнаго закона, и допускаемъ, что въ общемъ оружіе это народъ не сумѣлъ использовать достаточно въ интересахъ новой государственности. Но нельзя не бороться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ попытки ограниченія избирательнаго права изъ-за недостатка въ народѣ культурности. Исторія западныхъ демократій знаетъ примѣры неудачныхъ всеобщихъ выборовъ. Но только на самой практикѣ выборовъ, на ихъ ошибкахъ и успѣхахъ учится народъ быть гражданиномъ. Настоятельно, неотложно необходима углубленная культурная работа въ рядахъ трудовой демократіи. Но какъ нельзя научиться плавать, не бывъ никогда въ водѣ, такъ стать *свободнымъ сознательнымъ гражданиномъ* можно лишь изъ практики свободы.

Всеобщее избирательное право подобно копью, въ одно и то же время ранящему и исцѣляющему,—по образному выраженію Лассаля, и оно является единственнымъ и незамѣнимымъ путемъ къ гражданской и политической свободѣ народа, и органы народовластія—лучшей школой рабочаго класса для организаціи будущаго царства освобожденнаго труда.

В. Рудневъ.

Печать.

1) Печать свободна. Цензура отмѣняется безусловно и навсегда. Изданіе обязательныхъ постановленій о печати на основаніи какихъ-либо исключительныхъ положеній воспрещается.

2) Никакія взысканія за нарушеніе правилъ о печати не могутъ быть налагаемы иначе, какъ въ судебномъ порядкѣ.

3) Всякое произведеніе печати, за исключеніемъ запрещенныхъ приговоромъ суда, подлежитъ свободному обращенію въ странѣ и безпрепятственному распространенію.

(Зак. Вр. Пр. опубл. въ концѣ марта 1917 г.

«Въ началѣ было слово»—такъ начинается Евангеліе отъ Іоанна. Въ началѣ русской революціи было «свободное слово», «свободная печать». Это были первыя блага революціи. Революція съ первыхъ же дней сопровождалась выходомъ массы соціалистическихъ, дотолѣ запретныхъ, газетъ. Съ первыхъ же дней революціи, а то даже и въ самый моментъ революціи, стали возникать новыя организаціи, какъ напр.: Рабочіе, Солдатскіе и Крестьянскіе Совѣты. Всѣ они, начиная съ Центральныхъ и кончая многими уѣздными совѣтами, вродѣ Енакіевскаго, Козловскаго, Елабужскаго и др., обзаводились своими органами. Создалъ цѣлый рядъ газетъ и фронтъ. Въ дальнѣйшемъ возникло не мало безпартійно-соціалистическихъ газетъ, издаваемыхъ большей частью кооперативами. Національныя партіи тоже начали издавать свои органы, (напр. бѣлорусская «Вольная Бѣлорусь»). Помимо этого рода общеполитическихъ газетъ, вышло большое число органовъ профессіональныхъ организацій, какъ напр. «Извѣстія союза желѣзнодорожниковъ Риго-Орловск. ж. д.»; даже далеко на сѣверѣ служащіе Мурманской ж. д. обзавелись своей газетой. Народился, наконецъ,

и рядъ органовъ, издаваемыхъ земскими и городскими самоуправленіями; укажу, хотя бы на «Симбирское слово» Симбирскаго Городского самоуправленія, «Соликамскую газету»—Соликамскаго Уѣзднаго Земства, Валуйскую «Народную Земскую газету». Въ Москвѣ даже нѣкоторыя районныя думы имѣли свои газеты.

Пока трудно, да, пожалуй, едва ли и возможно указать, сколько вышло въ Россіи за время революціи газетъ: соціалистическихъ, извѣстій совѣтовъ, армейскихъ, буржуазныхъ, кооперативныхъ, профессіональныхъ организацій, земствъ, городовъ и т. п., но по тѣмъ даннымъ, которыми располагаю я, газетъ партіи С.-Р. выходило въ іюлѣ 1917 г.—58, въ ноябрѣ того же года—72, а къ настоящему моменту къ концу февраля 1918 г.—55; газетъ большевиковъ въ концѣ 1917 г.—20, а къ концу декабря того же года—46; у с.-д. меньшевиковъ къ концу прошлаго года было 21 газета; къ настоящему времени газетъ лѣвыхъ с.-р. выходитъ 9. У с.-д. интернаціоналистовъ были только центральные органы въ Петроградѣ—«Новая Жизнь», «Искра», «Новый Лучъ». Удѣлъ всѣхъ малыхъ группъ и партій таковъ, что онѣ имѣютъ лишь только въ центрахъ одну, двѣ газеты: напр. с.-д. группа «Единства» издавала только въ Петроградѣ газету «Единство», которая, впрочемъ, въ концѣ 1917 г. прекратила существованіе. То-же можно сказать и про трудовую народно-соціалистическую партію; у нея выходитъ въ Петроградѣ «Народное Слово» и въ Ростовѣ «Ростовскія Извѣстія», другихъ газетъ н.с. не пришлось встрѣчать. Что касается до газетъ безпартійно-соціалистическихъ, то въ общемъ ихъ по Россіи выходитъ—17. Всякаго рода «Извѣстій Совѣтовъ» выходитъ, несомнѣнно, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ. Приблизительно около половины газетъ с.-р. ежедневныя, а остальныя выходили 2—3 раза въ недѣлю; газеты с.-д. меньшевиковъ почти всѣ ежедневныя. Большая часть соціалистическихъ газетъ возникла въ первые 6 мѣсяцевъ революціи, за исключеніемъ лишь очень немногихъ, соціалистическія газеты являлись оффиціальными органами губернскихъ и областныхъ комитетовъ партій; большинство изъ нихъ выходило въ размѣрѣ провинціальныхъ.

Большинство провинціальныхъ газетъ дѣлали перепечатки изъ столичныхъ большихъ газетъ, какъ, напр. «Дѣло Народа», «Трудъ», «Новая Жизнь», «Правда», «Соц.-Дем». и «Извѣстія». Зачастую даже не указывая, откуда дѣлается перепечатка. Изобиловали они матеріаломъ и статьями о партійной, рабочей жизни, и наоборотъ, всѣ страдали и страдаютъ бѣдностью общаго информаціоннаго матеріала.

Политическая линія соціалистическихъ газетъ за годъ революціи не всегда была одинакова: съ первыхъ же дней и до октябрьскаго переворота революціи большевики вели газетную кампанію противъ Временнаго Правительства всѣхъ составовъ; сначала взялись за к.-д., главнымъ образомъ, за Милюкова, а потомъ и за Керенскаго. Чѣмъ время подходило ближе къ 4—5 іюля, тѣмъ кампанія эта становилась ожесточеннѣе; большевики повели эту борьбу и съ другими соціалистическими партіями. До большевистскаго іюльскаго возстанія газеты с.-р., меньшевиковъ вступаютъ въ полемику съ большевиками какъ бы нехотя, въ случаѣ необходимости, вообще же старались избѣгать ея, озабоченные сохраненіемъ «единаго соціалистическаго фронта».

Первоначально борьба идетъ въ плоскости идейной; о характерѣ нашей революціи—буржуазная она или соціалистическая, о мирѣ,

о рабочемъ контролѣ, о выборномъ началѣ въ арміи, о соціалистическомъ министерствѣ и т. п. Начиная съ 5 іюля, тонъ полемики рѣзко мѣняется, какъ у с.-д. меньшевиковъ, такъ у с.-р.; на страницахъ ихъ газетъ вы не найдете по отношенію къ большевикамъ слово «товарищъ»; единый демократическій фронтъ, по мнѣнію с.р. и с.-д. меньшевиковъ, прорванъ; наряду съ ожесточенной полемикой между соціалистами разныхъ оттѣнковъ, она стихаетъ съ буржуазной печатью. Газеты с.р., меньшевиковъ, «Извѣст. Совѣтовъ», благодаря вхожденію въ составъ Временнаго Правительства с.-р. и меньшевиковъ, поддерживаютъ его уже не «постольку поскольку», а вообще сказываютъ полную поддержку. Обратное происходитъ съ буржуазными газетами, теперь онѣ оказываютъ коалиціонному министерству поддержку, согласно заимствованной у прежней совѣтской политики формулѣ «постольку-поскольку».

Временно послѣ 4—5 іюля тонъ большевистскихъ газетъ какъ бы понизился, но затѣмъ онѣ перешли въ яростную атаку на партіи с.-р. и меньшевиковъ, называя ихъ «соглашателями», соціалъ-шовинистами и «предателями дѣла революціи». Повели онѣ отчаянную атаку и на Временное Правительство: за введеніе смертной казни на фронтѣ, за расформированіе полковъ, отказавшихся выполнить боевыя распоряженія начальниковъ. Въ этотъ періодъ отчаянной борьбы большевистскіе органы выкидываютъ лозунги: «Вся власть совѣтамъ», «Немедленный демократическій миръ,—миръ безъ аннексій и контрибуцій», «Рабочій контроль», «Долой смертную казнь для солдатъ», обѣщая все это выполнить, какъ только у власти будутъ совѣты. Эта борьба продолжалась до самаго октябрьскаго переворота. Близость взглядовъ на характеръ революціи и тактику соціалистическихъ партій въ это время настолько велика у с.-р. и меньшевиковъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ с.-р. и меньшевики издаютъ общія газеты, какъ напр., въ Смоленскѣ «Борьба». Разумѣется, почти по всей Россіи никакой полемики между газетами с.-р. и меньшевиковъ нѣтъ.

Въ этотъ періодъ органъ с.-д. Интернаціоналистовъ «Новая Жизнь» беретъ подъ свою защиту большевиковъ, примыкая къ ихъ ожесточенной борьбѣ съ Временнымъ Правительствомъ. Подчасъ разница между «Новой Жизнью» и большевиками совершенно исчезаетъ. Впрочемъ, въ это же время большевики находятъ еще союзниковъ въ лицѣ лѣвыхъ с.-р., называющихъ себя «интернаціоналистами». Въ это время лѣвые с.-р. группируются вокругъ «Знамени Труда», органа петроградскаго комитета, и на югѣ вокругъ харьковской «Земли и Воли». Послѣ демократическаго совѣщанія въ Петроградѣ, они явно откалываются отъ партіи. «Знамя Труда» становится органомъ Ц. К. «лѣвыхъ с.-р.

Что касается «Изв. С. Р. Д»., то хотя онѣ и считались безпартійными соціалистическими, стоящими на почвѣ классовой борьбы, онѣ вполнѣ отражали эволюцію руководящихъ круговъ совѣтовъ. Пока совѣты были въ большинствѣ своемъ эсеровско-меньшевистскіе, «Извѣстія» стояли на точкѣ зрѣнія революціоннаго оборончества и государственности, поддержки Временнаго Правительства. Лѣтомъ, напр., въ іюнѣ-іюлѣ лишь нѣсколько совѣтовъ (Кронштадтскій, Царицынскій) были большевистскіе; разумѣется, и «Извѣстія» этихъ совѣтовъ отражали большевистскіе взгляды. Какъ только въ Совѣтахъ начали пріобрѣтать большинство лѣвые с.-р. и большевики, сразу же и на страницахъ «Извѣстій» открылась кампанія противъ Временнаго Правительства, противъ необходимости активной обороны Россіи, по-

явились призывы къ братанію, къ классовой ненависти, травлѣ «буржуазіи», офицеровъ и т. п. Иногда солдатскія «Извѣстія» выходили отдѣльно отъ «Извѣстій Сов. Раб. Деп.» Но суть дѣла и тогда мало измѣнялась; было одно названіе «солдатское»,—а по существу они остались политическими классовыми органами. Пересмотрите всѣ эти бывшіе или настоящіе «Солдатъ и Рабочій», «Солдатъ-Гражданинъ», «Извѣстія С. Д»,—и вы меньше всего тамъ найдете о жизни солдата, о военномъ дѣлѣ, наоборотъ, встрѣтите рядъ статей на политическія темы, по муниципальному и національному вопросамъ. Политически линія этихъ газетъ также измѣнялась въ соотвѣтствіи съ характеромъ большинства совѣтовъ.

Наконецъ, всѣ выходящія «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ», оставаясь формально безпартійными, всецѣло стояли на платформѣ с.-р. Газеты безпартійно-соціалистическія защищали единство демократическаго фронта, по крайней мѣрѣ, до 4 и 5 іюля высказывались за поддержку Временнаго Правительства, за оборону Россіи и вообще отличались строгой государственной линіей поведенія.

Газеты фронта.

До февральской революціи военныхъ газетъ было двѣ-три внутри Россіи, да на фронтѣ около того же. Всѣ эти органы были, конечно, оффиціальные. Революція сопровождалась порожденіемъ цѣлаго ряда газетъ въ арміи и напоминали сначала прежніе оффиціальные органы. Перегруженныя оффиціальными распоряженіями, военными обзорами, онѣ, наоборотъ, бѣдны были бытовымъ матеріаломъ изъ жизни солдатъ.

Въ концѣ лѣта военныя газеты постепенно перешли въ вѣдѣніе военныхъ организацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ на страницахъ газетъ ярче стала отражаться жизнь солдатской массы: здѣсь можно было прочесть о борьбѣ съ картежной игрой, воровствомъ, пьянствомъ, продажей казенныхъ вещей, о просвѣтительныхъ курсахъ, солдатской школѣ, о взаимоотношеніяхъ солдатъ и ихъ организацій съ командным составомъ и т. п. Разумѣется, удѣлялось много вниманія политической жизни страны, продовольствію, экономической разрухѣ, Учредительному Собранію, вопросамъ мира и т. п. Но въ противоположность первому періоду этихъ газетъ почти не встрѣчалось статей по военнымъ вопросамъ, не печаталось военныхъ обзоровъ. Вообще военное дѣло очутилось въ загонѣ. Какъ никакъ, но до большевистскаго торжества почти всѣ газеты фронта стояли на поддержкѣ Временнаго Правительства, защитѣ Россіи путемъ сохраненія боеспособности арміи. Не отсутствовали на фронтѣ и партійныя газеты напр. лѣтомъ 1917 г. были уже «Окопная Правда», «Молотъ» (Минскъ), газеты большевиковъ, къ осени 1917 г. появились и газеты с.-р.,—«Дѣло Трудового Народа» (XII армія), «Знамя Солдата» (V армія), «За землю и волю» (VII армія), «Солдатъ-Крестьянинъ» (III армія).

Какъ же отразился на армейской печати большевистскій переворотъ? Волею главковерха Крыленко нѣкоторыя армейскія организаціи были распущены, другія сами сложили свои полномочія, на мѣсто ихъ водворились большевистскіе комитеты. Замелькали газеты подъ другими названіями «Голосъ фронта» преобразился въ «Извѣстія В. Р. Комитета», «Фронтъ», издаваемый И. К. Западнаго фронта, въ «Бюллетени» В.-Р. Комитета, общеармейскій органъ преобразился въ «Революціонную Ставку».

Всѣ эти газеты моментально усвоили тонъ и демагогію типичныхъ большевистскихъ листковъ. Вотъ что писалъ Центральный Органъ «Революціонная Ставка».

«Чаша терпѣнія народнаго переполнилась: народъ не можетъ больше терпѣть всѣ гнусности, весь цинизмъ, въ которомъ извивается издыхающая буржуазія,... съ ней одинъ методъ борьбы, одно средство: заткнуть кровожадную глотку—гильотиной» (№ 18).

Въ вопросахъ внѣшней политики всѣ эти органы послѣдовательно проводили директивы большевизма: раздаются призывы къ братанію, заключенію мира, чуть не повзводно, поротно, ведется травля офицерства.

Разумѣется, всѣ отнынѣ вновь казенныя армейскія газеты взапуски восхваляютъ власть «Народныхъ» Комиссаровъ. Вотъ, что писала «Революціонная Ставка» въ № 51 за 30/I—1918 г.: «Да здравствуетъ Россійская Республика Совѣтовъ! Миръ пришелъ! Совѣтская власть убила войну!» «Обнаглѣвшая буржуазія и ея прихвостни не смѣютъ больше упрекнуть Совѣтское Правительство въ неисполненіи своихъ обѣщаній». Или: «Рев. Ставка» отъ 16 декабря писала:

«Два великихъ народа, два тирана на міровой аренѣ, наконецъ, опомнились отъ угара кровавой бойни, и вчерашніе враги, обманутые, околдованные имперіалистической буржуазіей, пожали другъ другу руки теперь, и Германія вмѣстѣ съ Россіей спрашиваютъ весь міръ: согласенъ ли онъ принять принципы демократическаго мира?»

Какой горькой ироніей звучатъ вышеприведенныя слова въ обстановкѣ нашихъ дней. Кругъ статей въ армейскихъ газетахъ суживается: почти не встрѣчаются статьи по экономическимъ вопросамъ, продовольствію, національному.

Газеты становятся политической прокламаціей, сплошь наполняясь резолюціями «Поддержки совѣтской власти» или «Отчетъ о съѣздахъ».

Приведемъ еще примѣръ изъ той же самой «Революц. Ставки», центральнаго органа, разлагаемой большевиками арміи. Другія армейскія газеты только шли по ея стопамъ. Вотъ что пишетъ «Ставка» (№ 41) по поводу Учр. Собранія:

«Подъ фиговымъ прикрытіемъ всенароднаго Учредительнаго Собранія эти фешенебельные революціонеры на дѣлѣ стремятся установить буржуазную каторгу для народа, передать землю помѣщикамъ, фабрики—капиталистамъ и солдатъ на произволъ генераловъ.

Всѣ эти отряды—генералы, капиталисты, чиновники и соціалъ-предатели—и составляютъ единый лагерь контръ-революціи».

Сколько бъ мы ни перелистывали №№ «Ставки», тамъ ни звука даже о солдатѣ, а ужъ не только о военномъ дѣлѣ.

Репрессіи.

Я началъ эту статью 3-мя пунктами закона Временнаго Правительства о свободѣ печати. Но для большевиковъ свобода печати — буржуазный предразсудокъ. Только въ первые мѣсяцы революціи у насъ, дѣйствительно, были свободы, а въ томъ числѣ и свобода печати. Вотъ для иллюстраціи сказаннаго статистическія данныя, которыя я вывелъ на основаніи газетныхъ указаній:

За первые 8 мѣсяцевъ революціи пріостановлено временно и закрыто 30 газетъ. Временнымъ Правительствомъ закрыты 14, изъ нихъ 1-2 бывшимъ верховнымъ главнокомандующимъ Корниловымъ; временно пріостановлено 5 газетъ. Оставшіяся газеты были закрыты и пріостановлены совѣтами Р. и С. Д. (въ Ташкентѣ «Туркестанскій Курьеръ») или случайными «власть имущими», какъ, напримѣръ, митингомъ желѣзнодорожниковъ закрыта въ Н. Николаевскѣ «Свободная Сибирь», Верхнеднѣпровскимъ Земствомъ — «Земская Газета» или, наконецъ, конференціей большевиковъ въ Ревелѣ «Ревельскія Извѣстія». Конфисковано типографій—7; изъ нихъ Временнымъ Правительствомъ 2-3, остальныя совѣтами. Арестовано сотрудниковъ или редакторовъ 3, изъ нихъ Временнымъ Правительствомъ одинъ Жеденевъ, редакторъ «Грозы». Судовъ, штрафовъ при коалиціонномъ правительствѣ газеты не знали.

Перейдемъ теперь къ цифрамъ, характеризующимъ «свободу» печати подъ властью «крестьянско-рабочаго правительства». За четыре мѣсяца господства большевиковъ, съ момента переворота до 22 февраля, большевиками закрыто 168 газетъ, изъ нихъ соціалистическихъ 69, въ томъ числѣ с.-р. до 36, т.-е. почти половина всѣхъ газетъ с.-р. Большевиками конфисковано типографій 26, отдано подъ судъ революціоннаго трибунала газетъ—19, арестовано и выслано редакторовъ и сотрудниковъ 18, наложено штрафовъ на газеты на сумму 142 тысячи. Была введена предварительная цензура въ 4 городахъ; причины закрытія газетъ были: нарушеніе декретовъ о націонализаціи объявленій; за то, что не была перемѣнена редакція («Торгово-Промышленная Газета»); за отказъ представлять номера для предварительной цензуры («Степная Рѣчь»); за то, что газета не мѣняла названія по желанію совѣтовъ (Харьковъ, «Извѣстія Юга»). Высылали редакторовъ изъ города до окончанія войны за «тенденціозный подборъ антибольшевистскихъ телеграммъ» (редакторы «Новой Зари»). Редактора «Труда» О. С. Минора революціонный трибуналъ приговорилъ къ 10 тыс. руб. штрафа или 2 мѣсяцамъ тюрьмы за невѣрную хроникерскую замѣтку.

Многія газеты мѣняли свои названія 5-6 разъ и больше. Кто изъ насъ не знаетъ петроградскихъ превращеній «Дѣло Народа» въ «Дѣла Народа», «Дѣла Народовъ», газеты «День» въ «Ночь», «Полночь» и т. п. Въ массѣ городовъ просто уничтожались газеты у мальчиковъ, торговцевъ въ кіоскахъ. Такъ, напр., бывало въ Петроградѣ съ «Новой Жизнью», «Дѣломъ Народа» и въ Москвѣ съ «Трудомъ». Въ рядѣ городовъ газеты небольшевистскія не допускаются (Минскъ, Ржевъ). Въ нѣсколькихъ городахъ, хотя и временно, была введена предварительная цензура (Луганскъ, Москва). Въ рядѣ городовъ и на вокзалахъ жел.-дор. не допускаются газеты, кромѣ большевистскихъ. Въ Москвѣ «Трудъ» и «Впередъ» нѣсколько разъ выходили только нелегально.

Конечно, мы не можемъ судить точно о положеніи печати по всей Россіи при большевистскомъ «соціалистическомъ строѣ», но есть всѣ данныя полагать, что, если ужъ въ столицахъ такъ безцеремонно расправляются съ печатью большевики, то провинція отъ нихъ, навѣрное, не отстаетъ.

Всѣ незыблемыя для демократіи положенія: неприкосновенность личности, жилища, всеобщее избирательное право, свобода слова,—большевиками растоптаны. Къ свободному слову стремились многія поколѣнія десятки лѣтъ и, казалось, наконецъ, послѣ

огромныхъ жертвъ, народъ получилъ право на него. Теперь это право отнимается у народа, какъ неимѣющій цѣны «буржуазный предразсудокъ»; вотъ историческая по своему цинизму резолюція Ц. И. К. С Р. и С. Д.

«Ц. И. К. категорически отвергаетъ всякое предложеніе, клонящееся къ возстановленію стараго режима въ области печати и безповоротно поддерживаетъ въ этомъ вопросѣ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, высказываясь противъ претензій и домогательствъ, продиктованныхъ мелкобуржуазнымъ предразсудкомъ или прямымъ прислужничествомъ интересамъ контръ-революціонной буржуазіи».

Къ концу года революціи мы сдѣлали полный кругъ и вернулись, но даже не къ исходному моменту революціи, а къ самымъ худшимъ временамъ самодержавія. Въ Петроградѣ да, вѣроятно, и въ другихъ городахъ введена «военная цензура», благодаря чему, не могутъ выходить ни одна небольшевистская газета.

«По постановленію С. Р. С. и К. Д. въ Москвѣ съ сего 26 февраля вводится цензура на всѣ газеты и журналы: въ цензуру слѣдуетъ представлять рѣшительно весь матеріалъ, касающійся политическихъ и военныхъ событій,—статьи, замѣтки, фельетоны, сообщенія и прочее. Цензурѣ подлежатъ также рѣшительно всѣ, предназначенные въ газетѣ аншлаги и заголовки, связанные съ текущими событіями».

Едва ли нужны здѣсь какіе-нибудь комментаріи; лишь добавимъ: «въ новизнѣ нашего соціалистическаго строя старина самодержавія слышится».

Репрессіи на фронтѣ.

О репрессіяхъ печати на фронтѣ мы располагаемъ свѣдѣніями, крайне отрывочными, но, очевидно, что теперь туда не пропускается ни одна газета, кромѣ большевистской. Чтобы судить о степени свободы слова на фронтѣ, я приведу постановленіе И. К. 5 арміи. Эти «демократическія организаціи» дадутъ по нѣсколько очковъ впередъ Фотіямъ, Руничамъ и другимъ мракобѣсамъ эпохи Александра Перваго. «Во исполненіе постановленія Армейскаго Исп. Ком. о недопустимости распространенія и продажи буржуазныхъ газетъ: «Рѣчь», «День», «Русскія Вѣд.», «Живое Слово» и др., вплоть до «Дѣла Народа» въ районѣ 5 арміи, В. Р. К. предупреждаетъ владѣльцевъ кіосковъ, газетныя агентства, что впредь таковыя газеты будутъ конфисковываться, а владѣльцы кіосковъ и продавцы газетъ В. Р. К. будутъ привлекаться къ отвѣтственности по всѣмъ строгостямъ законовъ пролетарской революціи».

Казалось бы, что при такихъ репрессіяхъ, какіе только могутъ быть разговоры о выходѣ новыхъ газетъ и, однако, за послѣдніе два мѣсяца и приходилось читать сообщенія и о новыхъ газетахъ. Сколько мнѣ пришлось прослѣдить, вышло новыхъ газетъ 36, въ томъ числѣ с.-р. центра и лѣвыхъ 18, меньшевиковъ-объединенцевъ—3, остальныя почти сплошь «Извѣстія» и отчасти изданія кооперативовъ. Большевики и лѣвые с.-р. раскалываютъ крестьянскіе совѣты, это въ свою очередь сопровождается и выходомъ новыхъ газетъ, напр., въ Костромѣ имѣются двѣ газеты «Кр. Деп.» и одна изъ нихъ совѣтская; то же самое въ Нижнемъ, Казани и рядѣ другихъ городовъ.

Вотъ итоги за годъ революціи. Они очень печальны. Мы возвратились къ самымъ темнымъ, мрачнымъ временамъ. Мы растеряли все: независимость Россіи, всѣ свободы, а въ томъ числѣ и свободу печати, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ завоеваній революціи.

Конечно, приведенныя мною свѣдѣнія о газетахъ не обладаютъ исчерпывающей полнотой и точностью, да едва ли онѣ и достижимы въ настоящее время. Теперь и въ провинціи царитъ большевистская реакція, а свѣдѣнія о судьбѣ прессы весьма скудны, тѣмъ болѣе скудны, что и почта работаетъ очень плохо. Иногда указывается: закрыты «Земля и Воля» и др. газеты, или просто: «закрыты всѣ газеты».

Такія данныя, конечно, не поддаются статистическому учету. Но одно можно считать несомнѣннымъ, — что редакторовъ газетъ подвергаютъ репрессіи несравненно больше, чѣмъ указано здѣсь.

П. Фабричный.

Земельный вопросъ въ первый годъ революціи.

Переворотъ февраля прошлаго года произошелъ при неблагопріятныхъ «предзнаменованіяхъ» для разрѣшенія земельнаго вопроса въ духѣ проекта партіи Соц.-Рев. да, пожалуй, и другихъ *соціалистическихъ* партій.

Повсюду торжествовала столыпинская «ставка на сильныхъ». Правда, война и уходъ изъ деревни большей части мужского населенія задержали «землеустройство». Но и къ началу войны его успѣхи произвели такой сдвигъ въ крестьянскомъ землевладѣніи, пробили такія бреши въ общинномъ правосознаніи, что можно было говорить объ индивидуализаціи крестьянскаго землевладѣнія, какъ о совершившемся фактѣ.

Не только огромный процентъ крестьянства укрѣпилъ свои надѣлы; не только больше половины всего числа общинъ были объявлены перешедшими къ подворному землевладѣнію, не только на всѣхъ парахъ развивался процессъ выдѣловъ на отруба и даже разсселенія на хуторскіе участки;—но даже и сама община, поскольку она продолжала существовать, сдѣлалась своего рода живымъ трупомъ, погрузилась въ мертвенную спячку. Передѣлы земли прекратились, ибо всякая попытка передѣла грозила вызвать массовую подачу заявленій объ укрѣпленіи. Изъ чувства самосохраненія, въ интересахъ предотвращенія дальнѣйшаго расхищенія остатковъ общинной земли община затормозила работу своего уравнительно-передѣльнаго механизма.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что многіе ставили крестъ надъ общиной. А вмѣстѣ съ тѣмъ брали подъ сомнѣніе и проектъ со-

ціализаціи земли, какъ въ извѣстной мѣрѣ связанный съ преобладаніемъ общиннаго землевладѣнія, съ общинными навыками и правосознаніемъ. Въ нѣдрахъ самой партіи с.-р. слышались требованія о пересмотрѣ аграрной программы и приспособленіи ея къ измѣнившимся условіямъ дѣйствительности. Публицисты же соціалъ-демократическаго лагеря, просто пѣли отходную партіи с.-р., но, въ свою очередь, и они должны были выслушивать панихиды своимъ программамъ отъ публицистовъ эн.-эсовскаго и ка-детскаго лагеря, утверждавшихъ, что «землеустроенный» крестьянинъ и слышать не захочетъ о лишеніи или ограниченіи его правъ собственности.

Въ эту-то пору торжества индивидуалистической политики и серьезныхъ сомнѣній въ аграрныхъ программахъ соціалистическихъ партій произошла февральская революція. Впервые соціалистическія партіи Россіи могли открыто поставить на сужденіе всего народа свои программы, и крестьяне получили возможность дать имъ свою оцѣнку.

Началась агитація, закипѣла организаціонная работа по созданію крестьянскихъ представительныхъ органовъ, черезъ которые, впредь до Учредительнаго Собранія, должна была проявляться народная воля и давать руководящее направленіе подготовительнымъ работамъ къ грядущей земельной реформѣ.

Положеніе опредѣлилось быстро. Крестьянство въ выраженіи своихъ земельныхъ чаяній обнаружило рѣдкое единодушіе, какъ въ общинныхъ, такъ и въ подворныхъ губерніяхъ. Лозунгъ «Земли и Воли» облетѣлъ всю Россію и вездѣ съ энтузіазмомъ былъ принятъ крестьянствомъ.

Правъ былъ В. М. Черновъ, когда говорилъ, что только партія соціалистовъ-революціонеровъ сумѣла правильно нащупать пульсъ народной жизни.

Партія соц.-рев. оказалась единственной подлинно-*революціонной* партіей въ томъ единственно правильномъ смыслѣ, что она точно и вѣрно опредѣлила главное русло русской революціи и взяла правильный курсъ по пути *естественнаго* ея развитія и *максимальнаго* воплощенія заложенныхъ въ ней творческихъ возможностей. Это быстрое и точное *вскрытіе* истинной сущности русской революціи передъ лицомъ широкихъ народныхъ массъ имѣло *рѣшающее* значеніе для судебъ революціи, какіе бы этапы *патологическихъ уклоненій* она ни пережила въ своемъ развитіи. Съ того момента, какъ партія помогла народнымъ массамъ оформить неясно сознаваемыя ими воззрѣнія, революція могла итти только по своему истинно-дѣйственному пути, или погибнуть въ безплодной растратѣ творческихъ силъ и возможностей.

Страна крестьянская, съ преобладаніемъ мелкаго потребительно-трудового хозяйства при небольшомъ числѣ экономически-прогрессивныхъ капиталистическихъ хозяйствъ и при полномъ отсутствіи крупнаго кооперативнаго производства,—Россія въ своей аграрной революціи не могла пойти ни по пути дальнѣйшаго развитія буржуазно-капиталистическихъ отношеній, ни по пути созданія общественнаго крупнаго производства съ регулированнымъ обмѣномъ и распредѣленіемъ. Ни для того, ни для другого въ русской сельскохозяйственной дѣйствительности не было необходимыхъ предпосылокъ и тенденцій. Путь аграрной *революціи* былъ предопредѣленъ предшествовавшей длительной аграрной *эволюціей*. А она заключа-

лась въ перетеканіи земли отъ крупнаго землевладѣнія къ мелкому крестьянскому хозяйству.

Вопросъ могъ стоять лишь о томъ, *на какихъ основаніяхъ* революція передастъ землю трудовому крестьянству. Она *могла* повести и къ созданію обширнаго класса разрозненныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Но съ точки зрѣнія интересовъ потребительно-трудового хозяйства она *должна* была создать не тѣ или иныя *формы земельной собственности*, а *землераспредѣлительный аппаратъ* для поддерживанія возможно большого соотвѣтствія между величиной и землепользованіемъ крестьянскихъ семей. Эта задача въ потребительно-трудовомъ хозяйствѣ *осуществлялась всегда* независимо отъ формъ землевладѣнія. Въ странахъ съ частной земельной собственностью она выполнялась аппаратомъ купли—продажи и земельной аренды. У насъ на значительномъ пространствѣ, и наиболѣе удовлетворительно, она разрѣшалась уравнительными передѣлами на *ограниченныхъ территоріяхъ* отдѣльныхъ общинъ. И поскольку существовало это территоріальное ограниченіе,—коррективомъ къ передѣламъ служила та же купля-продажа и аренда внѣнадѣльныхъ и надѣльныхъ земель. Когда механизмъ общины былъ попорченъ аграрнымъ законодательствомъ Столыпина, на смѣну ему пришла усиленная купля-продажа укрѣпленныхъ надѣловъ. Смыслъ этой внутри-надѣльной мобилизаціи оставался тѣмъ же, какой имѣли уравнительные передѣлы: она возстанавливала нарушенное равновѣсіе между семьей и хозяйствомъ; отъ семей сократившихся, потерявшихъ работника или одного изъ потребителей, земля переходила къ семьямъ разросшимся, съ подросшими работниками или съ увеличившимся числомъ «ѣдоковъ».

Такъ, въ силу природы потребительно-трудового хозяйства, передъ русской революціей въ области земельныхъ отношеній стояла проблема созданія не тѣхъ или иныхъ формъ *собственности* на землю, а цѣлесообразнаго *аппарата распредѣленія* земли. Разъ эта проблема была сознана и отчетливо формулирована одной изъ соціалистическихъ партій, разъ крестьянское правосознаніе было подготовлено къ ней всей практикой общиннаго землевладѣнія;—то естественно имѣлись на лицо условія, необходимыя для ея разрѣшенія, и она въ нашей крестьянской странѣ становилась однимъ изъ основныхъ требованій революціи.

Итакъ, въ области земельныхъ отношеній передъ русской революціей стояли задачи: 1) передача всей земли потребительно-трудовому хозяйству; 2) созданіе землераспредѣлительнаго аппарата по образцу общиннаго, но не ограниченнаго предѣлами отдѣльныхъ общинъ.

Обѣ эти задачи написала на своемъ знамени партія соц.-рев., и тѣмъ самымъ она попала въ «стержень» революціонной волны, воплотила въ себѣ революцію.

Въ иномъ положеніи въ этомъ основномъ вопросѣ оказались другія политическія партіи. Однѣ изъ нихъ шли недостаточно далеко по пути, указанному революціей, старались задержать ее на промежуточныхъ пунктахъ, охраняя отчасти крупное землевладѣніе, отчасти мелкую крестьянскую собственность. Другія, исходя изъ признанія прогрессивности крупнаго капиталистическаго производства въ земледѣліи и его исторической неизбѣжности, шли также «противъ теченія» и стремились создать условія, благопріятствующія развитію капитализма. Третьи, наконецъ, выказали намѣреніе прямо пере-

шагнуть черезъ мелкое хозяйство къ крупному *общественному* производству.

Всѣ эти партіи мы должны охарактеризовать въ условіяхъ и обстановкѣ переживаемаго момента, какъ *контръ-революціонныя* и частью *буржуазныя* въ земельномъ вопросѣ.

Первой была отброшена въ оппозицію къ революціи партія цензовыхъ элементовъ—конституціонно-демократическая,—такъ какъ, принявъ программу соціализаціи земли, революція прошла дальше того пункта, до котораго она могла пользоваться сочувствіемъ цензовыхъ группъ. Партія Народной Свободы включала въ свой составъ наряду съ интеллигенціей наиболѣе просвѣщенные элементы класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Отражая либеральную идеологію этой части помѣстнаго класса, она своей аграрной программой опредѣлила размѣръ тѣхъ *жертвъ*, которыя помѣстный классъ могъ принести «прогрессу страны» и «духу времени».

Просвѣщенные землевладѣльцы до революціи, кадеты, благодаря земельному и образовательному цензу, имѣли монополію на участіе въ легальной общественно-государственной работѣ.

Кость отъ кости помѣстнаго сословія, этотъ элементъ всегда шелъ впередъ настолько, чтобы тянуть за собой основную массу своего класса, но не испугать ее слишкомъ смѣлымъ наступательнымъ движеніемъ и не оторваться отъ нея. Его позиція на посту «Временнаго революціоннаго правительства» была позиціей «государственной мудрости»: нахожденіе средней равнодѣйствующей между требованіями жизни и интересами своего класса. Ставъ на эту, единственно ему доступную, позицію, онъ очень быстро потерпѣлъ фіаско, потерялъ сочувствіе народныхъ массъ и, опираясь уже исключительно на буржуазныя, цензовыя группы, сталъ въ опредѣленную оппозицію къ дальнѣйшему развитію революціи.

Въ лицѣ партіи народной свободы революція потеряла людей высокой культуры, въ которыхъ воплотилась квинтъ-эссенція практическаго политическаго воспитанія, государственныхъ навыковъ, общественнаго самоуправленія, и нажила себѣ опасныхъ и умѣлыхъ враговъ. Партія народной свободы и въ коалиціонномъ правительствѣ, и на мѣстахъ усердно подкладывала палки въ колеса земельной реформы.

Немного приходится сказать о партіи народныхъ соціалистовъ. Эта партія, имѣющая аграрную программу съ покровительственной окраской программы соціалистовъ-революціонеровъ, не имѣла никакого успѣха въ крестьянствѣ. Ея половинчатая программа никого не удовлетворила, и революція прошла мимо, не замѣтивъ ея. Тѣмъ не менѣе, оставивъ ее въ сторонѣ отъ жизни, революція потеряла еще одну культурную силу. Въ качествѣ силы, тормозящей проведеніе неотложныхъ мѣръ переходнаго времени въ земельномъ вопросѣ, партія народныхъ соціалистовъ выступала въ коалиціонномъ правительствѣ.

Опредѣленно реакціонную группу въ вопросѣ о путяхъ проведенія земельной реформы мы имѣемъ также въ партіи соціалъ-демократовъ меньшевиковъ.

Ея аграрная программа построена на признаніи соціально-политической и технико-экономической прогрессивности въ настоящій историческій періодъ крупнаго капиталистическаго производства, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ ближайшемъ будущемъ соціалъ-демократы меньшевики

стремятся создать наиболѣе благопріятныя условія для побѣды и развитія капитализма въ земледѣліи.

Такое направленіе аграрной политики идетъ прямо въ разрѣзъ съ намѣченными выше задачами русской революціи. Правда, подчиняясь «духу времени» и считаясь съ очевидной связью русской революціи съ идеей мелкаго трудового хозяйства, меньшевики *для даннаго момента* считаютъ возможнымъ и даже необходимымъ стоять за конфискацію всѣхъ помѣщичьихъ земель и за раздѣлъ ихъ между крестьянствомъ, но они рѣшительно противъ «увѣковѣченія» мелкаго трудового землепользованія, противъ установленія земельнаго строя, при которомъ невозможно бы было «собираніе земли» въ однѣхъ рукахъ и веденіе крупнаго хозяйства наемнымъ трудомъ.

Тѣмъ самымъ, поскольку можетъ быть научно обосновано положеніе о прогрессивномъ характерѣ мелкаго трудового хозяйства въ земледѣліи и о заложенныхъ въ немъ тенденціяхъ къ крупному *кооперативному* производству, для котораго соціализація земли открываетъ широкое поле,—постольку аграрная программа меньшевиковъ должна считаться въ крестьянской странѣ, какъ Россія, реакціонной экономически и соціально.

Во Временномъ Правительствѣ она выступала противъ всѣхъ рѣшительныхъ мѣропріятій переходнаго времени, являющихся якобы «предрѣшеніемъ» земельнаго вопроса до Учредительнаго Собранія.

Результаты выборовъ въ Учредительное Собраніе показали, что черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ переворота въ странѣ остались только двѣ массовыя партіи: партія соціалистовъ-революціонеровъ и партія соціалъ-демократовъ большевиковъ. Большинство страны оказалось на сторонѣ соціалистовъ-революціонеровъ. Но въ этотъ моментъ большевики насильственнымъ переворотомъ захватили власть въ свои руки и стали во главѣ революціи.

Партія большевиковъ, которой суждено было довести русскую революцію до послѣднихъ крайностей, въ началѣ имѣла загадочный обликъ. Полной неопредѣленностью отличалась ея позиція въ земельномъ вопросѣ. Вмѣсто аграрной программы она, въ сущности говоря, обладала своеобразной, но весьма характерной для нея «тактической резолюціей». Въ этой резолюціи стояли конфискація всѣхъ помѣщичьихъ земель и,—въ положительной части,—націонализація земли. Партія разсматривала русскую революцію, какъ революцію соціалистическую. Но вмѣстѣ съ тѣмъ реальное содержаніе ея проекта націонализаціи земли оставалось невысказаннымъ.

Эту неясность позиціи большевиковъ вскрылъ В. М. Черновъ въ своемъ докладѣ Всеросс. Сов. Кр. Деп.

Резолюція, внесенная Н. Ленинымъ, гласила: «частная собственность на землю, вообще, должна быть уничтожена, т.-е., право собственности на всѣ земли должно принадлежать всему народу; распоряжаться землей должны мѣстныя демократическія учрежденія». В. М. Черновъ отмѣтилъ ея недоговоренность. — «Спрашивается, на какихъ же основаніяхъ должны демократическія учрежденія устанавливать пользованіе землей? Вы понимаете, товарищи, что можно землю превратить въ общую, общенародную или въ общегосударственную собственность, но затѣмъ, что съ нею дѣлать, и какъ организовать пользованіе ею? Вѣдь, возможно такое, напримѣръ, пользованіе: сдѣлать ее общегосударственной собственностью и сдавать ее въ аренду. Можно, напримѣръ, также сдать съ торговъ

тѣмъ, кто больше дастъ, и вотъ вамъ земля будетъ общенародной собственностью, но пользоваться ею въ этомъ случаѣ будутъ тѣ, кто сильны капиталами, кто больше дастъ аренды на торгахъ. Вотъ основной вопросъ, который не разрѣшаетъ резолюція: ...вопросъ, какое же пользованіе будетъ,—уравнительное и трудовое или неуравнительное и, можетъ быть, нетрудовое».

Впослѣдствіи, достигнувъ власти, большевики вынуждены были, чтобы не оторваться отъ крестьянства, присоединиться къ проекту соціализаціи земли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, въ согласіи съ своимъ пониманіемъ характера русской революціи, пошли дальше и выдвинули требованіе немедленнаго обобществленія сельско-хозяйственнаго производства и государственнаго регулированія обмѣна продуктами земледѣлія.

Эту позицію мы должны бы были признать единственно революціонной, если бы она не представлялась явно утопической, не требовала бы отъ русской революціи широты творческаго размаха, для нея непосильнаго, и не отодвигала бы осуществленіе реальныхъ творческихъ задачъ русской революціи. Считаясь съ условіями мѣста и времени, мы должны признать позицію большевиковъ въ земельномъ вопросѣ искаженіемъ и нарушеніемъ нормальнаго хода революціи.

Октябрьскимъ переворотомъ революція отбросила въ оппозицію широкіе круги безпартійной интеллигенціи и устранила отъ государственной работы численно преобладавшую въ странѣ партію соц.-рев.

Такъ сложилась соціально-политическая и культурная обстановка, въ которой протекали подготовительныя работы по осуществленію земельной реформы. Ею обрисовывается фактическое соотношеніе силъ, двигавшихъ и тормозившихъ реформу. Имъ, этимъ силамъ, суждено было опредѣлить и фактическій сдвигъ земельныхъ отношеній въ первый годъ революціи.

Въ качествѣ организаціи, *подготовлявшей* реформу и регулировавшей земельныя отношенія въ переходный періодъ до Учредительнаго Собранія, первымъ цензовымъ Временнымъ Правительствомъ были выдвинуты *земельные комитеты*. Согласно «Положенію», эта организація представляла собой зданіе, въ своемъ основаніи имѣвшее всероссійскую сѣть *Волостныхъ* Земельныхъ Комитетовъ и увѣнчанное въ центрѣ Главнымъ Земельнымъ Комитетомъ. Промежуточными звеньями служили *Уѣздные* Комитеты, объединявшіе дѣятельность Волостныхъ, и *Губернскіе* Комитеты, руководившіе всей работой въ губерніи.

Нѣтъ надобности останавливаться на оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ этой организаціи. Недостатковъ было немало, но въ общемъ составъ комитетовъ оказался демократическимъ и въ этомъ смыслѣ удовлетворялъ требованіямъ реформы. Волостные комитеты состояли почти исключительно изъ крестьянъ: сельская интеллигенція въ нихъ почти не была представлена. Въ Уѣздныхъ и Губернскихъ комитетахъ полное преобладаніе получили соціалисты-революціонеры. Фактически все дѣло реформы было въ рукахъ этой партіи.

Здѣсь нужно сдѣлать, однако, весьма существенныя ограниченія. Вокругъ дѣятельности земельныхъ комитетовъ съ перваго же момента разгорѣлась ожесточенная классовая и политическая борьба. Въ центрѣ боролись между собой политическія партіи и классовыя

организаціи въ составѣ коалиціоннаго правительства; на мѣстахъ энергично выступилъ «Союзъ земельныхъ собственниковъ», почти слившійся съ партіей народной свободы. Эта борьба поставила работу земельныхъ комитетовъ въ исключительно тяжелыя условія.

Земельные комитеты на мѣстахъ попали между двухъ огней.

Крестьянство, соглашаясь ждать *окончательнаго* рѣшенія земельнаго вопроса отъ Учредительнаго Собранія, тѣмъ не менѣе считало его *предрѣшеннымъ* резолюціями Всероссійскихъ Съѣздовъ Совѣтовъ Крестьянскихъ, а также Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, и желало использовать «переходный періодъ» въ смыслѣ, такъ сказать, «*нейтрализаціи*» всего нетрудового землевладѣнія. Нейтрализація эта понималась крестьянами, согласно чрезвычайно популярному лозунгу, въ формѣ *передачи всѣхъ земель сельско-хозяйственнаго назначенія въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ* для распрѣдѣленія ихъ между нуждавшимися въ землѣ крестьянскими хозяйствами во временное пользованіе. Всѣ владѣльческія имѣнія со всѣмъ инвентаремъ, сельско-хозяйственными постройками и принадлежностями должны были поступить на учетъ и подъ охрану или, въ случаѣ «неблагонадежности» владѣльца, въ непосредственное завѣдываніе земельныхъ комитетовъ. Таково было настойчивое требованіе крестьянства, и таковы были его ожиданія отъ переходнаго періода до окончательнаго разрѣшенія земельнаго вопроса. Отъ Учредительнаго Собранія крестьянство ждало окончательной отмѣны всѣхъ формъ земельной собственности и планомѣрнаго организованнаго распредѣленія земли въ уравнительно-трудовое пользованіе.

Земельные комитеты на мѣстахъ не могли не считаться съ этой вполнѣ ясно выраженной народной волей. Избранные крестьянствомъ, и стоя на точкѣ зрѣнія подавляющаго большинства его, они должны были вести свою текущую политику въ вышеуказанномъ направленіи. Мѣстнымъ работникамъ земельныхъ комитетовъ было отчетливо видно, что передача земли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ диктуется требованіями жизни и психологіей крестьянства. Было ясно, что это предварительное взятіе земли изъ распоряженій помѣщиковъ будетъ осуществлено если не самими земельными комитетами, то помимо нихъ. Не могли они также не сознавать того, что въ первомъ случаѣ процессъ сдвига земельныхъ отношеній пройдетъ несравненно организованнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ во второмъ.

Ограничиться на переходный періодъ однимъ пониженіемъ арендной платы и нѣкоторымъ расширеніемъ площади отдаваемыхъ крестьянамъ въ аренду земель, какъ того требовали землевладѣльцы, было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы продолжительность переходнаго періода съ его условными, временными рѣшеніями была невелика. На дѣлѣ же онъ затянулся сверхъ мѣры. Созывъ Учредительнаго Собранія, и безъ того назначенный поздно, былъ еще отложенъ. Это отразилось крайне неблагопріятно на психологіи крестьянства, все сводившаго къ вопросу о землѣ, и всякую оттяжку въ его рѣшеніи относившаго на счетъ происковъ помѣщиковъ. Боязнь возврата помѣщичьей власти дѣлала крестьянъ съ каждымъ лишнимъ днемъ нервнѣе и нетерпѣливѣе.

Естественно, что при такихъ условіяхъ на мѣстахъ земельные комитеты съ самаго своего образованія не переставали обращаться въ Главный Земельный Комитетъ и къ Временному Правительству всѣхъ составовъ съ настойчивыми требованіями декрета о передачѣ земель въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, На томъ же настаивали

Исполнительный Комитетъ Всеросс. Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ и мѣстные съѣзды Совѣтовъ.

Какъ извѣстно, всѣ эти требованія натолкнулись на глухую непроницаемую стѣну сопротивленія цензовыхъ элементовъ и нерѣшительность соціалистическихъ партій, входившихъ въ составъ нашихъ Временныхъ Коалиціонныхъ Правительствъ. Не только не было издано требуемаго декрета, но и вообще земельные комитеты оставались безъ всякихъ правовыхъ нормъ, сколько нибудь точно опредѣлявшихъ ихъ компетенцію и права въ области регулированія земельныхъ отношеній. «Положеніе о земельныхъ комитетахъ» отводило имъ роль «посредниковъ» между крестьянами и землевладѣльцами; постановленія ихъ не были *обязательными* ни для той, ни для другой стороны, и всѣ споры должны были рѣшаться «добровольнымъ соглашеніемъ» сторонъ. Само собой разумѣется, что такого рода соглашенія при непримиримыхъ позиціяхъ, занятыхъ помѣщиками и крестьянами, фактически были невозможны. Необходимо было рѣшительное расширеніе правъ земельныхъ комитетовъ; необходимо было придать ихъ рѣшеніямъ обязательную силу.

Между тѣмъ всѣ попытки представителей партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ коалиціонномъ правительствѣ добиться изданія декрета о передачѣ земель въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ систематически отклонялись подъ тѣмъ предлогомъ, что такой декретъ былъ бы вторженіемъ въ компетенцію Учредительнаго Собранія, нарушеніемъ его верховныхъ правъ.

Если такую позицію и можно было защищать съ формально-юридической точки зрѣнія, то фактическому положенію она совершенно не отвѣчала. Съ одной стороны, какъ мы указывали, были всѣ основанія предполагать, что переходный періодъ затянется надолго, а революція не могла замереть въ неподвижномъ ожиданіи,— она перестала бы быть революціей. Съ другой стороны, воля народа въ земельномъ вопросѣ вполнѣ опредѣлилась въ единодушныхъ резолюціяхъ всѣхъ крестьянскихъ съѣздовъ. Сверхъ того, дѣло шло не о самой земельной реформѣ, а всего лишь о «нейтрализаціи» нетрудового землевладѣнія, а въ странѣ не было ни одной вліятельной политической партіи, которая не включала бы въ свою программу конфискацію всѣхъ владѣльческихъ земель, съ передачей ихъ на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ малоземельному крестьянству. Объ *основаніяхъ* передачи между партіями были дѣйствительно серьезныя разногласія. Изъ-за нихъ фактически и тормозилась дѣятельность земельныхъ комитетовъ; изъ-за нихъ и старались временно остановить революцію, хотя мнѣніе крестьянскаго большинства и по этому вопросу было уже вполнѣ извѣстно: вся земля должна перейти безъ выкупа въ общенародное достояніе на началахъ уравнительно-трудового пользованія ею всѣхъ прилагающихъ свой трудъ къ землѣ.

Но какъ бы ни рѣшался вопросъ о полномочіяхъ Временнаго Правительства, фактъ тотъ, что земельные комитеты, благодаря борьбѣ партій въ немъ, не имѣли никакихъ законныхъ инструкцій, кромѣ сильно запоздавшей и совершенно неудовлетворившей крестьянъ извѣстной инструкціи В. М. Чернова. И та проскочила фуксомъ, а юридическая природа ея рѣшительно оспаривалась.

Такимъ безправнымъ и «беззаконнымъ» положеніемъ земельныхъ комитетовъ усиленно пользовался на мѣстахъ «Союзъ Земельныхъ Собственниковъ», привлекшій въ свои ряды не только помѣстныхъ землевладѣльцевъ, но и часть крестьянъ, выдѣлившихся на хутора

и отруба или имѣвшихъ купчую землю. Всѣмъ мѣропріятіямъ земельныхъ комитетовъ «Союзъ» противопоставлялъ ссылку на отсутствіе какихъ-либо актовъ, регулирующихъ временное положеніе, дѣлая отсюда тотъ выводъ, что старые законы пока остаются въ полной силѣ. Оставаясь на легальной почвѣ, земельные комитеты не имѣли никакой возможности сдѣлать отводъ этимъ ссылкамъ. Они вынуждены были принимать къ разсмотрѣнію всѣ жалобы помѣщиковъ на «незаконные захваты» ихъ земель, и помѣщики буквально завалили ихъ такого рода жалобами, лишивъ комитеты всякой возможности заниматься работой по подготовкѣ реформы. Сверхъ того земельнымъ комитетамъ не отпускались кредиты,—въ силу той же партійной борьбы въ правительствѣ,—и это еще болѣе подрывало ихъ работоспособность.

Въ такой обстановкѣ Губернскіе и Уѣздные Комитеты дѣлали то, что могли, постоянно балансируя между требованіями крестьянствомъ опредѣленныхъ рѣшеній въ духѣ народнаго права и необходимостью считаться съ ничѣмъ неограниченными «законными» правами помѣщиковъ на распоряженіе ихъ землей. Половинчатость ихъ рѣшеній не удовлетворила крестьянъ. Текущая земельная политика фактически сосредоточилась въ волостныхъ земельныхъ комитетахъ, которые менѣе склонны были считаться съ устарѣвшими нормами закона. Роль высшихъ мѣстныхъ инстанцій свелась къ разбору жалобъ помѣщиковъ и къ указаніямъ того «законнаго пути» къ переходу помѣщичьихъ земель въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, который былъ намѣченъ инструкціей В. М. Чернова. Этотъ сложный и хитрый путь заключался въ соглашеніяхъ съ Продовольственными Управами, которыя по своему «Положенію» были надѣлены правомъ передавать крестьянамъ тѣ земли, которыя, по заключенію Управъ, помѣщики не въ состояніи были обработать сами.

Фактически земли помѣщиковъ все-таки перешли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ. А въ концѣ концовъ въ рядѣ мѣстъ Губернскіе Земельные Комитеты самовольно «оформили» этотъ переходъ, издавъ «обязательныя» постановленія въ этомъ смыслѣ.

Отъ переходнаго періода крестьянство въ болѣе или менѣе совершенной формѣ получило то, чего хотѣло. На очередь сталъ вопросъ о планомѣрномъ проведеніи самой реформы.

Коренной реформы крестьянство ждало отъ Учредительнаго Собранія и, согласно своимъ взглядамъ на землю, послало въ него въ огромномъ большинствѣ соціалистовъ-революціонеровъ.

Эти ожиданія не оправдались.

Учредительное Собраніе было разогнано. Къ замѣнившему его совѣту народныхъ комиссаровъ и его «рабоче-крестьянской» власти въ деревнѣ нѣтъ и не можетъ быть серьезнаго отношенія. Наоборотъ, есть полная увѣренность, что это опять «временное». И потому «октябрьскій переворотъ» означалъ для крестьянства лишь новое продленіе «переходнаго періода», новую затяжку въ окончательномъ разрѣшеніи земельнаго вопроса на неопредѣленно долгое время. А практическія мѣропріятія новаго правительства въ земельномъ вопросѣ точно нарочно расчитаны на то, чтобы оправдать такое отношеніе крестьянства. Систематическимъ разгономъ земельныхъ комитетовъ, срывомъ ихъ съѣздовъ и полнымъ прекращеніемъ работъ по подготовкѣ реформы въ центрѣ и на мѣстахъ оно какъ будто поставило себѣ цѣлью убѣдить крестьянъ въ томъ, что организованное проведеніе реформы по общему государственному плану въ виду не имѣется.

Къ концу перваго года революціи земельный вопросъ, приблизившись было къ своему разрѣшенію, снова вступилъ въ переходный періодъ безъ общаго руководящаго плана, безъ организаціоннаго аппарата, почти безъ культурныхъ силъ,—съ однѣми резолюціями въ рукахъ. Ибо иного значенія, при сложившейся обстановкѣ, не имѣютъ ни обрывокъ закона, принятый Учредительнымъ Собраніемъ, ни цѣльный законъ, проведенный безъ преній на послѣднемъ съѣздѣ совѣтовъ и теперь оспариваемый и измѣняемый, подъ вліяніемъ большевиковъ, крестьянской секціей выбраннаго съѣздомъ Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ.

Конечно, реформа въ концѣ концовъ будетъ. Но когда? И во что она отольется послѣ всѣхъ перепитій «переходнаго періода», когда всѣ спорные вопросы начинаютъ все чаще и чаще рѣшаться въ пользу тѣхъ, кто въ данный моментъ лучше вооруженъ, а не тѣхъ, кто силенъ своимъ правомъ; когда голоса, поданные народомъ, уже не подсчитываются, а «взвѣшиваются», при чемъ на чашку меньшинства бросается мечъ побѣдителя? Насколько она будетъ отвѣчать вѣковымъ чаяніямъ крестьянства, потребностямъ трудового хозяйства и заданіямъ соціалистическихъ партій, которыя казались столь близкими къ осуществленію? Не порвется ли теперь та «особенная связь» между трудовымъ крестьянскимъ хозяйствомъ и современнымъ моментомъ, которую мы отмѣтили выше?

На всѣ эти вопросы отвѣтитъ сейчасъ уже невозможно. Естественный ходъ русской революціи нарушенъ и искаженъ насиліемъ. Настоящее и будущее земельной реформы покрылось тяжелымъ туманомъ.

Б. Черненковъ.

Финансовые итоги года революціи.

1. Финансы въ дореволюціонной Россіи.

Изслѣдуя финансовые итоги пережитаго года, надо совершенно опредѣленно признать, что никакъ нельзя разсматривать годъ революціи какъ что-то самостоятельное, безъ связи съ событіями, предшествовавшими этому году, и безъ перспективъ будущаго. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о финансахъ.

Какъ революція, переживаемая нами, является однимъ изъ звеньевъ цѣпи историческихъ явленій русской жизни, такъ и экономическія проявленія русской дѣйствительности въ періодъ революціи—лишь одинъ моментъ въ историческомъ потокѣ экономической жизни народовъ, населяющихъ обширную державу Россійскую.

Изъ дореволюціоннаго періода слѣдуетъ выдѣлить $2^1/_2$ года войны, которая сильно измѣнила народно-хозяйственную жизнь въ Россіи и въ частности кореннымъ образомъ разстроила и безъ того несовершенную и мало гибкую финансовую систему государства. Мы начнемъ свою характеристику русскихъ государственныхъ финансовъ съ 1913—1914 годовъ, когда, по мнѣнію высшихъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, наше государственное хозяйство въ финансовомъ отношеніи стояло высоко. Каждый годъ министры финансовъ представляли въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на предстоящій годъ, а въ объяснительной запискѣ къ этой росписи доказывали, что россійскіе финансы блестящи. Это была ложь, которую соціалисты въ своей подпольной печати, въ своихъ нелегальныхъ изданіяхъ разоблачали, до-

казывая обратное. Въ самомъ дѣлѣ. Страна съ 160 милліоннымъ населеніемъ производила всего сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, добывала минераловъ и металловъ, изготовляла предметовъ фабрично-заводской промышленности и пр. на сумму 15—18 милліардовъ рублей или примѣрно на 112 рубл. на 1 душу населенія; а такъ какъ самодѣятельныхъ работниковъ по переписи 1897 г. въ Россіи насчитывается до 30 % всего населенія, то на одного трудящагося придется всего продуктовъ и издѣлій въ годъ примѣрно на 336 руб. Въ то же время англійскій народъ производилъ на душу населенія всего продуктовъ и издѣлій примѣрно на 600 рубл., а на одного работника — на сумму около 2000 руб., т.-е. примѣрно въ 5 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи. Не могутъ быть блестящіе финансы въ той странѣ, гдѣ производительность труда стоитъ такъ низко, какъ въ Россіи. Основу государственныхъ финансовъ составляетъ народное благосостояніе, а въ этомъ отношеніи Россія стоитъ почти-что на ступени нищенства. Эта истина подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что государственный бюджетъ въ Россіи падаетъ на плечи населенія несравненно большею тяжестью, нежели въ Англіи. Въ 1913 г. въ Англіи на каждую душу населенія приходилось государственнаго бюджета, какъ центральнаго правительства, такъ и мѣстныхъ органовъ самоуправленія, по 60 рубл., что составляетъ десятую часть производимыхъ цѣнностей. Въ Россіи же въ 1913 г. бюджетъ центральнаго правительства составлялъ 3.300 милліоновъ рубл., а бюджетъ земствъ, городовъ и сельскихъ обществъ—около 800 милл. рубл., весь же государственный бюджетъ составлялъ примѣрно 4.100 милліоновъ рубл. или 26 рубл. на душу населенія, что составляетъ почти 25% отъ производительности населенія. Такъ какъ нашъ государственный бюджетъ почти цѣликомъ покрывается налогами, то вся тяжесть государственнаго бюджета ложится на плечи трудового народа. И такъ, въ Англіи бюджетъ страны ложится 10-ю процентами на производительность труда населенія, а въ Россіи онъ съѣдаетъ четвертую часть производительности народа; иначе говоря, русскій народъ въ 1913 г. несъ въ $2^1/_2$ раза большее бремя государственныхъ и общественныхъ тяготъ, чѣмъ англійскій. Но мало этого,—русская финансовая система—одна изъ самыхъ несовершенныхъ, такъ какъ главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ служатъ налоги и притомъ косвенные, т.-е. налоги на продукты массоваго потребленія. Веденіе хозяйства въ предпріятіяхъ и владѣніяхъ, принадлежащихъ государственной казнѣ, настолько плохо, что эти обширныя владѣнія и грандіозныя предпріятія (напр. казенные земли и лѣса, казенныя желѣзныя дороги, казенные заводы и пр.) почти не приносятъ дохода. Ко времени начала войны съ нѣмцами наши государственные финансы находились въ нѣкоторомъ равновѣсіи; никакихъ внѣшнихъ угрожающихъ моментовъ въ нашей финансовой системѣ не было; но внутреннее содержаніе всей народно-хозяйственной жизни русскаго народа было чрезвычайно бѣдно. Основныя предпосылки народнаго творчества, а именно просвѣщеніе, культура, народное здравіе, безбѣдное существованіе массъ населенія и свобода—не существовали для русскаго народа; вслѣдствіе этого производительность труда была, какъ мы видѣли, чрезвычайно низка и прогрессъ въ области промышленности почти отсутствовалъ. Въ области сельскаго хозяйства масса трудового крестьянства работаетъ такими же орудіями производства и почти при тѣхъ-же экономическихъ условіяхъ, что и 60 или даже 100 лѣтъ тому назадъ. Большинство 130-милліоннаго крестьянскаго населенія работаетъ первобытными

способами при трехпольной системѣ, безъ доступнаго кредита, безъ надлежащей организаціи сбыта продуктовъ и т. д. Земства и кооперативы кое-что сдѣлали въ этомъ направленіи, но по отношенію къ дѣйствительной потребности это ничтожная крупинка! Фабрично-заводская промышленность у насъ развита слабо и привлекала къ себѣ не болѣе $3^1/_2$ милліоновъ рабочихъ. Горная промышленность и желѣзнодорожная сѣть, вмѣстѣ взятыя, пользовались трудомъ не болѣе 2 милліоновъ человѣкъ. Средній годовой заработокъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ за 1913 г., составлялъ 255 руб., не считая квартиры и другихъ удобствъ, которыя нѣкоторые рабочіе получали отъ предпріятія натурой. Городское населеніе, по даннымъ министерства внутр. дѣлъ за 1910 г., составляло около 22 мил. человѣкъ: изъ нихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ лишь 15%. Такимъ образомъ, пока-что основу существованія русскаго народа составляетъ по преимуществу сельское хозяйство. Поэтому экономическая и финансовая политика центральной и мѣстной государственной власти въ первую голову должна поставить себѣ задачею — поднятіе производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Ненормальность положенія русскаго бюджета и до войны заключалась въ томъ, что при чрезвычайно низкой производительности труда массъ населенія, центральная государственная власть брала съ него огромную часть его заработка.

Въ іюлѣ 1914 г. началась война съ австро-германцами. Къ этому времени государственный долгъ достигъ почти 9 милліардовъ рубл. Бумажныхъ денегъ на рынкѣ было на сумму 4.665.000 тыс. рубл. Бумажныя деньги ходили почти въ одинаковой стоимости съ золотой монетой. Война прежде всего вызвала чрезвычайные расходы. Кромѣ того, запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ и закрытіе винной монополіи уменьшило государственные доходы за 1914 г. почти на 500 милл. рубл., сократился доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на 125 милл. рубл., отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ—на 25 милл. рубл. и пр.

Въ первый же годъ войны сократились поступленія въ государственную казну, увеличились государственные долги, усилился выпускъ кредитныхъ бумажекъ, стоимость которыхъ начала понижаться.

Передъ началомъ войны въ кладовыхъ Государственнаго банка хранилось золотой монеты на сумму 1528 милл. рубл. и находилось въ обращеніи 494 милл. рубл.

Война потребовала огромныхъ расходовъ, опрокинувшихъ совершенно и безъ того неустойчивую нашу финансовую систему.

За полгода 1914 г. затрачено казной на военныя надобности 1657 милліон. рублей. Въ 1915 г.—около 9000 милл. руб., а въ 1916 г. 14573 милл. рубл. Въ теченіе января и февраля 1917 г.—около 3 милліардовъ рубл., а всего въ чрезвычайномъ порядкѣ ко времени революціи затрачено было на войну болѣе 27000 милліоновъ рублей. Въ короткихъ словахъ эти суммы получились слѣдующимъ образомъ: произведено займовъ заграницей (внѣшнихъ) на сумму до 8000 мил. р. и въ Россіи—внутреннихъ займовъ—9000 мил. рубл., изъ которыхъ 6000 милл. рубл. получено въ видѣ долгосрочныхъ займовъ и 3000 мил. рублей въ видѣ кратковременныхъ займовъ. Кромѣ того, за

время войны къ 1 марта 1917 г. было выпущено кредитныхъ билетовъ на сумму 7464 мил. рубл.*).

Такимъ образомъ, нашъ государственный долгъ увеличился за время войны до 1-го марта 1917 г. до19 $^1/_2$ милліардовъ, а количество кредитныхъ билетовъ увеличилось почти на $7^1/_2$ милліардовъ. Добавимъ къ этому, что государственный бюджетъ, несмотря на прекращеніе продажи спиртныхъ напитковъ, увеличился съ 3.300 милл. рубл. въ 1913 г. до 4000 милл.—на 1917 г.; это увеличеніе можно считать очень большимъ, потому что отъ закрытія винной монополіи и запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ казна потеряла около милліарда рубл., которые финансовое вѣдомство компенсировало главнымъ образомъ увеличеніемъ косвенныхъ налоговъ, а именно налоговъ на чай, сахаръ, керосинъ, табакъ, спички; далѣе, увеличенъ промысловой налогъ, почтово-телеграфные и телефонные сборы, введенъ съ 1917 г. подоходный налогъ и пр.

Финансовое положеніе страны ко времени революціи уже было отчаянное. Стоимость веденія войны, вслѣдствіе паденія цѣнности нашего бумажнаго рубля (до 20 коп. на золото), сильно возросла, а именно съ 9 милліон. рубл. въ день въ началѣ войны до 50 милл. рубл. въ день—къ 1-му марта 1917 г.; задолженность государства уже поставила подъ сомнѣніе возможность дальнѣйшихъ займовъ, какъ заграницей, такъ и внутри страны. Если прибавить къ этому народнохозяйственную разруху, достигшую ко времени революціи высокой степени, то получится ясное представленіе о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ придется революціонной демократіи строить свою финансовую политику.

2. Наши государственные финансы за годъ революціи.

Прежде всего революція не прекратила войны; расходы на поддержаніе войны возросли къ сентябрю 1917 г. уже до 60 милліоновъ рублей въ день. Источники государственныхъ доходовъ не расширялись, а суживались; народно-хозяйственная жизнь вслѣдствіе тяжелаго наслѣдія, полученнаго революціонной демократіей отъ самодержавія, не налаживалась, а падала еще ниже. Дороговизна увеличивалась, почти окончательно разстроился желѣзно-дорожный транспортъ, недостатокъ хлѣба во многихъ мѣстахъ сталъ хроническимъ; производительность труда понизилась. Временное правительство не справилось съ огромной, почти-что непосильной задачей веденія войны и внутренняго устроенія страны. Какъ и павшее самодержавіе, Временное Правительство съ первыхъ же дней своей дѣятельности вынуждено было продолжать выпускъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ въ іюнѣ 1917 г. было уже на 12 милліардовъ, а въ сентябрѣ—на 14 милліардовъ. Но однѣхъ кредитокъ на поддержаніе войны не хватало, и Временное Правительство выпустило «заемъ свободы», который хотя имѣлъ и большій успѣхъ, чѣмъ послѣдніе займы самодержавнаго правительства, все же далъ мало средствъ, а именно до конца 1917 г. около 3 милліардовъ рублей, обезпечивъ такимъ образомъ не болѣе 50 дней войны.

Временное Правительство напряженно работало по переустрой-

---

*) Эти данныя взяты частью изъ рѣчи министра временнаго правительства С. Н. Прокоповича, произнесенной имъ на Государственномъ Совѣщаніи, частью изъ книги З. С. Каценелепбаума: „Война и финансово-экономическое положеніе Россіи“. Москва 1917 г.

ству государственнаго строя, но въ области финансовъ сдѣлано мало. Создавъ демократическія земства и городскія думы, Временное Правительство успѣло выработать новыя основанія финансовъ городовъ, но до реорганизаціи государственной финансовой системы не дошло. Однако надо обратить вниманіе на то, что государственный бюджетъ на 1917 г. былъ составленъ еще самодержавнымъ правительствомъ, которое, конечно, коренныхъ измѣненій въ налоговую систему не внесло и радикальной реорганизаціи въ веденіи хозяйства во владѣніяхъ и предпріятіяхъ, принадлежащихъ казнѣ, не произвело.

Къ сожалѣнію надо признать, что и Временное Правительство за 8 мѣсяцевъ управленія страной не успѣло *не только провести, но даже закончить* разработку демократическаго переустройства всей государственной финансовой системы. Многое было намѣчено, но мало выполнено.

Народно-хозяйственная жизнь со времени революціи продолжала по инерціи катиться подъ гору: дороговизна росла, разстройство транспорта углублялось, необходимые для населенія продукты и издѣлія исчезали съ рынка, недостатокъ хлѣба чувствовался уже въ большемъ числѣ мѣстъ и въ большемъ масштабѣ, бумажныя деньги еще сильнѣе наводняли страну и еще больше теряли свою покупательную способность; налоги и взносы населенія въ казну и въ особенности въ земскія и городскія кассы поступали слабо и неакуратно. Кромѣ того, несмотря на огромный выпускъ кредитныхъ билетовъ, достигавшій 30 милліон. рубл. въ день, въ іюнѣ сталъ ощущаться недостатокъ денежныхъ знаковъ.

Затянувшаяся война начинала стягивать народно-хозяйственную жизнь все болѣе и болѣе узкимъ стальнымъ кольцемъ. Временное Правительство облегчило порядокъ открытія кооперативовъ и промышленныхъ предпріятій, издало декретъ о хлѣбной монополіи, выработало и издало законъ о городскихъ финансахъ, но не пошло на введеніе единовременнаго налога на капиталистовъ, получавшихъ огромныя военныя прибыли, не сумѣло вернуть къ себѣ огромные милліарды бумажныхъ денегъ, накопившихся и въ городахъ и въ особенности въ деревняхъ.

Въ этомъ нельзя винить одно правительство и революцію. Главной причиной раззоренія страны оставалась попрежнему непосильная для русскаго народа война. Если бы вопросъ о всеобщемъ демократическомъ мирѣ былъ поставленъ со всею силою и повелительностью съ самаго начала революціи, то возможно, что годъ назадъ мы были бы въ лучшихъ условіяхъ для мирныхъ переговоровъ. Попытки Временнаго Правительства и мѣстныхъ органовъ самоуправленія, которые уже съ конца іюня стали избираться на основѣ всеобщаго избирательнаго права, вести экономическую и финансовую политику обычнымъ не-революціоннымъ порядкомъ, не давали сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. Всѣмъ было ясно, что кризисъ экономической жизни страны, а съ нимъ и финансовый кризисъ неизбѣженъ. Денегъ на веденіе войны требовалось все больше и больше; возможность производства займовъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ становилась все болѣе и болѣе неосуществимой, печатные станки экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ трещали отъ напряженной работы и то и дѣло останавливались, усугубляя и безъ того правительственный голодъ въ денежныхъ знакахъ; на помощь пришла техника, которая вмѣсто печатанія красивыхъ и большихъ бумажекъ 100, 50 и 25-и рублеваго достоинства стала выбрасывать безконечныя

ленты маленькихъ уродливыхъ «керенокъ» 40 и 20-ти рублеваго достоинства.

Съ этого момента начинается новая страница русской революціи; по всей Россіи власть переходитъ въ руки Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, руководимыхъ большевиками.

3. Финансы въ періодъ большевистскаго господства.

Временное Правительство, какъ мы видѣли, очень мало сдѣлало для улучшенія финансовъ страны, ему не хватало революціонной смѣлости. Большевики, захвативъ власть, стали проводить свою политику съ чрезвычайной смѣлостью и рѣшительностью. Считая, что переживаемая нами революція должна установить въ Россіи соціалистическій строй, совѣтская власть и своими декретами и своими непосредственными дѣйствіями, стала разрушать старый буржуазно-капиталистическій строй, не имѣя возможности, при современныхъ условіяхъ, создать вмѣсто него что-либо положительное, хотя бы приближающее къ соціализму. Печальные результаты для государственныхъ финансовъ имѣлъ разгонъ большевиками органовъ мѣстнаго самоуправленія. Большевики не сумѣли совершенно сорганизовать мѣстныхъ финансовъ, не помогли также и государственной казнѣ собрать хоть ничтожную долю средствъ, въ то время какъ въ деревняхъ денегъ много. Какъ земскихъ, такъ и государственныхъ налоговъ на землю никто не платитъ. Попытка большевиковъ обложить частное землевладѣніе единовременнымъ налогомъ въ размѣрѣ 100 р. съ десятины сверхъ 25 десятинъ, которыя не облагаются, потерпѣла полный крахъ, потому что частные владѣльцы земли фактически устранены отъ обладанія ею и размѣръ самаго налога во многихъ случаяхъ превышаетъ капитальную стоимость земли. Совершенно непонятна цѣль этого декрета, такъ какъ можно было предсказать впередъ, что этотъ налогъ могли бы платить только немногіе изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ 27—30 десятинами, такъ какъ имъ пришлось бы платить за 2—5 десятинъ. Владѣлецъ же 325 десятинъ уже обязанъ платить 30000 руб., а—10000 десятинъ—1 милл. рубл.

Вторымъ декретомъ большевиковъ, имѣвшимъ пагубное значеніе для государственныхъ финансовъ, была «націонализація» частныхъ банковъ, выразившаяся въ захватѣ большевиками всѣхъ частныхъ кредитныхъ учрежденій и полномъ параличѣ ихъ дѣятельности. Этотъ разгромъ частныхъ банковъ привелъ къ уничтоженію прилива въ банки частныхъ денежныхъ средствъ и почти полной остановкѣ кредитныхъ операцій; никакой націонализаціи не получилось, а денежный рынокъ превратился въ кладбище. Съ одной стороны, въ рукахъ населенія находятся милліарды бумажныхъ денегъ, а съ другой—государство и торгово-промышленныя предпріятія лишились возможности получать ихъ отъ населенія; рабочіе фабрикъ и заводовъ не могутъ получать во время заработную плату, потому что большевики ограничили выдачи съ текущихъ счетовъ суммой сначала 150 руб. въ недѣлю, а затѣмъ нѣсколько большей; торговцы лишились, по той-же причинѣ, возможности во время выкупить пришедшій на станцію грузъ и потребители оставались безъ продуктовъ; получился такой кавардакъ, что большевики стали понемногу нарушать свой декретъ, а московскіе комиссары ходатайствовали о полной его отмѣнѣ.

Декретъ объ аннулированіи (уничтоженіи) внѣшнихъ займовъ имѣетъ не только финансовое, но и политическое значеніе; держате-

лями этихъ обязательствъ на сумму до $10^1/_2$ милліардовъ рубл. являются не только буржуазія Англіи и Франціи, частью и Америки, но и средніе классы населенія этихъ странъ. Этотъ декретъ, осуществиться которому, по нашему мнѣнію, не суждено, все же страшно подрываетъ нашъ кредитъ за границей и сильно помѣшаетъ осуществить большіе займы для возрожденія Россіи, которые мы должны будемъ заключать послѣ войны. Другой декретъ касается судьбы внутреннихъ займовъ, которые тоже уничтожаются, но въ этомъ случаѣ интересы держателей этихъ обязательствъ въ суммѣ до 10000 рубл. обезпечиваются замѣной новыми обязательствами; однако купоны по всѣмъ внутреннимъ займамъ будутъ оплачиваться только по 1918 г.. Эта реформа также подрываетъ довѣріе широкихъ круговъ населенія къ государственной финансовой политикѣ.

Объявивъ октябрьскую революцію соціалистической, большевики и далѣе издавали свои декреты съ тою цѣлью, чтобы сейчасъ же ввести соціализмъ, при чемъ практика часто шла дальше декретовъ.

Такъ напр., фабрично-заводскій контроль во многихъ случаяхъ превращался въ захватъ промышленныхъ предпріятій въ руки заводскихъ комитетовъ.

Само собою разумѣется, что разстройство торгово-промышленныхъ предпріятій и кредитныхъ учрежденій сокращаетъ, если не совсѣмъ сводитъ на нѣтъ, поступленіе государственныхъ доходовъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о декретѣ, передающемъ городскіе дома въ руки квартирантовъ, организованныхъ въ домовые комитеты, устранивъ совершенно отъ этихъ домовъ ихъ юридическихъ владѣльцевъ; существованіе мелкаго домовладѣнія, по этому декрету, остается на прежнихъ основаніяхъ. Всѣ эти декреты, какъ мы видѣли, не вводя и тѣни соціализма, совершенно подрывали государственные и общественные финансы на столько, что съ 15 окт. 1917 г. по февр. 1918 г. государственная казна затратила всего 1560 милл. рубл., а получила въ доходъ за это время всего 9 милл. рубл.; иначе говоря, каждому рублю дохода соотвѣтствовало 166 рубл. расхода. При такомъ соотношеніи доходовъ и расходовъ дѣятельность центральнаго правительства совершенно невозможна, несмотря на конфискаціи и выемки, практикуемыя большевистскими властями.

Все изложенное показываетъ, что кризисъ государственныхъ финансовъ происходитъ въ значительной степени отъ дурной внѣшней и внутренней политики большевистской власти, хотя, конечно, наслѣдіе самодержавія оказываетъ и долго еще будетъ оказывать неблагопріятное вліяніе на жизнь страны. Но надо совершенно опредѣленно признать, что если не будетъ возстановлена истинная народная власть Учредительнаго Собранія, то будетъ еще хуже, потому что такъ называемая «пролетарско-коммунистическая» власть все дальше и дальше идетъ въ разрушеніи народно-хозяйственной жизни и самаго государственнаго аппарата. Готовится декретъ о націонализаціи всѣхъ кооперативовъ, что равносильно уничтоженію иниціативы и творчества въ этой обширной области народнаго хозяйства. Предполагается объявленіе особаго вида большевистской девальваціи, при которой совѣтская власть намѣрена декретировать стоимость бумажныхъ денегъ по золотой валютѣ, т.-е. примѣрно по 10 коп. за каждый бумажный рубль. Но главное условіе девальваціи—возможность свободнаго размѣна новыхъ бумажекъ на золото, дабы удержать новыя кредитки отъ паденія въ стоимости и сохранить равноцѣнность золоту.

Въ настоящее время государственный банкъ не въ состояніи производить этого свободнаго обмѣна, поэтому и новыя кредитки быстро упадутъ въ стоимости до старыхъ; къ тому же товаровъ на рынкѣ нѣтъ и населеніе останется при прежнихъ условіяхъ безтоварья, а слѣдовательно дороговизна на всѣ товары будетъ не падать, какъ обѣщаютъ большевики, а возрастать.

Актъ девальваціи необходимо отложить до лучшаго времени, когда появятся товары на рынкѣ и запасъ золота въ государственной казнѣ. Въ русской исторіи есть случаи какъ удачной, такъ и неудачной девальваціи.

Государственные финансы къ данному моменту настолько дезорганизованы, что ни населеніе, ни само правительство не знаетъ, на какія средства оно живетъ и будетъ жить въ ближайшее время. Государственный бюджетъ на 1918 г. не былъ составленъ. Въ октябрѣ 1917 г. въ печать проникали свѣдѣнія, что Временное Правительство вычислило смѣту доходовъ и расходовъ казны на 1918 г. въ $7^1/_2$ милліардовъ рублей, не считая чрезвычайныхъ расходовъ на поддержаніе войны. Съ большевистскимъ переворотомъ всѣ свѣдѣнія о бюджетѣ совершенно исчезли, какъ исчезли и еженедѣльные бюллетени правительства о движеніи суммъ прихода и расхода государственной казны и операцій государственнаго банка; мы вернулись ко тьмѣ старыхъ крѣпостническихъ порядковъ первой половины прошлаго столѣтія.

Но надо признать, что если бы эти свѣдѣнія и были, то они познакомили бы насъ почти съ безнадежнымъ положеніемъ государственныхъ финансовъ. Такъ называемый большевистскій соціализмъ есть могила государственной казны. При большевистскомъ соціализмѣ вся народно-хозяйственная жизнь остается въ рамкахъ стараго буржуазно-капиталистическаго строя, объекты обложенія дезорганизуются; бывшіе владѣльцы имѣній фактически устранены отъ нихъ, поэтому ничего не платятъ; земельные комитеты, сдѣлавшись распорядителями этихъ земель, за неимѣніемъ средствъ также ничего не платятъ ни казнѣ, ни земствамъ. Фабрики и заводы переживаютъ тяжелую эпоху всей народно-хозяйственной разрухи, поэтому также плохо выручаютъ казну. Крестьяне и городскіе жители, видя полный сумбуръ въ соціально-экономической дѣятельности большевистской власти, не довѣряютъ ей, поэтому также не платятъ. Остается одинъ рабочій классъ и солдаты, въ составѣ которыхъ есть большевики, поддерживающіе совѣтскую власть. Но они, какъ и весь трудовой народъ, поддерживаютъ казну главнымъ образомъ косвенными налогами. За отсутствіемъ достаточнаго количества сахара, керосина табаку, спичекъ и пр. и вслѣдствіе запрещенія продажи крѣпкихъ напитковъ, эти налоги поступаютъ также въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ бы слѣдовало; подоходный налогъ, повидимому, также поступаетъ неаккуратно. Судя по тѣмъ строгимъ взысканіямъ, которыми грозятъ большевики торгово-промышленнымъ предпріятіямъ за невзносъ единовременнаго налога, можно заключить, что и этотъ налогъ поступаетъ въ казну туго.

Необходимо еще прибавить, что области, отторгающіяся отъ Россіи, какъ Украйна, Бессарабія и пр., области, занятыя театромъ войны и области, стремящіяся отдѣлиться отъ Россіи, совсѣмъ не платятъ государственныхъ налоговъ.

Откуда же государственная казна беретъ средства для поддержанія войны и всего государственнаго механизма?

Главнымъ источникомъ дохода Смольнаго правительства являются печатные станки, которые выбрасываютъ ежедневно не менѣе 30 милл. «керенокъ». Количество бумажныхъ денегъ достигаетъ въ настоящее время 19 милліардовъ; эта колоссальная масса кредитокъ задерживается на рукахъ жителей, совершенно не возвращаясь въ казну.

Займовъ внутреннихъ и внѣшнихъ къ настоящему времени въ Россіи имѣется на сумму примѣрно 33 милліарда. А такъ какъ внѣшніе займы исчисляются на золотую монету, то сумма эта, переведенная на кредитные билеты, выразится примѣрно въ 45 милліардовъ рубл. А весь долгъ государственной казны, считая и кредитные билеты, составитъ къ настоящему времени до 64 милліардовъ рубл. Жить такъ далѣе и въ тоже время вести войну нельзя. Страна переживаетъ сейчасъ не финансовый кризисъ, а *финансовый крахъ*. Одна надежда на союзниковъ, которые на мирномъ конгрессѣ помогутъ Россіи выйти изъ этого краха. Если же Украина и другія части Россіи будутъ оторгнуты отъ единаго Россійскаго государства, то выполненіе всѣхъ указанныхъ обязательствъ для урѣзанной Россіи будетъ совершенно непосильно

4. Ближайшія задачи въ области нашихъ государственныхъ финансовъ.

Прежде всего мы считаемъ, что ближайшей формой государственнаго устройства Россіи должна быть демократическая республика. Чтобы провести назрѣвшія демократическія финансовыя реформы, необходимо созвать Учредительное Собраніе, и ему надлежитъ создать авторитетную государственную власть; необходимо также возстановить демократическія городскія думы и земства и совокупными силами всей революціонной демократіи, мы убѣждены, можно достигнуть возрожденія Россіи.

Въ демократической республикѣ должна быть перестроена налоговая система въ томъ смыслѣ, чтобы налоговое бремя было переложено съ плечъ трудового народа на состоятельные классы; необходимо, чтобы косвенные налоги были постепенно замѣнены налогами на капиталы, на наслѣдства, на роскошь и пр.Налоговая реформа должна создать такое обложеніе, которое отнимало бы отъ капиталиста значительную часть прибавочной стоимости труда. Въ 1913 г., при бюджетѣ въ 3300 милл. рубл. отъ обложенія чая, сахара, табаку, спичекъ и пр., а также отъ продажи спиртныхъ напитковъ получено казной 1608 м. р., что составляетъ почти половину всего государственнаго бюджета, а если исключить изъ доходной смѣты поступленія отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, земель, лѣсовъ, заводовъ, промысловъ и пр., такъ какъ этотъ доходъ весь тратится на указанныя владѣнія и предпріятія, то косвенные налоги составятъ почти $^2/_3$ государственныхъ доходовъ. На 1917 г. при бюджетѣ въ 4000 милл. рубл. и при ничтожномъ доходѣ отъ продажи спиртныхъ напитковъ, косвенные налоги составляли лишь 1.148.700 тысячъ р., что составляетъ менѣе 30% валового бюджета, а за вычетомъ изъ бюджета дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и пр. по вышеуказанной причинѣ, косвенные налоги все же составятъ 40% государственныхъ доходовъ.

И справедливость, и разумная экономическая политика требуютъ болѣе высокаго обложенія недвижимости и торгово-промышленныхъ капиталовъ путемъ прогрессивно-подоходнаго налога. Въ нашей смѣтѣ государственныхъ доходовъ простой видъ подоходнаго налога поя-

вился впервые въ 1917 г., но при томъ всего на сумму 130 милл. рубл. Налогъ на наслѣдства и другія имущества и капиталы, переходящіе къ другимъ лицамъ безвозмездно, также долженъ имѣть прогрессивный характеръ. Прогрессивность обложенія имуществъ, переходящихъ безвозмездно, должна быть двоякая: прежде всего большая цѣнность облагается прогрессивно больше, а затѣмъ имущества, переходящія къ болѣе далекимъ родственникамъ, также облагаются прогрессивно больше. Этотъ видъ налога въ простой формѣ существуетъ давно: въ 1906 г. онъ далъ 6 милл. рубл., а въ 1917 г. долженъ дать лишь 12 милл. рубл. Прогрессивное обложеніе увеличитъ этотъ доходъ въ десятки разъ. Пока Учредительное Собраніе не установитъ закона о муниципализаціи всѣхъ городскихъ земель, необходимо ввести обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнности недвижимыхъ имуществъ и особое обложеніе незастроенныхъ участковъ. Эти виды налоговъ уже существуютъ въ Западной Европѣ. Далѣе источникомъ дохода для государственной казны можетъ служить налогъ на роскошь, при чемъ и въ этомъ налогѣ долженъ сохраниться принципъ прогрессивности въ томъ смыслѣ, что предметы болѣе доступные и отвѣчающіе болѣе элементарному комфорту должны облагаться слабѣе, нежели предметы безумной роскоши. Этотъ видъ налоговъ нашимъ фискомъ еще не затронутъ.

Необходимо поставить на очередь коренную реорганизацію таможенной системы, такъ какъ запретительные тарифы на желѣзо и другіе металлы, на инструменты и станки, на сельско-хозяйственныя машины и орудія равносильны запрещенію трудящимся массамъ употреблять эти товары.

Правильная, справедливая и цѣлесообразная государственная финансовая политика заключается въ томъ, чтобы слѣдить за ростомъ какъ доходности, такъ и стоимости объектовъ обложенія и своевременно и въ надлежащей степени брать въ пользу казны съ этихъ объектовъ; но нельзя допускать, чтобы подъ вліяніемъ налоговъ ослабѣвали и перестали развиваться объекты обложенія. Охрана источниковъ государственнаго дохода—дѣло самого же государства и мѣстныхъ органовъ самоуправленія.

Но финансы государства должны черпаться не изъ однихъ налоговъ. Въ Пруссіи, напр., до войны казенныя желѣзныя дороги давали чистой прибыли почти половину всего государственнаго дохода. Въ Россіи, къ сожалѣнію, огромная казенная желѣзнодорожная сѣть (около 40000 верстъ) даетъ ничтожную прибыль; тоже происходитъ съ казенными землями и лѣсами, заводами, мельницами и пр. Необходимо радикальнымъ образомъ реорганизовать прежнюю хозяйственную систему казенныхъ предпріятій.

Къ области государственныхъ финансовъ относятся также и расходы государственной казны. У финансоваго вѣдомства въ смѣтѣ государственныхъ расходовъ послѣ войны будетъ стоять огромная статья, примѣрно $2^1/_2$ милліарда рубл. въ годъ для уплаты процентовъ по займамъ.

Что касается государственнаго бюджета, то послѣ войны онъ долженъ составляться совершенно по новому; о смѣтѣ доходовъ мы уже говорили, а въ смѣтѣ расходовъ должны преобладать, по возможности, производительные расходы, при чемъ на поднятіе культурнаго состоянія страны и на увеличеніе производительныхъ силъ страны не придется жалѣть средствъ.

Но безъ займовъ мы не въ состояніи будемъ приступить къ возрожденію Россіи. Въ ближайшее время всѣ краткосрочные займы необходимо будетъ превратить въ долгосрочные.

Когда золотой запасъ дастъ возможность обмѣнивать бумажныя деньги на золото, необходимо будетъ произвести девальвацію,—государственный актъ, фиксирующій за бумажными деньгами ту ихъ стоимость на золото, которая къ тому времени будетъ существовать (напр. 10 к. за рубль); въ то же время будутъ выпущены на значительно меньшую сумму, напр. $1^1/_2$—2 милліарда рубл. новыя бумажки, которыя будутъ обезпечены золотымъ размѣномъ.

Еще необходимо сказать нѣсколько словъ о мѣстныхъ финансахъ. Въ Россіи въ 1913 г. на 3.300 милл. государственнаго бюджета всѣ земства, городскія думы и сельскія общества, вмѣстѣ взятыя, имѣли бюджетъ около 800 милл. рубл., т.-е. въ 4 раза меньше, нежели бюджетъ центральнаго правительства. Такое положеніе совершенно неправильно и нецѣлесообразно, потому что при обширной территоріи Россіи нельзя управлять всей страной изъ центра, а слѣдовательно невозможно сосредоточивать почти всѣ государственные доходы въ центрѣ. Въ Англіи въ томъ же году центральное правительство и мѣстные органы самоуправленія имѣли одинаковый бюджетъ; къ этому идеалу должна стремиться и Россія; необходима децентрализація многихъ функцій государственнаго управленія, что вызоветъ несомнѣнно увеличеніе бюджетовъ городскихъ думъ и земствъ за счетъ бюджетовъ центральнаго правительства.

Ф. А. Даниловъ.

Революція и рабочее движеніе.

Исторія рабочаго движенія за истекшій годъ революціи есть въ большей своей части исторія самой революціи, ибо промышленный пролетаріатъ былъ наиболѣе передовой, наиболѣе дѣйственной силой на революціонной аренѣ. Прослѣдить поэтому всѣ этапы движенія русскихъ рабочихъ въ 1917 году значитъ, быть можетъ, написать исторію русской революціи—задача, которую мы себѣ здѣсь не ставимъ и для которой еще не пришло время.

Наши цѣли—болѣе скромны. Мы постараемся набросать главнѣйшіе эпизоды *экономической* борьбы фабрично-заводскаго пролетаріата. Но—мы заранѣе оговариваемся—и въ этой области картина столь богата, движеніе такъ широко разлилось по всему пространству русской земли, а матеріалы для его описанія, напротивъ того, такъ еще разрознены и такъ мало собраны, что дать сколько-нибудь исчерпывающую картину въ настоящее время еще невозможно. Мы попытаемся поэтому наметить лишь основныя черты экономической борьбы рабочихъ за истекшій періодъ русской революціи, иллюстрируя ихъ напримѣръ, главнымъ образомъ, Московскаго промышленнаго района.

Февральская революція, порожденная войною и ею непосредственно вызванная, застала русскихъ рабочихъ въ состояніи полной экономической кабалы. Самодержавіе использовало войну, чтобы окончательно закрѣпостить рабочихъ капиталу, получившему право давать рабочимъ военныя отсрочки и диктовать имъ свои условія труда подъ угрозою отправки на фронтъ. Не имѣя никакихъ организацій, распыленныя рабочія массы жили въ нищенскихъ условіяхъ. Такъ, рабочіе фабрикъ Саввы и Викулы Морозовыхъ въ Орѣховѣ-

Зуевѣ получали ко времени революціи въ среднемъ 27—28 рублей въ мѣсяцъ, считая уже полученную въ февралѣ 1917 г. прибавку на дороговизну въ 55%. И среди этихъ рабочихъ была категорія, вырабатывавшая только 65—67 коп. въ день, а заработокъ наиболѣе квалифицированныхъ равнялся только 2 р. 90 коп. въ день. Еще хуже было положеніе рабочихъ въ менѣе крупныхъ фабричныхъ центрахъ. Поденный заработокъ ткачихъ на фабрикѣ Анонимнаго Общества (ст. Гучково Алекс. ж. д.) при смѣнѣ въ 16 час. въ сутки составлялъ въ февралѣ 1917 г. 85 коп.; въ с. Филипповскомъ Владимірской губ. моталка вырабатывала въ среднемъ—28—30 руб. въ мѣсяцъ, а ткачъ при рабочемъ днѣ въ 12—14 ч. до 60 руб.

Правда, въ столицахъ ко времени революціи денежный заработокъ квалифицированныхъ рабочихъ былъ довольно высокъ. По даннымъ Московской Биржи Труда средній поденный заработокъ былъ въ январѣ 1917 г.: у плотниковъ отъ 4 до 6 руб., у столяровъ—тоже отъ 4 до 6 руб., у слесарей и токарей—4—8 руб., и даже черно-рабочій трудъ оплачивался отъ 3 до 5 руб. въ день. Но нужно принять во вниманіе страшную дороговизну, обозначившуюся уже къ 1917 году и значительно превышавшую ростъ заработной платы. Если цѣны на трудъ къ февралю 1917 г. удвоились въ сравненіи съ довоеннымъ временемъ, то цѣны на предметы необходимости, по меньшей мѣрѣ, учетверились ко времени революціи [1]).

Февральская революція смела однимъ ударомъ всѣ органы принужденія и власти самодержавнаго государства. Свобода стачекъ, свобода коалицій, свобода собраній и печати, эти необходимыя политическія предпосылки успѣшной экономической борьбы, были даны самымъ фактомъ побѣды надъ монархіей, ибо революцію сдѣлали рабочіе, увлекшіе за собою солдатъ и организовавшіеся съ перваго же дня въ органъ революціонной власти—Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. И первое Временное Правительство лишь оформило фактическое положеніе вещей, провозгласивъ въ своей первой деклараціи полную и неограниченную политическую свободу.

То жалкое положеніе, въ которомъ находились рабочіе до революціи, не могло не вызвать ихъ серьезнаго движенія въ пользу повышенія своего уровня жизни. И первыми начали борьбу петроградскіе рабочіе. Они поставили условіемъ прекращенія политической забастовки, начатой ими въ февральскіе дни во имя ниспроверженія самодержавія, введеніе восьмичасового рабочаго дня. И замѣчательно, что петроградское общество фабрикантовъ и заводчиковъ *безъ спора* согласилось удовлетворить требованія рабочихъ. Помимо общаго подъема гражданскаго чувства, вызваннаго паденіемъ царской власти, ставшей ненавистной въ послѣдній годъ войны во всѣхъ слояхъ буржуазнаго общества, эта первая экономическая побѣда петроградскаго пролетаріата была такъ легко достигнута и потому, что уже ко времени революціи ощущался на заводахъ Петрограда недостатокъ

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя характерныя цифры. Средній дневной заработокъ ткача на фабрикахъ Саввы Морозова составлялъ въ 1914 г—1 р. 5 к., въ 1917 г. (къ Пасхѣ)—2 р. 22 к.; на Богородско-Глуховской манафактурѣ: въ 1914 г.—91 к., въ 1917 г. къ (Пасхѣ)—1 р. 75 к. На фабрикѣ Демина (ст. Хорлово) ткачи въ среднемъ зарабатывали въ мѣсяцъ: въ 1913 г.—11 р. 20 к., въ 1914 г.—13 р. 40 к., въ 1915 г.—12 р. 53 к., въ 1916 г.—17 р. 57 к. и въ 1917 г. (январь и февраль)—19 р. 59 к. Между тѣмъ цѣны на предметы первой необходимости повысились въ той же мѣстности въ слѣдующей пропорціи: мука ржаная—до войны—1 р. 30 к. пудъ, зимою 1917 г.—8 р. пудъ, мука пшеничная—до войны—2 р. 50 к. пудъ, зимою 1917 г.—12 р. пудъ, картофель—до войны—1 р. мѣшокъ, зимою 1917 г.—7 р. и т. д.

топлива и сырья, и сокращеніе рабочаго дня становилось неизбѣжнымъ. Тамъ же, гдѣ этотъ недостатокъ не ощущался, допускались, какъ гласило соглашеніе о прекращеніи забастовки, и сверхурочныя работы, но только въ предпріятіяхъ, работающихъ на оборону и изготовляющихъ предметы первой необходимости. Послѣдняя оговорка, принятая первымъ коллективнымъ договоромъ, заключеннымъ петроградскими рабочими и заводчиками, въ сущности аннулировала сокращеніе рабочаго дня, ибо подавляющее большинство заводовъ столицы работало на оборону. Но за то это завоеваніе означало *повышеніе заработной платы*, ибо всякая работа, превышающая нормальные восемь часовъ, считалась работой сверхурочной и оплачивалась въ полуторномъ размѣрѣ.

Уже это первое движеніе рабочихъ за улучшеніе своего экономическаго полрженія вскрыло крайне важный моментъ, имѣвшій въ теченіе всей революціи рѣшающее значеніе въ экономической борьбѣ пролетаріата: *использованіе политической силы и вліянія рабочаго класса для достиженія экономическихъ завоеваній.* Въ переговорахъ между фабрикантами и рабочими о введеніи 8 ми часового рабочаго дня участвовалъ Петроградскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, санкція котораго оказалась необходимой даже для опредѣленія самого состава перваго Временнаго Правительства и его программы. И при *такомъ* Совѣтѣ была образована примирительная камера для разрѣшенія всѣхъ споровъ, связанныхъ съ проведеніемъ въ жизнь заключеннаго соглашенія. Какъ увидимъ ниже, это вліяніе Совѣтовъ, какъ органовъ революціонной власти, на ходъ экономической борьбы между рабочими и капиталистами, росло въ теченіе всего революціоннаго года.

Требованіе восьмичасового рабочаго дня обошло въ мартѣ мѣсяцѣ всѣ города и фабричные центры Россіи и почти всюду было проведено въ жизнь безъ большого сопротивленія со стороны капитала и на условіяхъ, установленныхъ петроградскимъ соглашеніемъ. Если въ Петроградѣ рабочіе не прекращали февральской политической забастовки, пока не было удовлетворено ихъ экономическое требованіе, то Москва и провинція обошлись даже безъ такого средства борьбы для завоеванія восьмичасового рабочаго дня. Примѣръ Петрограда, верховнаго революціоннаго центра, рѣшалъ весь споръ. Въ Москвѣ рабочіе, какъ только узнали о Петроградѣ, стали вводить «явочнымъ порядкомъ» восьмичасовой рабочій день , и лишь тогда, когда онъ былъ уже осуществленъ на трети московскихъ фабрикъ, Московскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ издалъ постановленіе объ установленіи восьми часовъ работы на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Какъ и въ Петроградѣ, дѣло шло по существу не о сокращеніи рабочаго дня, а о повышеніи заработной платы. Это въ особенности рельефно выражено въ постановленіи Сов. Раб. Деп. Донецкаго и Криворожскаго бассейновъ: «ввести восьмичасовой рабочій день, но въ виду государственнаго интереса работать по старому, оплачивая трудъ сверхъ 8 часовъ въ полуторномъ размѣрѣ». И постановленія Совѣтовъ повсюду принимались предпринимателями безъ спора.

Движеніе за восьмичасовой рабочій день открыло собою первый, *идиллическій* періодъ экономической борьбы рабочихъ за повышеніе своего уровня жизни. Экономическіе конфликты разрѣшались путемъ непосредственныхъ переговоровъ рабочихъ съ предпринимателемъ или обращеніемъ за рѣшеніемъ къ новой политической силѣ, Совѣтамъ раб. депутатовъ, стоявшимъ въ этотъ періодъ во главѣ *всенароднаго* политическаго движенія и пользовавшимся огромнымъ автори-

тетомъ не только среди рабочихъ, которыхъ они являлись естественными представителями, но и среди всего буржуазнаго общества. Съ одной стороны, требованія рабочихъ еще не охватывали, благодаря слабой ихъ организаціи, главнѣйшихъ отраслей промышленности, съ другой—чувство гражданской радости освобожденія отъ самодержавнаго гнета располагало оба сталкивавшихся класса—пролетаріатъ и капиталистовъ—къ примиренію, къ компромиссу. Именно въ этотъ періодъ, захватившій первые два революціонныхъ мѣсяца, въ Московскомъ, напр., Совѣтѣ были разрѣшены почти всѣ конфликты между рабочими и предпринимателями, возникавшіе въ такомъ большомъ промышленномъ центрѣ, какъ Москва, и были разрѣшены самымъ примитивнымъ путемъ. Въ образованную при Совѣтѣ конфликтную комиссію являлись обѣ стороны, и членъ Совѣта послѣ краткаго разбора дѣла умѣлъ находить рѣшеніе, которое удовлетворяло и рабочихъ, и предпринимателя.

Примирительная же камера при Петроградскомъ Совѣтѣ разрѣшила и поднятый въ апрѣлѣ вопросъ о минимумѣ заработной платы, установленномъ ею въ 5 руб. для мужчинъ и 4 руб. для женщинъ, и было признано, что «тамъ, гдѣ повышеніе заработной платы дѣлаетъ для предпринимателя убыточнымъ выполненіе казенныхъ заказовъ, принятыхъ при старой низкой оплатѣ труда, необходимъ пересмотръ контрактовъ». Мало того, рабочіе заявили, что *«обоснованныя ходатайства промышленниковъ о пересмотрѣ контрактовъ и нормированіи цѣнъ будутъ поддерживаться рабочими»*. Въ этомъ послѣднемъ условіи рѣшенія примирительной камеры рѣзко выявились и тотъ политическій вѣсъ, который пролетаріатъ получилъ въ государствѣ со времени революціи, и тотъ компромиссный, примирительный характеръ, который имѣли экономическіе конфликты въ первый, идиллическій періодъ русской революціи.

Тѣмъ временемъ началось лихорадочное строительство профессіональныхъ союзовъ, боевыхъ организацій экономической борьбы. Въ Москвѣ, напр., уже 5 марта было второе засѣданіе профессіональныхъ союзовъ, оставшихся отъ эпохи 1905 года. На засѣданіи присутствовали представители обществъ портныхъ, золото-серебреников, строительныхъ рабочихъ, булочниковъ, деревообдѣлочниковъ, чаеразвѣсечниковъ, сапожниковъ, текстильщиковъ, поваровъ, металлистовъ, печатниковъ, кондитеровъ. Число членовъ профессіональныхъ союзовъ росло со сказочной быстротой. Московскій союзъ текстильщиковъ, насчитывавшій къ моменту революціи едва 100 членовъ, имѣлъ въ началѣ мая уже 10.000 членовъ и 10 платныхъ работниковъ, а къ началу іюня—80.000 членовъ. Союзъ металлистовъ въ Москвѣ къ концу апрѣля уже насчитывалъ 27.334 члена, а къ началу іюня число его членовъ дошло до 40.000. Тотъ же союзъ въ Петроградѣ имѣлъ къ осени не бол е, не менѣе какъ 180.000 членовъ. Къ половинѣ іюня московскіе союзы насчитывали: булочники—6.000 чл., резинщики—7.000 чл., шоферы—2.000 чл., рабочіе по водопроводу и отопленію—2.000 чл., золото-серебряники—4.000 чл. Союзъ печатниковъ охватилъ всѣхъ рабочихъ, работавшихъ въ типографіяхъ, литографіяхъ и другихъ заведеніяхъ графическихъ искусствъ и 19-го іюня подписалъ безъ всякой предварительной забастовки весьма выгодный коллективный договоръ съ представителями хозяевъ, нормировавшій рабочій день (8 ч.) и тарифы заработной платы.

Профессіональная волна увлекла въ своемъ подъемѣ и такіе виды необученнаго пролетарскаго труда, которые обычно съ тру-

домъ поддаются профессіональной организаціи. Революціонная Москва знала союзъ домашней прислуги, насчитывавшій къ концу іюня 1.300 чл., союзъ рабочихъ въ биржевыхъ и частныхъ артеляхъ, имѣвшій до 3.000 чл. къ началу мая, союзъ низшихъ больничныхъ служащихъ, имѣвшій къ тому же времени до 2.000 членовъ, даже союзъ курьеровъ и разсыльныхъ. Можно смѣло сказать, что не было ни одной отрасли труда, которая не была бы захвачена стремленіемъ къ объединенію во имя улучшенія своего экономическаго положенія.

Этотъ необычайный подъемъ профессіональнаго движенія былъ вызванъ тѣмъ паденіемъ реальной заработной платы за время войны, который мы уже отмѣтили выше. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что начиная съ конца апрѣля и черезъ весь май и іюнь шло широкое движеніе рабочихъ по всей странѣ за повышеніе заработной платы. Движеніе это увѣнчалось въ общемъ успѣхомъ, но оно потребовало отъ пролетаріата напряженія энергіи, мѣстами упорной стачечной борьбы и рѣшительнаго вмѣшательства политическаго фактора И если они сравнительно легко сломили сопротивленіе капитала, то потому, что нашли союзника въ мѣстной и центральной государственной власти, которая вслѣдствіе потребностей войны не могла допустить пріостановокъ работъ въ общественно-необходимыхъ предпріятіяхъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что почти всѣ крупные экономическіе конфликты лѣтнихъ мѣсяцевъ были разрѣшены при содѣйствіи отчасти Московскаго и Петроградскаго Совѣтовъ, отчасти Министерства труда. *не сопровождаясь въ то же время забастовкой.* И наоборотъ, борьба за повышеніе заработной платы въ предпріятіяхъ мелкихъ и не работающихъ на оборону увѣнчивалась успѣхомъ лишь послѣ длительныхъ стачекъ.

Такъ, въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ по три недѣли должны были бастовать рабочіе по водопроводу и отопленію, официанты, конвертщики, рабочіе и работницы прачешныхъ заведеній, зонточники, а рабочіе и служащіе фирмы «Мюръ и Мерилизъ—даже пять недѣль, чтобы добиться полнаго удовлетворенія своихъ требованій. Наоборотъ, требованія булочниковъ, рабочихъ въ биржевыхъ и частныхъ артеляхъ, металлистовъ, кожевниковъ, рабочихъ военно-обмундировочныхъ мастерскихъ были удовлетворены безъ пріостановки работъ рѣшеніями центральной примирительной камеры при Московскомъ Совѣтѣ Раб. Деп., использовавшемъ все свое политическое вліяніе для достиженія благопріятнаго разрѣшенія конфликта. Третейскимъ судомъ былъ разрѣшенъ огромный конфликтъ въ хлопчатобумажномъ Орѣхово-Зуевскомъ районѣ, согласительная комиссія при Министерствѣ труда достигла соглашенія между рабочими и предпринимателями Донецкаго бассейна, Сормовскихъ заводовъ, Волжскаго рѣчного бассейна, Бакинскаго нефтяного района, она же предупредила желѣзно-дорожную забастовку.

Результатъ лѣтняго экономическаго движенія былъ благопріятенъ для рабочихъ. Заработная плата поднялась въ среднемъ на 100%. Такъ, принятый предпринимателями, согласно рѣшенію третейскаго суда отъ 10 іюля, минимумъ Московскаго союза металлистовъ составлялъ за 8-мичасовой рабочій день для квалифицированныхъ рабочихъ: 1-ая категорія—12 руб., 2-ая—10 руб., 3-ья—8 руб; для рабочихъ безъ спеціальной выучки, но имѣющихъ навыкъ къ опредѣленнымъ работамъ и умѣющихъ разбираться въ чертежахъ: 1-ая категорія—10 руб., 2-ая—8 руб., 3-ья—7 руб.; для чернорабочихъ мужчинъ—6 руб., женщинъ—5 руб. Минимальныя нормы заработной

платы, установленныя Всероссійской конференціей кожевниковъ въ началѣ іюня, равнялись 13 руб., 12 руб. и 11 руб. въ день. Ткачи и прядильщики Орѣхово-Зуевскаго района получили по рѣшенію третейскаго суда повышеніе заработной платы въ среднемъ на 110% при минимумѣ для женщины въ 3 руб. Въ провинціи повышеніе заработковъ былъ нѣсколько болѣе слабое. Слѣдующая таблица заработковъ на лѣсопильныхъ заводахъ центральныхъ губерній типична для всей провинціи.

	1914 г. янв.	1917 г. май	1917 г. по сравн. съ янв.	Повыш. въ %% 1917 г.
Станковой	2.25	4.50	8.25	83%
Вагонетчикъ	70	2.80	5.60	100%
Кочегарь	1.10	2.35	4.40	90%
Смазчикъ	1.20	3.50	5.60	60%
Чернорабочій	55	3.50	5.60	60%
Кузнецъ	1.10	4.50	6.75	50%
Молотобоецъ	80	2.50	5.60	120%
Шорникъ	1.00	3.00	7.50	110%
Слесарь	1.10	4.50	6.75	50%
Токарь	1.40	5.50	8.25	50%
Плотникъ	1.20	3.00	6.75	125%

* * *

Мы выше въ краткихъ чертахъ старались обрисовать грандіозный потокъ экономическаго движенія за повышеніе своего уровня жизни, охватившаго всю рабочую массу страны въ первое полугодіе революціи. Мы видѣли, что это движеніе носило все болѣе организованныя формы, что оно сопровождалось могучимъ ростомъ профессіональныхъ союзовъ и коллективныхъ договоровъ. Казалось, что его успѣхъ долженъ былъ заложить прочныя основы классовой организаціи пролетаріата, для которой единство и дисциплина массового выступленія составляютъ непремѣнное условіе. Къ этому присоединилась громадная законодательная работа по вопросамъ рабочей политики, произведенная Временнымъ Правительствомъ со времени учрежденія особаго министерства труда.

Кромѣ закона 23 апрѣля о рабочихъ комитетахъ, о которомъ рѣчь будетъ идти ниже, 11 іюля издается законъ о мѣстныхъ комиссарахъ труда съ широкой компетенціей надзора за исполненіемъ законовъ объ охранѣ труда и страхованіи рабочихъ,, организаціи примирительныхъ камеръ, биржъ труда, мѣстной рабочей статистики, защиты интересовъ труда , во всѣхъ учрежденіяхъ по регулированію хозяйственной жизни. Закономъ 25 іюля были внесены существенныя исправленія въ законъ 23 іюня 1912 г. объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни,—въ силу которыхъ больничныя кассы были введены во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ не менѣе 5, сами кассы были переданы въ управленіе исключительно ихъ участниковъ, т. е. рабочихъ, а взносы предпринимателей, увеличены до размѣровъ взносовъ рабочихъ, не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ улучшеній. 5 августа былъ изданъ законъ о факультативныхъ примирительныхъ камерахъ и третейскихъ судахъ, которымъ мѣстному комиссару труда поручалось содѣйствовать ихъ организаціи на паритетныхъ началахъ. Закономъ 8 августа была

запрещена въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ ночная работа женщинъ и подростковъ до 17 лѣтъ. 19 августа былъ изданъ законъ о биржахъ труда, которымъ городскія и земскія самоуправленія съ числомъ жителей не менѣе 50.000 обязывались учреждать на паритетныхъ началахъ безплатныя биржи труда, причемъ для организаціи этого дѣла было отпущено въ распоряженіе Министерства Труда на 1917 годъ 500 000 рублей, а 1 января 1918 г. было постановлено испрашивать кредитъ въ смѣтномъ порядкѣ. Закономъ 24 сентября было отпущено 235 милліоновъ рублей на повышеніе содержанія служащихъ, мастеровъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ на срокъ съ 1 сентября по 31 декабря 1917 г. Наконецъ, законъ 11 октября запретилъ наложеніе штрафовъ и какихъ-либо денежныхъ взысканій съ рабочихъ властью предпринимателя.

Однако, этотъ *созидательный процессъ*, слагавшійся изъ самодѣятельности рабочихъ и законодательнаго творчества, былъ пріостановленъ, а затѣмъ и повернутъ вспять во второе полугодіе революціи все углублявшимся *разрушительнымъ процессомъ*, который несла съ собою война. Какъ и во всѣхъ областяхъ революціи, и рабочему движенію война дала жизнь, война же ее и отняла.

За $2^1/_2$ года войны стихійный процессъ капиталистической конкурренціи, которому самодержавный режимъ органически не могъ противопоставить хоть сколько-нибудь планомѣрную организацію общественнаго хозяйства, поставилъ промышленность уже къ началу революціи въ критическое положеніе. Повысивъ до невѣроятныхъ размѣровъ цѣны на предметы военнаго снаряженія, на металлы, уголь, ткани и т. п., конкурренція сдѣлала убыточнымъ производство постояннаго капитала, необходимаго для воспроизводства изнашивающагося оборудованія фабрикъ, заводовъ, рудниковъ. Такъ, напр., необычайно высокія цѣны на уголь дѣлали крайне выгоднымъ обращеніе всѣхъ наличныхъ рабочихъ силъ на исчерпывающую разработку уже заготовленныхъ угольныхъ пластовъ и заставили забросить всѣ подготовительныя работы, которыя при вакханаліи военныхъ цѣнъ обходились слишкомъ дорого для того, чтобы онѣ могли быть использованы послѣ войны, когда цѣны должны были неизбѣжно упасть. Такъ въ каждой отрасли промышленности съ каждымъ годомъ войны все болѣе ухудшалось ея оборудованіе. Къ этому присоединилось и ухудшеніе качественнаго состава рабочихъ въ сравненіи съ мирнымъ временемъ. Трудъ призванныхъ въ войска обученныхъ рабочихъ былъ замѣненъ трудомъ женскимъ и пришедшихъ изъ деревни крестьянъ. Такимъ образомъ, война, вызвавшая необычайный расцвѣтъ такъ назыв. военной промышленности, таила въ самой себѣ причины ея паденія, и къ началу революціи уже обозначилась наклонная плоскость, по которой промышленность катилась къ своему роковому и неизбѣжному краху. Революція, разрушивъ привычную хозяйственную организацію и вызвавъ громадный переворотъ въ цѣнахъ, лишь ускорила этотъ процессъ паденія.

Въ іюнѣ 1916 г. было добыто 143 мил. пудовъ каменнаго угля и антрацита, а въ іюнѣ 1917 г. уже 127 милліоновъ. На 1 іюля 1916 г. было въ запасѣ 117 мил. пудовъ минеральнаго топлива всякаго рода, а на 1 іюня 1917 г.—лишь 101 мил. и на 1 іюля—90 мил., на цѣлыхъ 27 мил. пудовъ меньше, чѣмъ въ 1916 году.

Въ итогѣ 1917-ый годъ далъ рѣзкое паденіе какъ общей производительности всей промышленности, такъ и средней производительности рабочаго. Слѣдующія таблицы говорятъ сами за себя.

	Добыча угля въ Донецкомъ бассейнѣ въ мил пуд.	Добыча нефти въ мил. пуд.	Производство чугуна въ мил. пуд.	Производство мѣди въ тысячахъ пуд.
1916 г.	1.744	602,1	231,87	1.306
1917 г.	1.521	524,0	183,00	1.200

Средняя производительность рабочаго въ Донецкомъ бассейнѣ за періодъ 1913—1917 гг. выражалась въ слѣд. цифрахъ:

	Года.				
	1913	1914	1915	1916	1917
Произв. въ пуд.	764	755	751	611	453

Это катастрофическое состояніе промышленности, рѣзко обозначившееся ко второму полугодію революціи, грозило уничтожить всѣ экономическія завоеванія пролетаріата, сдѣланныя имъ въ первомъ ея полугодіи.

Такъ, Богородско-Глуховская мануфактура за отсутствіемъ нефти стояла съ 24 марта до 3 іюня, оставивъ безъ работы 13.000 рабочихъ. Правда, администрація платила рабочимъ за все это время по расчету ихъ средняго дневного заработка, но ясно, что такъ долго продолжаться не могло. На третьемъ съѣздѣ секціи камвольщиковъ при профессіональномъ союзѣ по обработкѣ текстильно-волокнистыхъ веществъ, происходившемъ въ концѣ іюня, было установлено, что изъ 12.000 станковъ работаетъ только 6.000, а изъ 30 фарбикъ только половина обезпечена топливомъ. Отсутствіе топлива во всей текстильной промышленности заставило Московскій районный комитетъ снабженія, въ которомъ половина представителей принадлежала къ рабочей группѣ, дать право всѣмъ текстильнымъ предпріятіямъ Московскаго промышленнаго района пріостановить работы на срокъ съ 1-го іюля по 1 -ое августа съ сохраненіемъ $^2/_3$ заработка для рабочихъ. Острый угольный, желѣзный и сырьевой голодъ приводилъ къ закрытію заводовъ и въ металлургической промышленности. Такъ, по даннымъ петроградской конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ, происходившей въ концѣ мая, въ Петроградѣ и его окрестностяхъ насчитывалось около 80.000—100.000 безработныхъ.

Но къ неизбѣжной остановкѣ фабрикъ и заводовъ вслѣдствіе недостатка топлива и сырья присоединилось и стремленіе предпринимателей закрыть свои предпріятія. Экономическая коньюнктура была неблагопріятна для капиталистической прибыли. Повышеніе заработной платы, разстройство технической организаціи фабрики вслѣдствіе устраненія рабочими ряда высшихъ служащихъ за ихъ дореволюціонныя притѣсненія, невозможность непрерывныхъ работъ изъ-за дефектовъ снабженія сырыми матеріалами, наконецъ, сокращеніе военныхъ заказовъ, дѣлали веденіе предпріятія убыточнымъ, а слѣдовательно, его закрытіе — выгоднымъ.

Наконецъ, еще одно обстоятельство дѣлало положеніе городского рабочаго почти безвыходнымъ. Революція не закончила войны и стоимость ея дошла до 50—60 милліоновъ рублей въ день. Между тѣмъ, благодаря кризису промышленности, создавшему безтоварье на рынкѣ, плохо поступали косвенные налоги, а ослабленіе аппарата налоговаго принужденія, соотвѣтственно общему ослабленію государственной власти, почти совершенно прекратило поступленіе налоговъ, взимав-

шихся въ деревнѣ. Главнѣйшимъ источникомъ военныхъ расходовъ и вообще государственныхъ средствъ, оказался печатный станокъ. При всемъ сознаніи громаднаго вреда отъ безпрерывныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ Временному Правительству всѣхъ составовъ пришлось прибѣгать къ этому сладкому яду. Въ результатѣ — громадный ростъ товарныхъ цѣнъ, вызывавшій въ свою очередь необходимость дальнѣйшихъ выпусковъ кредитокъ. Отъ этого бумажнаго потока больше всего страдалъ промышленный пролетаріатъ, ибо возроставшая почти съ каждымъ мѣсяцемъ дороговизна жизни сводила на нѣтъ всѣ плоды его побѣдъ въ борьбѣ за повышеніе заработной платы. Ко второму полугодію революціи рабочій съ ужасомъ видѣлъ, что, несмотря на всѣ свободы, несмотря на всѣ свои завоеванія, онъ стоитъ у порога того же нищенскаго существованія, въ которомъ онъ прозябалъ во время самодержавія.

* * *

Предупредить эту, обозначившуюся уже къ іюню мѣсяцу страшную хозяйственную катастрофу, несшую небывалую безработицу и голодъ, быть можетъ было уже невозможно. Но ослабить ея грозныя послѣдствія можно было путемъ сознательнаго вмѣшательства въ стихійный процессъ капиталистическаго производства и борьбы капитала и труда. Подчинить промышленность единому плану государственнаго регулированія, взявъ на учетъ всѣ сырые матеріалы страны, призвать всѣ техническія и организаторскія силы, которыми располагала наша промышленность, для проведенія этого плана въ жизнь и установить желѣзную дисциплину въ дѣлѣ его осуществленія, какъ промышленниками, такъ и рабочими — таковъ былъ единственный выходъ изъ создавшагося положенія.

Къ началу второго полугодія революціи вопросы снабженія и организаціи производства, дѣйствительно, стали все болѣе выдвигаться на передній планъ въ отдѣлахъ труда при Московскомъ и Петроградскомъ Совѣтахъ раб. деп., на конференціяхъ фабрично-заводскихъ комитетовъ и профессіональныхъ союзовъ. По иниціативѣ Московскаго Совѣта были реорганизованы на демократическихъ началахъ Совѣщанія по топливу, металлу, по транспорту, хлопку, льну, кожѣ.

7—8 іюля уже былъ созванъ первый Московскій районный съѣздъ снабженія, долженствовавшій объединить всю промышленность Московскаго промышленнаго района. На съѣздѣ былъ избранъ Московскій районный комитетъ снабженія изъ 50 человѣкъ, по равному числу отъ рабочихъ и предпринимателей, въ задачи котораго входило объединеніе дѣятельности всѣхъ Совѣщаній и регулированіе всей вообще промышленности Московскаго района. Съ такими же задачами собрался въ серединѣ іюля въ Харьковѣ южный съѣздъ снабженія для всего юга.

Однако, эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Организація всего общественнаго хозяйства могла быть произведена лишь на капиталистической основѣ, въ рамкахъ современнаго денежнаго хозяйства. Для своего дѣйствительнаго осуществленія она требовала широкаго и планомѣрно распредѣленнаго банковскаго кредита, громаднаго напряженія техническихъ и организаторскихъ силъ, которыя были въ распоряженіи буржуазіи, а не пролетаріата. Извѣстно, что, напр., Германія, наиболѣе полно осуществившая въ цѣляхъ войны программу планомѣрной организаціи капиталистической промышленности, вос-

пользовалась для этого уже готовой формой трестовъ и синдикатовъ, поставивъ во главѣ всей организаціи выдающихся промышленныхъ и банковскихъ дѣятелей. У насъ же въ Россіи инициатива регулированія всего производства въ интересахъ государственныхъ, а не частныхъ, исходила изъ среды революціонной демократіи, ибо въ такомъ регулированіи рабочіе были гораздо болѣе заинтересованы, чѣмъ предприниматели, которымъ экономическая коньюнктура диктовала, какъ мы видѣли выше, прекращеніе производства, закрытіе предпріятій. Вотъ почему въ органахъ снабженія, поскольку они существовали, и въ проектахъ этихъ органовъ, разрабатывавшихся въ министерскихъ канцеляріяхъ, рабочіе были представлены на равныхъ правахъ съ предпринимателями.

Но въ такомъ построеніи, диктовавшемся и политическими условіями, созданными революціею, коренилась причина провала всего дѣла. Для того, чтобы единоличное управленіе буржуазіи всей современной экономической жизнью замѣнить совмѣстнымъ завѣдываніемъ буржуазіи и пролетаріата, необходимъ прочный компромиссъ между этими двумя противоположными по своимъ интересамъ классами, компромиссъ, который предполагаетъ высокій уровень сознательности обоихъ классовъ и до котораго не доросли ни русскій пролетаріатъ, ни русская буржуазія. Вѣдь только за полгода до возникновенія самой возможности такого компромисса пролетаріатъ находился въ настоящемъ экономическомъ рабствѣ у капитала. Для времени же революціи характерно было не примиреніе классовыхъ противорѣчій, или, точнѣе казать, не умѣніе найти опредѣленный компромиссъ во имя государственныхъ интересовъ, во имя обороны страны, а, наоборотъ, ихъ обостреніе. Такъ, на южномъ съѣздѣ снабженія промышленники ушли со съѣзда, такъ какъ рабочіе отказали имъ въ равномъ представительствѣ въ органахъ, долженствовавшихъ регулировать производство. А съ уходомъ промышленниковъ рабочіе лишились всего сложнаго денежнаго, техническаго и организаціоннаго аппарата, безъ котораго современныя крупныя предпріятія, а тѣмъ болѣе ихъ объединенія, существовать не могутъ

* * *

Между тѣмъ промышленная разруха принимала все болѣе острыя формы. Не находя выхода изъ собравшихся надъ ихъ головами экономическихъ бѣдъ, рабочіе кинулись въ объятія большевистской демагогіи, увѣренно указывавшей на «рабочій контроль», какъ на такой выходъ.

Большевистская идея «рабочаго контроля» была подготовлена перемѣнами во внутренней организаціи фабричнаго предпріятія, совершившимися во время революціи. Февральскій переворотъ засталъ рабочихъ въ распыленномъ состояніи, не организованными ни въ профессіональные союзы, ни въ какія-либо иныя классовыя ячейки. Между тѣмъ политическая жизнь сразу предъявила къ пролетаріату огромныя требованія, возложила на него осуществленіе ряда выдающихся задачъ. Чтобы справиться со своею исторической ролью, пролетаріату пришлось немедленно, спѣшно организоваться. И онъ прибѣгъ къ своему *экономическому*, данному самою жизнью сплоченію, къ организаціи по заводамъ, по предпріятіямъ. Такъ создались, сейчасъ же послѣ революціи, фабрично-заводскіе комитеты, представлявшіе рабочихъ каждаго даннаго предпріятія, собиравшіе ихъ на митинги, оріентировавшіе ихъ въ новой политической обстановкѣ. На эти ко-

митеты — до образованія и укрѣпленія профессіональныхъ союзовъ — пало, естественно, и руководство экономической борьбой.

Временное Правительство поспѣшило узаконить эти самопроизвольно выросшія объединенія рабочихъ по предпріятіямъ. Уже закономъ 31 марта на представителей рабочихъ въ каждомъ предпріятіи была возложена обязанность завѣрять правильность именныхъ списковъ военнообязанныхъ, которымъ необходимо, по соображеніямъ государственной обороны, предоставить отсрочку по призыву въ армію. А 23 апрѣля былъ изданъ законъ о рабочихъ комитетахъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Комитеты эти учреждаются по предложенію или одной десятой общаго числа рабочихъ или администраціи и избираются на основѣ всеобщаго — не исключая женщинъ и несовершеннолѣтнихъ — равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Они представительствуютъ рабочихъ какъ передъ администраціей заведенія по вопросамъ, касающимся взаимоотношеній между предпринимателями и рабочими, такъ и передъ правительственными и общественными учрежденіями. На нихъ же законъ возлагаетъ заботы о культурно-просвѣтительной дѣятельности среди рабочихъ предпріятія и о другихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію ихъ быта. Предприниматель обязанъ предоставлять помѣщенія какъ для засѣданій рабочаго комитета, такъ и для общихъ собраній рабочихъ, созываемыхъ комитетомъ, а самихъ членовъ комитета освобождать отъ работы на время исполненія ими ихъ обязанностей.

Фабрично-заводскіе или, какъ ихъ называетъ законъ 23 апрѣля, рабочіе комитеты сдѣлались мало по малу постояннымъ и необходимымъ элементомъ внутренняго строя заводской жизни. Рядомъ съ властью директора и хозяина выросла, не только фактически, но и въ силу закона, власть рабочаго коллектива. Законъ 23 апрѣля точно опредѣлилъ компетенцію фабрично-заводскаго комитета, но въ условіяхъ революціи, давшей рабочимъ огромное политическое вліяніе, и въ обстановкѣ промышленной разрухи, угрожавшей безработицей, комитеты должны были расширять предѣлы предоставленной имъ закономъ власти. Комитетъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что предпріятіе закрывается за недостаткомъ топлива или сырья, или по отсутствію военныхъ заказовъ. И онъ сплошь и рядомъ бралъ на себя хлопоты передъ разными органами снабженія, передъ всевозможными правительственными учрежденіями, объ обезпеченіи предпріятія всѣмъ необходимымъ, для того, чтобы не дать ему закрыться. Понятно, что хлопоты эти по общему правилу не могли увѣнчаться успѣхомъ, разъ не была устранена основная причина промышленной разрухи: веденіе войны въ стихіи капиталистической конкуренціи, внѣ единаго регулированія хозяйственной жизни страны въ общегосударственномъ масштабѣ. И фабрично-заводскіе комитеты метались отъ одной инстанціи къ другой, стремясь найти выходъ изъ надвигавшагося экономическаго краха.

Большевистская демагогія использовала новую организацію внутренняго строя фабрики, созданную революціей, для пропаганды своего лозунга о «рабочемъ контролѣ». Обвинивъ буржуазію въ «саботажѣ», въ нарочитомъ стремленіи оставить свои предпріятія безъ топлива и сырья, чтобы во всероссійскомъ локаутѣ сломить рабочія организаціи и уничтожить завоеванія революціи, большевики требовали, чтобы фабрично-заводскому комитету былъ предоставленъ контроль надъ *всею* жизнью предпріятія, надъ его финансовыми и торго-

выми сношеніями, техническимъ и служебнымъ аппаратомъ. Этой власти на фабрикѣ должна была соотвѣтствовать и власть ихъ во всей экономической жизни государства, для чего $^2/_3$ голосовъ въ органахъ, регулирующихъ промышленность должны быть отданы рабочимъ. И партія большевиковъ увѣряла русскій пролетаріатъ, только начавшему свою историческую борьбу за свое освобожденіе, что достаточно ему осуществить этотъ «рабочій контроль», т.-е., въ сущности говоря, взять въ свои руки управленіе фабриками и заводами, угольными шахтами и горными предпріятіями, какъ прекратится безработица, и промышленность начнетъ работать полнымъ ходомъ на благо всего народа и раньше всего рабочаго класса.

Но заранѣе можно было предсказать, что изъ двухъ сферъ сосредоточенія власти рабочихъ, проектированныхъ «рабочимъ контролемъ» на фабрикѣ и въ экономической жизни государства можетъ быть временно осуществлена лишь первая, ибо для планомѣрнаго хозяйствованія въ государственномъ масштабѣ—да еще въ обстановкѣ небывалаго промышленнаго кризиса—русскій рабочій классъ не былъ подготовленъ ни технически, ни организаціонно. Весь «рабочій контроль» свелся бы, какъ это и оказалось впослѣдствіи, къ простой замѣнѣ предпринимателя фабрично-заводскимъ комитетомъ, что, конечно, нисколько не облегчало критическаго положенія, въ которомъ очутилась промышленность.

Пролетаріатъ пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія, на которую его увлекла демагогія большевиковъ. Къ осени и петроградская и московская конференціи фабрично-заводскихъ комитетовъ уже высказались за необходимость введенія «рабочаго контроля» Осенью же большинство крупнѣйшихъ профессіональныхъ союзовъ: металлисты, текстильщики, кожевники, рабочіе Донецкаго бассейна, Урала, стали рѣшительно на сторону большевистской демагогіи. И когда разложившаяся и усталая отъ войны армія свергла, подъ руководствомъ большевиковъ, Временное Правительство, удерживавшее солдатъ на позиціяхъ и посылавшее тыловые гарнизоны на поле брани, рабочіе привѣтствовали захватившихъ власть большевиковъ, какъ будущихъ избавителей отъ тисковъ промышленной катастрофы.

Но, если февральская революція, несмотря на всѣ внесенные ею въ жизнь моменты творчества, только ускорила, въ конечномъ итогѣ, процессы распада и разложенія, вызванные войною, то октябрьскій переворотъ, весь стоящій подъ знакомъ разрушенія, рѣзко толкнулъ промышленность къ пропасти, къ которой она катилась и до того. Начавшаяся сейчасъ же послѣ переворота обѣщанная солдатамъ демобилизація арміи, открывшая фронтъ врагу, вынудила «совѣтскую власть» заключить сепаратный миръ и демобилизовать военную промышленность. Заводы были закрыты, и рабочіе ввергнуты въ массовую безработицу. Противъ послѣдней не помогъ и пресловутый рабочій контроль. Ибо въ обстановкѣ небывалаго промышленнаго кризиса онъ привелъ фабрично-заводскіе комитеты, замѣнившіе собою хозяевъ предпріятія, къ обращенію всѣхъ оборотныхъ средствъ, сырыхъ матеріаловъ, готовыхъ издѣлій и даже части оборудованія въ заработную плату, т.-е., попросту говоря, къ проживанію рабочими капитала промышленности. Такъ создавалась почва для еще большаго хозяйственнаго краха.

Дороговизна жизни возрастала съ каждымъ днемъ, ибо съ паденіемъ Временнаго Правительства исчезли послѣдніе остатки государственной власти, которая могла бы собирать налоги, и единствен-

нымъ источникомъ средствъ остался печатный станокъ. За первые три мѣсяца властвованія такъ наз. «рабоче-крестьянскаго» правительства было выпущено около 8 милліардовъ рублей бумажныхъ денегъ, а поступило въ казну всего 9 милліоновъ рублей.

Если къ этому прибавить гражданскую войну, свирѣпствовавшую какъ разъ въ мѣстахъ добычи угля и желѣза, и смѣнившую ее, какъ ея неизбѣжное послѣдствіе, германскую оккупацію Украины, Донецкаго бассейна и, вообще, юга, кормившаго сѣверъ хлѣбомъ, то картина промышленной катастрофы обрисуется передъ нами во всѣхъ своихъ грозныхъ послѣдствіяхъ.

Въ обстановкѣ такого страшнаго кризиса рабочее движеніе стало терять свои опорныя позиціи—профессіональные союзы, всегда падающіе въ эпохи безработицы. Но самостоятельнымъ классовымъ организаціямъ пролетаріата былъ нанесенъ прямой ударъ самою большевистскою властью. Подъ предлогомъ наступившаго будто бы періода диктатуры пролетаріата, въ которомъ совершенно излишня и даже безсмысленна борьба съ капиталомъ, профессіональные союзы были объявлены органами государственнаго управленія промышленностью, а ихъ стачечные фонды подлежащими упраздненію. Вмѣсто коллективныхъ договоровъ между рабочими и предпринимателями, которые все болѣе распространялись въ первое полугодіе революціи и которые предполагали наличность самодѣятельной и самостоятельной профессіональной организаціи рабочихъ, большевистское попечительное начальство декретируетъ силою и именемъ совѣтской власти всевозможные тарифы. Такъ, декретомъ народнаго комиссара труда проведенъ тарифъ петроградскихъ металлистовъ, установившій заработную плату по группамъ и категоріямъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р. 25 коп. за часъ. Аналогичные декреты были изданы въ Москвѣ для московскихъ металлистовъ, для техниковъ и чертежниковъ и т. д. Въ итогѣ профессіональные союзы распадаются. Петроградскій союзъ металлистовъ, насчитывавшій, какъ мы видѣли, 180.000 членовъ, имѣлъ въ февралѣ 1918 года не болѣе 60.000; петроградскій союзъ химическаго производства, насчитывавшій въ октябрѣ до 40.000 членовъ, спустился до 10.000 и т. д.

Къ годовщинѣ революціи промышленный пролетаріатъ становится все болѣе распыленной массой, приближаясь къ своему до-революціонному состоянію. И такъ какъ большевистская авантюра все болѣе теряетъ почву подъ собой и грозитъ смѣниться диктатурою буржуазіи, если не реставраціей, то въ критическій моментъ своей исторической жизни рабочій классъ можетъ оказаться безпомощнымъ и безсильнымъ передъ объединеннымъ натискомъ отечественнаго и иностраннаго капитала. Къ годовщинѣ революціи рабочее движеніе, подобно многимъ другимъ процессамъ политической и экономической жизни, грозитъ вернуться черезъ періодъ пышнаго расцвѣта къ своей исходной дореволюціонной точкѣ.

Д. Розенблюмъ.

Продовольствіе.

I.

За три съ половиной года войны экономическая жизнь всѣхъ странъ претерпѣла небывалыя въ исторіи народовъ потрясенія. Особенно тяжкія потрясенія испытало продовольственное дѣло. Переброска изъ края въ край милліоновъ людей, сосредоточеніе милліоновъ войскъ на узкой фронтовой полосѣ, снабженіе ихъ предметами снаряженія, вооруженія и продовольствія, нарушило стихійно установившееся равновѣсіе въ товарообмѣнѣ. Закрытіе сухопутныхъ и морскихъ границъ, установившаяся морская блокада, прекратили международный обмѣнъ товарами.

Особенно тяжелыми послѣдствіями угрожали потрясенія международнаго товарообмѣна въ области продовольствія и въ частности хлѣба.

Наши союзники за послѣдніе три года передъ войной съ 1911 по 1913 г. ввозили ежегодно всѣхъ хлѣбовъ: Франція отъ 65.000.000 пудовъ до 1 6.000.000 пудовъ, Италія 109.000.000 п. и Англія въ среднемъ по 486.000.000 пудовъ. Изъ нашихъ враговъ наиболѣе значительное количество хлѣба ввозила Германія. За тѣ же годы Германія ввозила въ среднемъ по 412.000.000 пудовъ. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что продовольственное благополучіе этихъ странъ всецѣло находилось въ зависимости отъ ввоза. Ввозъ въ Англію и Францію продовольственныхъ продуктовъ вслѣдствіе германской подводной войны подвергся значительнымъ затрудненіямъ. Эти страны на ряду съ мѣрами по обезпеченію населенія продовольствіемъ стали удѣлять осо-

бое вниманіе проблемѣ ограниченія потребленія и экономнаго использованія продовольственныхъ продуктовъ.

С. А. Соединенные Штаты за все время войны, какъ и до войны, обладали значительными избытками продовольственныхъ продуктовъ. Общій сборъ хлѣбовъ въ странѣ превышалъ $41^1/_2$ милліарда бушелей. Изъ этого количества С. А. Штаты за послѣднее десятилѣтіе въ среднемъ вывозили 109 милл. бушелей. Несмотря на такое исключительное продовольственное благополучіе и богатство другими жизненными рессурсами, С. А. Штаты немедленно по объявленіи войны рѣшительно вступили на путь нормированія производства и потребленія всѣхъ жизненныхъ продуктовъ.

Такое вмѣшательство государства въ народное хозяйство имѣло въ виду нужды союзниковъ, снабженіе ихъ всѣми необходимыми предметами продовольствія и др. жизненными припасами. Всѣ великія страны, участвующія въ войнѣ, независимо отъ состоянія запасовъ, при полномъ недостаткѣ, какъ въ Германіи, или значительномъ избыткѣ, какъ въ С. А. Штатахъ, неизмѣнно въ той или иной степени вводятъ государственное регулированіе всего народнаго хозяйства и, въ частности, продовольственнаго дѣла. Міровая война, потребовавшая небывалаго напряженія силъ всѣхъ народовъ лишила мирное населеніе и производительныхъ силъ и продуктовъ производства. Обычный регуляторъ—конкуренція, спросъ и предложеніе, оказались несостоятельными и государства фатально приходили къ необходимости регулированія и обобществленія производства и потребленія.

Приступая къ ознакомленію съ положеніемъ продовольственнаго дѣла въ Россіи, необходимо отмѣтить, что грандіозныя естественныя богатства Россіи, постоянный избытокъ жизненныхъ припасовъ и вывозъ ихъ за границу, былъ источникомъ самыхъ пессимистическихъ предположеній за судьбы нашего сельскаго хозяйства. Кажется не было экономиста, который бы не указывалъ на неизбѣжное паденіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства и въ частности на хлѣбъ. Казалось, что съ закрытіемъ границъ и прекращеніемъ вывоза наше сельское хозяйство задохнется отъ избытка своихъ произведеній.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ 20 милліардовъ пудовъ общаго мірового урожая на долю Россіи падаетъ около 4 милліардовъ пудовъ или $1^1/_5$ всего сбора хлѣба. Въ 1911—1913 годахъ средній урожай хлѣбовъ по 50 губерніямъ выражался въ 3,660 милліоновъ пудовъ и по 73 губерніямъ милліардовъ пудовъ. Сборъ хлѣбовъ не только вполнѣ удовлетворялъ потребности страны, но и давалъ возможность значительныя количества вывозить за границу. Вывозъ хлѣбовъ за 1912 годъ—равнялся 551.670 тыс. пудовъ и за 1913 г.—650.880 тыс. пудовъ. Любопытно отмѣтить, что главная часть вывоза за послѣдніе годы, 258,5 милліоновъ пудовъ, уходила въ Германію.

Кромѣ хлѣба Россія передъ войной вывозила значительное количество Сибирскаго коровьяго масла на сумму до 100 милліоновъ рублей. Значительное мѣсто въ нашемъ экспортѣ занимали яйца. Вывозъ яицъ достигъ суммы 90 милліоновъ рублей.

При такомъ обиліи продуктовъ казалось не могло возникать никакихъ опасеній за судьбы народнаго продовольствія Россіи.

Однако, ближайшіе мѣсяцы войны показали, что установившіяся мирныя экономическія нормы должны претерпѣть значительныя измѣненія. Потребности войны рѣзко измѣнили запросы и соотношеніе въ потребленіи хлѣбовъ. Изъ общаго количества 675,4 милліоновъ пуд.

вывозимаго за границу хлѣба въ 1911—1913 годахъ, пшеницы вывозилось 201,3 милл. пуд., ржи—41,3 милл. пуд., овса—57,3 милл. пуд., ячменя—223,6 милл. пуд. остальной вывозъ падалъ на кукурузу, просо и гречиху. Такимъ образомъ, продовольственныхъ хлѣбовъ вывозилось 242,6 милл. пудовъ и кормовыхъ хлѣбовъ 280,9 милл. пудовъ.

Между тѣмъ отгрузка продовольственныхъ хлѣбовъ, т.-е. муки въ армію производилась въ слѣдующихъ количествахъ: по полугодіямъ въ милліонахъ пудовъ,

За II полугодіе 1914 года—8.254
За 1915 г.—74.504 милліоновъ пудовъ.
За 1916 г.—169.106 милліоновъ пудовъ.
За I полугодіе 1917 года—66.210 милліоновъ пудовъ.

Зерновой фуражъ былъ отправленъ по полугодіямъ въ армію въ слѣдующемъ количествѣ:

За II полугодіе 1914 года—23.336 милл. пуд.
За 1915 г.—161.019 милл. пуд.
За 1916 г.—266.916 милл. пуд.
За I полугодіе 1917 года—83.747 милліоновъ пудовъ.

Сравненіе количества отгруженнаго въ армію съ количествомъ средняго довоеннаго вывоза за границу обнаруживаетъ, что прежде всего кризисъ долженъ былъ наступить съ овсомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ среднемъ до войны Россія вывозила 57,3 милліона пудовъ овса, а между тѣмъ только въ одномъ первомъ полугодіи 1915 года было отгружено въ армію 87,43 милліона пудовъ, за весь же 1915 годъ—161,019 милл. пуд., т.-е. почти въ три раза больше средняго вывоза. Первымъ актомъ правительственнаго вмѣшательства въ свободу торговли былъ Высочайшій Указъ отъ 17 февраля 1915 года о предоставленіи начальникамъ военныхъ округовъ права: 1) запрещать вывозъ изъ губерній припасовъ, необходимыхъ арміи, 2) устанавливать предѣльныя цѣны на продукты, необходимые арміи, 3) реквизировать ихъ при отказѣ продавать добровольно съ пониженіемъ установленной цѣны на 15%. Эта мѣра не могла не привести къ еще большимъ затрудненіямъ въ области снабженія арміи и особенно тыла. Отсутствіе общаго плана, сепаратныя никѣмъ не согласуемыя дѣйствія и распоряженія отдѣльныхъ военачальниковъ раздѣлили Россію на рядъ отдѣльныхъ областей ничѣмъ не связанныхъ между собой, часто соперничающихъ и не принимающихъ во вниманіе интересовъ населенія.

Необходимы были мѣры къ удовлетворенію все наростающей нужды и къ устраненію все наростающей дезорганизаціи рынка, вызываемой несогласованными распоряженіями отдѣльныхъ воеводъ. Для обсужденія и объединенія мѣропріятій по продовольственному дѣлу 17 августа 1915 года было созвано Особое Совѣщаніе по продовольственному дѣлу изъ представителей вѣдомствъ, Государственной Думы, Государственнаго Совѣта общественныхъ и торговыхъ организацій.

Особое Совѣщаніе по продовольственному дѣлу должно было стать на путь Государственнаго регулированія хлѣбной торговли. Въ задачу уполномоченныхъ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія по продовольствію была включена забота по заготовкѣ хлѣба для нуждъ населенія.

Но эта заготовка хлѣба для нуждъ населенія производилась въ ничтожныхъ размѣрахъ. Главная часть продуктовъ по-прежнему заготовлялась частно-торговыми организаціями. Благодаря этому на рынкѣ установились двѣ цѣны на хлѣбъ. Одна цѣна была установлена

уполномоченными для казенныхъ заготовокъ и другая—вольная, болѣе высокая, устанавливаемая обычнымъ процессомъ торговаго обмѣна. Разница между твердой и вольной цѣной порождала разнузданную спекуляцію съ хлѣбными продуктами. Поэтому 9 сентября были введены твердыя цѣны на зерно и муку на всѣ сдѣлки, какъ по покупкамъ для нуждъ арміи, такъ и для населенія.

Но всѣ эти мѣропріятія, устанавливающія рядъ стѣсненій для дѣятельности частной торговли, неизмѣнно приводили къ неуклонному сокращенію заготовокъ и обострению продовольственнаго вопроса. Къ концу 1916 года стало ясно, что частная торговля, поставленная для нея въ необычное положеніе, съ продовольственнымъ дѣломъ не управится. Общественныя силы правительствомъ самодержавія всячески отстранялись отъ дѣла народнаго продовольствія. Продовольственный аппаратъ оставался бюрократическимъ и забронированнымъ отъ всякаго вліянія широкихъ круговъ населенія.

Дѣло не двигалось, запасы продовольствія на фронтѣ и въ тылу таяли, военныя власти били тревогу, гражданское населеніе нервничало.

Катастрофа надвигалась. Необходимы были экстренныя мѣры. Новый министръ земледѣлія Риттихъ 29 ноября издалъ постановленіе объ обязательной разверсткѣ необходимыхъ количествъ хлѣба между производящими губерніями.

Разверстка была произведена въ 21 губерніи. Вмѣсто предложеннаго Министерствомъ количества въ 506,5 милл. пудовъ въ волостяхъ и на сельскихъ сходахъ, а также среди частновладѣльческихъ хозяйствъ удалось разверстать между домохозяевами всего около 170 милл. пудовъ. Хлѣбная разверстка провалилась. Подвозъ хлѣба съ катастрофической быстротой падалъ. За январь мѣсяцъ 1917 года изъ назначеннаго для арміи количества хлѣба погружено было всего 56,3%. Подвозъ хлѣба столицамъ и въ потребляющія губерніи еще болѣе значительно сократился, до 20,6%. Февраль мѣсяцъ со своими снѣжными заносами, недостаткомъ топлива на желѣзныхъ дорогахъ, пріостановкой правильнаго желѣзнодорожнаго движенія оказался еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ предыдущій мѣсяцъ. Особенно рѣзко упала погрузка для арміи. Изъ 19.096 тыс. пудовъ оказалось отгруженнымъ лишь 9.502 тыс. пудовъ, или 49,8%. Для населенія изъ назначенныхъ 27.894 тыс. пудовъ отгружено 8.458 тыс. пудовъ, т.-е. 30,3%. Такимъ образомъ правительственный аппаратъ управлялся удовлетворять лишь половину потребности арміи и меньше трети нужды населенія столицъ и заводовъ, работающихъ на оборону, и потребляющихъ районовъ.

Населеніе столицъ и заводскихъ центровъ стало испытывать значительный недостатокъ въ хлѣбѣ и др. продовольствіи. Въ городахъ установились у магазиновъ тягостныя очереди, утомляющія и нервирующія массы.

Старая Государственная власть, поставленная въ необходимость стихійнымъ теченіемъ вещей вмѣшиваться въ дѣло регулированія заготовокъ и распредѣленія продовольствія, не могла управиться съ этой задачей. Народно-хозяйственный организмъ требовалъ напряженія всѣхъ силъ страны для удовлетворенія потребностей войны. Самодержавная власть изъ страха передъ народомъ не допускала созданія мѣстныхъ органовъ для организаціи дѣла на мѣстахъ. Изолировавшаяся отъ народа, оставшаяся со своими чиновниками, власть не

управилась съ возложенными историческими задачами и должна была подъ напоромъ народнаго движенія сойти съ исторической сцены.

II.

Тяжелое наслѣдство получила революція отъ павшаго самодержавнаго строя. Продовольственные запасы арміи и населенія до послѣдней степени были истощены, желѣзныя дороги остановились за отсутствіемъ топлива. Поэтому первой задачей была организація продовольственнаго дѣла. Еще не успѣло сложиться Временное Правительство, какъ уже была создана 27 февраля Продовольственная Комиссія изъ представителей Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и представителей Временнаго Комитета Государственной Думы. Несмотря на всю тяжесть положенія съ продовольствіемъ о возвратѣ къ свободной торговлѣ не могло быть и рѣчи. Было ясно, что отмѣна твердыхъ цѣнъ при недостаткѣ продуктовъ, при разстроенномъ транспортѣ, могла породить анархію рынка со всѣми послѣдствіями. Поэтому Продовольственная Комиссія стала на путь государственнаго регулированія народнаго хозяйства.

9 марта Временнымъ Правительствомъ было утверждено положеніе объ общегосударственномъ Продовольственномъ Комитетѣ. Постановленіемъ Временнаго Правительства, «о передачѣ хлѣба въ распоряженіе государства» 25 марта была введена хлѣбная монополія и было утверждено «временное положеніе о мѣстныхъ продовольственныхъ органахъ».

Общегосударственный Продовольственный Комитетъ открылъ свои дѣйствія 29 марта. Комитетъ при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ постоянно сталкивался съ неурегулированностью другихъ отраслей народнаго хозяйства. Было ясно,—чтобы получать хлѣбъ надо, чтобы деревня имѣла возможность покупать предметы потребленія. Для успѣшнаго гужевого подвоза продовольствія необходимо было обезпечить населеніе инвентаремъ и т. п. Поэтому была образована особая комиссія по снабженію населенія предметами промышленности. Въ эту комиссію вошли представители Министерства Торговли и Промышленности отъ хлопчатобумажнаго, кожевеннаго, металлургическаго и топливнаго отдѣловъ. Для разработки мѣръ по организаціи сельскохозяйственнаго производства Комитетомъ была выдѣлена особая секція. Такъ какъ сельское хозяйство испытывало острый недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, то помимо наиболѣе раціональнаго использованія труда, военноплѣнныхъ, которыхъ насчитывалось свыше 500.000 человѣкъ, рѣшено было обратиться къ военному вѣдомству съ просьбой произвести учетъ воинскихъ командъ, могущихъ быть отпущенными на сельскохозяйственныя работы. Въ виду остраго недостатка сельскохозяйственныхъ машинъ было признано необходимымъ произвести учетъ и, въ случаѣ нужды, произвести перераспредѣленіе ихъ. Было обращено вниманіе на срочную доставку машинъ на мѣста. Въ цѣляхъ наиболѣе полнаго использованія машинъ при реализаціи урожая губернскимъ продовольственнымъ комитетомъ было предоставлено право реквизиціи лежащихъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ бездокументныхъ эвакуированныхъ машинъ.

Въ виду возникающихъ аграрныхъ безпорядковъ и нежеланія землевладѣльцевъ рисковать, производить затраты на производство работъ была опасность, что значительныя площади останутся неза-

сѣянными. Необходимо было создать условія, побуждающія землевладѣльцевъ заниматься хозяйствомъ и использовать всю площадь земли. Съ этой цѣлью была установлена государственная гарантія уплаты за посѣвы, въ случаѣ они потерпятъ отъ народныхъ волненій.

Въ цѣляхъ наиболѣе полнаго использованія посѣвной площади и организаціи засѣва пустующихъ земель, мѣстнымъ продовольственнымъ органамъ предоставлено право сдачи этихъ земель въ аренду по цѣнамъ, устанавливаемымъ уѣзднымъ комитетомъ. Но комитетъ можетъ производить засѣвы и уборку своими силами.

Общегосударственный Комитетъ въ цѣляхъ успѣшнаго засѣва и сбора хлѣба въ распоряженіе государства принялъ мѣры къ усиленію заготовительныхъ аппаратовъ продовольственныхъ комитетовъ. Къ дѣлу заготовки хлѣба, продовольственныхъ продуктовъ и фуража, привлекаются кооперативныя учрежденія, общественныя организаціи, частныя торгово-промышленныя предпріятія и отдѣльныя торговцы, но исключительно въ качествѣ агентовъ мѣстныхъ продовольственныхъ комитетовъ. Во всякомъ случаѣ, однако, признано было отдавать предпочтеніе кооперативамъ и общественнымъ организаціямъ.

Общегосударственный Комитетъ придавалъ большое значеніе агитаціи, живому слову, разъясняющему населенію смыслъ хлѣбной монополіи и необходимости скорѣйшей сдачи хлѣба и подвоза его къ станціямъ. Для организаціи этого дѣла для посылки на мѣста агитаторовъ и выработки плана дѣйствій была создана особая агитаціонная комиссія.

Въ разныхъ мѣстахъ заготовка хлѣба производилась съ неодинаковымъ успѣхомъ. Въ рядѣ губерній совсѣмъ не налаживалась продовольственная организація. Общегосударственному Комитету необходимо было принять мѣры оживленія и побужденія мѣстъ къ болѣе интенсивной и согласованной съ распоряженіями центральной власти дѣятельности. Были созданы особые агенты Комитета въ лицѣ «эмиссаровъ». Эмиссарамъ по соглашенію съ мѣстными органами предоставлялось принимать мѣры для производства учета хлѣба, требовать предъявленія книгъ, документовъ и т. д., при чемъ лица, не исполняющія законныхъ требованій эмиссара, привлекаются къ судебной отвѣтственности. Недостатокъ транспортнаго инвентаря у крестьянъ, а также нежеланіе везти хлѣбъ къ станціямъ поставили вопросъ о принудительныхъ гужевыхъ перевозкахъ. Принудительныя гужевыя перевозки были введены закономъ 3 февраля 1916 года.

Исключительность вниманія, удѣляемая Общегосударственнымъ Комитетомъ, вопросу увеличенія площади посѣва и охранѣ хлѣбныхъ полей, объясняется состояніемъ хлѣбныхъ запасовъ въ странѣ. По даннымъ Е. Яшнова (Изв. по Прод. дѣл. № 3) валовой сборъ хлѣбовъ на незанятой непріятелемъ территоріи за послѣдніе годы исчисляется въ слѣдующихъ количествахъ: за 1913 годъ собрано хлѣбовъ 5.088.000.000 пудовъ, за 1914 годъ—4.304 милл. пудовъ, за 1915 годъ—4.659 милл. пудовъ, за 1916 годъ—3.896 милл. пудовъ и за 1917 годъ—3.815 милл. пудовъ. За то же время нашъ вывозъ хлѣбовъ за границу и расходъ для арміи выражается въ слѣдующихъ количествахъ: за 1913—14 г. сельско-хозяйственный годъ—вывозъ 792 милл. пудовъ, за 1914—15 годъ вывозъ 75 милл. пудовъ, расходъ на армію—320 милл. пудовъ,—всего 395 милл. пудовъ; за 1915—16 с.-х. годъ—вывозъ 45 милл. пуд., и расходъ для арміи 484 милл. пудовъ—всего 529 милл. пуд.; за 1916—17 годъ—вывозъ 40 милл. пуд. и расходъ для арміи 461 милл. пудовъ—всего 501 милл. пуд. Слѣдуетъ

отмѣтить, что мы должны были вывозить хлѣбъ во Францію по договору съ союзниками въ количествѣ 50 милліоновъ пудовъ пшеницы въ годъ. Потребленіе хлѣба мирнымъ населеніемъ выражается слѣдующими данными: за 1913—14 г.—3.853 милл. пуд.; за 1914—15 г.—3.829 милл. пудовъ; за 1915—16 годъ—3.745 милл. пудовъ; за 1916—17 годъ—3.634 милл. пудовъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что первыхъ три года даютъ избытокъ въ количествѣ 908 милл. пудовъ и послѣдній 1916—17 годъ даетъ недостатокъ въ 239 милл. пудовъ.

Такимъ образомъ мы вступили въ 1917—18 годъ съ возможнымъ запасомъ отъ прежнихъ лѣтъ въ 669 милл. пудовъ.

Такой запасъ при общемъ разстройствѣ экономической жизни, при тяжеломъ положеніи желѣзнодорожнаго транспорта и слабости продовольственныхъ заготовительныхъ аппаратовъ не могъ располагать къ спокойствію за судьбы народнаго продовольствія.

Общегосударственный Продовольственный Комитетъ кромѣ вопросовъ производства поставилъ на обсужденіе вопросы распредѣленія продуктовъ. Въ цѣляхъ наибольшей равномѣрности распредѣленія продуктовъ было постановлено нормировать потребленіе. На всемъ пространствѣ Россіи (кромѣ Закавказья и Туркестана) вводится нормировка потребленія, опредѣляемая мѣстными продовольственными органами въ предѣлахъ 30 фунтовъ муки и 3 фунтовъ крупы въ мѣсяцъ. Для лицъ занятыхъ тяжелымъ физическимъ трудомъ эта норма повышается до полуторныхъ размѣровъ. Нормы эти являются максимальными и не представляютъ обязательства выдать все указанное количество. Въ городахъ обязательно вводится карточная система.

Мы видѣли, что хлѣбная монополія потребовала вмѣшательства государства не только въ область производства переработки и распредѣленія, но и заставило государство взять на себя заботу по снабженію земледѣльцевъ необходимымъ инвентаремъ, машинами, желѣзомъ и др. государство, разъ вступивъ на путь регулированія одной изъ частей народнаго хозяйства, неизбѣжно приходитъ къ вмѣшательству въ смежныя области и подчиняетъ своему вліянію все новыя и новыя стороны экономической жизни. Вслѣдъ за введеніемъ хлѣбной монополіи послѣдовалъ рядъ другихъ монополій и мѣропріятій по регулированію производства и потребленія.

III.

Однимъ изъ первыхъ продуктовъ, котораго относительно было много въ Россіи и въ которомъ ранѣе другихъ почувствовался недостатокъ, оказался сахаръ. Еще самодержавное правительство 20 января 1916 года образовало въ Кіевѣ Центральное Бюро по объединенію закупокъ сахара (Центросахаръ). Задачей Центросахара была равномѣрное распредѣленіе нарядовъ на сахаръ между заводами и закупка его для арміи. Но уже 24 марта 1916 года были введены твердыя цѣны на всѣ сдѣлки и вывозъ сахара съ заводовъ предоставлялся съ разрѣшенія Центросахара.

Производство сахара падало. Размѣръ свекловичныхъ плантацій въ 1914—15 г. равнялся 697.241 десятинамъ, въ 1915—16 уменьшился до 670.384 десятинъ, въ 1916—17 году сократился до 592.146 десятинъ и въ послѣдній 1917—18 составилъ всего 536.380 десятинъ. Въ соотвѣтствіи съ паденіемъ посѣвной площади падала выработка сахара.

Въ 1914—15 году сахару выработано 107.855.710 пудовъ, въ 1915—15 г.—90.824.438 пудовъ и въ 1917—18 г. предположена выработка въ 64.000.000 пудовъ или 59% сравнительно съ выработкой 1914—15 г.

При такихъ условіяхъ государство должно было рѣшительно вмѣшаться какъ въ производство, такъ и въ распредѣленіе сахара. Общегосударственный Продовольственный Комитетъ, разсматривая этотъ вопросъ, постановилъ оставить безъ измѣненія норму потребленія сельскаго населенія $^5/_6$ фунта въ мѣсяцъ на душу, понизить душевую норму снабженія для особо квалифицированнаго населенія, къ коему относятся города съ населеніемъ свыше 500 тысячъ жителей, а также рабочіе, занятые въ предпріятіяхъ, связанныхъ съ оборонною, съ $2^1/_2$ фунтовъ до 2 фунтовъ въ мѣсяцъ. Для населенія остальныхъ городовъ понизить норму съ 2 фунтовъ до $1^1/_2$ фунта, и для арміи понизить съ 12 зол. до 8 зол. въ сутки.

Однако всѣ указанныя мѣропріятія по регулированію производства и потребленія оказались недостаточными. Временнымъ Правительствомъ постановлено съ 1 ноября ввести сахарную монополію, сосредоточивъ все дѣло покупки и продажи въ рукахъ акцизнаго вѣдомства Министерства Финансовъ.

Въ связи съ недостаткомъ сахара удѣлено особое вниманіе производству и распредѣленію кондитерскихъ издѣлій. Былъ установленъ опредѣленный ассортиментъ кондитерскихъ товаровъ, разрѣшаемый къ производству. Въ кондитерскихъ издѣліяхъ не должно содержаніе сахара превышать 45%, въ зависимости отъ сорта.

Снабженіе арміи и гражданскаго населенія столицъ мясомъ также перешло въ руки государства. Первыхъ два года войны 1914 и 1915 г. снабженіе обходилось безъ обязательныхъ поставокъ. При пересмотрѣ потребностей въ мясѣ было установлено, что запасы мяса столь невелики, что необходимо ввести рядъ ограниченій въ потребленіе. Съ этой цѣлью было установлено для арміи пять дней и для населенія четыре дня мясныхъ въ недѣлю. Норма потребленія установлена: арміи въ районѣ фронта $2^1/_2$ фунта мяса въ недѣлю, для внутреннихъ округовъ 2 фунта и для населенія городовъ, поселеній городского типа, рабочихъ поселковъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ въ размѣрѣ 1 фунта въ недѣлю. Для удовлетворенія такой потребности необходимо для арміи 43.000.000 пуд., для населенія 33.400.000 пуд., всего 6.400.000 пудовъ. За годы войны поставка мяса арміи неизмѣнно возрастала. Въ первый годъ войны, 1914 годъ, Отдѣлъ Заготовокъ Министерства Земледѣлія поставлялъ арміи только солонину. Сначала 1915 года приступлено было къ поставкѣ мяса арміи живымъ скотомъ. За годъ поставлено 99.592 головы или 2.631.461 пудъ живого вѣса. За 1916 годъ было закуплено 3.284.410 головъ скота или 32.844.100 пудовъ мяса. Изъ этого количества сдано для арміи 2.054.256 головъ. Остальное количество для тыловыхъ войсковыхъ частей и общественныхъ организацій, работающихъ на оборону. Государство пыталось удовлетворить и потребность гражданскаго населенія въ мясѣ. Бѣднота и ограниченность въ Россіи мясныхъ рессурсовъ ставило вопросъ о замѣнѣ мяса соотвѣтствующимъ продуктомъ.

На ряду съ мяснымъ питаніемъ стоитъ питаніе *рыбное*. Государство вмѣсто мяса стало давать арміи и населенію рыбу. Обычно, довоенное потребленіе рыбы въ Россіи выражалось цифрой въ 90 милл. п. Въ водахъ Россіи вылавливалось ежегодно 70 милл. пудовъ и остальныя количества 20 милл. пудовъ ввозились изъ-за границы. Заготовка рыбы для арміи органами государственной власти за время

войны изъ года въ годъ возрастала. Въ 1914—15 году заготовлено соленой и солено-вяленой (сушеной) рыбы 466 тыс. пудовъ; во второй годъ войны (1915—16 г.) заготовлено 1.198.3 тыс. пудовъ. Въ теченіе третьяго года (1916—1 г.) войны потребность сильно возрасла и было заготовлено соленой, мороженой рыбы и сельдей 6.111.600 пудовъ.

Общій недостатокъ *жировъ* въ странѣ поставилъ передъ Государственной властью вопросъ о регулированіи ихъ потребленія. Еще самодержавное правительство для удовлетворенія нужды арміи установило твердыя цѣны на *подсолнечное* масло для сдѣлокъ по заготовкамъ арміи. Министерство Продовольствія пошло дальше и закупило выработку подсолнечнаго масла. Изъ общаго количества 9—10 милл. пуд. производимаго въ Россіи подсолнечнаго масла уполномоченные Министерства закупили въ теченіе періода съ 1 сентября 1916 года по 1 іюня 1917 года—4 милл. пудовъ.

Значительное мѣсто въ производствѣ растительныхъ жировъ занимаетъ *хлопковое* масло. Изъ $33^1/_2$ милл. пуд., вырабатываемаго въ Туркестанѣ хлопковаго масла Министерствомъ Продовольствія заготовлено для арміи 800 тыс. пуд.—Снабженіе арміи *коровьимъ масломъ* стояло сначала войны въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, объясняемыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что до войны Россія значительныя количества масла экспортировала за границу? Огромное производство масла въ Сибири почти цѣликомъ вывозилось. Изъ общаго количества производства въ 5 милл. пудовъ на вывозъ падало свыше 4 милл. пудовъ. Главная часть вывознаго масла была сосредоточена у нѣсколькихъ фирмъ и у Сибирскаго Союза Маслодѣльныхъ Артелей.

Съ начала войны Правительствомъ заключенъ былъ договоръ съ Правленіемъ Сибирскихъ Маслодѣльныхъ Артелей на поставку масла. Правительствомъ заготовлено масла въ первый годъ войны по 1 іюня 1915 года—1.226.000 пудовъ; во второй годъ (съ 1 іюня 1915 г. по 1 іюня 1916 г.)—1.900.000 пудовъ и въ третій годъ (съ 1 іюня 1916 г. по 1 іюня 1917 г.)—3.162.540 пудовъ.

Однако, Сибирскаго коровьяго масла недоставало для удовлетворенія потребностей арміи и городского населенія, и правительство распространило права монопольныхъ заготовокъ на рядъ губерній Европейской Россіи. Установлены твердыя цѣны на масло по 1 марта 1918 года.

Временному Правительству въ лицѣ Министерства Земледѣлія пришлось обратить вниманіе на производство и заготовку *овощей*. Въ цѣляхъ развитія производства овощей, необходимыхъ для арміи, Министерство Земледѣлія вступаетъ въ соглашеніе съ земствами, городами, кооперативами, союзами, обществами и др. о принятіи на себя поставки огороднаго и садоваго хозяйства на условіяхъ выдачи или задатковъ подъ производство въ размѣрѣ 50% стоимости продукта.

Вопросъ о снабженіи *яйцами* арміи и населенія всталъ лишь въ послѣдній годъ войны. Ранѣе заготовка для арміи производилась лишь для пасхальнаго довольствія. Для заготовки яицъ въ сезонѣ 1917 года въ Министерствѣ Продовольствія былъ выработанъ проектъ правилъ заготовки яицъ для арміи, столицъ и крупныхъ населенныхъ центровъ, а также твердыя цѣны на куриныя яйца. Однако, это дѣло потерпѣло полный провалъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, изъ назначенныхъ на мѣсяцъ 4000 вагоновъ, заготовлено лишь 692 вагона. Въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ 2230 назначенныхъ вагоновъ, выполнено 1402 вагона. Въ дальнѣй-

шемъ заготовка яицъ также не налаживалась, да и сезонъ приходилъ къ концу.

Разстройство транспорта нарушило правильный ходъ снабженія населенія солью. Въ рядѣ раіоновъ уже съ осени 1915 года почувствовался недостатокъ соли. Для устраненія спекуляціи и для равномѣрнаго снабженія *солью* были учреждены Пермскій, Астраханскій, Донецкій и Крымскій Соляные Комитеты. На комитеты возложена была обязанность по закупкѣ и отправкѣ соли для нуждъ потребительныхъ районовъ. Постановленіемъ Министра Земледѣлія отъ 2 апрѣля 1916 года были введены на соль твердыя цѣны для указанныхъ четырехъ главныхъ районовъ. Изъ общей потребности въ 120 милл. пуд. соли указанные районы давали: Пермскій—15 милл. пуд., Астраханскій—30 милл. пуд., Донецкій—46 милл. пудовъ и Крымскій—6 милл. пудовъ. Болѣе мелкіе районы добычи соли государствомъ не затрагивались и твердыя цѣны на нихъ не распространялись.

IV.

Какую бы область народнаго хозяйства мы ни затронули—неизбѣжно сталкиваемся съ вопросомъ *транспорта*, этого нерва экономической жизни страны. Продовольственное дѣло особенно тѣсно связано съ организаціей транспортнаго дѣла. Въ нашей памяти совсѣмъ свѣжи воспоминанія о цѣлыхъ поѣздахъ, занесенныхъ снѣгомъ, и о замерзшихъ паровозахъ, оставшихся безъ угля, въ февралѣ 1917 г. Запасовъ хлѣба въ арміи и столицахъ тогда было лишь на нѣсколько дней, а желѣзныя дороги вдругъ катастрофически остановились. Провозоспособность дорогъ настолько упала, что дороги не управлялись съ подвозомъ угля для собственныхъ нуждъ. Такое паденіе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ происходило отъ недостатка подвижного состава. Поступленіе новыхъ паровозовъ и вагоновъ сильно сократилось. Ремонтъ больныхъ вагоновъ и паровозовъ совсѣмъ не успѣвалъ за ростомъ заболѣваемости. Если на 1 января 1917 г. больныхъ паровозовъ было 16,5%, то на 1 марта того же года это количество возросло до 20,3%, а черезъ восемь мѣсяцевъ революціи процентъ больныхъ паровозовъ поднялся до 24,8, т.-е. изъ общаго количества 20000 паровозовъ къ ноябрю мѣсяцу выбыло изъ строя 5000 больныхъ паровозовъ и на 1 января 1918 года оказалось больныхъ паровозовъ 5500 т.-е.—27,3%. Съ вагонами дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ съ паровозами. Количество больныхъ вагоновъ, агромождающихъ пути, неизмѣнно возростаетъ. На 1 марта 1917 года было больныхъ вагоновъ 5,4%, на 1 сентября 7,9% и на конецъ октября это количество возросло до 9%, или изъ общаго количества числа 565000—больныхъ оказалось 51076 вагоновъ. Такое состояніе подвижного состава привело къ тому, что желѣзныя дороги систематически недогруживали и не перевозили необходимыхъ продуктовъ населенію и арміи. Съ 1 января по 15 сентября 1917 года, т.-е. за $8^1/_2$ мѣсяцевъ недогрузъ сравнительно съ 1916 годомъ выразился 1.130.000 вагоновъ или 1.390.000.000 пудовъ жизненныхъ продуктовъ и за весь 1917 годъ недогружено 2.700.000 вагоновъ, или $2^1/_2$ милліарда пудовъ грузовъ.

До такого положенія транспортъ былъ доведенъ многими причинами. Общая анархія въ странѣ не могла не коснуться желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Паденіе производительности отмѣчено по всѣмъ линіямъ и во всѣхъ областяхъ. Служебная дисци-

плина, такъ необходимая въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, окончательно пала.

Безнадежное положеніе желѣзнодорожнаго транспорта заставило искать выходъ. Было обращено серьезное вниманіе на нашъ *водный транспортъ*. Временнымъ Правительствомъ изданъ законъ о принудительныхъ водныхъ перевозкахъ. Судовладѣльцы обязаны были грузъ, принадлежащій казнѣ, принимать внѣ очереди. Однако, это сама по себѣ разумная мѣра встрѣтила рядъ препятствій и не дала сколько-нибудь значительныхъ результатовъ. Водный транспортъ болѣлъ всѣми болѣзнями желѣзныхъ дорогъ. Особенно остро стоялъ рабочій вопросъ. Баснословно высокая заработная плата при небываломъ паденіи производительности труда являются основными факторами характеризующими положеніе воднаго транспорта. Для характеристики положенія дѣла необходимо познакомиться съ данными о водныхъ перевозкахъ. По даннымъ воднаго распорядительнаго Комитета общее количество перевезеннаго въ бассейнѣ Волги, исключая районъ выше Рыбинска, груза составило къ 20 августа 1917 года 659 милл. пудовъ, тогда какъ за тотъ же періодъ въ предыдущемъ году было перевезено 756 милл. пудовъ или въ 1917 году менѣе на 11,5%. Особенно мало было перевезено хлѣба водой. По Волгѣ было отправлено по 1 сентября 1917 года 32 милл. пудовъ, а въ 1916 году за всю навигацію 129 милл. пудовъ. По Камѣ за то же время 1917 года—24 милл. пуд. и въ 1916 году—44 милл. пуд., и по Окѣ за 1917 г. — 4 милл. пудовъ, и за 1916 г.—9 милл. пуд.

Такимъ образомъ надежды на подвозъ хлѣба Сѣверу водой не оправдались. Сѣверъ оказался безъ обычнаго запаса хлѣба и переживаетъ чрезвычайно тяжелое состояніе. Основной, однако, причиной была не дезорганизація воднаго транспорта, а не предъявленіе хлѣбныхъ грузовъ и не подвозъ его къ пристанямъ.

V.

Всѣ восемь мѣсяцевъ революціи, пока Временное Правительство было у власти, продовольственное дѣло направлялось по разъ принятому пути государственнаго регулированія потребленія. Временное Правительство принимало рядъ мѣръ, зачастую героическихъ, по оживленію и урегулированію дѣятельности мѣстныхъ продовольственныхъ органовъ. Недостатокъ руководящихъ силъ, частая ихъ смѣна, мѣшала планомѣрной работѣ по проведенію хлѣбной монополіи и по организаціи правильнаго и регулярнаго снабженія населенія и арміи продовольствіемъ и предметами первой необходимости. За этотъ періодъ Россія не разъ оказывалась на краю продовольственной пропасти. Но глубокое сознаніе единства интересовъ, вѣра въ творческія силы революціи всегда выводили изъ тяжелаго положенія. Продовольственное дѣло не знало политической борьбы. Въ продовольственномъ дѣлѣ былъ общій языкъ, ясны были задачи, устремленія и даже методы борьбы съ общимъ для всѣхъ врагомъ—голодомъ. Въ критическіе моменты Продовольственные Комитеты, Городскія и Земскія Управы, Совѣты Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, военныя и др. организаціи собирались вмѣстѣ и общими, и дружными усиліями находили пути къ спасенію положенія.

Выступленіе большевиковъ и произведенный ими 25 октября 1917 года переворотъ рѣзко оборвалъ продовольственную работу. Пожаръ гражданской войны, охватившій всѣ области Россіи, стихійно

распространялся на всѣ общественныя и демократическія организаціи. Разгонъ большевиками Московской Городской Думы былъ сигналомъ для повсемѣстнаго разгрома всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій. Забастовки протеста противъ узурпаціи власти покатились по всей странѣ. Вмѣшательство Комиссаровъ въ распоряженія Министерства Продовольствія вынудило сотрудниковъ Министерства протестовать и прекратить работу.

Продовольственное дѣло, и безъ того плохо налаженное, оказалось лишеннымъ руководящаго центра, направляющаго дѣйствія по единому плану. Всякая мѣстная организація продолжала дѣйствовать за свой страхъ и рискъ. Вмѣшательство Совѣтовъ въ продовольственное дѣло на мѣстахъ грозило продовольственной катастрофой. Необходимо было принимать мѣры къ предотвращенію этой послѣдней и самой страшной опасности.

Для отысканія путей дальнѣйшаго снабженія населенія и арміи продовольствіемъ въ Москвѣ 17—22 ноября былъ созванъ Министерствомъ Продовольствія Всероссійскій Продовольственный Съѣздъ. На Съѣздѣ было установлено, что продовольственная разруха въ странѣ достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ, запасовъ продовольствія и фуража въ арміи и потребляющихъ центрахъ не было, страна жила лишь текущимъ срочнымъ подвозомъ. При отсутствіи общепризнанной власти въ странѣ, при длящейся гражданской войнѣ и анархіи, при разваливающейся экономической и финансовой жизни, при все болѣе разрушающемся транспортѣ, при недостаткѣ денежныхъ знаковъ на мѣстахъ и при стихійномъ нашествіи мѣшечниковъ спасти положеніе возможно лишь созданіемъ необходимой общепризнанной государственной власти. Для общаго согласованія работъ всѣхъ продовольственныхъ органовъ и руководства ихъ дѣятельности совмѣстно съ Министерствомъ Продовольствія Съѣздъ избираетъ Всероссійскій Совѣтъ Продовольственныхъ Съѣздовъ изъ десяти человѣкъ.

Совѣтъ Съѣздовъ (продовольственная десятка) въ своемъ засѣданіи отъ 25 ноября постановилъ предложить служащимъ возобновить занятія въ Министерствѣ Продовольствія 27 ноября и признать, что вмѣшательство Народныхъ Комиссаровъ въ продовольственное дѣло не допустимо. Съ утра Совѣтъ приступилъ къ ознакомленію съ положеніемъ дѣлъ, а въ 2 час, дня по распоряженію Комиссара по продовольствію г. Шлихтера былъ введенъ нарядъ красногвардейцевъ и всѣ присутствовавшіе были арестованы и доставлены въ Смольный въ помѣщеніе слѣдственной комиссіи.

Послѣ освобожденія изъ подъ ареста членовъ Совѣта Продовольственныхъ Съѣздовъ продолжали искать почву для установленія соглашенія съ Народными Комиссарами, но все было напрасно. Народные Комиссары требовали безусловнаго подчиненія и ни на какія условія не шли. Вслѣдъ за Министерствомъ Продовольствія были разрушены и захвачены совѣтами рядъ мѣстныхъ областныхъ продовольственныхъ комитетовъ.

Въ связи съ объявленіемъ Совѣтовъ Народныхъ Комиссаровъ войны, Украйна запретила обычный вывозъ хлѣба и потребовала наличныя деньги, причемъ одну треть золотомъ. Продовольственное дѣло все болѣе и болѣе разрушалось совѣтской властью, несмотря на то, что послѣдующіе Съѣзды въ Москвѣ (Областное Продовольственное Совѣщаніе 12 ноября и Продовольственный Съѣздъ 28 декабря) требовали признанія Народными Комиссарами продовольственнаго дѣла нейтральнымъ, невмѣшательства въ распоряженія

руководителей продовольственными комитетами и сохраненія въ цѣлости установившихся продовольственныхъ аппаратовъ. Въ отвѣтъ на эти требованія отвѣчали «демократизаціей» продовольственныхъ органовъ путемъ введенія въ комитеты не менѣе двухъ третей представителей Совѣтовъ. Нужно отмѣтить, что продовольственные комитеты по положенію отъ 25 марта состояли изъ представителей ряда организацій съ преобладаніемъ представиельства отъ демократическихъ и революціонныхъ организацій. Наконецъ «демократизація» пошла до полнаго уничтоженія продовольственныхъ комитетовъ и созданія взамѣнъ ихъ продовольственныхъ комиссій при Совѣтахъ.

Всѣ эти условія отнюдь не способствовали успѣшной организаціи закупокъ, ссыпокъ и своевременной доставки хлѣба и продовольствія. Были выдвинуты новые и рѣшительные методы заготовки хлѣба. Въ деревню за хлѣбомъ направлялись цѣлыя военныя экспедиціи, вооруженныя винтовками и пулеметами. Однако, это хлѣба не давало. Отгрузка хлѣба неизмѣнно и стремительно падала. Если въ сентябрѣ для Московской области отгружено 60,3% изъ назначеннаго по плану количества, въ октябрѣ—50,5%, то за ноябрь мѣсяцъ, т.-е. когда Совѣты были у власти, 28,7%, за декабрь—8,3% и за январь—10,2% или переводя на фунты населеніе 22 губерній Московской области за послѣднихъ два мѣсяца декабрь-январь получило 2,7 фунта на два мѣсяца на человѣка. Въ дальнѣйшемъ полученіе и такой нормы нельзя считать обезпеченнымъ. Продовольственныя организаціи одна за другой сокращаютъ и совсѣмъ прекращаютъ заготовки. Если Тамбовская губ. за сентябрь—ноябрь выполнила 59%, то за декабрь-январь только 5% наряда. По Воронежской губерніи за тѣ же сроки отгрузки съ 10% упали до 1%. Богатая хлѣбомъ Вятская губ. дастъ 4,7%, Челябинскій районъ, Симбирская и Казанская губ. совсѣмъ прекратили заготовку. Въ названныхъ губерніяхъ фактически хлѣбная монополія отмѣнена, а въ другихъ и формально постановленіемъ мѣстныхъ Совѣтовъ.

Только южныя губерніи Херсонская, Таврическая и Екатеринославская все время поддерживали существованіе потребляющаго района. Но теперь, когда Херсонская губ. уже занята нѣмцами, когда весь югъ находится подъ нѣмецкой, совсѣмъ не призрачной, угрозой при полномъ содѣйствіи Украинской Республики, строить расчеты на южный хлѣбъ нельзя. Необходимо напрячь всѣ силы и волю народную на изысканіе способовъ доставки хлѣба изъ Сибири, обладающей значительнымъ запасомъ и излишками.

Но всѣ тѣ методы борьбы съ голодомъ, кои примѣняются Совѣтской властью приводятъ лишь къ слѣдующимъ результатамъ: изъ Богородска, Московской губ. телеграфируютъ (Бюллетень М. Г. П. К.)—«населеніе голодаетъ, надеждъ на поступленіе хлѣба нѣтъ, ожидаютъ бунтовъ». Тетюшенскій Совѣтъ Казанской губ. сообщаетъ, что «на почвѣ недоѣданія идутъ голодные бунты». «Егорьевскій уѣздъ Рязанской губ. вымираетъ отъ голода». Изъ Твери заявляютъ—«наступилъ сплошной голодъ». Населеніе Новгородской губерніи голодаетъ». Бѣльскій Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ проситъ какъ можно скорѣе выслать уѣзду хотя бы немного продовольственныхъ продуктовъ, какъ-то: ячменя, овса, риса, жмыховъ и крупы,—населеніе голодаетъ. Съѣденъ весь какой былъ хлѣбъ. Съѣденъ сѣмянной овесъ, ячмень и сѣмя. Мѣстами ѣдятъ уже мякину. Населеніе заставляетъ обращаться съ горячимъ призывомъ помочь и дать хотя немного хлѣбныхъ продуктовъ и льняныхъ жмыховъ для питанія не

скота, а людей, иначе анархія и голодные погромы». Начальникъ красной гвардіи и Военно-Революціонный Комитетъ сообщаютъ: «въ Клину произошелъ бунтъ». Наконецъ Калужскій губернскій Комиссаръ по продовольствію сообщаетъ, что, «положеніе съ продовольствіемъ въ губерніи становится невыносимымъ. Голодъ началъ появляться въ самыхъ ужасныхъ формахъ: цынга и другія болѣзни растутъ съ каждымъ днемъ среди деревенскаго и бѣднѣйшаго городского населенія. Толпы голодныхъ людей осаждаютъ уѣздные и волостные Совѣты съ требованіемъ хлѣба. Совѣты, только что взявшіе продовольственное дѣло въ свои руки въ самый критическій моментъ лишены возможности оправдать возлагаемое на нихъ довѣріе».

В. Сахаровъ.

Годъ революціи съ экономической точки зрѣнія.

Силы, которыми революція была вызвана къ жизни, и послѣдствія, которыя она имѣла и будетъ имѣть, чрезвычайно сложны. Съ какой либо одной точки зрѣнія ихъ невозможно ни понять, ни объяснить. Но условно, методологически допустимо и въ цѣляхъ упрощенія желательно подходить къ вопросу о революціи съ той или иной опредѣленной точки зрѣнія. Мы разсматриваемъ здѣсь революцію съ экономической стороны. Но это не значитъ, что мы выводимъ всю революцію изъ условій чисто экономическихъ.

Разсматриваемый съ соціально-экономической точки зрѣнія годъ революціи, представляетъ намъ картину глубокой трагедіи русской демократіи. *Сущность этой трагедіи заключается въ несоотвѣтствіи между уровнемъ культуры нашей демократіи и сложностью міровой экономической жизни, въ несоотвѣтствіи между чаяніями и выступленіями демократіи съ одной стороны и объективными возможностями, условіями дѣйствительности съ другой.*

Развитію и обоснованію этого положенія и посвящена настоящая статья.

I.

Русская революція совпала съ міровой войной, которая потребовала отъ каждаго воюющаго народа величайшаго напряженія всѣхъ національныхъ силъ и въ частности силъ экономическихъ.

Только народныя хозяйства съ высокимъ развитіемъ производительныхъ силъ, большой интенсивностью труда, передовой техни-

кой въ состояніи выдержать величайшую экономическую тяжесть войны.

Но легко замѣтить, что не всѣ воюющіе народы обладаютъ національнымъ хозяйствомъ такого высокаго уровня. Изъ воюющихъ странъ Турція, Румынія, Сербія и Россія еще находятся въ фазисѣ экстенсивнаго хозяйства. Населеніе этихъ странъ, относительно, рѣдко. Производительная сила труда—низка. Пути и средства сообщенія малоразвиты. Національное богатство и національный доходъ ихъ, расчитанный на голову населенія, незначительны.

Положеніе этихъ народовъ подъ вліяніемъ войны должно было рѣзко ухудшиться, потому что непосильное напряженіе не могло не подорвать всего ихъ національно-хозяйственнаго организма.

Россія была слишкомъ велика и относительно слишкомъ изолирована, чтобы дойти до такой степени зависимости, подъ которую подпали Турція, Сербія или Румынія. Несомнѣнно, ея экономическая зависимость отъ союзниковъ за время войны сильно возросла, тѣмъ не менѣе наша страна сохранила значительную долю своей самостоятельности. Но именно потому, что Россія не снизошла и объективно не могла снизойти до ступени простого экономическаго придатка, именно потому, что она въ значительной степени все же была предоставлена себѣ, ей пришлось принять на себя почти всю тяжесть экономическаго удара войны. И нашъ народно-хозяйственный организмъ не выдержалъ этой тяжести. Онъ началъ быстро разстраиваться, а это болѣзненно отозвалось на жизненномъ обиходѣ массъ.

Въ основѣ своей нашъ хозяйственный развалъ обусловливается *прежде всего паденіемъ нашихъ національныхъ производительныхъ силъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ*. Оно выразилось главнымъ образомъ въ уменьшеніи количества и въ ухудшеніи качества производительнаго труда. Не забудемъ, что больше десяти милліоновъ лучшихъ въ физическомъ и моральномъ отношеніи работниковъ были привлечены подъ знамена, что ряды рабочихъ наполнились женщинами, подростками, военноплѣнными. Вотъ съ этого началось паденіе производительности труда. Напримѣръ, въ донецкомъ бассейнѣ это паденіе выражается слѣдующими цифрами:

	1913 г.	1916		1913	1916
Январь	840	721	Іюль	825	630
Февраль	705	680	Августъ	660	590
Мартъ	920	746	Сентябрь	740	610
Апрѣль	600	437	Октябрь	650	630
Май	880	636	Ноябрь	800	580
Іюнь	770	662	Декабрь	690	530

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ донецкомъ бассейнѣ, несмотря на значительное увеличеніе количества рабочихъ, общая производительность бассейна за время войны не возросла, даже нѣсколько упала.

Количество рабочихъ въ тысяч. Добыча кам. угля въ милліон. пуд.

	1913	1916 г.	1913	1916 г.
Январь	169	208	120,9	118,0
Мартъ	168	220	131,7	131,2
Май	157	220	110,6	110,0

Въ другой важнѣйшей отрасли промышленности—въ желѣзодѣлательной, мы имѣемъ уже опредѣленное сокращеніе не только производительности труда рабочаго, но и количества общаго производства. Такъ выплавка чугуна по Россіи даетъ слѣдующія цифры:

	1913 г.	1916 г.
	въ тыс. пуд.	
Январь	21.206	19.280.
Мартъ	22.993	20.327.
Май	22.618	19.101.

Уклонъ къ пониженію общаго производства мы обнаруживаемъ въ дореволюціонный періодъ и въ области добыванія хлѣба. Цифры говорятъ слѣдующее:

Собрано	продовольств.	хлѣбовъ.
	въ милліон. пуд.	
1913—14	годъ	5.088
1914—15	»	4.304
1915—16	»	4.659
1916—17	»	3.916

Въ то время, какъ производительность народнаго хозяйства падала, потребность въ продуктахъ, благодаря войнѣ, сильно возростала. Несоотвѣтствіе и разстройство взаимоотношеній между производствомъ и потребленіемъ быстро увеличивалось.

Такъ, осенью 1916 г. потребность въ черномъ металлѣ только для нуждъ обороны была опредѣлена въ 18,5 милл. пуд. ежемѣсячно, и минимальная потребность населенія въ готовомъ металлическомъ продуктѣ—5 милл. Въ такомъ случаѣ отставаніе производства отъ минимально исчисленныхъ потребностей даетъ слѣдующія цифры:

за январь	1916 г.—	8,4	милл.	пуд.	или 35,7%
» февраль	»	—15,5	»	»	» 66,9%
» мартъ	»	—16,8	»	»	» 71,5%

Одновременно въ силу того же паденія производительности труда, недостатка топлива, металла и общей дезорганизаціи управленія шло и усиливалось разстройство транспорта.

Подъ давленіемъ колоссальныхъ расходовъ государства, паденія производительности и огромнаго отрицательнаго торговаго баланса—разстраивалась и наша денежная система. Росли государственные долги. Каналы обращенія наполнились бумажными деньгами, и падалъ курсъ рубля. Кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи

на 1 октября	1914 г.—2.697	милліон. руб.
„ 1 января	1915 г.—3.030	„ „
„ 1 января	1916 г.—5.622	„ „
„ 1 января	1917 г.—9.097	„ „

Стоимость же рубля падаетъ съ 90 коп.—отъ 20-го іюля 1914 г. до 55 коп.—22 февр. 1917 г.

Разстройство транспорта и денежнаго обращенія влекло за собой, какъ неизбѣжное слѣдствіе, нарушеніе правильнаго товарообмѣна и въ особенности товарообмѣна между городомъ и деревней. Рынокъ распадался. Изъ единаго и органически связаннаго онъ превращался въ

безформенную массу осколковъ. Въ условіяхъ пониженной производительности, разстроеннаго транспорта и разорительной денежной системы—сила, организующая рынокъ, а черезъ него и все капиталистическое народное хозяйство—сила свободной конкурренціи—была парализована и почти бездѣйствовала.

Все это вмѣстѣ взятое породило неимовѣрную *трудность жизни*. Небывалая дороговизна и безтоварье, неудобства передвиженія и, какъ вѣнецъ всего, голодъ—вотъ тѣ конкретныя формы, въ какихъ народныя массы ощущали разложеніе народнаго хозяйства. Никакая заработная плата не обезпечивала существованія массъ. Не было никакой *обезпеченности ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ*. Нарастало стихійное массовое недовольство существующимъ экономическимъ и политическимъ порядкомъ.

Правда, государственная власть видѣла разложеніе народнаго хозяйства, знала о ростѣ недовольства въ массахъ. И она какъ будто пыталась остановить распадъ народнаго хозяйства. Подчиняясь давленію объективныхъ условій и отчасти общественнаго мнѣнія, она стремилась разными мѣрами восполнить организующую роль свободной конкурренціи. Она нормируетъ цѣны, устанавливаетъ плановыя перевозки. Стремится взять въ свои руки распредѣленіе минеральнаго топлива и металла, валютныя сдѣлки и заказы за границей и т. д. Однимъ словомъ она идетъ по пути государственнаго регулирующаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь.

Но проникнутая классовыми и реакціонными интересами, старая царская власть идетъ по этому пути крайне неувѣренно. Она колеблется, не доводитъ принятыхъ принциповъ до логическаго конца, отмѣняетъ ихъ и вновь къ нимъ возвращается. Она не сознаетъ единства и органической связанности народнаго хозяйства. Раздѣляетъ фронтъ отъ тыла, нормируетъ цѣны на хлѣбъ для арміи и лишь черезъ годъ устанавливаетъ твердыя цѣны на хлѣбъ вообще. Она никакъ не можетъ побѣдить разноголосицу вѣдомствъ, а главное всячески сторонится общественныхъ силъ, не призываетъ ихъ на дѣло подъема производительныхъ и устроенія народнаго хозяйства. Въ результатѣ эта неувѣренная противорѣчивая, политика власти приводитъ не къ организаціи, а къ еще большей дезорганизаціи народнаго хозяйства, не къ облегченію, а къ еще большему отягощенію жизни массъ.

Царское самодержавіе не смогло справиться съ задачами организаціи народнаго хозяйства, не смогло предотвратить надвигающійся голодъ, и, ненавистное народу, разложившееся и выродившееся, оно погибло. Оно погибло подъ ударомъ революціоннаго устремленія народныхъ массъ къ лучшему будущему и въ частности къ лучшему будущему въ экономическомъ отношеніи.

II.

Но какъ обезпечить это будущее? Фактъ революціи самъ по себѣ не давалъ еще никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Однако изъ предыдущаго анализа легко видѣть, что дѣйствительность, если прислушаться къ ней—сама намѣчала этотъ отвѣтъ. Она требовала планомѣрнаго, сознательнаго воздѣйствія на народное хозяйство, регулировки его. Изъ предыдущаго ясно, *что основной задачей этого воздѣйствія должна была стать задача развитія производительныхъ силъ націи, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, поднятіе производительности труда и расширеніе производства и, какъ слѣдствіе, увеличеніе національнаго*

богатства. Въ связи съ этимъ требовались усилія и мѣры по организаціи промышленности и труда, по организаціи транспорта и торговли, по поддержанію денежной системы и развитію кредита. *Но при всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ должны были быть приняты въ расчетъ особенности современнаго экономическаго строя, его сложность, взаимная связность всѣхъ его элементовъ*. Регулирующія мѣры, естественно, должны были не тормозить, не разрушать, а организовывать, улучшать сложившіяся экономическія силы, въ мѣру возможности направлять ихъ развитіе, согласно общественнымъ задачамъ. Только при одновременномъ и успѣшномъ проведеніи системы такихъ мѣръ, мы шли бы не къ уменьшенію, а къ увеличенію обще-національнаго достоянія. Только тогда мы получили бы объективную основу для успѣшной постановки и рѣшенія вопросовъ народнаго благосостоянія, т.-е. лучшаго и справедливаго распредѣленія соціально-экономическихъ благъ.

Взятые же сами по себѣ, выдвинутые какъ основная задача внѣ ихъ зависимости отъ экономическаго состоянія страны, они не могли вывести демократію изъ тупика, въ который она была загнана царизмомъ. Они могли дать полную уравнительность и въ этомъ смыслѣ справедливость. Но эта уравнительность была бы уравнительностью въ голодѣ и нищетѣ. Иными словами, *въ цѣпи задачъ экономической политики сильнѣе и настойчивѣе, чѣмъ когда-либо, объективными условіями момента приматъ передавался задачамъ развитія производительныхъ въ соотвѣтствіи съ условіями и характеромъ современнаго капиталистическаго хозяйства*. Тѣмъ самымъ мы, конечно, не отрицаемъ, что выдвигались задачи и распредѣленія и новой организаціи пользованія производительными силами—мы только пытаемся установить координаціонную связь между тѣми и другими задачами.

Спрашивается теперь, такъ ли понималась экономическая задача момента въ идеологіи демократіи и особенно трудовой, какъ основной движущей силы революціи?

Если имѣть въ виду политико-экономическую идеологію руководящихъ круговъ демократіи, то по признаку актуальности этой идеологіи мы должны отмѣтить два періода ея развитія: періодъ господства идеологіи умѣренно-соціалистическихъ группъ и періодъ господства идеологіи большевиковъ. И мы должны будемъ отвѣтить на поставленный вопросъ такъ: *если идеологія умѣренно-соціалистическихъ круговъ все же не вполнѣ соотвѣтствовала реальнымъ задачамъ момента, то идеологія большевиковъ была совершенно утопичной*. Однако и въ самомъ фактѣ ихъ существованія и въ послѣдовательности ихъ развитія и смѣны можетъ быть вскрыта опредѣленная закономѣрность.

Идеологія умѣренно-соціалистическихъ круговъ признаетъ историческія особенности и сложность современнаго экономическаго строя. Вотъ почему, говоря объ очередныхъ задачахъ, она въ общемъ вращается въ предѣлахъ современнаго капиталистическаго строя, не стремясь теперь же въ корнѣ его реорганизовать.

Не всматриваясь въ многочисленныя резолюціи, декларації и постановленія демократіи, мы не видимъ, чтобы эта идеологія—сообразно конкретнымъ условіямъ момента—во главу угла и въ качествѣ красной, руководящей нити, клала идею поднятія производительныхъ силъ, расширеніе производительности народнаго хозяйства, согласуя съ ней прочія задачи. Правда, она говоритъ о необходимости планомѣрной регулировки народнаго хозяйства. Но то обстоятельство, что во многихъ, весьма отвѣтственныхъ резолюціяхъ идея произ-

водительности даже отсутствуетъ, то обстоятельство, что весь вопросъ о развитіи производительныхъ силъ былъ отданъ министерству торговли и промышленности, которымъ демократія какъ то мало занималась, убѣдительно свидѣтельствуетъ, что центръ тяжести этой экономической идеологіи всталъ все же въ иной плоскости. И не трудно сказать въ какой. Восьми-часовой рабочій день, минимумъ заработной платы, свобода коалиціи, контроль надъ промышленностью, соціальное страхованіе, переложеніе податной тяжести на буржуазію, ограниченіе ея сверхприбылей, установленіе твердыхъ цѣнъ на предметы необходимости, введеніе ряда монополій и регулированіе промышленности и народнаго хозяйства вообще,—вотъ наиболѣе популярные лозунги того времени среди революціонной демократіи.

Мы далеки отъ мысли огульно восхвалять ихъ или порицать. Но мы констатируемъ фактъ, что большая часть этихъ лозунговъ лежитъ въ плоскости распредѣленія, использованія благъ, что нѣтъ ни одного болѣе или менѣе актуальнаго лозунга, который бы выдвигалъ впередъ, на первое мѣсто идею развитія производительности.

Въ этомъ отношеніи какъ будто нѣкоторымъ исключеніемъ является лозунгъ регулированія народнаго хозяйства и промышленности. Несомнѣнно какъ задача, какъ цѣль регулированія мыслилось между прочимъ и поднятіепроизводительности народнаго хозяйства. Но, во-первыхъ, этотъ лозунгъ не былъ особенно популяренъ въ массахъ: массы съ трудомъ могли воспринять это несомнѣнно сложное понятіе. Плохо оно усваивалось и въ верхахъ. Во-вторыхъ, поскольку этотъ лозунгъ былъ воспринятъ въ руководящихъ кругахъ и былъ приложенъ на практикѣ, онъ свелся почти преимущественно къ согласованію въ использованіи уже имѣющихся производительныхъ силъ, къ лучшему ихъ использованію. Укажемъ на стремленіе рационализировать распредѣленіе топлива, металла. Въ этой области государственнымъ органамъ несомнѣнно кой-что удалось достигнуть. Но тѣмъ самымъ удалось лишь задержать паденіе производительности, замедлить разложеніе производительныхъ силъ, а не двинуть ихъ впередъ. Сами по себѣ государственные органы, путемъ регулировки сверху были безсильны сдѣлать большее, разъ въ массахъ было иное настроеніе.

Вотъ почему и лозунгъ регулированія не мѣняетъ общаго характера идеологіи. Не трудно видѣть, что эта идеологія есть чистое выраженіе идеи классовой борьбы, идеи болѣе справедливаго соціальнаго распредѣленія, идеи «страхованія» массъ и «дарованія» имъ различныхъ благъ. Но ей почти совершенно чуждъ духъ требовательности, въ свою очередь, и отъ массъ и прежде всего духъ побужденія къ развитію производительныхъ силъ, къ сознательному стремленію увеличить производительность и напряженность работы.

Быть можетъ намъ скажутъ, что эти требованія были и не нужны, что выдвинутые лозунги и есть лозунги, ведущіе къ поднятію производительныхъ силъ и національнаго богатства. Однако, непосредственной связи между 8-ми часовымъ рабочимъ днемъ, минимумомъ заработной платы и т. д., взятыми внѣ конкретныхъ условій и безъ всякихъ повѣрокъ, безъ условія повышенія интенсивности и качества труда, установить нельзя.

Мыслимы, есть, были и будутъ случаи, когда при данныхъ историческихъ условіяхъ эти лозунги, взятые безъ всякихъ дѣйствительныхъ оговорокъ, приходятъ въ столкновеніе съ идеей развитія производительныхъ силъ и народнаго благосостоянія. Вотъ почему идея и ло-

зунгъ развитія производительныхъ силъ въ переживаемый моментъ крайняго упадка ихъ должна была явиться самостоятельной и основной идеей во имя тѣхъ же интересовъ трудящихся. Вотъ почему разсматриваемая идеологія — это идеологія, выдвинутая теоритическими построеніями партій, безъ достаточной поправки на конкретныя условія момента, безъ учета того, что производительныя силы были подорваны, народно-хозяйственный организмъ разстроенъ, а сопротивленіе капитала сломлено. *Вотъ почему эта идеологія, въ принципахъ своихъ правильная, объективно во многомъ не соотвѣтствуетъ моменту.*

Но если охарактеризованная идеологія во многомъ не соотвѣтствовала объективнымъ условіямъ момента, то она, по крайней мѣрѣ, въ первое время, весьма соотвѣтствовала психологіи и чаяніямъ массъ.

Больше того, какъ идеологическій фундаментъ ихъ устремленій, она даже и не могла быть иной, чѣмъ была. При старомъ режимѣ потребности народныхъ массъ были настолько урѣзаны, условія жизни ихъ были до того тяжелы, что исторически было неизбѣжно и психологически вполнѣ понятно, что массы ожидали и требовали отъ революціи, прежде всего, облегченія своего положенія, повышенія уровня своего благосостоянія. Было бы жестокой несправедливостью обвинять ихъ за то, въ чемъ онѣ неповинны. Мы должны лишь учитывать тотъ фактъ, что желанія, стремленія и ожиданія массъ прежде всего лежали въ плоскости перераспредѣленія пользованія благами жизни. Вотъ почему упомянутые идеологическіе лозунги были среди ея популярны.

Но всякая идеологія, чѣмъ ниже и шире спускается она въ народныя массы, тѣмъ болѣе упрощенно она толкуется. И она толкуется и понимается тѣмъ упрощеннѣе, чѣмъ ниже уровень культуры и организаціи массъ. Не забудемъ, что наши массы и въ частности рабочія массы далеко не прошли той школы классовой борьбы, какая выпала на долю пролетаріата запада. Русскій пролетаріатъ еще не знаетъ многихъ десятилѣтій созданія, укрѣпленія и развитія классовыхъ организацій, какъ знаетъ это западно-европейскій пролетаріатъ. Вспыхнувъ въ 1905—07 годахъ съ особой силой, наше профессіональное рабочее движеніе, по общимъ соціально-правовымъ условіямъ, быстро, яркимъ пламенемъ захватывало сразу исключительно широкія массы пролетаріата. На III-ей Всероссійской конференціи профессіональныхъ союзовъ (20 іюня 1917 г.) было установлено, что въ Россіи уже имѣется не менѣе 1.478.429 организованныхъ въ союзы рабочихъ, не менѣе 967 союзовъ и 51 центральныхъ бюро. Грандіозная организація, созданная въ два-три мѣсяца, разумѣется, не могла быть организаціей прочной, глубокой, дисциплинирующей. То же самое мы должны сказать о совѣтскихъ организаціяхъ, какъ рабочихъ, такъ и крестьянскихъ и, наконецъ, о партійныхъ организаціяхъ.

Теперь намъ должно быть ясно, что охарактеризованная выше идеологія умѣренно-соціалистическихъ круговъ не была случайностью, ошибкой вождей. Она была исторической необходимостью. Между идеологіей въ чистомъ видѣ, какъ она формулируется руководящими кругами, и уровнемъ и содержаніемъ чаяній народныхъ массъ существуетъ, какъ мы видѣли, тѣсная и взаимная связь. Намъ должно быть ясно, что въ соотвѣтствіи съ уровнемъ сознанія и культурности массъ идеологія, разъ ей суждено быть актуальной, не могла, въ концѣ концовъ, быть иной, чѣмъ была, не могла не выдвигать на первый планъ идеи соціальнаго перераспредѣленія, хотя и въ облагороженномъ видѣ. Она отражала въ систематическомъ видѣ то, что въ массахъ восприни-

малось и мыслилось въ формѣ гораздо болѣе элементарной. Въ этомъ сила и слабость массовыхъ идеологій. Сила потому, что онѣ, какъ-будто, объединяютъ массу, слабость потому, что, въ концѣ-концовъ и въ большей степени, не онѣ ведутъ массу, а масса несетъ ихъ на гребнѣ своего бурнаго потока и отбрасываетъ ихъ, какъ только онѣ становятся противъ теченія. Но все же идеологія, являясь отраженіемъ массовыхъ чаяній, съ другой стороны и въ опредѣленной степени вліяла на массу, усиливая или ослабляя ея движеніе, давая лозунгъ, флагъ, часто указывая путь. И въ данномъ, разсматриваемомъ нами, случаѣ, слѣдовательно, идеологія соціалистическихъ круговъ отраженно усиливала, оформляла въ массахъ тягу къ уравнительности, непосредственному улучшенію жизни, путемъ иной системы распредѣленія благъ, ослабляя тѣмъ самымъ идею развитія производительныхъ силъ.

Сказанное объ идеологіи, ея природѣ и пониманіи ея массами многое объясняетъ въ практикѣ массоваго движенія. Сплошь и рядомъ, выступая подъ лозунгами идеологіи, массы сообразовали эти выступленія со своимъ упрощеннымъ и житейскимъ пониманіемъ этихъ лозунговъ. Поставленныя старымъ режимомъ въ невѣроятно-тяжелыя условія жизни, малосознательныя, замученныя и усталыя массы часто въ этомъ своемъ пониманіи непроизвольно и естественно выражали глубокую реакцію противъ режима рабства, противъ угнетателей; выражали стихійный и прямолинейный порывъ къ лучшему. Это вполнѣ понятное явленіе. Но оно, тѣмъ не менѣе, вело нерѣдко къ извращенію идеологическихъ лозунговъ на практикѣ. Приведемъ нѣсколько иллюстрацій.

Нерѣдко весьма своеобразно понимался и проводился массами въ жизнь 8-ми часовой рабочій день, когда въ счетъ его входило и время на обѣдъ, и фактически рабочій день сокращался до 5—6 часовъ, какъ, напримѣръ, у царицинскихъ грузчиковъ. Такимъ же извращеніемъ идей являются нерѣдкіе случаи совершенно невѣроятныхъ требованій въ области заработной платы. Мы хорошо знаемъ ненормально высокій уровень военныхъ прибылей капиталистовъ до революціи. Фактъ этихъ прибылей давалъ возможность значительнаго повышенія заработной платы, паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ дѣлало его неизбѣжнымъ, но не всегда требованія рабочихъ въ области заработной платы соотвѣтствовали возможностямъ капиталистическаго предпріятія.

Министръ финансовъ на засѣданіяхъ экономическаго Совѣта оффиціально приводилъ такія данныя. Во многихъ предпріятіяхъ петроградскаго района оплата труда составляла послѣ революціи 70 — 80% всѣхъ издержекъ производства, вмѣсто прежней нормы 25 — 30%. На одномъ химическомъ заводѣ въ 1916 г. рабочіе оплачивались 405.000 руб., а въ 1917 г. — 5.000.000 руб. На Петроградскомъ вагоностроительномъ заводѣ товара было выпущено на 384.000 р., а уплачено рабочимъ 426.000 руб. Здѣсь уже начиналась растрата основного капитала промышленности, т.-е., подрывалась сама промышленность, а, слѣдовательно, и будущее положеніе рабочихъ.

Далѣе, многочисленныя изгнанія служащихъ и спеціалистовъ, захваты предпріятій и т. д. — все это факты, совершенно не соотвѣтствующіе требованіямъ идеологіи, но весьма характерные для упрощеннаго пониманія экономической жизни со стороны массъ, для ихъ надежды на непосредственное улучшеніе своего матеріальнаго положенія, для ихъ относительной безпечности въ области поднятія производительныхъ силъ.

Массы напирали снизу. Повергнутая, выбитая изъ условій нормальной борьбы, буржуазія отвѣчала различными, тоже извращенными методами и ударами сверху. Въ результатѣ народное хозяйство со всѣмъ его тонкимъ аппаратомъ кредитныхъ, торговыхъ и промышленныхъ связей, вопреки требованію дѣйствительности, правильно понятыхъ интересовъ массъ, стало ареной, доведенной въ слѣпомъ ожесточеніи до абсурда, классовой борьбы. Могло ли при такихъ условіяхъ быть организовано народное хозяйство? Нѣтъ. И дѣйствительность подтверждаетъ это. Вернемся же къ фактическому положенію народнаго хозяйства въ первый періодъ революціи.

III.

Производительность труда значительно упала даже по сравненію съ 1916 г. Въ металлообрабатывающей промышленности паденіе достигаетъ 40 — 60%. Въ Донецкомъ бассейнѣ представляется слѣдующая картина паденія производительности труда:

Производительность одного рабочаго за мѣсяцъ въ пудахъ.

	1913 г.	1916 г.	1917 г.
январь	840	721	529
февраль	705	680	492
мартъ	920	746	529
апрѣль	660	437	423
май	880	636	462
іюнь	770	662	467
іюль	825	630	450
августъ	660	590	440
сентябрь	140	610	420
октябрь	650	630	430

Одновременно съ этимъ мы имѣемъ паденіе и общей добычи каменнаго угля. По Донецкому бассейну цифры говорятъ слѣдующее:

	1913 г.	1916 г.	1917 г.
	въ милліонахъ пуд.		
январь	120,9	118,0	121,8
февраль	96,9	117,0	111,1
мартъ	131,7	131,2	120,0
апрѣль	69,6	76,0	94,0
май	110,6	110,0	100,0
іюнь	95,8	116,2	97,0
іюль	100,2	114,0	90,0
августъ	87,1	108,0	86,0
сентябрь	94,9	116,0	82,0
октябрь	110,0	121,0	86,0

Не менѣе сильное паденіе общаго производства наблюдаемъ мы по отношенію къ другому основному продукту современнаго хозяйства— чугуну. Цифры о его производствѣ по всей Россіи даютъ слѣдующее:

	1916 г.	1917 г.
	въ тысячахъ пудовъ	
январь	19.280	18.269
февраль	18.681	14.635

мартъ	2.3270	15.502
апрѣль	16.866	16.936
май	19.101	19,186
іюнь	19.442	16.561
іюль	19,742	15.434
августъ	20,015	16,036
сентябрь	20.328	14.931
октябрь	20.568	13.422

Особенно сильно общая производительность упала въ области выработки готоваго продукта, желѣза и стали. Всего въ Россіи его было произведено въ тыс. пуд.:

	1913 г.	1916 г.	1917 г.
январь	17.921	17.186	14.889
февраль	15.529	15.515	8.005
мартъ	19.594	19.345	6.667

Такимъ образомъ усилившійся упадокъ производительности народнаго хозяйства за первый періодъ революціи—непреложный фактъ.

Отмѣченный упадокъ производительности труда и пониженіе производства проявились въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ народнаго хозяйства. Прежде всего необходимо указать на транспортъ.

Упалъ выпускъ паровозовъ и вагоновъ изъ ремонта, тогда какъ порча ихъ сильно возросла. Изъ капитальнаго ремонта выходило паровозовъ.

	1916 г.	1917 г.
январь	182	166
февраль	213	195
мартъ	262	202
апрѣль	184	163

Въ результатѣ быстро росло количество испорченныхъ вагоновъ и паровозовъ. Больныхъ вагоновъ и паровозовъ было:

	паровозовъ въ % отъ общаго числа		вагоновъ въ % отъ общаго числа	
Къ іюлю 1916 г.	3.311	16	24.326	47
« « 1917 «	5.044	24	45.886	80

Ухудшилось также использованіе оставшагося подвижного состава. Средній суточный пробѣгъ товарнаго вагона съ 71 версты въ маѣ 1916 г. упалъ до 55 в. въ маѣ 1916 г. Дневная погрузка упала съ 35.500 въ іюлѣ 1916 г. до 25.000 въ іюлѣ 1917 г.

Общій упадокъ народнаго хозяйства и колоссальный ростъ государственныхъ расходовъ вынудилъ правительство прибѣгнуть къ безоглядочному выпуску бумажныхъ денегъ. И благодаря росту ихъ количества, при одновременно возрастающемъ безтоварьи и отрицательномъ торговомъ балансѣ, бумажныя деньги все тяжелѣе давили на рынокъ, все ниже и ниже падаетъ курсъ рубля и разстраивается система.

Государственные расходы:

1914 г. — 4.860 милл. руб
1915 г. — 11.717 « «
1916 г. — 18.200 « «
1917 г. были исчислены свыше 27.000 милл. руб.

Торговый балансъ за 6 первыхъ мѣсяцевъ 1916 и 1917 г.г. въ тысячахъ рублей.

	привозъ	вывозъ	балансъ
1916 г.	422.029	59.764	— 362.315
1917 г.	589.055	53.789	— 585.271

Выпускъ бумажныхъ денегъ.

на 1 января	1917 г. ихъ было	9.09	милліон.	руб.
« « сентября	1917 г. « «	15.398	«	«
« « октября	1917 г. « «	18.362	«	«

Курсъ рубля падаетъ такъ:

22-го февраля	1917 г.	—55,0	коп.
28-го апрѣля	« «	—52,0	«
11-го іюля	« «	—41,3	«
29-го августа	« «	—26,1	«

Любопытно отмѣтить, что особенно рѣзкіе скачки въ паденіи курса рубля совпадаютъ также и съ политическими кризисами: 21-го апр.—кризисъ перваго Временнаго Правительства, 3—5 іюля—возстаніе большевиковъ, 2 августа возмущеніе Корнилова.

Но падающее производство, разстроенный транспортъ, дезорганизованная денежная система—это значитъ дальнѣйшее ухудшеніе товарообмѣна, это значитъ неудовлетвореніе массовыхъ потребностей и голодъ. И мы хорошо знаемъ, что въ теченіе весны и лѣта 1917 г. населеніемъ испытывалась самая острая нужда въ предметахъ необходимости и даже въ хлѣбѣ. О послѣднемъ говорятъ цифры. Выполненіе нарядовъ на хлѣбъ въ % по отношенію къ нормѣ даетъ слѣдующую картину:

Январь	1917 г.	—	57
Февраль	« «	—	47
Мартъ	« «	—	66
Май	« «	свыше	80%
Іюнь	« «	«	60— 0
Іюль	« «	—	46—50
Августъ	« «	около	28

Такимъ образомъ кругъ явленій замыкается, революція сопровождалась усиленіемъ разложенія народнаго хозяйства. Она не сдѣлала болѣе полнымъ удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей массъ. Она не улучшила ихъ матеріальное положеніе. Нужно помнить, что всѣ пріобрѣтенія въ видѣ высокой заработной платы, сокращенія рабочаго дня и т. п. вызывали лишь новый ростъ дороговизны жизни, сводились на нѣтъ движеніемъ этой дороговизны и недостаткомъ предметовъ первой необходимости. Прочной базы въ видѣ усиленія производительности для улучшенія положенія массъ въ

сущности не было. Если къ этому присоединить еще все растущую жажду мира, то мы поймемъ почему среди массъ довольно быстро наростаетъ недовольство сложившимся порядкомъ вещей, почему преобладающее вліяніе получаетъ другая идеологія—идеологія большевизма. Съ октябрьскаго переворота эта идеологія становится и практически—актуальной.

IV.

Идеологія эта въ основѣ своей въ высшей степени упрощена. Ея проповѣдники шли въ массы и говорили имъ: вы страдаете? вы голодаете? вамъ трудно жить? Идите за нами и мы дадимъ вамъ хлѣбъ, дадимъ миръ, дадимъ лучшія условія жизни. Нужно лишь устранить причины вашихъ страданій. А причины эти въ томъ, что власть находится въ рукахъ буржуазіи и ея «прислужниковъ», «соглашателей», въ томъ, что рабочій народъ не свергъ еще власть капитала. Нужно свергнуть буржуазію и буржуазный порядокъ. Нужно взять подъ свой контроль всецѣло производство, необходимо взять и обратить въ народное достояніе банки, торговый флотъ. Нужно взять и подѣлить при помощи своихъ организацій землю. Нужно произвести соціалистическую революцію, осуществить соціализмъ. Только тогда деревня будетъ давать хлѣбъ и въ обмѣнъ получать необходимые предметы, только тогда рабочему станетъ легче жить.

Не трудно видѣть, что изложенная здѣсь въ схемѣ идеологія уже совершенно опредѣленно и исключительно выдвигаетъ на первый планъ задачу перераспредѣленія экономическихъ благъ, задачу по организаціи новаго пользованія благами со стороны массъ. Идея же роста производительности народнаго хозяйства безусловно отодвигается куда-то на самый задній планъ. Она мыслится какъ итогъ и функція произведеннаго переворота и перераспредѣленія. Это первая и характерная черта разсматриваемой идеологіи.

Съ другой стороны она до чрезвычайности игнорируетъ сложность и взаимную связность элементовъ народнаго хозяйства. Она вырываетъ наше національное хозяйство изъ системы мірового хозяйства и думаетъ осуществлять у насъ соціализмъ, когда въ наиболѣе мощныхъ экономически странахъ процвѣтаетъ капитализмъ. Она опредѣленно выдвигаетъ лозунгъ «взять», совершенно упускаетъ изъ круга зрѣнія вопросъ—«какъ это сдѣлать»? Какъ, напримѣръ, «взять» банки? когда существо банковъ вовсе не въ зданіи, книгахъ, бумагахъ и т. д., но въ тѣхъ невидимыхъ многообразныхъ общественныхъ отношеніяхъ, которыя извѣстны подъ именемъ кредита, которыя тонкими сплошными нитями опутываютъ всю современную экономическую жизнь и съ разрушеніемъ которыхъ теряетъ смыслъ въ прежнемъ отношеніи и зданіе банка и многочисленныя книги? Организованы ли массы, чтобы безболѣзненно для народнаго хозяйства и слѣдовательно для самихъ себя совершить это и подобные «захваты»?

Изъ сказаннаго легко видѣть, что идеологія большевиковъ находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительными задачами момента, съ историческимъ ходомъ жизни. Вотъ почему ихъ идеологія является безусловно утопической и, приложенная на практикѣ, должна неизбѣжно привести къ крушенію.

Но для массъ съ ихъ жаждой лучшей жизни она должна была явиться по ходу вещей выраженіемъ ихъ завѣтныхъ думъ. Вся болѣе усталая, полная ненависти къ царизму и разочарованная въ итогахъ

революціи за первый періодъ, масса легко пошла за большевиками. Рѣшительная борьба съ угнетателями, передача всѣхъ богатствъ въ ея руки, въ руки народа—можетъ ли быть еще иной болѣе правильный путь къ лучшему будущему? И она пошла по этому пути. Развѣ она могла представить себѣ весь сложный механизмъ народнаго хозяйства? Развѣ она могла задуматься надъ сущностью и законами производства, обмѣна, денежнаго обращенія? Нѣтъ. И безъ того упрощенная идеологія большевизма въ массахъ, подобно тому, какъ это было и въ первомъ періодѣ революціи, упрощалась еще больше. Выдвинутая большевиками идея перераспредѣленія благъ въ массахъ толковалась сплошь и рядомъ, какъ непосредственный раздѣлъ, какъ прямой доступъ къ лучшей жизни. Идеи «хлѣбъ и миръ»—воспринимались въ ихъ самомъ натуральномъ и непосредственномъ смыслѣ. На сцену выдвинулись наиболѣе отсталые элементы общества.

Но большевистская идеологія столкнулась съ дѣйствительностью. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ рядомъ декретовъ пытался осуществить провозглашенную программу всеобщей соціализаціи, пытался преобразить дѣйствительность,—привести массы въ обѣтованную землю. Посмотримъ же, что происходитъ дѣйствительно въ народнохозяйственной жизни? *).

V.

Подъ вліяніемъ всей совокупности соціальныхъ условій нашей жизни производительность труда и общая сумма производства продолжаетъ падать и болѣе стремительно, чѣмъ когда-либо. Такъ, производительность труда рабочаго и общая добыча въ важнѣйшей отрасли промышленности—въ Донецкой—каменноугольной представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	Производительность въ пудахъ			общая добыча въ милліон. п.		
	1913	1916	1917	1913	1916	1917
Октябрь	650	630	430	110,0	121,0	86,0
Ноябрь	800	580	420	130,5	134,0	84,0
Декабрь	690	530	410	112,1	112,0	67,0

Такое же рѣзкое паденіе производительности и общаго размѣра производства наблюдается и въ другихъ областяхъ.

Разстройство транспорта продолжаетъ идти впередъ крупными шагами. Количество больныхъ паровозовъ увеличивается. Ихъ было:

	1916		1917	
	число въ % къ общему числу паровозовъ		число въ % къ общему числу паровозовъ.	
въ октябрѣ	3.200	16	5.000	24,8
« ноябрѣ	3.100	16	5.200	26,5
« декабрѣ	3.200	16,3	5.500	27,3

Но особенно сильно увеличилась разруха въ области денежнаго и кредитнаго обращенія. Расходы государства возросли до безумныхъ цифръ. Они измѣряются десятками милліардовъ рублей и, по словамъ

*) Къ сожалѣнію, теперь данныя мало публикуются, и потому трудно дать исчерпывающую картину нашего экономическаго положенія.

комиссара финансовъ, Гуковскаго, за первую половину 1918 г. составятъ 80—100 милліардовъ, при доходѣ за то же время въ 3,3 милліарда рублей*). Откуда же взять эти недостающія колоссальныя деньги? «Строители новаго града» въ свое время злостно и безпрестанно нападали на Временное Правительство за то, что оно добываетъ деньги путемъ займовъ и выпуска кредитокъ. Они все увѣряли, что деньги нужно и можно взять путемъ конфискаціи прибылей буржуазіи.

Теперь они воочію и на дѣлѣ узнали, какая разница между разговорами и дѣломъ. Теперь они убѣдились уже, что налогами на буржуазію, при всемъ желаніи, покрыть государственныхъ расходовъ не хватитъ: пришлось бы совершенно разрушить промышленность.

Съ другой стороны они быть можетъ и рады бы провести заемъ, но къ тому нѣтъ никакой возможности. Кто дастъ въ долгъ власти, которая только-что объявила, что она по долгамъ платить не будетъ, кто повѣритъ власти, которая только-что конфисковала банки и капиталы и такимъ образомъ совершенно подорвала кредитное обращеніе? Конечно, никто: ни русскій обладатель средствъ, ни иностранные капиталисты.

Вотъ почему и «соціалистическая» власть прибѣгла къ единственному оставшемуся, и притомъ, къ самому худшему средству, на которое члены этой власти когда-то такъ попадали—къ выпуску бумажныхъ денегъ. Разница съ царскимъ и Временнымъ правительствомъ вся въ томъ, что Совѣтская власть *не успѣваетъ печатать эти деньги и воспользовалась даже купорами займа свободы* въ качествѣ бумажныхъ денегъ. Временное Правительство за 8 мѣсяцевъ своего существованія выпустило 7—8 милліардовъ бумажныхъ денегъ, а Совѣтская власть за четыре мѣсяца выпустила уже 12—13 милліардовъ и довела количество бумажныхъ денегъ до 30 милліардовъ рублей.

Количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи растетъ такъ:*)

на 16 октября	1917 г. —	18	милліард.	р.
на 1 ноября	1917 г. —	19	»	»
на 1 декабря	1917 г. —	21	»	»
на 1 января	1918 г. —	23,8	»	»
на 1 февраля	1918 г. —	25,9	»	»
на 1 марта	1918 г. —	27	»	»
на 1 апрѣля	1918 г. —	29	»	»

Небывалое безтоварье и колоссальное количество бумажныхъ денегъ—вотъ основныя причины, по которымъ стоимость рубля упала до нѣсколькихъ копѣекъ, почему дороговизна и трудность жизни превзошла всѣ предѣлы воображенія. Мы стоимъ передъ весьма большой вѣроятностью полной нулификаціи цѣнности рубля, слѣдовательно передъ угрозой почти полнаго исчезновенія товаровъ съ рынка и передъ необходимостью гораздо шире, чѣмъ теперь, развить натуральный обмѣнъ, весьма трудноосуществимый въ современномъ обществѣ.

Но падающее производство, разстроенный транспортъ, разрушенный кредитъ, распавшаяся денежная система и рыночный оборотъ въ свою очередь влекутъ за собой невѣроятныя затрудненія для жизни промышленности и труда. Лишенная подвоза необходимаго сырья и топлива, промышленность замираетъ. Лишенная поддержки кредитнаго обращенія, она переживаетъ невѣроятныя финансовыя затрудне-

*) См. „Родина“, № 7, 1918 г.

нія. Такое положеніе вещей бьетъ прежде всего по рабочимъ массамъ. Фабрики становятся и рабочіе выбрасываются на улицу. Нѣтъ денегъ и рабочіе по цѣлымъ мѣсяцамъ не получаютъ заработной платы. По офиціальнымъ даннымъ на 22 января 1918 г. въ 22 городахъ Россіи число безработныхъ достигло 91.300 человѣкъ*). При этомъ нужно имѣть въ виду, что среди этихъ городовъ не выставлено такихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, какъ Петроградъ, Иваново-Вознесенскъ и др...

Не менѣе, а еще болѣе острую, можно сказать катастрофическую форму, подъ вліяніемъ общей разрухи народнаго хозяйства за «соціалистическій» періодъ пріобрѣло продовольственное дѣло. Несмотря на роспускъ арміи, несмотря, слѣдовательно, на рѣзкое уменьшеніе нормы заготовокъ, все же фактическая погрузка и доставка хлѣба чрезвычайно сильно отстаетъ отъ нормы и голодъ захватываетъ одну мѣстность за другой. Приведемъ соотвѣтствующія данныя по одной изъ самыхъ важныхъ областей, по Московской, которая объединяетъ 11 наиболѣе голодающихъ центральныхъ губерній.

Выполненіе нарядовъ.

	по Московской области въ 1917—18 г.	по всей странѣ въ 1916—17 г.
	въ процентахъ къ нормѣ.	
сентябрь	60,3	20
октябрь	50,5	48
ноябрь	28,7	40
декабрь	8,8	54
январь	10,2	73

Цифры достаточно показательны и выводъ ясенъ. Послѣ октябрьскаго переворота выполненіе продовольственныхъ нарядовъ упало до голодной нормы. Оно упало особенно какъ разъ въ тѣ мѣсяцы, когда обычно происходила лучшая заготовка и норма выполненія нарядовъ повышалась, на что указываетъ практика 1916—17 г. Что то можно ожидать, кромѣ голода, въ мартѣ, апрѣлѣ и далѣе? Что можно ожидать, когда отовсюду несется крикъ о помощи? Когда у крестьянъ съѣдены сѣмена и нечѣмъ сѣять поля?

Безработица, безденежье, острѣйшее безтоварье и небывалыя затрудненія съ продовольствіемъ—вотъ основныя и характерныя черты «соціалистическаго» періода русской революціи. Онъ еще менѣе, чѣмъ прежній періодъ былъ въ состояніи остановить разложеніе народнаго хозяйства. Наоборотъ, онъ ускорилъ это разложеніе. И новыя, тяжелыя мученія падаютъ теперь на голову народныхъ массъ.

Эти мученія въ дѣйствительности будутъ еще сильнѣе, если принять во вниманіе то, что до сихъ поръ мы обходили молчаніемъ, но что органически связано со всей линіей соціальной и экономической политики большевиковъ,—это условія нѣмецкаго мира, отторженіе Украины, Бессарабіи.

Если принять во вниманіе, что самыя хлѣбородныя губерніи юга отходятъ отъ насъ, что основныя центры добычи минеральнаго топлива, какъ Донецкій бассейнъ, отрѣзаются, что намъ навязываются тяжелыя условія внѣшнихъ торговыхъ отношеній, то спрашивается—какъ

*) См. Народное Хозяйство, Органъ Высш. Сов. Народ. Хоз. № 1, стр. 23.

жить и что будетъ съ жалкимъ остаткомъ Россіи, съ бѣдной Великороссіей, съ центромъ и былымъ оплотомъ большевизма? Какія муки безработицы, голода, нищеты насъ ожидаютъ?

Народныя массы теперь наглядно убѣдились во что на самомъ дѣлѣ превращается утопическая идеологія большевиковъ-коммунистовъ. Снова нарастаетъ недовольство среди массъ. Снова наблюдается сдвигъ въ ихъ средѣ. И переломъ, конечно, неизбѣженъ. Весь вопросъ—какой переломъ? Какой бы ни былъ онъ политически, экономически мы обречены на годы обнищанія, упадка. Мы обречены на неизбѣжную потерю такихъ соціально-экономическихъ результатовъ перваго періода революціи, какъ 8-ми часовой рабочій день, минимумъ заработной платы и др. Тѣмъ болѣе не мыслимо у насъ въ настоящій моментъ осуществленіе соціализма. Мы входимъ въ полосу обнищанія и длительнаго прозябанія производительныхъ силъ нашей страны*).

VI.

Подведемъ итоги и сдѣлаемъ нѣкоторые выводы. Мы разсмотрѣли три момента ближайшаго прошлаго: предреволюціонный, первый періодъ революціи и второй. И мы видѣли, что тяжелая экономическая разруха, разумѣется, во взаимодѣйствіи съ цѣлымъ рядомъ другихъ причинъ приводитъ насъ къ революціи и ставитъ революціонному народу въ области экономическихъ отношеній опредѣленныя задачи. Эти задачи сводятся къ регулированію и организаціи народнаго хозяйства въ цѣляхъ подъема производительныхъ силъ страны и улучшенія благосостоянія массъ. Сама по себѣ революція открывала просторъ для соціальнаго творчества. Но стоявшія на очереди экономическія задачи выполнены не были. Наоборотъ устойчивость народнаго хозяйства рѣзко пошатнулась, особенно во второй періодъ революціи.

Низкій уровень знанія и культуры, слабая организованность и смутность представленій о сущности современной хозяйственной жизни, тяжесть жизни и жажда лучшаго будущаго—вотъ психологическая подкладка дѣйствій массъ. Что при такихъ психологическихъ предпосылкахъ массы не могли вести «корабля своей жизни» въ предѣлахъ объективно-возможнаго, по пути экономически должнаго, это было неизбѣжно. Неизбѣженъ былъ поэтому и неуспѣхъ революціи въ сферѣ ея непосредственныхъ экономическихъ пріобрѣтеній.

Жизнь ставитъ теперь передъ всѣми нами трудный, но неизбѣжный вопросъ: какъ быть и что дѣлать?

Наше государство распалось и народное хозяйство переживаетъ агонію. Безработица и голодъ, нищета и рабство повисли надъ нами.

---

1) Любопытно отмѣтить, что тяжесть положенія и его угроза все болѣе и болѣе начинаетъ сознаваться самими большевиками, и начинаетъ выдвигаться, правда, единицами, все настойчивѣе мысль поднять производительность труда, ибо въ ея паденіи начинаетъ усматриваться одинъ изъ корней современной разрухи. Рабочій Хрисанфъ Князевъ пишетъ, что въ дѣлѣ поднятія производительности труда „много надежды возлагалось на организовавшійся фабрично-заводскій комитетъ.... но, увы, эта надежда мало оправдалась.." Не наблюдается стремленія къ поднятію производительности труда, продолжаетъ авторъ, и въ настоящее время. „Товарищи, пока время не ушло, пока есть еще возможность это исправить, боритесь за это нужное и неотложное дѣло".

Смот. „Извѣст. Сов. Р. С. и Кр. Деп." 17 апр. 1918 г. См. тѣ же Извѣстія отъ 16 апр. статью М. Сѣверова.

Какая же идея разбудитъ и объединитъ распылившіяся силы великаго народа для защиты и спасенія своего существованія?

Національно-хозяйственное возрожденіе!—вотъ лозунгъ дня, выдвигаемый объективнымъ ходомъ вещей и правильно-понятыми интересами народа, какъ экономическими, такъ и политическими. Національно-хозяйственное возрожденіе—вотъ вопросъ, который долженъ привлечь къ себѣ вниманіе и подвергнуться остальной разработкѣ въ цѣляхъ установленія конкретной программы. Но уже и теперь можно выставить нѣсколько самыхъ общихъ и первыхъ условій возрожденія.

Національно-хозяйственное возрожденіе, предполагающее сознательность и организованность рабочаго класса и не исключающее разумной классовой борьбы, не мыслимо внѣ развитія производительныхъ силъ, а послѣднее въ свою очередь безъ поднятія производительности и напряженія труда. Національное возрожденіе не начнется, пока продолжается безсмысленная гражданская война, разрывающая націю на враждующія части; національнаго возрожденія не будетъ, пока не будетъ національной обороны. Наконецъ, оно не мыслимо, пока нѣтъ національной власти, пока существуетъ чисто классовая, утопическая власть и продѣлываетъ съ народнымъ хозяйствомъ самые дикіе опыты.

Н. Д. Кондратьевъ.

Революція и кооперативное движеніе.

Гроза и буря первой русской революціи (1905 г.) послужила для русской кооперації исходнымъ пунктомъ, съ котораго начинается въ ея области широкое народное движеніе.

Что дала русской кооперації еще не утихнувшая гроза и буря второй великой русской революціи 1917 г.—такова основная тема настоящей статьи.

Всякій, кто знаетъ, съ какимъ трудомъ добываются массовыя статистическія данныя и кто вспомнитъ, среди какихъ общественныхъ потрясеній проходилъ только что минувшій годъ, пойметъ, что сколько нибудь точнаго статистическаго учета русскаго кооперативнаго движенія за 1917 г., имѣть сейчасъ мы не можемъ, и намъ остается ограничиться только, по возможности, обоснованными, осторожными предположеніями, которыя существуютъ у спеціалистовъ кооператоровъ.

Общее число кооперативныхъ ячеекъ къ концу 1917 года должно быть не менѣе 55.000 съ общимъ количествомъ членовъ около 20 милліоновъ душъ. Принимая во вниманіе, что наша кооперація по своему составу болѣе, чѣмъ на три четверти, является сельской кооперацією, мы должны за каждымъ членомъ-домохозяиномъ считать въ среднемъ пять домочадцевъ. Если теперь фактическое участіе населенія сократить на 25% въ виду того, что нѣкоторые изъ домохозяевъ участвуютъ въ двухъ и болѣе кооперативныхъ ячейкахъ, то и тогда получимъ, что въ интересы кооперативнаго движенія втянуто въ настоящій моментъ около 75 милліоновъ душъ. Объемъ дѣйствія русской кооперації оказывается такимъ образомъ огромнымъ.

Подойдемъ къ тѣмъ же цифрамъ еще и съ другой стороны. Допустимъ, что каждая первичная кооперативная ячейка привлекаетъ въ свои правленія, совѣты, ревизіонныя комиссіи только 6 дѣльныхъ работниковъ (по два на каждое учрежденіе—очевидный minimum), а въ такомъ случаѣ мы увидимъ, что активное участіе въ кооперації должно принимать не менѣе трехсотъ тысячъ человѣкъ; добавимъ сюда еще армію кооперативныхъ дѣятелей различныхъ союзовъ, о которыхъ рѣчь у насъ ниже, и число сознательныхъ кооперативныхъ дѣятелей должно подняться до 350—400 тысячъ душъ. Если, далѣе, мы примемъ число наемныхъ служащихъ въ каждой кооперативной ячейкѣ равнымъ только двумъ (конторщикъ и приказчикъ), то и тогда окажется, что на службѣ у первичныхъ кооперативныхъ ячеекъ должно быть не менѣе ста тысячъ лицъ; къ этому, конечно, надо прибавить еще служащихъ въ союзахъ и рабочихъ на различныхъ производительныхъ предпріятіяхъ нашей кооперації,—и тогда и здѣсь мы насчитаемъ не менѣе 200 тысячъ душъ. Такимъ образомъ въ данный моментъ своей непосредственной дѣятельности, а часто и своимъ повседневнымъ заработкомъ съ русской кооперацією связано не менѣе полумилліона душъ населенія. Само собою разумѣется, что еще на большую сферу распространяется общее вліяніе кооперації. Допустимъ, что изъ 20 милліоновъ членовъ нашей кооперації, на всемъ просторѣ нашей русской земли посѣщаетъ кооперативныя собранія только одна десятая; допустимъ далѣе, что каждая кооперативная ячейка устраиваетъ ежегодно только два собранія—и въ такомъ случаѣ кооперативная аудиторія увидитъ въ своихъ стѣнахъ около 5 милліоновъ посѣщеній. Передъ этой цифрой, конечно, блѣднѣютъ по своимъ размѣрамъ посѣщенія различныхъ кооперативныхъ чтеній и лекцій, которыя разумѣется ежегодно собираютъ нѣсколько сотъ тысячъ душъ.

Прибавимъ теперь къ этому многочисленныя брошюры, листовки, плакаты, изреченія, отчеты, статьи въ общей прессѣ, которыя всѣ хоть мимоходомъ, хоть на минуту привлекаютъ вниманіе къ слову и дѣлу «кооперація»; прибавимъ сюда горячую борьбу и разностороннюю работу, которая кипитъ вокругъ продовольственнаго дѣла, столь тѣсно связаннаго и связываемаго съ кооперацією,—и мы съ увѣренностью можемъ сказать ,что въ истекшемъ году кооперативные вопросы привлекали серьезное вниманіе самыхъ широкихъ трудовыхъ массъ.

Вотъ что обозначаетъ цифра 55 тысячъ кооперативныхъ ячеекъ съ 20 милліонами членовъ, хотя бы въ громадномъ своемъ большинствѣ еще слабо и случайно связанныхъ съ кооперативнымъ движеніемъ.

Посмотримъ же, что же изъ этого общаго улова русской кооперації приходится именно на бурный 1917 годъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ слѣдующія цифры.

Къ 1 янв. 1917 г. было около 48.000 кооперативовъ съ 14 мил. членовъ.

Къ 1 янв. 1918 г.—55 тысячъ съ 20 мил. членовъ.

И такъ число кооперативовъ за истекшій годъ возросло на шесть-семь тысячъ, число членовъ на шесть милліоновъ душъ... Много это или мало? Отвѣтъ могутъ дать только сравнительныя данныя:

Къ 1905 г. считалось до 4000 кооперативовъ.

Къ 1 янв. 1914 г.—31.550.

Итого, выраженныя числа кооперативовъ за только-что указанный девятилѣтній періодъ выражаются въ 27 тысячъ ячеекъ, или не менѣе трехъ тысячъ кооперативовъ въ среднемъ въ годъ (возрастаніе числа членовъ за этотъ періодъ опредѣлить невозможно).

За періодъ войны число кооперативныхъ ячеекъ и членовъ измѣнилось въ общемъ слѣдующимъ образомъ:

Къ 1 янв. 1914 г.—31550 кооп. съ 10 милл. членовъ.

Къ 1 янв. 1917 г.—около 48.000 съ 14 милл. членовъ (приблизительно).

Итакъ, число кооперативовъ за 3 года этого періода увеличилось почти на 17 тысячъ, а число членовъ—на четыре милліона, иначе говоря, въ среднемъ число кооперативовъ за этотъ періодъ ежегодно возрастало не менѣе, какъ на пять тысячъ ячеекъ, а число членовъ ихъ — на $1^1/_3$ милліонъ душъ.

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что минувшій грозный годъ побилъ рекордъ какъ относительно числа кооперативныхъ ячеекъ, такъ и относительно числа членовъ. Ростъ невѣроятный, нигдѣ невиданный въ исторіи кооперативнаго движенія! Мы можемъ объяснить его только тѣмъ, что въ своей хотя бы и въ значительной степени замершей общинѣ и въ своихъ карликовыхъ, но безчисленныхъ артеляхъ русскій трудовой народъ вѣками удержалъ и сохранилъ многіе изъ тѣхъ идей и навыковъ, которые въ такой степени облегчили проникновеніе кооперативныхъ воззрѣній и пріемовъ въ его среду, когда для роста кооперативнаго движенія появились объективныя экономическія и политическія условія.

По видамъ 55 тысячъ русскихъ кооперативовъ въ 1917 году могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Львиная доля (болѣе на 25000 ячеекъ) приходится на потребительскую кооперацію,—главнымъ образомъ, сельскую; болѣе пятнадцати тысячъ на кредитные кооперативы (главнымъ образомъ кредитныя товарищества типа Райффайзена, т.-е., болѣе демократическія по своему строенію), около восьми тысячъ на сельско-хозяйственныя общества и товарищества, около трехъ тысячъ на маслодѣльныя артели и около тысячи на производительныя (особенно среди кустарей) и друг.

Наиболѣе могучими по своимъ денежнымъ рессурсамъ и по своимъ оборотамъ являются, конечно, потребительскія общества. Общая сумма ихъ по продажѣ въ минувшій годъ достигла колоссальной цифры въ пять милльярдовъ рублей. Пусть покупательная сила нашего рубля упала въ пять разъ, но и тогда продажа должна превышать милльярдъ рублей (въ рубляхъ до-военнаго времени), т. е. почти превышаетъ то, что достигнуто такой мощной кооперацiей, какъ потребительская кооперація въ Англіи. Конечно, въ указанной суммѣ значительную часть придется отнести на долю союзныхъ объединеній. Такъ, однимъ «центросоюзомъ» (бывшимъ «Московскимъ Союзомъ Потребительныхъ Обществъ») оборотъ за 1917 г. сдѣланъ болѣе, чѣмъ въ 200 милліоновъ рублей.

Что касается финансоваго размаха кредитной кооперацiи, то онъ выражается въ гораздо меньшихъ числахъ, чѣмъ для кооперацiи потребительной. Такъ (данныхъ за 1917 еще нѣтъ), судя по послѣднему отчетному году (1915) балансъ кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ не долженъ быть меньше 650—700 тысячъ рублей, т. е. значительно меньше, чѣмъ въ потребительныхъ обществахъ. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что въ потребительской кооперацiи капиталъ обертывается во много разъ быстрѣе, чѣмъ въ кредитной.

По сравненію съ потребительской и кредитной кооперацiями значеніе другихъ видовъ кооперацiй сильно отступаетъ на задній

планъ. Обращаетъ на себя вниманіе еще оборотъ маслодѣльныхъ товариществъ, главная масса которыхъ расположена въ Западной Сибири; здѣсь оборотъ ихъ въ 1917 году превысилъ 150 милліоновъ рублей.

Сельско-хозяйственные кооперативы въ общемъ слабо занимаются чисто хозяйственными операціями, да и центръ ихъ главной работы лежитъ въ другой области — распространенія сельскохозяйственныхъ знаній и кооперативныхъ идей.

Если уже ростъ кооперативныхъ ячеекъ и число ихъ членовъ заслуживаетъ вниманія, то еще въ большей стецени заслуживаетъ такого вниманія ростъ союзныхъ объединеній русской кооперації. Въ этомъ отношеніи только что пережитые годы войны и революціи представляютъ необычайную картину.

Къ концу прошлаго года «Совѣтъ Кооперативныхъ Съѣздовъ» выпустилъ «списокъ кооперативныхъ союзовъ, объединеній, комитетовъ». Списокъ этотъ является далеко не полнымъ, но и онъ насчитываетъ 612 союзовъ, объединеній и комитетовъ. Въ дѣйствительности число ихъ должно колебаться между 800—1000. Не останавливаясь на анализѣ состава этихъ союзовъ, среди которыхъ въ данный моментъ мы имѣемъ настоящихъ гигантовъ (достаточно упомянуть «Центросоюзъ», «Московскій—Народный Банкъ», «Центральное Т-во Льноводовъ», «Сибирскій Союзъ маслодѣльныхъ артелей», «Союзъ сибирскихъ кооперативныхъ союзовъ», или «Закупъ—Сбытъ», Вологодскій «Коммерческій Отдѣлъ», или «Союзъ кооперативовъ Сѣвернаго Края», «Петроградское Общество оптовыхъ закупокъ»).

Всѣ эти учрежденія, въ списокъ которыхъ входятъ сотни, часто тысячи отдѣльныхъ кооперативовъ, и которыя дѣлаютъ многомилліонные обороты ежегодно, почти исключительно создались въ годы войны и революціи.

Такъ въ 1912 г.	возникло	10	союзовъ
» 1913	»	11	»
» 1914	»	26	»
» 1915	»	68	»
» 1916	»	194	»
» 1917	(за 9 мѣс.)	113	»

Такъ распредѣляются свѣдѣнія о тѣхъ 442 союзахъ, о годѣ возникновенія которыхъ удалось получить точныя указанія. Въ дѣйствительности роль 1917 года въ союзныхъ строительствахъ далеко превосходитъ ту цифру, которая приведена выше. Не забудемъ, что это указаніе сдѣлано лишь за 9 мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ болѣе точныя свѣдѣнія о союзномъ строительствѣ отведутъ 1917 году также выдающееся положеніе въ рядѣ другихъ лѣтъ. Не забудемъ, что съ 1912 года союзное строительство встрѣчало непреодолимыя препятствія.

Такъ, всего только въ 1898 г. возникъ первый русскій союзъ—«Московскій Союзъ Потребительныхъ Обществъ», а съ 1898 по 1912 г. возникло всего 16 союзовъ. Почему же въ этомъ отношеніи выдѣляются годы войны и революціи? Экономическія предпосылки для образованія союзовъ, конечно, были даны давно. Въ самомъ дѣлѣ, кредитная кооперативная ячейка можетъ нормально работать только при одномъ условіи, что она тѣсно связана съ общимъ денежнымъ рынкомъ, такъ какъ только при такихъ условіяхъ она въ одни пе-

ріоды своего хозяйственнаго года не будетъ нести тяготы неустроенныхъ къ дѣлу укладовъ, за которые она должна уплачивать проценты, а въ другіе — изнывать отъ недостатка денегъ. Точно также и нормальный ходъ дѣятельности потребительской кооперацiи тѣсно связанъ съ союзными объединеніями, которыя только однѣ и способны противопоставить организованную силу оптовику. Въ значительной мѣрѣ то же можно повторить и относительно другихъ видовъ кооперацiи.

И такъ экономическія предпосылки для союзнаго строительства были на лицо. Но самое союзное строительство встрѣчало неодолимыя препятствія со стороны правительства, боявшагося всякаго народнаго движенія. Только война заставила правительство серьезно задуматься объ организацiи хозяйственныхъ силъ народа и сдѣлать рядъ уступокъ по отношенiю къ союзнымъ кооперативнымъ организацiямъ. Революцiонный годъ разбилъ политическіе путы народа, и открылъ возможность дальнѣйшаго свободнаго строительства кооперацiи. И въ настоящій моментъ, если о чемъ и можетъ быть рѣчь, такъ не о недостаткѣ союзныхъ организацій, а объ ихъ производствѣ. Надъ этимъ вопросомъ серьезно начинаетъ задумываться нашъ кооперативный міръ.

Но если кооперацiя, внѣ своей потребительской и кредитной формы, и не представляетъ большого размаха съ точки зрѣнiя оборота и финансовыхъ операцiй, то она является чрезвычайно любопытной по своему составу и по тѣмъ заданiямъ, которыя она себѣ ставитъ, особенно въ области организацiи сбыта. Здѣсь съ неудержимой силой выступаютъ,—и особенно за истекшій годъ,—одинъ промыселъ за другимъ. Вотъ передъ нами Важскій союзъ смолокуренныхъ артелей, устроившій болѣе 10 заводовъ по перегонкѣ и очисткѣ скипидара и установившій прочныя и непосредственныя связи изъ Архангельска съ Англiей. Вотъ лѣсорубочныя артели въ пяти сѣверныхъ губернiяхъ Европейской Россiи, смѣло бросившiяся въ 1917 году въ трудную и сложную организацiю сбыта лѣсныхъ продуктовъ. Вотъ ростовскіе (въ Ярославской губ.) трудовые кооперативы по сбыту и сушкѣ овощей, нашедшіе откликъ и подражаніе и въ другихъ частяхъ Россiи. Вотъ кооперативныя организацiи по сбыту икры, клюквы, брусники, кедровыхъ орѣховъ и т. д. Вотъ большое кооперативное движеніе въ области организацiи сбыта картофеля и его продуктовъ, которое стремится превратиться во всероссiйское объединеніе. Вотъ могучая организацiя льноводовъ, стремящаяся оказать опредѣленнсе давленіе на прогрессъ обработки льна въ тысячахъ товариществъ, раскиданныхъ по сѣверной половинѣ Европейской Россiи. Вотъ организованный кооперативный сбытъ кустарныхъ издѣлiй, который отдѣльными островками возникаетъ то въ той, то въ другой изъ центральныхъ губернiй.

Менѣе благопрiятнымъ истекшій 1917 годъ является по отношенiю къ двумъ главнѣйшимъ продуктамъ сбыта нашего сельскаго хозяина: маслу и хлѣбу. Что касается масла, то, несмотря на тяжелыя условiя транспорта и передачи продукта за границу, маслодѣльныя товарищества продолжали держаться крѣпко; однако, новые экономическіе моменты, особенно обусловленные войной, вызываютъ глубокiя измѣненiя въ структурѣ всего маслодѣльнаго мiра. Такъ, вологодскіе центры сильно обезпокоены новымъ теченiемъ среди маслодѣловъ разбиваться подъ вліянiемъ существующихъ цѣнъ на мелкiя артели. Въ результатѣ такой перестройки вся маслодѣльная коопе-

рація можетъ быть быстро надломлена подъ ожидаемымъ натискомъ капитала, который легко справится съ мелкими организаціями.

Что касается сбыта хлѣба, то прекращеніе заграничнаго экспорта и твердыя цѣны были неблагопріятны для развитія кооперації въ этой области. Истекшій годъ въ этомъ отношеніи передаетъ задачу кооперированія хлѣбнаго сбыта почти въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ онъ получилъ се отъ предыдущихъ лѣтъ. Однако, широкая постановка всякихъ посредническихъ операцій, а также пріобрѣтеніе многими кооперативными предпріятіями крупныхъ мельницъ, что особенно имѣло мѣсто въ 1917 г., косвеннымъ путемъ можетъ оказать большую помощь въ дѣлѣ предстоящаго для русскаго крестьянства кооперированія хлѣбнаго сбыта.

Намъ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ объ организаціи кооперативами производительныхъ предпріятій. Въ этомъ отношеніи истекшій годъ представляетъ опять-таки выдающійся интересъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова является поворотнымъ пунктомъ въ данномъ отношеніи, такъ какъ подавляющая часть всѣхъ производительныхъ предпріятій кооперації будетъ вести отнынѣ свое начало именно съ 1917 года. По анкетѣ, произведенной «Центросоюзомъ», крайне неполной не только потому, что отъ многихъ кооперативовъ не было получено отвѣта, но и потому, что ею не были затронуты производительныя предпріятія кустарныхъ кооперативовъ и производства, организуемыя кооперацією специально для своего кооперативнаго рынка, всего было зарегистрировано 461 кооперативное производство, большая часть которыхъ, какъ сказано, была открыта именно въ 1917 г. Изъ нихъ насчитывается мельницъ—78, пекаренъ—41, кузницъ—40, мыловаренныхъ заводовъ—26, производствъ обуви—27, кожевенныхъ заводовъ—25, маслобойныхъ заводовъ—25, заводовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ—19, кондитерскихъ фабрикъ—17, лѣсопильныхъ заводовъ—16, типографій—16, колбасныхъ производствъ—14, чугунно-литейныхъ заводовъ—7, табачныхъ фабрикъ—4, сахарныхъ заводовъ—2 и пр.

На этомъ кооперація, однако, остановиться не можетъ. Жизнь толкаетъ ее въ этомъ направленіи все дальше. Ею выдвигается вопросъ о созданіи, по крайнѣй мѣрѣ, рѣчного транспорта собственными силами и средствами. Мѣстами, не довѣряя правительственной почтѣ, она организуетъ свои дѣловыя почтовыя сношенія черезъ своихъ спеціальныхъ агентовъ.

На этомъ мы можемъ окончить наши очерки матеріальныхъ успѣховъ кооперації за 1917 годъ.

II

Перейдемъ теперь къ неторговой части дѣятельности русской кооперації.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ мы должны будемъ поставить ея политическія выступленія, представляющія огромный интересъ.

Какъ ни стремилось еще императорское правительство разъединить политику и кооперацію, оно не могло этого сдѣлать, и, передъ самымъ своимъ печальнымъ и безчестнымъ концомъ оно напрасно мечтало раздавить политическія тенденціи русской кооперації. Отдѣлить кооперацію отъ политики совершенно было невозможно уже по одному тому, что кооперація, какъ организація добровольная и демократическая, задыхалась въ тискахъ царскаго режима.

Вотъ почему первый свободный всероссійскій кооперативный съѣздъ, собранный въ мартѣ 1917 г. самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался за уклонъ въ сторону соціалистическаго міровоззрѣнія и за поддержку всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя своимъ развитіемъ должны будутъ расширить и укрѣпить завоеванныя свободы; и, дѣйствительно, кооперація, взятая въ цѣломъ, не переходя на сторону ни одной политической партіи, чрезвычайно много сдѣлала и своими изданіями, и своими лекторами, и своими средствами для того, чтобы помочь народу разобраться въ новомъ строѣ жизни. Особенно велика была ея помощь Совѣтамъ Крестьянскихъ Депутатовъ.

Это согласіе внутри кооперативной среды сохранилось вплоть до августа и было продемонстрировано единственнымъ присоединеніемъ всѣхъ представителей коопераціи къ деклараціи, обнародованной отъ имени демократіи товарищемъ Чхеидзе на Государственномъ Совѣщаніи въ Москвѣ.

Правда, уже на Государственномъ Совѣщаніи можно было предвидѣть, что кооперативному единодушію въ политическихъ вопросахъ грозитъ значительная опасность. По крайней мѣрѣ, на частныхъ совѣщаніяхъ отчетливо выдѣлилась правая часть, которая рѣзко нападала и на совѣты и протестовала противъ организованныхъ ими попытокъ оказывать давленіе на правительство.

Еще сильнѣе борьба внутри кооперацiи выразилась на Демократическомъ Совѣщаніи въ Петроградѣ, гдѣ кооперація заняла правый флангъ. Однако, и здѣсь въ концѣ концовъ извѣстный сговоръ былъ достигнутъ, и кооперація почти цѣликомъ голосовала за резолюцію Церетелли, предполагавшую организацію власти на основѣ декларацiи, принятой на Государственномъ Совѣщаніи. Однако, рабочая группа кооперацiи окончательно откололась отъ остальной кооперацiи и дѣйствовала совершенно самостоятельно.

Выборы въ Учредительное Собраніе послужили, было, новымъ поводомъ къ розыску внутри кооперативныхъ дѣятелей. Малочисленный всероссійскій кооперативный съѣздъ въ октябрѣ высказался за то, чтобы кооперація выставила свои самостоятельные списки въ Учредительное Собраніе. Но провалъ этого политически неосторожнаго шага оказался настолько разительнымъ, «кооперативные» списки встрѣтили такое непобѣдимое равнодушіе избирателя, что сами инiціаторы затѣи неохотно вспоминаютъ о ней и политическое единодушіе снова водворялось въ кооперативныхъ кругахъ.

Октябрьскій переворотъ большевиковъ, повидимому, опять-таки вызвалъ довольно однообразную оцѣнку въ мірѣ кооператоровъ. Насколько намъ удалось собрать свѣдѣнія, почти повсюду кооператоры относятся съ большимъ негодованіемъ къ политическимъ насиліямъ совѣтской власти и къ тому хищничеству, которое она поощряетъ или которому она, по крайней мѣрѣ, не препятствуетъ. Точно также почти единогласно русская кооперація заявила себя сторонницей созыва Учредительнаго Собранія.

Но кооперація приняла участіе въ политической жизни еще въ другомъ отношеніи. Новыя формы государственнаго устройства требовали и новыхъ людей,—не только преданныхъ демократическимъ идеаламъ но и способныхъ оріентироваться въ практическихъ вопросахъ. Откуда же могла бы получить русская жизнь такую интеллигенцію въ то время, когда царское правительство самымъ тщательнымъ образомъ очищало городскія, земскія и государственныя учрежденія отъ тѣхъ элементовъ, которые были дѣйствительно преданы демократическому

возрожденію родины. Такой практической школой для нашей интеллигенціи сколько-нибудь въ широкомъ масштабѣ могла, конечно, служить только наша кооперація. И, дѣйствительно, до момента большевистской контръ-революціи, унесшей почти всѣ завоеванія трудового народа—Учредительное Собраніе, всеобщее голосованіе, всѣ свободы, самоуправленіе,—до этого момента государственныя учрежденія широко использовали кооперативныхъ работниковъ на самыхъ разнообразныхъ амплуа: городскіе головы, предсѣдатели земскихъ управъ, министры и ихъ товарищи, завѣдующіе крупными отдѣлами, напр., по монополіи хлѣба и т. д.,—все это въ значительной мѣрѣ было выдвинуто кооперацiей.

Но это была несомнѣнная жертва со стороны кооперацiи, которая какъ для партій, такъ и для государства выдѣлила такъ щедро свои лучшія силы. Жертвой,—хотя столь же неизбѣжной,—было со стороны кооперацiи и усиленной работы въ области чистой политики. И то и другое крайне ослабляло кооперацію, и въ какое отвѣтственное для нея время!

И, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны она стояла передъ сложными задачами безтоварья, разрухи транспорта, недостатка денежныхъ знаковъ. Съ другой—въ ея открытыя двери ломилась нетерпѣливая, безсознательная толпа перепуганнаго перспективой голода обывателя. Чуждые всякому кооперативному пониманію, вели вездѣ,—и въ этихъ хвостахъ, и на прилавочкахъ у своихъ домовъ,—бѣшенную и злобную аттаку противъ той же кооперацiи, которая одна спасала ихъ изъ лапъ акулъ—спекулянтовъ.

Вмѣстѣ съ обывателемъ въ кооперативы началъ проникать и лавочникъ, и ростовщикъ изъ тѣхъ, что были помельче и что на время разрухи прикрыли свои дѣлишки. Вездѣ, гдѣ можно, эти «волки въ овечьей шкурѣ» проникаютъ въ правленія, революціонныя комиссіи, въ совѣты и дѣлаютъ попытки взорвать кооперативныя учрежденія извнутри. Этотъ натискъ кооперація чувствовала неизмѣнно въ теченіи всего года, и мѣстами эта травля кооперацiи переходила въ погромы кооперативныхъ учрежденій, въ убійства кооперативныхъ дѣятелей.

Но этимъ еще не исчерпывается натискъ на кооперацію. Торговцы въ теченіе года все больше и больше начинаютъ складываться въ союзы защиты мелкой торговли. Они хорошо усвоили уроки и методы кооперацiи...

Передъ грозной опасностью, которую для нихъ представляетъ кооперативное движеніе, они стремятся использовать эти методы, но въ своихъ узкихъ интересахъ... Но въ свободномъ государствѣ такія объединенія, конечно,—право каждаго, и никто въ кооперативномъ мірѣ за ограниченія этого права не выскажется. Скверно только то, что это движеніе не ограничивается правомъ союзовъ, оно очень часто стремится прикрыть свои капиталистическія организацiи кооперативной оболочкой. Въ этомъ отношеніи оно широко стремится использовать новыя законодательныя новеллы, выпущенныя Временнымъ Правительствомъ о кооперацiи.

Въ общемъ этотъ кооперативный законъ выношенъ самой русской кооперативной средой. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ подвергался всестороннему разсмотрѣнію на съѣздахъ и совѣщаніяхъ, многократно освѣщался печатью, извлекъ необходимыя знанія и усилія со стороны спеціалистовъ-юристовъ. Въ общемъ, это самый прогрессивный кооперативный законъ, какой только извѣстенъ міру. Конечно, онъ

никогда не могъ пройти черезъ кавдинскія ущелья Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Только революція открыла ему свободный доступъ къ жизни. На дѣлѣ право творчества во всякой новой области является настолько сложнымъ и многообразнымъ, что всегда являются извѣстные недосмотры, которые пополняются послѣдующими законодательными актами и повседневной практикой. Одинъ изъ такихъ недостатковъ даннаго закона представляетъ слишкомъ общее опредѣленіе кооперации, которое дано въ немъ и которымъ въ томъ же 1917 г. широко всспользовались многіе лжекооперативы. Явленіе это, конечно, не ускользнуло отъ вниманія кооперативнаго міра, и онъ черезъ свои союзы намѣтилъ планъ дѣйствій для очищенія кооперации отъ этихъ чужеродныхъ организацій.

А впереди передъ кооперацією развертывались новыя затрудненія, ставились новыя загадки. Какъ практическій дѣятель, кооператоръ хорошо предвидѣлъ, что съ демобилизаціей арміи, деревни наполнятся пахарями, которые захотятъ возстановить свои хозяйства. Въ періодъ военнаго времени подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на продукты питанія, прекращенія продажи вина, сравнительно недурно оплачиваемыхъ реквизицій скота и нѣкотораго сокращенія хозяйственнаго размаха, крестьянинъ понесъ въ большомъ количествѣ свои пятишницы и десятки въ кредитные кооперативы. Временами приливъ вкладовъ былъ такъ значителенъ, что кооперативныя ячейки становились въ затруднительное положеніе передъ избыткомъ средствъ. Но въ общемъ эти избытки пошли на организацію производительныхъ предпріятій, устраиваемыхъ главнымъ образомъ кооперативными союзами, и на кредитованіе потребительской кооперации. Надо замѣтить, что эта послѣдняя у насъ оборудована крайне слабо своими собственными капиталами и работаетъ главнымъ образомъ на чужой капиталъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ, если изъ потребительской кооперации сразу будутъ вынуты большія суммы, то она должна будетъ затрещать по всѣмъ швамъ. И кооперація въ теченіе всего года была сильно занята вопросомъ объ укрѣпленіи своего финансоваго фундамента. Дѣло это само по себѣ трудное, а тутъ еще съ преступнымъ легкомысліемъ большевистскіе политики приступили къ своимъ нелѣпымъ соціальнымъ опытамъ. Установлена національзація банковъ въ совершенно невѣроятномъ видѣ и порядкѣ и больно, хотя, пока временно, задѣла кооперативную работу, захватомъ (потомъ отмѣненный) Московскаго Народнаго Банка, представляющаго собой настоящій фундаментъ кооперативныхъ русскихъ финансовъ. Къ самому концу истекшаго года появилась новая темная точка на горизонтѣ — слухи о походѣ совѣтской власти на потребительскую кооперацію, а вскорѣ былъ выдвинутъ и безсмысленный проектъ комиссара Шлихтера о потребительскихъ коммуннахъ. Проектъ оказался въ общемъ настолько нелѣпымъ, что въ началѣ настоящаго года онъ легко былъ смытъ кооперативной волной.

Наконецъ, кооперація не могла упускать изъ виду и того, что къ концу войны дѣятельно готовятся заграничные капиталисты съ тѣмъ, чтобы захватить русскую промышленность, русскій рынокъ, русскія природныя богатства. Еще за первую половину 1917 г. было образовано съ этой цѣлью 600 акціонерныхъ иностранныхъ обществъ съ капиталомъ въ 600 милліоновъ рублей. Но это еще—первыя ласточки. Условія, «похабнаго» мира, заключеннаго большевистскимъ

правительствомъ, открываютъ въ этомъ отношеніи широко двери германскому капиталу.

Все это должна учесть кооперація, все должна предусмотрѣть, все преодолѣть... Какими же средствами для этого она располагаетъ?

Средства и возможности у нея для этого единственныя: поднять сознательность народныхъ массъ и вызвать ихъ самодѣятельность, И никогда русская кооперація не набрасывалась съ такою жадностью на культурно-просвѣтительную дѣятельность и кооперативное воспитаніе народа. Никогда и нигдѣ міровая кооперація не видала такихъ ассигнованій со стороны кооперації на просвѣтительныя цѣли, какъ въ заключительныхъ итогахъ только что минувшаго года. Эти ассигнованія уже не удовлетворяются десятками тысячъ, онѣ часто выражаются сотнями тысячъ рублей, а иногда переваливаютъ и милліонъ... Кооперативные курсы и школы—вотъ главная задача просвѣтительныхъ стремленій кооперації, а затѣмъ организація издательства на кооперативныя задачи. Съ цѣлью объединить и углубить свою неторговую дѣятельность, русская кооперація соорганизовала въ 1917 г. всероссійскій центръ — «Всероссійскій Совѣтъ Кооперативныхъ Съѣздовъ», который въ рядѣ своихъ отдѣловъ и развертываетъ изслѣдовательную, учебную и издательскую дѣятельность. При общей разрухѣ, которой особенно подверглось наше просвѣщеніе, эта сторона дѣятельности русской кооперації заслуживаетъ особаго вниманія и благодарности.

Изъ года революціи кооперація выходитъ количественно возросшей и качественно возмужавшей. Въ стоящей передъ нашей родиной сложной задачѣ хозяйственнаго возрожденія, возсозданія безумно растраченныхъ производительныхъ силъ кооперації принадлежитъ одна изъ отвѣтственныхъ ролей. Но чтобы она ее выполнила,—необходимо скорѣйшее возвращеніе страны къ нормальному строю демократической государственности и гражданственности.

А. Николаевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ Редакціи	3
А. Бахъ. Революція и Соціализмъ	5
Д. Розенблюмъ. Противорѣчія русской революціи	17
А. А. Мининъ. Духъ разрушенія въ русской революціи. (Соціально-психологическій этюдъ)	27
Георгій Покровскій. Очеркъ исторіи Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ	40
Викторъ Черновъ. «Совѣты» въ нашей революціи	47
Маркъ Вишнякъ. Организація власти въ ходѣ русской революціи. (Политическій обзоръ)	67
Г. Сандомирскій. Внѣшняя политика Россіи въ годъ революціи	85
О. С. Миноръ. Національный вопросъ въ 1917—18 гг.	94
Н. В. Святицкій. Итоги выборовъ во Всероссійское Учредительное Собраніе. (Предисловіе)	104
В. Рудневъ. Земское и городское Самоуправленіе въ 1917 году	120
П. Фабричный. Печать	150
Б. Черненкова. Земельный вопросъ въ первый годъ революціи	158
Ф. А. Даниловъ. Финансовые итоги года революціи	168
Д. Розенблюмъ. Революція и рабочее движеніе	179
В. Сахаровъ. Продовольствіе	192
Н. Д. Кондратьевъ. Годъ революціи съ экономической точки зрѣнія.	206
А. Николаевъ. Революція и кооперативное движеніе	223

Цѣна 8 рублей

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“
ПАРТІИ СОЦІАЛ.-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Е. К. Брешко-Брешковской, О. С. Минора и В. В. Руднева.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, домъ № 16.

МОСКВА—1918

КОПИРОВАНИЕ

05.05.04